Люди молчаливого подвига

Бессмертие

Очерки о разведчиках

Люди молчаливого подвига

Ян Берзин
Рихард Зорге
Ходзуми Одзаки
Ётоку Мияги
Бранко Вукелич
Макс и Анна Клаузены
Владимир Заимов
Шандор Радо
Ильзе Штёбе
Юзеф Собесяк
Иван Дмитришин
Фарид Фазлиахметов
Антон Бринский
Николай Сухов и его друзья
Кузьма Гнедаш и Клара Давидюк
Лев Маневич
Иван Винаров

Люди молчаливого подвига

Книга 1

Москва
Издательство
политической
литературы
1987

ББК 63.3(2)7
Б53

Составитель *И. Василевич*

Б $\frac{0505030202-193}{079(02)-87}$ 146—87

К читателям

В год 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне было выпущено первое издание сборника «Люди молчаливого подвига», в котором помещены очерки о боевой деятельности советских военных разведчиков, партизан, подпольщиков и антифашистов-интернационалистов ряда стран в довоенное время, а также в годы Великой Отечественной войны. В 1980 году появилось второе издание этой книги. Накануне 40-летнего юбилея Великой Победы был опубликован сборник «Верность долгу», являющийся логическим продолжением предыдущего сборника. Обе книги вызвали большой интерес среди широких кругов советских и зарубежных читателей, особенно у молодежи, желающей больше узнать о героической борьбе смельчаков, действовавших на невидимом фронте. Чтобы в какой-то мере удовлетворить читательские запросы, эти сборники переиздаются под общим названием «Люди молчаливого подвига». В них внесены исправления, устранено повторение одних и тех же событий и фактов в нескольких очерках. Они дополнены рядом новых материалов.

Персонажи очерков — реальные, но фамилии некоторых лиц авторы сочли нужным изменить. Жизнь и деятельность героев воссозданы на основе документальных источников, воспоминаний, которыми щед-

ро делились участники событий, их соратники по борьбе, родные и знакомые. Кое-кто любезно предоставил личные и семейные архивы. Авторы выражают им искреннюю благодарность за помощь.

Первая книга открывается вступительной статьей Маршала Советского Союза А. М. Василевского, вторая — статьей Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна. Обе статьи были написаны ими для первого издания этих сборников.

Замечательный пример для молодежи

За время службы в Советских Вооруженных Силах, особенно в годы минувшей войны, явившейся тягчайшим испытанием нашей стойкости и нашего духа, мне довелось видеть множество героев и множество подвигов. Роты и батальоны пехотинцев смело вступали в единоборство с полками и дивизиями противника — и побеждали. Храбрые советские соколы не боялись двойного, тройного вражеского превосходства в воздухе — и наводили панику на отборных гитлеровских асов. Неувядаемой славой покрыли себя моряки-гвардейцы, танкисты-гвардейцы, знаменитые «катюшинцы»...

Но и у меня лично, и у героев всех родов войск, достойных самой высокой похвалы, глубочайшее уважение вызывали и вызывают подвиги наших славных разведчиков. Революционная мобилизованность во всем и всегда, идейная убежденность, сыновняя преданность народу и партии, профессиональное искусство, готовность ничего не пожалеть во имя выполнения боевого задания — ни крови, ни жизни — таковы главнейшие черты характера разведчика. И это, как понимает читатель, не случайные черты,— они проистекают из характера советского народа, народа-победителя, народа-созидателя.

Вот почему я с радостью воспринял книгу очерков «Люди молчаливого подвига», подготовленную Политиздатом. Эта книга явится закономерной и волнующей строкой в общей песне о непревзойденном мужестве, о величайшей самоотверженности тех, кто шел впереди наступающих войск, кто был на острие и полководческого замысла и карающего удара.

В сборнике несколько очерков, посвященных фронтовым и партизанским разведчикам; здесь мы встречаемся и с известным Антоном Бринским, Героем Советского Союза, и с Николаем Суховым, о котором рассказано увлекательно и тепло, и Кузьмой Гнедашем, Героем Советского Союза, и Иваном Дмитришиным. Разные были у них до войны профессии, разный возраст и образование, но испытание словно бы объединило их, высветлив все, что зовется мужеством и доблестью, что зовет на подвиг и делает возможным его свершение. Вероятно, в том или другом отдельно взятом очерке можно отыскать и какие-то слабости, погрешности,— в целом же они создают коллектив-

ный портрет разведчиков — правдивый, запоминающийся, яркий.

Меня, старого солдата, много повидавшего и много испытавшего, необычайно тронула судьба одного из войсковых разведчиков, без которых — это мое искреннее убеждение! — не достичь успеха, не овладеть по-настоящему положением на поле боя. Я имею в виду младшего лейтенанта Фарида Фазлиахметова, которому посвящен один из очерков. Очень часто говорят: солдатами не рождаются. Но ведь и разведчиками не рождаются. Ими, как и солдатами, становятся.

Если бы не война, не вероломное нападение Гитлера на нашу страну,— окончил бы Фазлиахметов Московский авиационный институт имени С. Орджоникидзе, строил бы самолеты, трудился в цехе. А в час тревоги ушел он с 3-го курса на фронт, выбрал профессию самую суровую, самую рискованную. К моменту последней разведоперации — уже на территории Восточной Пруссии — Фарид успел семь раз побывать в тылу врага, трижды был ранен. Опытный, по-боевому увлеченный делом, которое ему поручили, преданный этому делу, разведчик думал только об одном: его сведения нужны командованию не меньше, чем снаряды,— значит, ничто не может и не должно помешать ему собрать и передать их.

Да и могло ли быть иначе?!

Поставьте себя, читатель, на место командующего, получившего ценнейшие данные о противнике, добытые там, за линией фронта. Район, интересующий командующего, далек, очень далек — туда не съездишь на рекогносцировку, не рассмотришь в бинокль. А сведения разведчиков, возглавляемых младшим лейтенантом Фазлиахметовым, как бы оживили карту, приблизили ее настолько, что все видишь и все представляешь. Вот они, эти прусские деревни-крепости; слева тянутся болота, непроходимые ни для человека, ни для машины. Справа, параллельно автостраде, появились многокилометровые линии окопов вперемежку с дзотами. Дзоты идут и вдоль германо-польской границы — через каждые 100—150 метров. Около города, который предстоит взять, тоже укрепления. А тебе, командующему, не до любования картой, твоим войскам нужно пробиваться в том направлении! Вот почему ты безмерно благодарен отчаянным ребятам, которые обосновались в самом логове противника и стали твоими всевидящими глазами, всеслышащими ушами. Они пришли туда первыми...

Я читаю эти строки о разведчике и хорошо понимаю, почему Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, уделявший огромное внимание изучению противника, в ночь под новый, 1945 год собственноручно написал своим разведчикам празд-

ничное поздравление, сердечно поблагодарил их за верную и успешную службу и пожелал еще бо́льших успехов.

Могу засвидетельствовать: так поступали многие, очень многие командиры и начальники, понимавшие, что без тщательной и всесторонней предварительной разведки не победить врага, не выполнить сполна боевой задачи! Разумеется, сражения выигрывают не разведчики, а народ, армия. Но разведчик, как показывает опыт, не последний, а первый боец в цепи воюющих, наступающих. Выдвинувшись далеко вперед атакующего вала, он, разведчик, помогает не автоматом, он помогает прежде всего быстрым и глубоким умом, острым, наметанным глазом, способностью мгновенно осмыслить совершенно неожиданную информацию, проникнуть в замысел противника, предвосхитить его шаги.

Притягательность сборника «Люди молчаливого подвига» еще и в том, что он позволяет как бы заново познакомиться с героями, уже знакомыми, о которых немало читал и слышал. Авторы обогатили повествование фактическим материалом, неизвестным многим. Они дополнили дорогие всем нам образы штрихами очень важными, очень нужными, без которых не было бы полного представления об этих людях, обретших бессмертие.

Вчитайтесь в биографию знаменитого Владимира Заимова, Героя Советского Союза, совершившего подвиг прекрасный и величественный. Эта красота его жизни, несгибаемость его характера, беззаветная верность интернациональному долгу словно бы обогатят вас лично, приумножат в душе то светлое, горячее, боевое, без чего нет настоящего борца. Пройдите медленно и бережно по дорогам, по которым шли когда-то Ходзуми Одзаки, Ётоку Мияги, Бранко Вукелич, Макс и Анна Клаузены — ближайшие друзья и помощники легендарного Зорге, и вы почувствуете, что стали внутренне богаче, что у вас, рядом с вами, появились люди родные, близкие по духу, по цели, по революционной устремленности. Презирая опасность, мобилизовав всю свою волю, все знания, они добровольно и смело отдали себя без остатка труднейшему, изнурительному делу, приближавшему нашу общую Победу над Гитлером, над фашизмом. И, заметьте, не ожидая каких-либо вознаграждений, каких-либо чинов и славы. Рассказы о них, этих героях-интернационалистах, не имеют и не могут иметь ничего общего со шпионской макулатурой, наводняющей книжные рынки Запада.

В этом отношении представляет интерес заявление американского генерала Уиллоуби, изучавшего документы судебного процесса над Рихардом Зорге: «Все члены группы Зорге, как

это ни покажется необычным, работали ради идеи, ради общего дела, а не ради денег. Те средства, которые они получали из Центра (по нашим понятиям, весьма скромные), шли на оплату конспиративных квартир и переезды».

И еще не могу не остановиться на одном очерке. Вернее, на встрече с человеком, которого мы, люди старшего поколения, глубоко уважали, чьей доблестью, мудростью и революционным кипением восхищались. Я говорю о замечательном коммунисте и командире Яне Карловиче Берзине, долгие годы возглавлявшем нашу военную разведку. О нем мало написано, до обидного мало. Очерк писателя Овидия Горчакова, которым открывается книга,— одна из первых попыток воссоздать полнокровный образ революционера и патриота Я. К. Берзина. Прикоснувшись к документам и воспоминаниям, характеризующим выдающегося разведчика, автор, к счастью, удержался от соблазна построить свой рассказ как сплошную сенсацию, нагромоздить один острый сюжетный поворот на другой. Овидий Горчаков стремился в первую очередь показать истоки высочайшего мужества, идейной крепости, обостренной партийной ответственности за все, что делаешь, то есть качеств, без которых нет командира, нет бойца самой передней, грозовой линии.

К Великому Октябрю семнадцатого года Петерис Кюзис (настоящее имя Яна Карловича) имел три ранения, три ареста, страшный приговор — смертная казнь, замененный по малолетству «государственного преступника» тюрьмой, и еще один приговор — вечная сибирская ссылка. Там, в Сибири, и рождается Ян Карлович Берзин — это имя было поставлено в документах, которыми ссыльные большевики снабдили Петериса Кюзиса. Вскоре после Октября 1917 года он становится командиром стрелкового подразделения, охраняет революцию.

Став в марте 1924 года начальником Разведупра РККА, Берзин требовал от себя и от всех, кто трудился с ним вместе, умения по-ленински, руководствуясь ленинскими заветами, нести каждодневную службу на острейшем участке обороны страны. Сохранились записки-раздумья Берзина о задачах разведчиков, о правилах их поведения. Разведке требуются не просто отчаянные смельчаки, а люди незаурядные, выдающегося ума, с фантазией и воображением, умеющие самостоятельно и быстро ориентироваться в самой сложной обстановке, мгновенно принимать точные и единственно верные решения в самом тяжелом поединке, в безвыходном, казалось бы, положении.

Раздумываешь над очерком о Яне Берзине, и в душе сами собой рождаются слова, с которыми хочется обратиться к чита-

телям, особенно молодым. В биографиях героев-разведчиков, храбрых сынов Советской Армии, в их подвигах — ярчайший, замечательный пример для вас. Старайтесь в их беззаветном служении Родине, в их железной самодисциплине, в их духовной стойкости черпать для себя силы и вдохновение.

Ведь новые подвиги, новые имена героев вырастают на благотворном фундаменте преемственности поколений, в любовном наследовании боевых традиций, в горячем стремлении человека приумножить эти традиции, эту великую и немеркнущую славу.

Верится, что книга «Люди молчаливого подвига» принесет несомненную пользу в коммунистическом воспитании молодежи, в закалке воли и шлифовке характеров патриотов и бойцов.

Это тем более важно, что Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза постоянно требует от партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, политорганов армии и флота воспитания всех советских людей, и прежде всего молодежи, на героических революционных, боевых и трудовых традициях Коммунистической партии и советского народа, в духе социалистического патриотизма и интернационализма, высокой бдительности и постоянной готовности к защите Родины.

Дважды Герой Советского Союза
Маршал Советского Союза
А. М. ВАСИЛЕВСКИЙ

Профессиональный революционер,
отважный подпольщик,
участник гражданской войны
Ян Карлович Берзин с 1924 года
возглавлял Разведуправление РККА;
в 1936—1937 годах был главным
военным советником испанской
республиканской армии.
«Преданный большевик-боец,
на редкость скромный,
глубоко уважаемый и любимый всеми,
кто с ним соприкасался
по работе...» —
так отзывался о Берзине
нарком обороны К. Е. Ворошилов.

О. Горчаков

Страницы большой жизни

Ян Берзин

1. «Царь испугался, издал манифест...»

Октябрьским кумачом алеют леса Латвии. Слетает багряный лист в садах и тихих улочках городка Кулдига. Порывы ветра с Балтики сдувают палую листву с крыльца старинной кирхи. А на главной улице городка — необычный шум. Льются волнующие звуки «Марсельезы». В первых рядах демонстрантов ученики Прибалтийской учительской семинарии, рабочие мастерских...

Кто-то из любимчиков и доносчиков директора семинарии, грозного господина Страховича, поднимает над бурлящей колонной трехцветный стяг — знамя Российской империи. Но десятки рук, сильных и цепких, тянутся к знамени, срывают его с древка, швыряют под ноги, на булыжник, на летящие пожухлые листья.

И Петер Кюзис, первый в семинарии вожак и заводила, вздымает над колонной красный флаг революции. Он вспыхивает огнем и горит в лучах октябрьского солнца, и бодрее трубят трубачи духового оркестра.

Полиции не видно. «Фараоны» попрятались. Не видно и Страховича и его держиморд-учителей. Царский манифест от 17 октября, вырванный у самодержца всероссийского, помазанника божьего угрозой революции, поверг их в страх и уныние. Собравшись в семинарии, они сперва отмалчивались, словно набрав в рот воды, потом его превосходительство господин Страхович уговорил тучного бородача протоиерея «разъяснить» государев манифест семинаристам в актовом зале. Петер Кюзис и его товарищи освистали батюшку, раскидали хоругви и портреты царствующей фамилии, высыпали гурьбой на улицу.

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног...

Петер поет вместе со всеми. Высоко над головой развевается алый флаг. Страстно бьется в груди сердце. Ветер шевелит темные с каштановым отливом волосы, пылают голубые, как озера Латвии, глаза...

Другие глаза — тоже голубые, но мутные, бегающие, глаза агента охранки примечают все вокруг. Шпики и филеры неотступно следят за демонстрантами. Тэк-с! Опять эти смутьяны

из семинарии! Опять этот Кюзис! Мало, выходит, ему всыпали в прошлом году за чтение и распространение крамольной литературы!..

В старинном баронском замке близ городка — штаб блюстителей порядка. Лихорадочно составляются списки «врагов царя и отечества». В замке укрылись не только жандармы и полицейские, но и Страхович со своими прихлебателями.

— Кюзис! — гневается он, в бешенстве потрясая кулаками.— Опять этот Кюзис! В самый черный список его!..

Жандармский офицер просматривает дело семинариста третьего, выпускного курса Прибалтийской учительской семинарии.

Родился 25 ноября 1889 года на хуторе Клигене Яунпилсской волости Рижского уезда... Дед, отец и мать — голь перекатная, безземельные крестьяне-латыши, холопы баронов, богатых усадьбовладельцев, батраки. Путь для таких, как этот Петер Кюзис, в гимназию, реальное училище закрыт. С превеликим трудом попал он в учительскую семинарию, готовившую учителей для начальных сельских школ. А вскоре его захватили революционные идеи. Осенью 1904 года Петер подговорил друзей-семинаристов пойти наперекор директору семинарии, выдвинул целую программу: отказ от занятий у непопулярных педагогов, удаление наиболее рьяных монархистов учителей. Попечитель округа пришел в ужас. Он прислал в Кулдигу директора народных училищ. Тот, посоветовавшись со Страховичем, одним росчерком пера исключил из семинарии около двадцати «смутьянов», но оба они проглядели тогда юного Кюзиса. Петер, видно, уже научился конспирации и отделался лишь тем, что попал в список неблагонадежных. Идет время. Кюзис играет заметную роль в ученическом кружке, связанном с Латышской социал-демократической рабочей партией. В кружке читают запрещенную подпольную литературу вроде «Искры», собирают тайные сходки.

Жандарм продолжает читать дело семинариста Кюзиса. По донесениям агентов, весной 1905 года Петер Кюзис ездил к своим родителям на пасхальные каникулы. Родители работают батраками в Яунпилсском пасторате Лифляндской губернии. В семье — бунтарский дух. Есть подозрение, что старший брат Петера, Ян Кюзис, работающий столяром у подрядчика, является членом социал-демократического кружка из мастеровых. Полиция произвела внезапный обыск в доме Кюзисов, но ничего не обнаружила. А в троицын день в церкви были разбросаны прокламации, бунтари-богохульники прервали богослужение и в божьем храме устроили кощунственный митинг, выкрикивая: «Долой самодержавие!», «Долой помещиков!»

Так, впрочем, было почти во всей Лифляндии, Курляндии, да и в Центральной России тоже. Царский указ о призыве новобранцев и ратников в армию в связи с тяжелыми поражениями царской армии и флота на Дальнем Востоке подлил масла в огонь. Запылали помещичьи усадьбы, дворцы баронов. Начались крестьянские волнения. Царское правительство прислало казаков. Баронов срочно произвели в «почетные приставы», предоставив им полную полицейскую власть над холопами. Не участвовал ли Петер Кюзис в вооруженном ночном нападении большого отряда бунтовщиков — их было не меньше пятидесяти — на казаков под Яунпилсом?

Октябрьский ветер охапками швыряет красные листья на головы и плечи демонстрантов. Гремит над старинной Кулдигой вечно юная, никогда не стареющая «Марсельеза». Полной грудью дышит Петер Кюзис. Ему кажется, что революция уже свершилась. Ни он, ни его товарищи не могут знать, какой долгий, трудный путь лежит впереди.

* * *

В ту же зиму зажглись в Курляндской и Лифляндской губерниях, как и во многих других губерниях Российской империи, костры повстанцев.

В конце октября власти закрыли семинарию в Кулдиге. Петер Кюзис вернулся домой в Яунпилс. По дороге заехал к брату в Ригу, взял у него сверток с подпольной литературой. Усатый, мужественный Ян был на семь лет старше Петера. Он уже несколько лет тесно связан с революционерами.

Ян подробно рассказал младшему брату о положении в социал-демократической партии, о событиях в Риге и во всем крае. Вскоре после Кровавого воскресенья в Петербурге 9 января 1905 года в Риге состоялся Кровавый четверг. 13 января на улицы вышли десятки тысяч рабочих. Они требовали свержения царя, демократических прав и свобод. У железнодорожного моста царские войска и полиция устроили массовый расстрел. Кровь сотен людей залила булыжник. Палачи убили семьдесят демонстрантов, в том числе больше тридцати членов ЛСДРП — они шли, как всегда, впереди с красными знаменами. В Риге вспыхнула всеобщая забастовка протеста, громовым эхом прокатились по всему краю экономические стачки и демонстрации. К революции потянулось обездоленное батрачество. В канун обнародования царского манифеста народ захватил власть почти повсеместно... На борьбу поднимался весь мир рабочих и рабов!

...Петера радостно встретили родители, друзья.

— А у нас свергли волостное правление! — наперебой

рассказывали ему.— Видишь, всюду красные флаги. Подобно местным Советам в центральных губерниях России, здесь организовали распорядительный комитет из надежных людей, бедняков. Революция! Петер, ты нам нужен! Надо отобрать землю у баронов и помещиков!

— В Риге я видел много воинских частей, казаков,— нахмурившись, сказал Петер.— Надо быть готовым ко всему... Царь без боя не сдастся.

— Понимаем! Для этого мы разоружили и разогнали урядников и полицейских, сколотили свою собственную народную милицию! Иди к нам милиционером! Тебя ведь не придется учить стрелять!

Петера, этого пятнадцатилетнего рослого, решительного паренька, уже знали как смелого бойца. Когда устроили ночную засаду на казаков в лесу, он действовал отважно, хладнокровно. Нагнали тогда страху на казаков, а ведь в отряде дружинников было всего шестнадцать бойцов, вооруженных дробовиками и револьверами, собранными с бору по сосенке.

Петер Кюзис уже тогда понял, как важна перед боем разведка, как необходимо наперед знать намерения врага и его силы. Ведь это помещичья прислуга, ненавидевшая своих хозяев-угнетателей, сообщила дружинникам о карательном рейде казачьего отряда. А он, Петер, разработал соответствующий план действий. Это была первая в жизни Кюзиса разведка...

Петер Кюзис вступил и в милицию, и в партийный кружок «Скригулис». Уже тогда он понимал, что если боевая дружина может дать ему винтовку, то только партия снабдит его верным прицелом.

— Долой царя! Свободу народу! — факелами вспыхивали над возбужденной толпой бедняков страстные слова.

Как-то ночью небольшой отряд милиции совершил дерзкий налет на баронский замок — оплот контрреволюции, но был вынужден отступить — казаки. Видимо, нападения ожидали и встретили милицию губительным огнем. Это было новым уроком для Петера Кюзиса. О враге надо знать как можно больше, но враг о тебе должен знать как можно меньше...

Если семинарист Петер Кюзис был по успеваемости одним из лучших учеников, то дружинник, милиционер, боевик Петер Кюзис был душой своего отряда. Смолоду отличала его способность учиться на ошибках, анализировать оплаченный кровью опыт. А опыт этот он черпал из самого активного участия в народной борьбе против самодержавия.

На всю жизнь врезался в память Петера Кюзиса тот январский день 1906 года. 12 января в его родной Яунпилс ворвался карательный отряд. Командовал отрядом известный палач рот-

мистр Незнамов. Полилась народная кровь. Повальные обыски, аресты, экзекуции... По черным спискам, составленным «почетными приставами» — баронами и охранкой, каратели выжигали целые хутора.

Ускоренным курсом проходил Петер Кюзис науку классовой ненависти. Ему самому едва удалось ускакать в лес. Спаслись и некоторые дружинники-милиционеры. Они стали партизанами, или, как их называли в Латвии, «лесными братьями». Действовали отряды под руководством социал-демократов.

В заснеженном суровом лесу пришлось пройти Петеру Кюзису курс стойкости, выносливости, выдержки. Рано вдохнул он горький запах партизанского костра, узнал холод и голод. После очередного налета на помещичью усадьбу или жандармский участок зарывались в снег, путали следы, ночевали в сенных сараях, в баньке лесного хутора. «Лесные братья»... Да, партизанская жизнь в лесу учила братству, взаимной выручке... Петер Кюзис твердо усвоил, что партизан, разведчик может побеждать лишь при широкой народной поддержке, при помощи братьев по классу. На стороне революции стояла передовая часть народа: рабочие Риги, бедняки, середняки...

Поздним вечером за оконцем, освещенным изнутри огоньком лучины, заскрипел снег, кто-то тихо постучал в дверь.

Старый Ян переглянулся с женой. Та медленно поднялась со скамейки, прижала руки к груди и прошептала еле слышно:

— Это Петерис!

Сердце матери не ошиблось. Вместе с облаком пара в натопленную избу вошел Петер. Он повзрослел, вытянулся, суровое лицо почернело. За плечом — винтовка. Молча обнял он мать и отца. Только теперь дала мать волю слезам. Сестры — Паулина и Кристина — прятали за улыбками слезы.

...Драгуны ворвались в полночь. Их явно подослал предатель — выследил, донес. Солдаты — от них разило перегаром — перерыли весь дом в поисках оружия, но винтовку с патронами не нашли: Петер надежно упрятал трехлинейку в печь.

— Где оружие? — рычали каратели.— У, волчонок, бандитское отродье!..

Они избивали подростка, повалив, пинали сапогами, а он, стиснув зубы, молчал, думал о неизвестном предателе, и все внутри у него горело от обиды, злости и жажды мщения.

И этот горький урок пригодился в жизни Кюзису.

Едва дав Петеру одеться, драгуны связали его, бросили в сани, увезли в морозную темную ночь. Взвизгнув, заскрипели массивные ворота баронского замка. Повели его, само собой, не в гости к барону — швырнули в подвал, на ледяной каменный

пол. Этот подвал был первой тюрьмой юного революционера. В темных углах под низкими сводами копошились, стонали какие-то люди. Здесь томились арестованные карателями бунтовщики — бывшие милиционеры, агитаторы, члены Распорядительного комитета.

Не успел Петер забыться тяжелым сном, как с лязгом громыхнула, разбудив его, железная дверь, и кто-то проорал:

— Петер Кюзис! Выходи!

Еще не рассвело. В радужном венце мерзла полная луна над зубчатой черной стеной замка.

Петер думал, что его ведут на допрос. А это был суд. Вернее, расправа.

— В милиции состоял? — устало зевая, спросил усатый драгунский офицер с серебряными аксельбантами.

Вся волость знала, что он был милиционером. Отрицать это было бессмысленно. С врагом надо хитрить. Да, состоял. Но ни слова не сказал Петер Кюзис об участии в засадах на казаков, о бое с отрядом Незнамова, о «лесных братьях». Офицер бесновался, стучал по столу.

Кюзис разводил руками:

— Мне сказали: охраняй, я и охранял. А в других делах не участвовал...

И это тоже было уроком на будущее. Уроком тактики в обращении с врагом.

Как только рассвело, в мощенный брусчаткой двор баронского замка вывели семнадцать арестованных. Их выстроили вдоль высокой каменной стены с бойницами. Напротив встало отделение драгун. Щелкнули затворы винтовок. У Петера словно оборвалось в груди сердце: расстрел!

И расстрел действительно состоялся: на глазах пятнадцати арестованных повстанцев расстреляли двоих товарищей. Смерть они приняли мужественно. Их знала и почитала вся волость. Их называли большевиками.

Петер думал, что вслед за ними попарно расстреляют и остальных осужденных, и он готов был так же смело встретить смерть, как встретили ее большевики. Но остальных подвергли телесному наказанию — каждому бунтовщику всыпали по пятьдесят шомполов. Пороли так, как встарь пороли крепостных баронских холопов.

Шомпола со свистом рассекали воздух. Казалось, шомпола раскалены докрасна, так обжигали они голую спину. Петер сцепил зубы, досчитал до тридцати и потерял сознание. Избитого, окровавленного, полуголого, бросили его в снег.

Очнулся он в домике незнакомого батрака, лежал в короткой, тесной кровати на животе и не мог повернуться. Дикая

боль резала, обжигала спину. Он снова сцепил зубы. Подошла какая-то немолодая женщина, с участием и лаской взглянула на него, нежными руками, словно сестра милосердия, стала мазать израненную спину каким-то холодным жиром. Все это надо запомнить: и звериную жестокость палачей, и бесконечную доброту этой женщины.

С трудом разлепил он запекшиеся губы:

— А что с товарищами?

— Слуги и батраки унесли всех по своим домам,— ответила женщина.— Боже мой! Что эти гады сделали с тобой, сыночек! Лежи тихо, я тебе и зельечко из трав сготовлю...

Недели две провалялся Петер в чужой халупе, где ухаживали за ним как за родным сыном. Многое передумал он за эти две недели. Нет, никогда он не сложит оружия, будет бороться до конца.

Этой клятве он остался верен до последних дней жизни.

2. Снова с «лесными братьями»

Вскоре после выздоровления Петер вернулся к «лесным братьям». Было это ранней весной, перед распутицей. Он привез в отряд директиву партии о расширении партизанской войны, об укреплении связей с РСДРП. В страхе трепетали перед «лесными призраками» урядники и жандармы. Бароны и пасторы переводили за границу свои капиталы, уезжали сами. Вновь и вновь просили карательные войска из Риги и Петербурга.

Вскоре партизаны провели несколько крупных боевых операций. Одна из них — разгром волостной управы в Яунпилсе. Расстреляли предателя-писаря, выдававшего повстанцев палачам ротмистра Незнамова, прихватили с собой очень нужные паспортные бланки. Потом спалили корчму и казенную винную лавку в имении Берзмуйжа, экспроприировав все наличные капиталы их хозяев.

По заданию «лесных братьев» Петер тайно ездил к брату в Ригу. Брат работал от зари до зари на пивоваренном заводе Кунцендорфа. Братья установили тесную связь с рижскими боевиками, с партийной организацией Малиенского сельского района. В конспиративной квартире на Ромаковской улице боевики разрабатывали планы своих действий. В их осуществлении принимал участие и Петер Кюзис.

...Случилось это в мае. Казаки-пластуны шли густой цепью, прочесывая лес. Малочисленный отряд «лесных братьев» откатывался, не принимая боя,— боеприпасы были на исходе.

Кюзису поручили прикрывать отряд — трудное, смертельно опасное дело. Командир знал: Петер выполнит приказ любой ценой.

Лежа с винтовкой за толстым замшелым пнем на пригорке, Петер оглянулся через плечо: большая часть отряда уже переправилась на тот берег Огре. Все решали какие-то минуты...

В густом ельнике впереди мелькнула казачья фуражка. Одна, вторая... Неотвратимо надвигается казачья цепь, ведя вслепую ураганный огонь. Петер берет наступающих в прорезь прицела. Спотыкаясь, падает один, опрокидывается навзничь другой... Выстрелив еще раза три по залегшим пластунам (надо экономить патроны!), Петер сменил позицию, а потом стал отползать к реке.

У Кюзиса оставалась одна лишь обойма, всего пять патронов. Он передернул затвор винтовки, но в левое плечо вдруг с бешеной силой ударило что-то одновременно тупое и острое, горячее и холодное, так что разом онемела вся рука. Вторая пуля насквозь прошила ногу. Этот удар был послабее, но встревожил больше первого — для партизана ранение в ногу всегда опаснее...

Стрелять он уже не мог. Тогда, напрягая все силы, с трудом действуя ранеными рукой и ногой, он поднялся и метнулся неловко, как подбитая дробью дикая утка, вниз к реке.

Со всего маху шлепнулся в холодную воду. Вода немного взбодрила его, прояснила сознание, и он поплыл к противоположному лесистому берегу, изо всех сил загребая здоровой правой рукой, волоча в воде будто парализованную ногу. Сгоряча он не чувствовал еще особой боли, но его страшила странная немота почти половины тела.

До чего же широка эта Огре! Летом ее воробей вброд перейдет, а сейчас залила она окрестные луга...

Казаки выскочили на берег Огре как раз в ту минуту, когда он выбирался на другой, спасительный берег. Раненая нога подламывалась под ним, тянула обратно в цепкие, ледяные объятия реки. Сзади раздалось сразу несколько выстрелов. Коротко взвыли пули над рекой. Но Петер не слышал этого. Перед его глазами вдруг все вспыхнуло нестерпимой яркости алым огнем, и наступил беспросветный мрак.

...Семеро «лесных братьев» лежали мокрые, окровавленные у берега лесной реки. Отряд ушел в глубь леса, а они остались. Четверо были убиты в перестрелке. Двоих, тяжелораненых, пристрелил сотник. А седьмой...

Один из стражников обыскал Петера, нашел какие-то документы, конверт с рижским адресом. Ого! Это, видно, не простой бандит, хоть и молод!

— Господин сотник! — неуверенно проговорил стражник.— У этого бандита, знать, связь с Ригой была. Вот документы!..

— Добре! — порешил сотник, крутя ус.— В лазарет его! А там допросят, выяснят его связи с Ригой!..

Кинули с мертвецами в фурманку. Повезли.

...Жандармское отделение в Вендене. Лазарет, запах карболки. Сердобольный пожилой фельдшер осмотрел его раны и тихо сказал:

— Ну, парень, жить тебе сто лет, не иначе! Как есть, завороженный ты от пуль. Первые две раны — в плечо и ногу — зарастут как на собаке. А третья рана... То ли на излете была пуля, то ли рикошетом угодила, только застряла она в черепе, не повредив мозга. Это ей-богу просто чудо!

— Операция будет? — шепотом спросил обессилевший Петер.

— Зачем операция? — удивился фельдшер, разглаживая усы.— Во-первых, от добра добра не ищут, а во-вторых, тебе все одно крышка. Таких, как ты, не милуют!..

И верно. Вылечили. Допрашивали о «лесных братьях», о связях с Ригой — он молчал. Судили снова военно-полевым судом. Было это в Ревеле, уже в 1907 году. На этот раз все было чин чином: «Встать, суд идет!» — и портрет батюшки царя в полковничьем мундире во весь рост за спинами господ судей, прокурор, защитник...

— Приговорить к смертной казни!..

Оловянный взгляд невозмутимого императора, напыщенные породистые лица судей-офицеров. Суд скорый и неправый: до совершеннолетия суд не имеет права отнимать жизнь у подданного империи! Закон есть закон...

Снова — инсценировка суда:

— ...а по сему приговаривается по статье 102, часть 2, и статье 279 XXII Книги свода законов к тюремному заключению...

В делах царского департамента полиции сохранились тюремные фотографии семнадцатилетнего революционера. Анфас и вполоборота, в рост, у тюремной двери. В глазах, в лице, во всем облике — дерзкий вызов, несгибаемая воля, жгучее презрение к царским опричникам. В другом деле — фотография арестанта Яна Кюзиса, брата Петера. Тот же пылающий, бесстрашный взор, та же ненависть к царской опричнине. Одну дорогу выбрали в жизни братья, и с этой дороги не заставили их свернуть никакие вихри враждебные, никакие темные силы...

...Годы тюрьмы не пропали даром. Встречи и беседы в острогах с «политическими», со старыми, закаленными, знающими

большевиками, труды Ленина, партийная и общеобразовательная литература, проникавшие сквозь толстые стены в казематы и застенки царизма, Маркс и Гегель, Пушкин и Толстой, горячие споры, знакомство с участниками вооруженных восстаний в Петербурге, Москве и других городах, живой, творческий обмен опытом. Большевики превратили государеву тюрьму в партийную школу за решеткой, в лагерь боевой подготовки к новым, еще более жарким классовым сражениям.

Уже после того, как Латвия стала советской, чудом уцелевшие архивы этого края рассказали захватывающую историю слежки охранки за братьями и сестрами Кюзис — четырьмя пролетариями-революционерами. Петер и Ян, Паулина и Кристина — все они находились под негласным надзором департамента полиции. В секретных донесениях полицейских агентов то и дело мелькают имена Яна, Кристины и Паулины. По донесениям шпиков, все они сеяли смуту и крамолу, распространяя в Риге нелегальную литературу. В феврале 1908 года полиция арестовала Яна на революционной рабочей сходке. Вскоре в Риге состоялся судебный процесс сорока четырех «смутьянов». Ян получил четыре года тюрьмы.

В 1909 году, напутствуя освобожденного политического арестанта Петера Кюзиса, начальник тюрьмы сказал:

— Надеюсь, тюрьма послужила тебе хорошим уроком!

Зря надеялся господин начальник тюрьмы. В сохранившихся донесениях полицейских ищеек Риги за 1911 год встречаются такие рапорты:

«9 апреля, в субботу, с 10 часов вечера в лесу за городом (за Александровскими воротами) наблюдалось собрание социал-демократической фракции. Затем перешли к выборам в центр фракции. Назначены следующие кандидаты: ...Петер Кюзис».

«Массовка IV района состоялась в лесу по Санкт-Петербургскому шоссе, в верстах 11 за городом в ночь на 11 июля. Присутствовало 107 человек. В числе пропагандистов Петер Кюзис».

Полиция дала лестную характеристику юному трибуну: «Петер Кюзис — один из известнейших деятелей социал-демократии».

Словно в подтверждение этой оценки врага, летом 1911 года IV район Риги единогласно избирает Кюзиса своим делегатом на съезд социал-демократической партии Латышского края.

Петер действовал тогда под разными конспиративными именами: Малениетис (Далекий), Скуя (Хвоя), Саша и Павел. К последнему псевдониму ему было суждено вернуться.

В августе 1911 года Петера Кюзиса вторично арестовали и предали суду.

Декабрь 1911 года. Снова бьющая на устрашительный эффект бутафория судилища. Позолота на массивной дубовой мебели, все тот же портрет Николая II, двуглавый орел и обнаженные сабли солдат-стражников. На этот раз Петера Кюзиса, уже вполне совершеннолетнего, судили за принадлежность к социал-демократической партии.

— По статье 102, часть первая...

Его приговорили к долгой ссылке в Восточную Сибирь и отправили по этапу за Урал, в далекую Иркутскую губернию. Ему было тогда немногим более двадцати лет. Но он стал уже закаленным бойцом старой ленинской гвардии.

...Спустя много лет, вспоминая свою революционную юность, он писал:

«Хочу лишь отметить, что сознательных социал-демократов в наших сельских организациях в то время было очень мало. Большинство было просто из революционно настроенных крестьян, прочитавших несколько воззваний и пару брошюрок, которые, движимые одним недовольством, ставили своей задачей свержение ненавистного им царизма и ига помещиков-баронов. Было много революционного романтизма, но мало сознательности. Но, несмотря на это, люди боролись очень стойко и честно клали свои головы за революцию. Лично я жил тогда в экстазе революционного романтизма и за изучение теории взялся лишь в тюрьме».

Это писал уже умудренный жизнью, способный к трезвому научному анализу военачальник Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Но революционным романтиком он остался до конца...

3. «Нас водила молодость в сабельный поход...»

Жизнь настоящего большевика, каким был Петер Кюзис, всегда нерасторжимо связана с жизнью и борьбой партии. А с февраля 1917 года судьба Петера Кюзиса связана в один узел с революционной судьбой не только Латвии, но и всей страны.

На вопрос в одной из первых советских анкет об участии в октябрьском перевороте Петер Кюзис ответил с предельной скромностью: «В Петрограде исполнял разные поручения ЦК».

Что стоит за этими словами? Именно на таких бойцов революции опирался, готовя вооруженное восстание, Ленин. Имен-

но таких людей подбирал, готовясь к штурму Зимнего, Антонов-Овсеенко. Пути в революцию этих двух большевиков — одного из непосредственных руководителей исторического штурма — Владимира Александровича Антонова-Овсеенко и одного из убежденных его сподвижников Петера Кюзиса — во многом похожи. Первый был лишь на шесть лет старше второго. Антонов-Овсеенко еще в военном училище, на два года раньше Кюзиса, установил связь с большевиками. Тоже был боевиком, держал связь с большевистской организацией в Варшаве. Тоже был арестован за участие в военном восстании — в Севастополе. В 1906 году, как и Петер Кюзис, был приговорен к смертной казни, замененной двадцатью годами каторги. Тоже бежал. И вот он в яростном потоке солдат и матросов врывается на Дворцовую площадь 25 октября 1917-го...

В ЦК РСДРП знали: Петер Янович Кюзис, партийная кличка Папус, в ссылке достал подложные документы на имя Яна Карловича Берзина и совершил весной 1914 года, перед империалистической войной, побег из Сибири.

Он пробрался на родину, повидался в Яунпилсе с близкими. Отец не дождался его — умер в шестьдесят лет, мать хворала. В Риге, будучи на нелегальном положении, Петер сразу активно включился в партийную работу.

Кюзису-Берзину помогли устроиться на работу — учеником слесаря. Он гордился званием пролетария — хозяина будущего. Но главным делом оставалась партийная работа. Пропагандист Папус становится все более заметной фигурой на нелегальных массовках и митингах, во время стачек и на рабочих собраниях.

Когда началась мировая война, он скрывается от мобилизации, по заданию партии ведет агитационную работу в войсках на Двинском участке Северо-Западного фронта, распространяет «Окопную правду», призывает солдат повернуть штыки против царя.

В военных условиях дьявольски тяжело было вести партийную работу. Почти все рабочее население Латышского края эвакуировалось на восток. Много времени уходило на восстановление прерванных партийных связей.

Охранка шла по пятам, перед глазами вновь вставал призрак знакомой ему каторжной тюрьмы. Пришлось бежать сначала в Псков, оттуда в Петроград, где все уже бурлило.

Слесарь Ян Берзин стал членом партийного комитета в Выборгском районе, вновь бастовал, дрался с казаками, деятельно участвовал в Февральской революции. Сразу после нее уехал в Ригу, получил задание руководить латышской партий-

ной типографией, стал членом редакции газеты «Пролетариата Циня», выполнял ответственные поручения... И вот Октябрь. Это была величайшая в истории победа, но большевик Ян Берзин отлично понимал, что революция на этом не кончится. И он не ошибся, хотя вряд ли представлял, каких жертв будет стоить защита завоеваний Октября, какого непрестанного, титанического труда и какой неизбывной энергии потребует лично от него революция.

На открывшемся 7 ноября Втором Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов было образовано рабоче-крестьянское Советское правительство во главе с В. И. Лениным; вскоре Ян Берзин был направлен на работу в аппарат нового правительства. Слесарь стал начальником канцелярии наркомата местного управления, а затем секретарем и заместителем заведующего отделом местного хозяйства Наркомвнудела. Целый год и четыре долгих месяца этого бурного, тревожного времени проработал двадцатисемилетний большевик на этих постах, целиком отдавая себя большой непривычной работе.

Грозным набатом прозвучала летом 1918 года весть из Ярославля: вспыхнул мятеж, поднятый белогвардейцами и эсерами. С подразделением красноармейцев Ян Берзин выехал в Ярославль. Он вел бой с мятежниками у станции, у моста через реку, штурмовал штаб мятежников... Через две недели восстание было полностью разгромлено.

Тревожили Яна вести из родного края. В ноябре 1918 года реакционер, антикоммунист Ульманис провозгласил «независимость» буржуазной Латвии. Но через месяц трудовой народ свалил клику Ульманиса и провозгласил власть Советов. Съезд Советов Латвийской Советской Республики принял декрет о национализации земли. Народное правительство Латвии в декрете 25 апреля 1919 года объявило о высылке за пределы Латвии баронов, помещиков и дворян. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика признала Латвийскую Советскую Республику.

В марте 1919 года Ян Берзин приехал в Советскую Латвию, его родную Латвию. Какие встречи были в Риге с товарищами по партии, с братом, сестрами!.. Его увезли отсюда когда-то в кандалах, потом он бежал из этих мест, преследуемый охранкой, человек вне закона, беглый, ссыльный, государственный преступник, а сейчас назначен на пост заместителя Наркомвнудела Латвийской Советской Республики.

Но Советская республика находилась в огненном кольце фронтов. Враги наседали. Они подходили все ближе к столице Советской Латвии. 22 мая 1919 года Красная Армия оставила

Ригу... В город снова вернулись бароны, помещики, националисты, поддержанные германскими войсками. Началась дикая расправа. Погибли тысячи патриотов. Бывший замнаркомвнудела и член Рижского городского комитета партии немедленно взял винтовку, встал в ряды рижского рабочего батальона, где многие знали Берзина по старому партийному псевдониму Папус.

Через месяц Берзина назначили начальником штаба батальона. В боях с белогвардейцами он вновь пролил кровь за революцию, получив серьезное ранение. Снова лазарет. Ту казачью пулю и в этот раз не вынули из черепа — не вынули и позже.

Ян Берзин. 1922 г.

Едва залечил раны — приказом по армии утвердили на должность начальника политотдела стрелковой дивизии. Эта дивизия отбивала отчаянные атаки белогвардейцев, героически контратаковала их, задержала опасное продвижение врага к Петрограду. В решающих боях особо отличился начальник политотдела, и уже в августе Берзин занимает важный и ответственный пост начальника Особого отдела ВЧК XV армии...

В начале декабря 1920 года начальник Особого отдела XV армии получил телеграмму-молнию от своего начальника — председателя ВЧК Феликса Эдмундовича Дзержинского.

Ян Берзин откомандировывался в распоряжение Регистрправления.

Что такое «Региструпр», Берзин уже знал — так называлось первое в истории молодой Красной Армии разведывательное управление.

Не случайным, а глубоко закономерным и символичным следует считать тот факт, что чекист Берзин был направлен на руководящую работу в военную разведку. Куя меч и щит революции, председатель ВЧК заботился о том, чтобы у этого непобедимого меча было обоюдоострое лезвие. Армия нового типа не могла существовать без разведки нового типа. А Берзина Ф. Э. Дзержинский отлично знал, знал, что может положиться на него в самом важном деле. Начальнику Особого отдела ВЧК XV армии не раз приходилось выполнять его поручения.

Берзин прибыл в Москву, в «Региструпр», в буденовке и кожаной фронтовой сбруе, с маузером в деревянной колодке. Он стал начальником одного из отделов.

Говорят, у Дзержинского было рентгеновское зрение, он видел людей насквозь, у него было особое чутье на друзей и врагов, он знал, кому можно, а кому нельзя доверять. Что же, и в товарище Берзине-Кюзисе он не ошибся.

27 декабря 1921 года Павел Иванович Берзин был назначен заместителем начальника Разведуправления штаба РККА. Павел Иванович Берзин? Да, так обычно называли в разведке да и во всем штабе РККА Петера Яновича Кюзиса-Берзина. И еще его называли Стариком. Может быть, потому, что он рано поседел.

Сестра Берзина Паулина Кюзис — в 1975 году ей пошел восемьдесят девятый год — так объясняет один из псевдонимов брата — Павел:

— Этим русским именем Петер стал называться еще в 1909 году, когда вышел из царской тюрьмы с седыми в девятнадцать лет висками и вновь окунулся в революционную работу. Мы, его родные, отлично понимали, откуда он взял это имя. «Русским Павлом» у нас в деревне все звали нашего деда Пауля по отцовской линии, который отслужил в царской армии двадцать пять лет, участвовал в обороне Севастополя...

Неспокойно было в мире после «последней из войн», после Версальского пира победителей.

Отгремели залпы гражданской войны и интервенции в России. Советская власть выстояла, победила. Но враги продолжали свои происки. Экономическая блокада, шантаж, диверсии — все было пущено в ход, чтобы ликвидировать завоевания Октября. Поэтому неспокойно было и в невысоком шоколадного

цвета доме, затерявшемся в одном из бесчисленных московских переулков.

Весь мир должен был видеть из окон этого дома Ян Карлович Берзин, он же Павел Иванович, он же Старик.

4. «Но разведка доложила точно...»

Старик привык чутко слушать партию, слушать Ленина.

20 августа 1921 года в статье «Новые времена, старые ошибки в новом виде» Владимир Ильич так обрисовал положение Советской республики: «...Антанта вынуждена прекратить (надолго ли?) интервенцию и блокаду. Неслыханно разоренная страна едва-едва начинает оправляться, только теперь видя всю глубину разорения, испытывая мучительнейшие бедствия, остановку промышленности, неурожаи, голод, эпидемии»[1].

Всемерно усиливать обороноспособность страны, бдительно стоять на страже завоеваний революции — вот чего требовал Ленин.

Старик погрузился в сложную, трудную работу. От него ждали почти невозможного: он должен был безошибочно и вовремя информировать советское командование о любой попытке нового нашествия врагов. Более того, он обязан был знать, какие козни плетутся в генеральных штабах вероятных противников. Ему необходимо было знать как можно больше о военном потенциале агрессивных государств, знать, какое новое оружие куют враги, какие воинственные сговоры вынашиваются в Берлине, Лондоне, Париже, Риме, Токио...

Все это требовалось для обеспечения безопасности Страны Советов в условиях капиталистического окружения. Без точной и своевременной информации о военном положении молодого рабоче-крестьянского государства невозможно было правильно планировать восстановление и развитие народного хозяйства, государственный бюджет, направление индустриализации страны.

Но откуда взять силы для такого богатырского подвижничества? С фронта тридцатилетний Старик привез шрамы нелегких ранений, невралгию, хронический бронхит, у него начинался, как на грех, активный процесс туберкулеза легких. Давали себя чувствовать партизанское лихолетье, царская тюрьма и ссылка, фронт. А лечиться некогда, не затем его в Москву вызвали...

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 103.

Не рыцарем плаща и шпаги мнил себя Старик — он видел себя часовым Родины. И не было в его глазах почетнее службы.

В далеком 1905 году милиционер-дружинник Петер Кюзис стоял с винтовкой на часах у дома Распорядительного комитета. В доме собрались революционеры, а он, Петер, охранял их. И теперь стоял Павел Иванович Берзин на страже революции, только дом, который он охранял с товарищами по службе, вмещал всю Советскую страну...

Берзин понимал, что ему не хватает образования. Пришлось поступить в Пролетарский университет, выкраивать часы для занятий, читать по ночам до цоканья первого извозчика за окном, до серого московского рассвета.

Старик понимал, что не хватает ему и знаний чужих стран, непосредственного и живого знакомства с «закордонными» условиями.

Его отговаривают в штабе РККА, не хотят рисковать им — зачем, мол, совать голову в пекло. Но он, как обычно, умеет поставить на своем. В 1922 году отправляется в довольно продолжительную поездку — в Берлин, Прагу, Варшаву. Приходится принять совершенно новый облик: на носу золотое пенсне, одет по западноевропейской моде. Фамилия — Дворецкий...

В служебной анкете 1922 года появляется многозначительная запись: «Вопрос: Какие государства изучал и каким образом? Ответ: Западные, по долгу службы в Разведупре».

23 марта 1924 года Берзин назначен на должность начальника Разведупра.

Документы, оставленные Стариком, имеют сегодня большую историческую ценность. Целиком сохранилось «Дело тов. Берзина Я. К. Московской организации РКП (большевиков) Хамовнического района. Начато 9 февраля 1922 года...».

От пожелтевших, хрупких бумаг с поблекшими чернильными строчками, написанными самим Стариком, веет грозовой весной революции. Дорога здесь каждая деталь, каждая крупица информации, помогающая воссоздать благородный образ одного из первых разведчиков Красной Армии.

В анкете Всероссийской переписи членов Российской Коммунистической партии (большевиков) № 76/1727 указывается номер партбилета Старика, выданного политотделом XV армии,— 729826. К тому времени Ян Берзин состоял членом партии уже шестнадцать с половиной лет, был членом Общества старых большевиков.

Наряду со своей адски нелегкой военной службой Старик активно участвует в партийной жизни. Партийная ячейка управления, в которую он входит, занимает последовательную

ленинскую позицию в разгоревшейся драматической и упорной, как на фронте, борьбе с Троцким. А Троцкий сидит прямо над головой — в Реввоенсовете Республики. Еще в дни горячей дискуссии о профсоюзах основная масса ячейки пошла за Стариком — против Троцкого. В 1923 году Берзин повел коммунистов в еще более решительное наступление на троцкистов — к этому звала его верность делу Ленина, страстная убежденность настоящего коммуниста-большевика. К его слову, спокойному, взвешенному, мудрому, прислушивались и те, кто в отцы ему годились. Сказывалась, конечно, непрерывная, упорная, целенаправленная учеба, намного расширившая кругозор.

Партийность — вот что прежде всего отличало и рабочий стиль Старика. Однажды на совещании в управлении, подводя черту под очередным обсуждением оперативных вопросов, Старик оглядел собравшихся и тихо, раздумчиво сказал:

— Я верю вам, товарищи, как коммунистам, и убежден, что и на той стороне, где бы вы ни были, вы всегда и всюду останетесь коммунистами, не сдадите своих позиций.

Слово Старика было законом для каждого работника. Старик не командовал, не приказывал. Он просил... И этого было достаточно.

Жизнь Берзина в это время год за годом складывалась как бы из ежедневных сеансов одновременной шахматной игры на множестве досок. Часто игра была чисто интуитивной. Самые лучшие шахматисты, гроссмейстеры международного класса, знают, как изматывают духовно и физически такие сражения. Но в игре, которую вел день за днем Старик, он имел дело не с пешками, а с людьми, каждый из которых был по-своему мастером. А противниками Старика в этой «игре», в этой битве умов, выступали зубры британской сикрет интеллидженс сервис, германского абвера и СД, французской сюртэ, белопольской дефензивы и «двуйки», румынской сигуранцы. Всех своих противников Старик знал досконально.

Когда Яна Берзина провожали из Особого отдела ВЧК XV армии, его сотрудники-чекисты всерьез пригорюнились. Жаль было расставаться с хорошим, умным начальником. На прощание они подарили ему именной портсигар и художественно оформленный адрес, в котором эти суровые люди не очень умело, но без лести говорили о высоком уважении к своему начальнику. И несколько странно звучала по тем временам фраза в этом адресе о «большом гуманизме» товарища Берзина. Он и впрямь славился редкой душевностью, скрупулезной осмотрительностью в разборе всякого дела, уважением к людям; но все это сочеталось у него с полной безжалостностью к настоящему и неисправимому классовому врагу. Но Берзин

никогда не допускал ни малейших нарушений революционной законности и гневно осуждал такие случаи.

Берзин высоко ценил и любил Феликса Эдмундовича Дзержинского — кристально чистого рыцаря революции — и с самого начала сознательно подражал тому, по чьей рекомендации возглавил военную разведку. Уважал он председателя ВЧК безмерно, на Дзержинского равнялся в борьбе с Троцким, с ним держал постоянно совет. Неоценимые плоды давало такое деловое, товарищеское сотрудничество. Множество раз приходил ему на выручку Дзержинский, подбрасывал идеи, решал, казалось бы, неразрешимые головоломки, исподволь приучая понравившегося ему боевика-латыша делать большое дело без посторонней помощи.

Как военачальник, Старик рос вместе с Красной Армией, с ее штабом, со всей страной, семимильными шагами отмеривая пройденный путь. Все чаще привлекали его для выступлений от МК и МГК на фабриках и заводах. Немногие слушатели знали, конечно, чем занимался этот красный командир, присланный горкомом, какие документы и радиограммы по специальной линии подписывает он служебным псевдонимом Старик.

В день десятилетия РККА, 23 февраля 1928 года, Берзин Ян Карлович был награжден орденом Красного Знамени. В тот день во всех уголках шестой части света славили родную армию, пели песни в ее честь: «Но от тайги до британских морей Красная Армия всех сильней!» И почти никто, разумеется, не знал, кто шел тогда в головном дозоре армии...

5. Люди молчаливого подвига

Так называл Берзин направляемых за кордон собранного, сосредоточенного Рихарда Зорге, умело скрывавшего волнение Маневича, экспансивного, отважного болгарина Ивана Винарова...

Год за годом нескончаемой чередой проходили через его кабинет никому не известные, самоотверженные, до конца преданные делу партии и Родине люди, рыцари без страха и упрека.

Они уходили за кордон, как ныне улетают в таинственный, полный неизведанных опасностей космос первооткрыватели Вселенной. И Старик ночей не спал, пока на стол его не ложилась долгожданная радиограмма. Лиха беда начало! А сколько еще бед подстерегало смельчаков, которые, оставив дома имя и биографию, ушли навстречу смертельным опасностям.

Неуловимые, неустрашимые наши разведчики бросали дерзновенный вызов всесильному, казалось бы, военно-полицей-

Ян Карлович Берзин.

скому аппарату враждебного государства, храбро вступали в неравный бой, свято веря, что и один в поле воин.

У этих бойцов невидимого фронта не было и не могло быть ничего общего ни с агентами ЦРУ или интеллидженс сервис, ни тем более с «героями» Флеминга.

Кто такой советский военный разведчик? Прежде всего это советский человек, патриот и интернационалист, выполняющий ответственное задание во имя идеалов мира и прогресса. Его мораль всецело подчинена интересам рабочего класса, интересам социализма.

Берзин глубоко уважал и любил своих лучших помощников. Можно сказать, преклонялся перед ними. И делал все, что в человеческих силах, чтобы помочь им, выручить из беды. С большим вниманием и чуткостью опекал он на Родине родных и близких тех, кто находился далеко от нее в «длительных командировках». Он понимал, как важно людям, ежечасно, ежеминутно рисковавшим на чужбине головой, знать, что дома, в семье у них все в порядке. Старик за всем присмотрит, по-отечески позаботится. Искренне сочувствовал он женам и мате-

рям своих сотрудников, их детям, никогда не забывал послать им весточку о том, кто сам годами, бывало, не мог писать домой.

Не из психологического расчета, пусть и верен был бы такой расчет, а по велению сердца обнимал Старик на прощание своих посланцев — все они были его воспитанниками — и как сыновей отправлял он их на бой. При этом он всегда давал понять, что верит в них, как в самого себя. И эта душевная смычка была жизненно необходима тем, кто уходил на задание, так же как теплое напутствие Старика.

Берзин уделял первостепенное внимание архиважному делу подбора и расстановки кадров, пользуясь при этом испытанными партийными мерками. На передний план выдвигал он патриотизм работника, его преданность Родине и Коммунистической партии, его политическую идейность. Он ценил в работнике силу воли, твердость характера, неподкупность, готовность к самопожертвованию. И конечно, наблюдательность, умение тонко анализировать и оценивать увиденное и подмеченное в стане врага.

Лучших своих помощников Старик тщательно отбирал из героев революции, из когорты бойцов, закаленных в огне Октября и гражданской войны. Ему требовались не просто отчаянные смельчаки, люди действия, а незаурядные, выдающегося ума борцы, с фантазией и воображением, умеющие самостоятельно мыслить, ориентироваться в любой, самой сложной обстановке.

Благодаря огромной собранности, удивительной работоспособности и редкой памяти Берзин ежедневно с феноменальной скоростью прочитывал многочисленные донесения и сводки и держал в голове весь этот сложный и изменчивый — и такой важный — калейдоскоп. Он умел сохранять невозмутимое хладнокровие и внешне абсолютное спокойствие и при неудачах, когда они случались.

Когда от перенапряжения в работе совсем становилось невмоготу, когда в безбрежном эфире внезапно умолкал далекий голос или случалась другая беда, Старик выходил из кабинета со словами: «Пойду-ка я тряхну стариной!» Спускался в подвал, где работал в своей мастерской слесарь Славин, и, отводя душу, мастерил там что-нибудь у станка, постепенно успокаиваясь...

Неверно, что Берзин был простым человеком, каким часто с восхищением описывают его бывшие подчиненные. Да, он был прост в обращении, не терпел высокомерия и зазнайства, не любил приказного тона, поддерживал со всеми сотрудниками товарищеские, дружеские отношения, даже когда выпадала возможность, выезжал с работниками управления по выход-

ным за город, играл с ними в городки и волейбол, веселился и шутил. Все это верно. Но как военный руководитель, занимавший важный и ответственный пост, как организатор многотрудного дела большого масштаба и большой государственной важности, он был отнюдь не прост. Это был человек огромных, многогранных способностей, блестящего ума, словом, недюжинный человек. И недаром многочисленные аттестационные комиссии Наркомата обороны, всесторонне проверив работу начальника управления, неизменно делали один и тот же вывод: «Вполне соответствует занимаемой должности». Звучит вроде суховато, но вспомните, о какой должности идет речь и легко ли подобрать человека, который бы ей «вполне соответствовал». А Берзин соответствовал...

Ян Карлович Берзин постоянно чувствовал, какое огромное внимание уделяет партия его управлению, и умел направить все действия и помыслы руководимого им коллектива на выполнение партийных указаний.

Старик любил свое дело, был беззаветно предан этому делу и отдавал ему всего себя целиком, отчетливо сознавая всю его важность. И еще — он очень любил людей, верил в них, знал, на кого какой груз возложить, и постоянно руководил повышением политических, военных и специальных знаний всего коллектива в целом и каждого сотрудника в отдельности. Все это обеспечивало успех ему и его управлению. Старик был убежден, что каждый год приближает мир к большой войне, и он многое сделал, чтобы его служба оказалась на высоте и в этом главном испытании...

В апреле 1935 года корпусной комиссар Ян Карлович Берзин неожиданно получил новое назначение — нарком обороны подписал приказ о назначении его на должность заместителя командующего ОКДВА — славной Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. Назначение было, безусловно, почетное. Старик давно мечтал познакомиться поближе с Востоком. А теперь над дальневосточным пограничьем все явственнее сгущались грозовые тучи... Но как он оставит управление — дело, к которому он прирос всем сердцем за пятнадцать лет!

Нарком обороны К. Е. Ворошилов дал такую оценку Берзину:

«Преданный большевик-боец, на редкость скромный, глубоко уважаемый и любимый всеми, кто с ним соприкасался по работе. Товарищ Берзин все свое время, все свои силы и весь свой богатый революционный опыт отдавал труднейшему и ответственнейшему делу, ему порученному...»

Приказ есть приказ — надо ехать.

Четырнадцатилетний сын Старика, Андрей, голубоглазый,

темноволосый, такой похожий на отца, умолял взять его с собой: тайга, уссурийские тигры, женьшень, все, как у Арсеньева в «Дерсу Узала»!

— Нет, Андрюша! — отвечал отец, ероша седой бобрик.— Тебе учиться надо. Да и еду я не на тихоокеанский курорт...

Жена смотрела на мужа с немым укором. В течение многих лет все время и всего себя отдавал муж работе, первым приходил на службу, последним — часто глубокой ночью — уходил. И вот — разлука.

— Сядем перед дорогой! — тихо сказала жена.

Старик сел у окна, остановил взгляд на настенной карте обоих полушарий. На Европейском континенте зловеще темнело коричневое пятно фашистской Германии. Надолго ли удастся оттянуть войну? Он не мог знать, что судьба отмерила ему, еще не старому, сорокапятилетнему генералу, всего года два-три, что доброволец Андрей Берзин, двадцати лет, добьется зачисления в армию и погибнет смертью героя в этой войне.

Берзин встал, торопливо застегнул ворсистую темно-серую шинель с тремя «ромбами» в красных петлицах.

У подъезда внизу ждала генштабовская «эмка».

Стоя у окна вагона в поезде Москва—Владивосток, он молча смотрел на проплывавшие мимо городские окраины.

Неужели пора уже подводить итоги работы в управлении?

Что ж, он мог с полным основанием, положа руку на сердце, сказать себе, что выполнил свой долг сполна, сделал и то, что порой казалось невозможным. Он оправдал доверие партии и командования, доверивших ему и его людям неслыханно сложную и жизненно важную для государства, для судеб социализма задачу. Их работа была одним из главных звеньев в обеспечении безопасности Родины. Была создана крепкая, основанная на ленинских принципах служба, которая с самого начала явилась службой нового типа, зорким и надежным часовым первой в мире социалистической державы. И теперь у нее крепкие традиции.

За окном — Хабаровск.

На границе тучи ходят хмуро.
Край суровый тишиной объят...

Долго не оставляли его думы о своем главном деле, о бойцах невидимого фронта, хотя он исправно, со всегдашним своим тщанием и блеском работал на новом посту. Много читал, детально знакомился с новым для него краем.

В Хабаровске Ян Берзин близко сошелся с прославленным героем гражданской войны и видным военачальником Красной

Армии Блюхером. Восхищался, какой успел пройти путь Василий Константинович. Старый большевик, подпольщик, председатель ревкома Челябинска. Четыре ордена Красного Знамени за гражданскую войну. Боевых ран не сосчитать. Жизнь — песня!

Старик крепко полюбил Блюхера, человека редкой, красивой души, бесстрашия и большого полководческого таланта. А Блюхер в Берзине ценил партийный опыт, масштабность военного мышления, исключительную эрудицию во всех вопросах, касающихся иностранных вооруженных сил, в особенности армий вероятных противников СССР. Они часто встречались на даче Блюхера, вели нескончаемые разговоры, так или иначе касавшиеся надвигавшейся войны...

Прошел год, и опять резкая перемена в жизни Берзина. Осенью 1936 года прибывающих в Испанию советских добровольцев встречал главный военный советник республиканской армии. Это был Ян Карлович Берзин. Только здесь у него была другая фамилия — Гришин. А вместо гимнастерки с тремя «ромбами» — хорошо сшитый штатский костюм...

* * *

В конце мая 1937 года Берзин получил указание: «Срочно возвращайтесь в Москву».

На его место Москва назначила известного военачальника «генерала Григоровича» — комдива Григория Михайловича Штерна, будущего героя боев с японцами у озера Хасан.

В начале лета 1937 года Я. К. Берзин вернулся в Москву. Здесь его ждала высшая награда Родины — орден, запечатлевший дорогие ему черты Ильича. «За выполнение правительственного задания...»

Еще одна большая радость для Старика была впереди: приказом наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова корпусной комиссар Берзин назначался начальником Разведывательного управления РККА.

Вскоре ему присвоили звание армейского комиссара 2-го ранга. В петлицах появился четвертый «ромб».

Военная гроза надвигалась неотвратимо...

Берзин хорошо понимал, как важно не упустить время, и он готов был сделать для этого все возможное.

До последнего дня находился Берзин на боевом посту. И не о себе тревожился Старик, а о судьбах Родины.

29 июля 1938 года сердце Яна Карловича Берзина перестало биться... Завершилась большая жизнь замечательного человека и коммуниста. Жизнь — подвиг.

Имя бесстрашного антнфашнста,
разведчнка, бойца молчалнвого фронта
Рнхарда Зорге
нзвестно всему мнру.
В теченне многнх лет,
не скрывая своего нменн,
Зорге — офнцнально в качестве
немецкого журналнста —
жнл н работал в Японнн,
успешно выполняя
самые ответственные задання.
Его соратннками былн
убежденные антнфашнсты — японцы
Ходзумн Одзакн,
советннк премьер-мнннстра;
Етоку Мнягн, художннк-нскусствовед;
югослав Бранко Вукелнч, фоторепортер;
немцы Макс н Анна Клаузены,
владельцы копнровальной мастерской.
Все онн до конца выполннлн
свой ннтернацнональный долг.

М. Колесников, М. Колесникова

Вечный огонь интернационализма

Рихард Зорге
Ходзуми Одзаки
Ётоку Мияги
Бранко Вукелич
Макс и Анна Клаузены

Я — коммунист!

На всем земном шаре царила радость близкой победы над фашизмом, решающий вклад в которую вносила армия, созданная великим Лениным. Над Москвой в очередной раз занималась праздничная заря Октября, а в это время в другой стране, Японии, свершилось тягчайшее из преступлений: казнили человека, вся жизнь которого была посвящена тому, чтобы уберечь людей от страшного бедствия, именуемого войной. Позорно и трусливо милитаристы казнили Человека — Рихарда Зорге. Казнили за то, что он хотел сохранить людям мир, обуздать силы агрессии. Пусть же склонят головы перед его прахом те, кто пережил ужасы прошедшей войны, и те, кто не хочет, чтобы все это повторилось снова...

Рихард Зорге родился 4 октября 1895 года в поселке Сабунчи (в настоящее время входит в состав Баку) в семье немецкого техника, работавшего по найму на нефтепромыслах. Мать Рихарда была русской, из бедной семьи подрядного рабочего-железнодорожника.

Рихард Зорге часто и с большой теплотой вспоминал, что родился он на юге Российского государства, на Апшеронском полуострове: «Я родился на Южном Кавказе, и этот факт моей жизни я всегда помнил». Придавал он большое значение и еще одному немаловажному обстоятельству: его дальний родственник Фридрих Зорге был деятелем международного и американского рабочего движения, учеником и соратником Маркса и Энгельса.

Шли годы... Через несколько лет семья переехала в Германию.

В 1901 году Рихард поступил в реальное училище под Берлином. Через шесть лет умер отец.

В 1914 году Зорге был призван в немецкую армию, принимал участие в военных действиях. В боях получил три ранения.

В лазарете от сестры милосердия и ее отца врача, знакомых с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, Рихард впервые услышал о Ленине, о международной социалистической конференции в Циммервальде, выступившей против развязанной

империалистами мировой войны и социал-шовинизма. «Я пришел к выводу, что если глубоко вникнуть в самые главные вопросы относительно империалистических войн, над которыми задумывался в период пребывания на фронте, то ответ на них обязательно найду. Я решил искать этот ответ или несколько ответов постепенно, по мере моего выздоровления. Уже тогда я решил посвятить себя служению революционному рабочему движению».

Сначала Зорге казалось, что его призвание — медицина: помогать жертвам войны, лечить их. Получив отпуск после первого ранения, он поступил в Берлинский университет на медицинский факультет. Но постепенно он стал сознавать, что прежде всего необходимо лечить общество, а для этого нужна не медицина, а политическая борьба, революция...

Весть об Октябрьской социалистической революции взбудоражила Рихарда, и он понял, что отныне твердо вступит на путь практической борьбы. «Взрыв русской революции указал мне путь, по которому должно идти международное рабочее движение. Я решил поддерживать это движение не только теоретически и идейно, я решил сам стать его частицей в действительной жизни». С этого момента Рихард Зорге встает на путь сознательной революционной деятельности. В то время ему шел двадцать третий год...

После увольнения из армии в 1918 году он изучал политические науки в Кильском университете. Здесь же, в Киле, Рихард создал социалистическую студенческую организацию и стал ее руководителем.

3 ноября 1918 года в Киле вспыхнуло восстание моряков, в котором Зорге принял самое деятельное участие. После разгрома восстания он уехал в Гамбург. Здесь началась новая полоса в жизни Зорге: он познакомился с Эрнстом Тельманом, в 1919 году вступил в КПГ, стал сотрудничать в гамбургской коммунистической газете. Но одновременно он продолжал напряженно учиться. В гамбургском университете ему была присвоена ученая степень.

По заданию Компартии Германии в 1920 году Зорге переехал в шахтерский город Аахен. Официально он значился преподавателем Высшей технической школы. Партийную работу среди шахтеров вел нелегально.

В марте 1920 года в Германии вспыхнул так называемый капповский путч. Контрреволюционные выступления прошли по всей стране.

Зорге в составе вооруженного отряда рабочих защищал шахтерский центр Аахен. Благодаря единству действий трудящихся путчисты были разгромлены, 17 марта Капп бежал в Швецию.

Но реакция все же подавила революционное движение. Она жестоко отомстила и коммунисту Рихарду Зорге. «Во время капповского путча я стал членом стачечного комитета, вследствие чего лишился своего места в Высшей технической школе и должен был спасаться от преследования оккупационных властей».

Зорге ушел буквально под землю, в шахту, в забой, стал чернорабочим, горняком.

«Работа была тяжелая, к тому же давало о себе знать ранение, полученное на фронте, так что эта профессия оказалась для меня довольно трудной. Но я ни капли не раскаиваюсь. Опыт, полученный мной во время работы на шахтах, ничуть не уступает опыту, полученному на фронте. Моя новая работа была нужна и для партии... Из рабочих, впервые нанятых на работу, я создал коммунистическую группу и, укрепив ее, перешел на другую шахту близ Аахена».

Его выследили. Пришлось бежать в Голландию. В Голландии — арест и высылка в Германию. По заданию партии он ведет пропагандистскую работу в Вуппертале, Франкфурте-на-Майне, затем редактирует партийную газету «Бергише арбайтерштимме» в Золингене. В этой газете начали появляться политические статьи Зорге, подписанные различными псевдонимами: Адомль, Хайнце, Петцольд, Ика Зонтер...

Полицейские ищейки напали на след Зорге. Вскоре его арестовали и бросили в тюрьму Эльберфельда.

Отбыв срок заключения, Зорге выехал в Берлин. Здесь ему предложили работу в аппарате ЦК КПГ. Но он считал, что еще недостаточно подготовлен к этой работе: «Я хотел бы приобрести непосредственный жизненный опыт».

Зорге устроился на работу в Институт социальных наук при университете во Франкфурте-на-Майне. Но главным для него была, разумеется, партийная работа: он стал преподавать на партийных курсах, продолжал сотрудничать в газетах.

В 1922 году в Золингене вышла в свет его брошюра о накоплении капитала.

В апреле 1924 года во Франкфурте-на-Майне состоялся IX съезд КПГ. Партия временно вышла из подполья. Зорге поручено охранять прибывших из СССР делегатов ВКП(б) от происков реакции и фашистских молодчиков. Так Рихард познакомился с выдающимися представителями нашей партии: Д. Мануильским, О. Куусиненом, А. Лозовским, И. Пятницким...

Эрнст Тельман ценил Зорге не только как партийного работника и опытного бойца, на которого можно положиться в любых обстоятельствах, но и как теоретика-марксиста. Рихард Зорге

поражал своих товарищей эрудицией в вопросах международного рабочего движения, обладал исключительной ясностью мышления, аналитическим складом ума. Руководители КПГ видели в тридцатилетнем Зорге ученого с блестящим будущим.

Вот почему, когда Мануильский, Куусинен и другие товарищи посоветовали Зорге переехать в Советский Союз для научной работы, Тельман горячо поддержал это предложение.

Поездка в Советский Союз была пределом мечтаний Рихарда. Работать в спокойной обстановке, всегда иметь под рукой

Рихард Зорге. 1927 г.

труды Ленина, Маркса, Энгельса, рыться в архивах, в фондах революционной литературы, быть в курсе всех международных событий... Москва... Советский Союз... Родина трудящихся всего мира... Он всегда рвался в Советский Союз, и ему даже не верилось, что заветное желание может осуществиться.

В конце декабря 1924 года Рихард Зорге выехал в Москву. Он стал гражданином СССР. В марте 1925 года Хамовнический районный комитет ВКП(б) принял его в Коммунистическую партию Советского Союза.

В Москве Зорге много времени посвящал изучению проблем развития империализма. Одна за другой стали появляться в печати его статьи и работы с анализом экономических условий Версальского мирного договора, о возрождавшемся германском империализме.

Осенью 1926 года он познакомился с руководителем советской военной разведки Яном Карловичем Берзиным, который сыграл исключительную роль в дальнейшей жизни Зорге.

Иногда Рихард обращался за советом к Яну Карловичу. Осведомленность Берзина восхищала и удивляла Зорге. Он пока не подозревал, что его консультирует очень осведомленный по долгу службы человек.

Так Рихард, сам того не ведая, прикоснулся к делу всей своей жизни...

А в это время все сильнее сгущались тучи на Дальнем Востоке. Готовилась к агрессивным действиям японская военщина. Гоминьдановские власти в Китае проводили враждебную Советскому Союзу политику. В июле 1929 года войска китайских милитаристов захватили КВЖД и организовали ряд провокаций на советско-китайской границе. Красная Армия дала отпор провокаторам и восстановила законные права СССР на КВЖД...

Берзину надо было знать, что творится в стане врага на Востоке, какие новые козни задумывают милитаристы против Советского Союза. В этот район ему необходимо было послать опытного, хорошо подготовленного человека, способного анализировать обстановку на месте, с большим навыком подпольной работы, преданного революционному делу, обладающего выдержкой, волей и личной храбростью. Именно таким человеком был Зорге.

Рихард без колебаний согласился работать в Китае, так как считал для себя обязательным практическое участие в обороне Советского Союза против агрессии международного империализма.

В январе 1930 года он выехал в Шанхай.

Три года в Китае... Они были заполнены напряженной, опасной работой.

Когда японские войска стали концентрироваться на дальневосточной границе Советского Союза, Рихард Зорге и его товарищи сделали все возможное для того, чтобы подробнее информировать Центр по самым важным вопросам. В Центр шли радиограммы, которые передавал радист организации Макс Клаузен. Большую помощь Рихарду в сборе нужных сведений оказал находившийся в Шанхае японский журналист Одзаки Ходзуми: его информация о некоторых передвижениях японских войск была наиболее ценной.

В декабре 1932 года Советское правительство, руководствуясь неизменно дружественной политикой по отношению к китайскому народу, восстановило дипломатические отношения с Китаем. Зорге был отозван в Москву.

Поставленную перед ним задачу он выполнил.

Но через несколько месяцев, в сентябре 1933 года, Зорге получил новое задание — отправиться в Японию, чтобы там создать разведывательную организацию. С этого времени он действует под псевдонимом Рамзай. Официальный его статус — корреспондент немецкой газеты.

Организация складывалась постепенно. Костяк ее составили товарищи, которые помогали Зорге еще в 1930 году в Китае: немец-радист Макс Клаузен, японец Ходзуми Одзаки; новыми членами организации стали югославский журналист Бранко Вукелич и американский художник, японец по происхождению, Ётоку Мияги, а также жена Клаузена Анна, которая хоть и не входила официально в организацию, но очень часто выполняла роль ее курьера.

Очень хорошо передает атмосферу, царившую в организации, Бранко Вукелич: «...Зорге никогда не приказывал. Он просто убеждал нас в том, что нужно сделать в первую очередь, что — во вторую, или рекомендовал тому или иному из нас путь решения поставленной задачи, или спрашивал наше мнение, как поступать в том или ином случае... Это красноречиво говорит о том, что наша организация носила добровольный характер...»

Здесь следует сказать несколько слов о качествах Рихарда Зорге как разведчика. У него существовала своя система взглядов на разведку, своя система поведения, основанная на реалистическом учете всех обстоятельств. Большое значение придавал он, например, изучению той страны, в которой приходилось действовать.

«Мое изучение Японии не ограничилось изучением книг и журнальных статей. Прежде всего я должен упомянуть о моих встречах с Одзаки и Мияги, которые состояли не только в передаче и обсуждении тех или иных сведений. Часто какая-нибудь реальная и непосредственная проблема, казавшаяся мне довольно трудной, представала в совершенно ином свете в результате удачно подсказанной аналогии, сходного явления, развивающегося в другой стране, или же уводила русло беседы в глубину японской истории. Мои встречи с Одзаки были просто бесценными в этом плане из-за его необычайно широкой эрудиции как в японской, так и во всеобщей истории и политике...

Изучение страны имело немаловажное значение для моего положения как журналиста, так как без этих знаний мне было бы трудно подняться над уровнем среднего немецкого корреспондента, который считался не особенно высоким. Они позволили мне добиться того, что в Германии меня признали лучшим корреспондентом по Японии. Редакция «Франкфуртер цайтунг», в штате которой я числился, часто хвалила меня за то,

что мои статьи поднимали ее международный престиж...»

Чтобы чувствовать себя уверенно в немецком посольстве, Зорге должен был любой ценой «подняться над уровнем среднего немецкого корреспондента», стать своего рода политическим оракулом, авторитетом для всех.

Зорге руководствовался советами одного опытного дипломата: дипломат должен изучать историю и мемуарную литературу, знать порядки и обычаи за границей и разбираться в том, где находится действительный источник власти в той или иной стране. «Все это приводило к следующему естественному выводу: необходимо постоянно глубоко анализировать, изучать проблемы Японии. Окажись я неспособен точно анализировать обстановку, я потерял бы всякое уважение своих японских помощников. Без должного авторитета и достаточной эрудиции я не смог бы занимать столь прочное положение в германском посольстве. Именно по этим причинам, приехав в Японию, я занялся доскональным изучением японских проблем».

И он работал как одержимый. Всем казалось, что у Зорге нездоровый вид от чрезмерного увлечения приемами, обедами, ужинами. А на самом деле он трудился день и ночь, задыхался от нехватки времени. Он организовывал переводы различных книг по истории Японии, систематически заказывал выборочные переводы из ряда журналов, собирал в свою библиотеку все, что можно было достать из японских изданий на иностранных языках, лучшие труды о Дальнем Востоке, а также основные произведения японской классической литературы.

«Я вникал в подробности правления императрицы Дзингу, набегов японских пиратов, изучал эпоху сегуна Хидэеси... Освоение проблем древней Японии помогло разобраться в экономических и политических проблемах современной Японии».

Историю международных отношений он считал отправной точкой для прогнозов на будущее: не зная этих отношений, трудно судить о внешнеполитическом курсе того или иного государства в настоящее время и тем более невозможно предсказать будущее.

Но никакие книги и статьи не могли заменить непосредственного восприятия. И Зорге использовал любую возможность ближе познакомиться со страной и ее народом.

Прошло несколько лет, прежде чем Рихард смог утвердиться в немецком посольстве в Токио и получил возможность знакомиться с секретными материалами, раскрывавшими некоторые планы фашистской Германии. И лишь один раз за все годы (а именно в 1935 году) он смог вырваться в Москву, где встретился с руководителями советской разведки, а также со своей женой Екатериной Александровной Максимовой.

Позже, оценивая деятельность организации, Зорге, как ее руководитель, отметил: «Главная цель заключалась в том, чтобы поддержать социалистическое государство — СССР. Советский Союз не желает иметь с другими странами, в том числе и с Японией, политических конфликтов или военного столкновения. Нет у него также намерения выступать с агрессией против Японии. Я и моя группа прибыли в Японию вовсе не как враги ее...»

За девять лет деятельность организации не замирала ни на один день, и в этом огромная заслуга Зорге — руководителя, умелого организатора и вдохновителя. Именно благодаря организаторским способностям, творческой энергии Зорге его группа смогла в условиях беспрестанной слежки, под носом у японской контрразведки в течение долгого времени не только функционировать, но и добиваться больших результатов в работе.

...С началом войны в Европе германский посол Отт поручил Рихарду Зорге выпуск бюллетеня посольства. Теперь Зорге фактически стал выполнять обязанности пресс-атташе германского посольства, хотя официально на дипломатической службе не числился.

В январе 1940 года Зорге передал в Центр:

«Дорогой мой товарищ! Получил ваше указание остаться еще на год. Как бы мы ни стремились домой, мы выполним его полностью и будем продолжать здесь свою тяжелую работу. С благодарностью принимаю ваши приветы и пожелания в отношении отдыха. Однако если я пойду в отпуск, это сразу сократит информацию...»

По утрам, предварительно побывав в японском телеграфном агентстве Домей Цусин и ознакомившись с сообщениями о ходе войны в Европе, Зорге, как правило, за поздним завтраком встречался с послом. Отт, к которому Рихарду удалось войти в доверие, знакомил его с секретными документами из Берлина, советовался с ним при составлении ответов. Приходили военный, военно-воздушный и военно-морской атташе, а также недавно прикомандированный к посольству представитель гестапо полковник Мейзингер. Для этих людей Зорге делал небольшой обзор международных событий. Начинался обмен мнениями. Ведь каждый из них получал из Берлина какие-то распоряжения и считал полезным посоветоваться с компетентными лицами. Часто видя Зорге в компании посла и гестаповца, все остальные чиновники стали заискивать перед «фюрером» прессы. Он мог теперь, не вызывая подозрений, получать справки из совершенно секретных фондов. Кабинет Рихарда никогда не пустовал — сюда приходили за консультацией секретари посольства, советники, приезжавшие в Токио специальные представители.

Рихард Зорге. («Рамзай»).
Япония. 30-е годы.

Вскоре в посольство поступило письмо на имя Зорге, заверенное печатью нацистской партии: ему предложили стать руководителем нацистской организации германской колонии в Японии.

Отт и все его помощники, узнав об этом, прониклись еще большим уважением к журналисту.

Но взвесив все «за» и «против», Зорге, поблагодарив за доверие, отказался — его не устраивала дополнительная проверка, неизбежная в подобных случаях. Нацистская организация была смердящей клоакой, где верх брали карьеристы, доносчики, политические проходимцы, наподобие того же Мейзингера. Они сразу же стали бы подкапываться под Рихарда, доносить, проверять и перепроверять...

Скромность журналиста была оценена и в посольстве, и в самом Берлине.

Кульминационным пунктом деятельности организации Зорге, ее триумфом можно считать несколько месяцев, предшествовавших нападению фашистской Германии на Советский Союз, и первые месяцы Великой Отечественной войны.

...На мир неотвратимо надвигалась страшная катастрофа, признаки ее становились все ощутимее. Но требовались более точные подтверждения и доказательства... Ведь в такое было трудно поверить... Из Центра шли радиограммы с запросами. Каждый факт, каждый штрих становились в эти дни очень важными.

Военные охотно обменивались мнениями по поводу скрытой подготовки к блицкригу. Немецкие генералы усердно изучали роман Льва Толстого «Война и мир». Наполеон считал, что история — это роман, и Гитлер возомнил себя главным героем этого романа...

А в это время японские дивизионы особого назначения уже засекли радиопередачи Рамзая, машины с пеленгаторами перебрасывались из одного района города в другой — контрразведка сбивалась с ног в поисках радиопередатчика.

Много ли радиограмм было перехвачено?

Макс Клаузен вспоминал: «Я видел гору радиограмм, перехваченных радиолюбителями, почтой, государственными радиостанциями и т. д. Если это четвертая часть того, что я передал в эфир за 6 лет работы, то это много. Некоторые передачи были записаны безупречно. В других — правильно записаны только отрывки».

Охота за радиостанцией Рамзая велась все шире.

Знал ли Зорге, что организация уже попала в железное кольцо контрразведки и что это кольцо с каждым днем неумолимо сужалось? Да, он знал об этом.

Но наступил такой момент, когда необходимо было рисковать жизнью. СССР, первое в мире государство рабочих и крестьян, в опасности. Что стоит чья-то жизнь в сравнении с жизнью миллионов людей, с благополучием огромной страны?..

В мае 1941 года Рамзай сообщил в Москву:

«Германский посол Отт заявил мне, что Гитлер исполнен решимости разгромить СССР. Возможность войны весьма велика. Гитлер и его штаб уверены в том, что война против Советского Союза нисколько не помешает вторжению в Англию...»

От Зорге систематически шли все более конкретные донесения об агрессивных замыслах фашистской Германии.

22 июня фашистская Германия без объявления войны, поправ договорные обязательства, напала на Советский Союз.

План «Барбаросса» вступил в действие.

«Выражаем наши наилучшие пожелания на трудные времена. Мы все здесь будем упорно выполнять нашу работу»,— передал в Центр Зорге.

Гитлеровцы приближались к Москве. Но Рихард был, как всегда, собран, деятелен. Он не верил в победу фашистов.

«Рихард обладал очень большой силой воли...— вспоминал Клаузен.— Мы все нервничали, когда казалось, что война развивалась не в нашу пользу, а он ходил по комнате и спокойно говорил мне: «Ты знаешь, Макс, нам отсюда уже не выбраться... Теперь, если не произойдут какие-нибудь решающие изменения, для того чтобы мы все-таки победили, остается только успешно работать до конца...»

И Зорге и его боевые друзья продолжали работу. Из Токио Центр получал сведения и о замыслах японских милитаристов на Дальнем Востоке.

Условия работы организации, возглавлявшейся Зорге, резко усложнились. Но Зорге не мог прекратить деятельности, не получив на это разрешение Центра. Вскоре он составил обстоятельную радиограмму, в заключительной части которой говорилось:

«Дальнейшее пребывание в Японии бесполезно. Поэтому жду указаний: возвращаться ли на Родину, или выехать в Германию для новой работы?

Рамзай».

Он надеялся еще поработать в Берлине, в самом логове врага. Но надеждам его не суждено было осуществиться. Клаузен даже не успел передать последнюю радиограмму.

18 октября 1941 года в 8 часов утра организация Зорге перестала существовать.

Налеты на квартиры Зорге, Клаузена, Вукелича японская полиция произвела одновременно. Когда токко кэйсацу — полицейские агенты ворвались в квартиру Рихарда Зорге, он не потерял самообладания. Он лишь иронически улыбнулся. Понял: все кончено.

Обыск в квартире токко кэйсацу производили с большими предосторожностями: боялись адской машины. «Во время моего ареста в моем доме находилось от 800 до 1000 томов книг. Повидимому, они немало озадачили полицию. Большая часть из них была посвящена Японии».

Рихарда Зорге и его товарищей поместили в тюрьму Сугамо. Так как до суда было еще далеко, это считалось превентивным заключением.

Организация перестала существовать как функционирующая единица, но боевой дух людей не был сломлен и его не удалось сломить до конца.

Самое пристальное внимание было приковано к фигуре руководителя организации, ее идейного вдохновителя Рихарда Зорге. В полиции сразу же поняли, что имеют дело с личностью необыкновенной, и с чисто профессиональной точки зрения не могли не восхищаться им. Целых девять лет буквально на глазах

сотен полицейских и контрразведчиков действовал под его руководством коллектив, не знавший ни страха, ни усталости, жертвовавший личным благополучием во имя великого дела. Зорге даже приближенных японского императора и приближенных Гитлера заставил, можно сказать, работать на себя. Какой дерзостью, какой неизмеримой отвагой нужно обладать, чтобы в самом гнезде врагов творить поистине чудеса!..

Зорге не отрицал, что работал во имя победы Советского Союза, Красной Армии над фашизмом.

Как ни подгонял полицию премьер-министр Тодзио, предварительное следствие по делу организации Зорге затянулось почти на два года.

Правительство Гитлера потребовало выдачи Зорге и Клаузена, но японцы не пошли на это. «Прокурор Ио сказал мне,— вспоминал Макс,— что они, японцы, отказались сделать это. С некоторой гордостью Ио заявил: «Мы отвергаем это требование, поскольку сами решаем свои дела... Мы никому не позволим оказывать на нас влияние». Красивые слова...»

Первоначально следствие по делу Зорге вел отдел безопасности, потом оно было передано отделу контроля за иностранцами. Японскими членами организации занимался только отдел безопасности.

За два года многое случилось так, как и предвидел Рихард.

Гитлеровский план молниеносной войны против СССР потерпел полный провал. Началось общее стратегическое наступление Красной Армии.

В стенах тюрьмы, в тяжелейших условиях Зорге вел себя достойно.

Макс Клаузен в связи с этим вспоминал: «После моего освобождения из тюрьмы адвокат Асанума сказал мне, что Рихард Зорге вел себя очень смело. Он меньше всего заботился о сохранении своей жизни, а просил смягчить приговор другим членам организации и все брал на себя. Я уверен, что Рихард до самой своей смерти вел себя так же, как всегда».

Заседания Токийского районного суда проходили в августе — сентябре 1943 года.

Как построил защиту Зорге?

Прежде всего, он приложил все усилия, чтобы защитить своих товарищей. Приводил доводы, оправдывающие Макса, Анну, Бранко. Начал он так: «Японские законы являются предметом обсуждения как в широком смысле, так и в отношении каждой буквы текста. Хотя утечка информации, откровенно говоря, может быть наказана по закону, но на практике японская спе-

циальная система не налагает ответственности за сохранение тайны. Мне кажется, что при составлении обвинительного акта недостаточно внимания было уделено нашей деятельности и характеру информации, которую мы получали...»

Он обвинял японское правосудие в недомыслии и предвзятости, демонстрируя прекрасное знание японских законов. За всю долголетнюю службу японским судьям еще не приходилось слышать ничего подобного.

Аргументы Зорге были последовательны и логичны. Постепенно из обвиняемого он превратился в грозного обвинителя.

На каком основании арестованы Вукелич, Клаузены? Разве они нанесли какой-нибудь вред японскому государству? Разве есть какие-нибудь документы, уличающие Вукелича? Он состоял в организации? Состоять — это еще не значит быть активным. Разве формальная принадлежность к той или иной организации является достаточным поводом для привлечения к ответственности? Ведь он, Зорге, состоял также в нацистской партии. Почему же его не привлекают за это?

«То, что можно назвать политической информацией, добывал Одзаки или я,— говорил Зорге.— Я добывал информацию из немецкого посольства, но здесь опять-таки я считаю, что лишь очень немногая информация, если таковая была вообще, может быть определена как «государственная тайна».

Ее сообщали мне охотно. Чтобы получить ее, я не применял никакой стратегии, за которую мог бы быть наказан.

Я никогда не прибегал ни к обману, ни к насилию. Посол Отт и военные руководители просили меня помочь им писать донесения, в особенности Отт, который относился ко мне с большим доверием и просил меня прочитывать все его донесения, прежде чем отправлять их в Германию. Что касается меня, то я верил этой информации, так как она составлялась и оценивалась компетентными военным и военно-морским атташе для использования генеральным штабом Германии.

Я полагаю, что японское правительство, представляя сведения в германское посольство, знало, что некоторые из них утекут...»

Судьи были в растерянности. Никто из них не мог привести ни одного разумного довода против защиты, построенной Зорге. Заседание пришлось прервать «для дополнительного изучения вопроса».

Так повторялось несколько раз. Зорге по памяти называл параграфы японского права, приводил выдержки из них. Его обостренный ум уверенно шел сквозь лабиринт процессуального крючкотворства, заводил судей в тупик. Взять верх над Зорге судьям не удалось. Оставалось одно: заткнуть ему рот.

Зорге объявили, что состоится последнее заседание суда. Теперь от него добивались, признает ли он себя виновным.

«Нет, не признаю! — заявил Зорге.— Ни один из японских законов нами нарушен не был. Я уже объяснял мотивы своих поступков. Они являются логичным следствием всей моей жизни. Вы хотите доказать, что вся моя жизнь стояла и стоит вне закона. Какого закона? Октябрьская революция указала мне путь, которым должно идти международное рабочее движение. Я тогда принял решение поддерживать мировое коммунистическое движение не только теоретически и идеологически, но и действенно, практически в нем участвовать. Все, что я предпринимал в жизни, тот путь, которым я шел, были обусловлены тем решением, которое я принял двадцать пять лет назад. Происходящая война еще больше укрепила меня в правильности того коммунистического пути, который я избрал. Я об этом заявляю с полным сознанием того, что со мной произошло за двадцать пять лет моей борьбы, в частности и с учетом того, что со мной произошло 18 октября 1941 года...»

29 сентября 1943 года Токийский районный суд вынес приговор Рихарду Зорге: смерть! Это был последний «довод» японского правосудия.

Одзаки также приговорили к смертной казни.

И все-таки усилия Зорге возымели свое действие: смерть обошла стороной других членов организации.

Рихард Зорге не дожил до Дня Победы над фашистской Германией всего полгода.

Те, кто видел его в последние месяцы, свидетельствуют: он мало изменился со дня ареста: все тот же спокойный взгляд голубых глаз, все то же несколько скорбное выражение рта и те же скупые жесты, уверенная походка, чувство собственного превосходства над судьями и полицейскими.

С садистской изощренностью палачи избрали днем казни Зорге и Одзаки 7 ноября 1944 года.

В то ноябрьское утро Зорге чувствовал себя бодро, он не подозревал, что до смерти остались считанные минуты.

...Когда начальник тюрьмы Ичидзима в сопровождении палачей вошел в камеру, Рихард Зорге понял: это все, конец.

— Сегодня ваш праздник,— сказал Ичидзима.— Надеюсь, вы умрете спокойно.— Он потрогал кадык. Палачи рассмеялись. Но под суровым взглядом Зорге они мгновенно притихли. Ичидзима спросил, не добавит ли Зорге еще что-либо к своему завещанию.

— Мое завещание останется таким, каким я его написал!

Тогда начальник тюрьмы спросил:

— Хотите ли вы что-нибудь еще сказать?

— Да, хочу. Вы правы, господин начальник тюрьмы: сегодня у меня праздник. Великий праздник — двадцать седьмая годовщина Октябрьской социалистической революции. Я хочу сказать несколько слов в дополнение к своему завещанию. Передайте живым: Зорге умер со словами: «Да здравствует Советский Союз, да здравствует Красная Армия!» — После этого Зорге повернулся к тюремному священнику и сказал: — Благодарю вас за вашу любезность. Ваши услуги не понадобятся. Я готов.

Твердой походкой он прошел через тюремный двор. Очутившись в железобетонном мешке, не остановился перед алтарем, а направился прямо в камеру смерти — комнату без окон с виселицей в центре. Он встал на крышку люка и сам надел петлю на шею.

В 10.20 люк раскрылся.

...После казни Рихард Зорге тайно был похоронен на токийском кладбище Тама. Кладбище знаменито тем, что здесь покоятся останки сотен борцов-антифашистов.

После войны друзьям Зорге пришлось провести тщательные розыски, чтобы найти место его захоронения. Останки героя обнаружили в одной из братских могил. После кремации урна с прахом Зорге была захоронена на токийском кладбище Тама. Над могилой Зорге друзья установили памятник — гранитную плиту с надписью:

РИХАРД ЗОРГЕ
1895—1944

На другой стороне плиты высечены слова:

Здесь покоится герой, который отдал жизнь
в битве против войны, за мир во всем мире.
Родился в Баку в 1895 году, приехал в
Японию в 1933 году, был арестован в 1941 году,
казнен 7 ноября 1944 года.

Беспримерный подвиг советского разведчика потряс мир. Организация Героя Советского Союза Рихарда Зорге внесла свой посильный вклад в общее дело разгрома врага всего человечества — германского фашизма.

Потому-то во всех уголках земного шара и поныне не угасает интерес к личности Зорге и его делам.

Кто вы, доктор Зорге?..

Рихард Зорге сам ответил на этот вопрос. Ответ предельно лаконичен: «Я — коммунист!» Этим, по сути, сказано все.

О советском военном разведчике Герое Советского Союза Рихарде Зорге написаны десятки книг, интерес к его личности

непреходящ. И это понятно: Рихард Зорге стал символом мужества, идейности, интеллектуальной силы людей, которые в сложнейшей политической и международной обстановке сумели найти свое место в рядах борцов за мир, против фашизма и отдали этому делу жизнь до последнего дыхания.

Такими же беззаветными бойцами, как Рихард Зорге, были его соратники, члены его разведывательной организации, которая была по своему составу интернациональной.

Соратники Зорге... В зарубежной литературе их деятельность характеризуется подчас поверхностно, бегло, без раскрытия мотивов их подвига. А ведь это были люди, беззаветно преданные интернациональному долгу, пламенные антифашисты, подчинившие всю свою жизнь идее борьбы за мир, несмотря на постоянную угрозу гибели. Они были идейными борцами, рыцарями без страха и упрека, и в этом величие их подвига. Ни пытки и голод, ни одиночное заключение в японских застенках не сломили их мужества.

Взяв на себя труд рассказать о соратниках Зорге, авторы предлагаемых читателю очерков помимо имеющихся архивных документов использовали личные беседы с теми, кто близко знал этих замечательных людей или имел материалы об их жизни и работе. Авторы стремились к достоверности фактов, событий и психологических характеристик, помня слова Ромена Роллана: «Я называю героем лишь того, кто был велик сердцем».

Жизнь, подобная метеору

В разведывательной организации Рихарда Зорге особая роль принадлежала японцу Одзаки. «Одзаки был моим первым и наиболее ценным помощником»,— скажет позднее о нем Зорге.

Ходзуми Одзаки родился 1 мая 1901 года и был казнен по приговору японского суда 7 ноября 1944 года. Два великих революционных праздника... Что это, совпадение? Если день рождения можно считать делом случая, то день гибели Одзаки был выбран преднамеренно теми, кто ненавидел его за его дела и идеи.

Одзаки сам избрал свой путь и неотступно шел по нему до конца. Следователю незадолго до смертного приговора он скажет с глубоким спокойствием, от которого содрогнется судебный служака: «Я давно подготовился к этому дню. Да и по складу характера я — человек, философски относящийся к своей судьбе. Потому-то я и спокоен. Я родился в эпоху крутых поворотов в истории человечества. Идеи марксизма захватили меня це-

ликом, и я без колебаний шел по избранному мной пути, ни разу не оглянувшись назад».

Путь Одзаки — это путь японского интеллигента, осознавшего необходимость борьбы с милитаризмом и фашизмом во имя счастья своего народа и всего человечества. На допросах Ходзуми Одзаки не раз называл себя марксистом. Так, в протоколе допроса № 20 зафиксированы его слова: «Мы, марксисты, твердо убеждены в том, что ход истории неизбежно ведет к гибели мирового капитализма и переходу человечества на высший этап развития. Мои взгляды сформировались на основе изучения исторического материализма...»

Ходзуми Одзаки не состоял ни в какой партии. Казалось бы, зная, что ему грозит казнь, он мог не раскрывать своих политических взглядов перед следователями и прокурором. Ведь он понимал, что его будут судить не столько за дела, сколько за идеи и что суд приобретет характер идеологической расправы. Он знал это и все-таки настойчиво продолжал на каждом допросе разъяснять судебным чиновникам суть исторического материализма, говорить о неизбежности победы мирового революционного движения.

И в каждой фразе Одзаки звучала вера в правоту того дела, которому он отдал свою жизнь. Создается впечатление, что он твердо был уверен: его слова не затеряются в судебных архивах, а рано или поздно станут известны миллионам людей.

...Это началось давно, еще там, на Тайване, куда отец привез пятилетнего Ходзуми из метрополии. Ходзуми родился в Токио, до пяти лет он видел цветущую сакуру парка Уэно, прогнутые, словно стремящиеся улететь вверх, крыши древних пагод, мрачную серую громаду императорского дворца за широким рвом с водой и высокой стеной из дикого камня.

Иногда из деревни приезжал погостить дед Мацутаро. Он гордился древностью своего рода, все предки дома Одзаки были старшинами деревни Нисисиракава, пользовались дворянской привилегией носить два меча. По наследству эта должность перешла к деду. Был он человеком старого закала, верил в божественное происхождение императора, поклонялся своим воинственным богам в синтоистском храме. Он мечтал, что его сын Хидетаро (отец Ходзуми) станет врачом. И Хидетаро в самом деле сперва изучал медицину в Токио, но потом бросил учебу и занялся таким малодоходным делом, как журналистика, стал писать стихи, которые никто не хотел печатать. Позднее Хидетаро, не без поддержки друзей, стал редактором одного из молодежных журналов. Женился. Кита была дочерью сельского старшины. Она вышла замуж за дворянина Курогава, переехала в Токио. Ей не повезло: муж умер, оставив ее и детей без

средств к существованию. Чтобы прокормить семью, Кита открыла небольшой пансион неподалеку от редакции того журнала, редактором которого был Хидетаро. Они познакомились и полюбили друг друга.

И все-таки жить в столице было трудно, Хидетаро и Кита едва сводили концы с концами. Вот почему Хидетаро обрадовался, когда ему предложили переехать на Тайвань и редактировать там газету на китайском языке.

И вот Тайвань, населенный китайцами и малайцами, ненавидящими японских колонизаторов, захвативших этот остров. Был определенный риск, и все же Хидетаро перебрался с семьей на Тайвань, в Тайбэй. Маленький Ходзуми увидел могучие горы, покрытые рощами камфорного лавра, тростниковые и чайные плантации, на которых от зари до зари трудились подневольные китайцы, рабы родовитых самураев.

В тайбэйской средней школе, куда в 1913 году поступил Ходзуми, англичанка обучала детей английским манерам, пыталась внушить им, что «all doors are open to courtesy» (для вежливости все двери открыты) и что «anger is a sworn enemy» (гнев — злейший враг). Ходзуми охотно принимал на веру эти изречения, пока гнев не всколыхнул и его душу.

На Тайване повзрослевший Ходзуми на каждом шагу сталкивался с фактами произвола и насилия над местным населением. «Среди японцев в колонии преобладали люди жестокие и крайне грубые. По отношению к тайванцам они вели себя исключительно бессердечно...» «Притеснения и насилия со стороны японских властей по отношению к порабощенному местному населению вызвали у меня первые сомнения». Он обратился за разъяснениями к отцу. Что мог ответить ему Хидетаро? Сам он был хорошим гражданином, внушал детям, что главное в жизни человека — любовь к родине, к своему народу, что «и справа, и слева одновременно стоять нельзя», нужно быть твердым, вступив на избранный путь. Не следует уподобляться саранче, у которой пять способностей, но ни одного таланта: она бежит, но небыстро; летает, но невысоко; ползает, но только по земле; плавает, но недолго; копает, но неглубоко. То была народная мудрость, но она не давала ответа на вопрос: почему человек угнетает человека? Да, отец не мог ответить на него. Дед Мацутаро, приверженец религии синто, имел по этому поводу более определенную и твердую точку зрения: так всегда было и так будет во веки веков — о чем тут рассуждать?!

В Токио Ходзуми приехал в 1919 году. Ему повезло: он выдержал конкурс в Первый колледж Итико, лучший в стране, куда принимали только наиболее способных. Этот колледж открывал путь в Токийский университет. Одзаки интересовала

литература, и он выбрал литературное отделение колледжа, где основным иностранным языком считался немецкий. Восемнадцатилетний юноша увлекся историей отечественной литературы и постепенно все больше приходил к убеждению, что история литературы тесно связана с социальной историей японского общества, хотя этому в колледже не учили. Для преподавателей колледжа литература существовала как бы сама по себе, в отрыве от социальных потрясений.

Известие о победе в России Великой Октябрьской социалистической революции вызвало у Ходзуми, как и у миллионов японцев, прилив энтузиазма. Один рабочий из города Сэндай выразил свое отношение к революции в России так: «Я постоянно твердил детям: современный мир так устроен, что бедному человеку никогда не будет хорошо. Он должен терпеть и прилагать все усилия к тому, чтобы обеспечить себе жизнь. Но вот в России, подобно вихрю, поднялась революция, и в одно мгновение рабочий оказался хозяином мира. Я был в восторге».

Об университетском периоде своей жизни Ходзуми Одзаки рассказал на допросе так: «Когда летом 1923 года были проведены первые аресты членов японской компартии, я уже учился в университете. Затем последовали новые акты насилия и репрессии. Этот год стал для меня переломным. Я решил заняться серьезно изучением социальных проблем».

Это был страшный год для Японии. 1 сентября обширный район Токио — Иокогамы был разрушен землетрясением невиданной силы. Пострадали электросеть и газопроводы, возникли пожары. Токио пылал. Рабочие районы превратились в дымящиеся развалины, погибли десятки тысяч человек, повсюду валялись трупы. Правительство, воспользовавшись всеобщей паникой, решило расправиться с компартией и профсоюзами. По радио было передано: «Корейцы, китайцы, социалисты, жулики, хулиганы и проходимцы чинят грабежи и поджоги. Отдан приказ повсеместно принять строгие меры». «Строгие меры» были приняты: во время погромов погибло три тысячи корейцев; руководителей профсоюзов и Коммунистического союза молодежи закалывали штыками прямо в полицейских участках...

После окончания университета Одзаки решил продолжить образование и поступил в аспирантуру. Да, он задумал посвятить себя общественным наукам. Хорошим учителем для него стал ассистент экономического факультета, увлекавшийся историческим материализмом. И если до этого Одзаки видел основную силу общественного развития в различного рода теориях, в деятельности выдающихся личностей, то исторический материализм открыл ему глаза. Он стал подходить к истории общества как к истории борьбы классов: идейные мотивы вызваны

материальными причинами, подлинные творцы истории — массы.

Ходзуми Одзаки испытал настоящее потрясение, соприкоснувшись с этими великими идеями. Жадно читает он «Капитал» Карла Маркса, работы В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция». Свои новые знания молодой аспирант применяет к истории своей родины, где капитализм на глазах перерастал в свою последнюю стадию — империализм.

В Японии в те годы действовали три крупные организации ученых-марксистов: Институт обследования промышленного труда, Общество науки нового подъема, Институт международной культуры. Каждая из этих организаций издавала свои журналы. Одзаки с жадностью набрасывался на них. В журнале «Интанасёнару» печатались переводы из бюллетеня «Инпрекор», газеты «Правда», публиковались статьи о революционном движении в Германии, о революции в Китае; здесь выступал со статьями Сэн Катаяма. Одзаки продолжал совершенствоваться в немецком. Увлекаясь Советским Союзом, он одновременно с интересом следил за событиями в Германии. Оттуда приезжали молодые японцы, окончившие Берлинский, Гейдельбергский, Лейпцигский университеты. Они рассказывали о Гамбургском восстании 1923 года, о вожде этого пролетарского восстания Эрнсте Тельмане.

Ходзуми Одзаки называл себя марксистом по убеждениям. Но шел он в одиночку, считая себя не практиком, а ученым от марксистской науки, не искал связи с рабочими. «Мои взгляды эволюционировали от гуманизма к коммунизму...» Это и верно, и неверно. Правда, он вступает в профсоюз, вечерами посещает «Токийский клуб социальных проблем», сотрудничает в профсоюзной печати под псевдонимом Кусано Генкити. Но это лишь начало. Путь еще не определился. Одзаки кажется, что журналистика и есть главное оружие его борьбы за справедливое переустройство мира.

После окончания университета он сперва работал в газете «Токио Асахи» в отделе науки, потом перешел в китайский отдел газеты «Осака Асахи».

В городе Осаке в 1927 году Ходзуми женился на Эйко Хироси. Она писала стихи и печатала их в журнале «Цветы сердца». Работала в книжном магазине. Сидя на циновке в своей маленькой квартире, молодожены читали классиков. В тишине звучал взволнованный, немного печальный голос Эйко:

Когда ночь темна,
Когда тучами все сплошь

Небо застлано,
Где же знать мне, что вверху
Звезды блещут, как всегда?..

Ее любимый поэт — Цураюки. Под впечатлением этих тихих вечеров и стихов они дали друг другу клятву. Позже, находясь в камере смертников, Ходзуми напишет Эйко: «Помнишь ли ты слова клятвы, какую мы дали друг другу, когда решили начать новую жизнь? Смысл их заключался не только в том, что мы будем вместе, несмотря ни на какие трудности, он заключался и в другом. В глубине души я предчувствовал, в каком направлении пойдет моя жизнь. Передо мной стояли тогда важные вопросы, и в спутницы себе я брал Эйко, которая еще ничего про это не знала...»

Одзаки пока искал себя. Но был твердо уверен: рано или поздно он найдет дело, достойное всей его жизни.

В те годы в Китае происходили события, приковывавшие к себе внимание всего мира. В марте 1925 года в Пекине умер вождь китайской революции Сунь Ятсен. Два месяца спустя полиция международного сеттльмента расстреляла мирную китайскую демонстрацию в Шанхае. Это вызвало небывалый подъем национально-революционного движения в стране. Началась революция 1925—1927 годов. В силу многих причин она потерпела поражение. Этим задумала воспользоваться японская военщина: в 1928 году Япония оккупировала Шаньдун. Под давлением агрессивных японских кругов нанкинское правительство разорвало отношения с Советским Союзом и вступило на путь антисоветских провокаций в Маньчжурии.

В конце 1928 года Ходзуми Одзаки был послан специальным корреспондентом газеты «Осака Асахи» в Китай. Отправился он туда с женой Эйко и дочерью Йоко, обосновался в Шанхае. Семья занимала крошечную квартиру. «Я с величайшим уважением прислушивался в Шанхае к разговорам о китайской революции,— скажет он позже.— Шанхай был для меня своего рода ретортой всей революции. Тут было видно, как на ладони, к чему ведет превращение Китая в колонию и полуколонию. Здесь можно было достать самую разнообразную литературу левого направления, и это было прекрасно...»

Шанхай был наводнен иностранцами. Так называемый международный сеттльмент тянулся по берегу Хуанпу почти на десять километров. Западную часть Шанхая занимала французская концессия. Здесь, на широких проспектах, под сенью платанов прятались французские банки. Американский капитал обосновался на шумном Нанкин-лу, мало чем отличающемся от больших торговых улиц городов США. Кстати, застройка набережной Хуанпу была скопирована с нью-йоркских набе-

режных. Шанхай называли городом международного грабежа Китая. Политически здесь главенствовали американцы. По реке сновали десятки белых американских канонерок, на рейде дымили крейсеры, набережная почти всегда была запружена подгулявшими американскими матросами в белых пикейных шапочках. Американский, английский, французский сеттльменты... Миллион иностранцев. У них свои войска, своя полиция, свой муниципалитет.

Одзаки под впечатлением всего увиденного пишет статьи не только в газету, от которой аккредитован, но и тайно сотрудничает в левом журнале «Литература масс», подписывая свои хлесткие политические памфлеты, разоблачающие деятельность японской военщины в Китае, псевдонимом Осаки.

Он продолжает изучать современную китайскую литературу. Большим событием в его жизни стало знакомство с Лу Синем: Одзаки присутствовал на праздновании по случаю пятидесятилетия писателя и был представлен ему.

В октябре 1930 года произошла встреча, которая определила судьбу Одзаки до конца: он познакомился с советским военным разведчиком Рихардом Зорге. Тогда Одзаки еще не подозревал, с кем свела его судьба. Оба они значились журналистами-газетчиками, оба были заняты изучением проблем современного Китая. Кроме того, встречаясь с коллегой-немцем и обмениваясь с ним информацией, Одзаки получал дополнительную практику, разговаривая по-немецки. Острый ум Зорге, его эрудиция, проницательность при анализе международных событий сразу же покорили Одзаки.

Они часто говорили о Японии, о ее внутренних проблемах. Все это живо интересовало Зорге, а Ходзуми не опасался быть с новым другом откровенным. Что происходит в Японии? Военные расходы тяжким бременем ложатся на плечи трудящихся, экономический кризис еще больше обострил внутренние противоречия в стране. Но вместо того, чтобы позаботиться о нуждах народа, милитаристы и стоящие за их спиной дзайбацу замышляют новые военные походы, видя в них выход из всех бед.

К чему, например, может привести столкновение Японии с Советским Союзом? К быстрому краху Японии! Война с Китаем также истощит ее ресурсы. Одзаки считал: путь войны для Японии гибелен. Конечно, могут быть частные, временные успехи. Но что из того? Конечный результат один: катастрофа, бессмысленная гибель сотен тысяч людей... В любом случае Одзаки пророчил Японии поражение, считая экспансионистскую программу милитаристов безумием. Он подробно анализировал политику иностранных держав в Китае.

Общение с Рихардом Зорге помогло Одзаки по-новому взгля-

нуть на развитие военных и политических событий на Дальнем Востоке, а также оценить миролюбивую политику Советского Союза и его влияние на решение дальневосточных проблем.

В Шанхае, в общественном парке, есть памятник немецким морякам, погибшим во время тайфуна в устье Янцзы,— бронзовый обломок мачты. Здесь, у памятника, Зорге часто встречался с Одзаки. Однажды в августе 1931 года Ходзуми пришел сильно встревоженным. «Я должен поставить вас в известность о кое-каких обстоятельствах,— сказал он.— Назревает новая авантюра: генералы Джан Цзинхой и Чжан Сюэлян задумали, по существу, продать Маньчжурию японской военщине. Я обеспокоен. Если японская армия перережет линию КВЖД, может произойти столкновение с Красной Армией». Эти сведения Одзаки получил от своих друзей, связанных с японскими военными. Одзаки считал, что агрессивный замысел японской военщины следует предать широкой гласности, дабы сорвать преступный план. Зорге был взволнован сведениями Одзаки. Заняв Маньчжурию, японские войска выйдут к границам СССР! Сообщение следовало проверить по другим каналам, но Рихард знал, что Одзаки осведомлен лучше кого бы то ни было. На правах иностранного корреспондента, представляющего и американские газеты, Зорге попытался установить, как отнесутся США к предполагаемому вторжению. Ведь американцы организовали в Маньчжурии компанию по разработке каменного угля, строили радиостанции, собирались строить завод, поставляли оборудование. К его удивлению, американцы не проявляли никакого беспокойства. Так же невозмутимы были и англичане.

«Зорге сказал мне, что он хотел бы послать в Маньчжурию подходящего человека, который ознакомился бы с обстановкой на месте, и попросил меня подобрать такого человека...» Так началось сотрудничество Ходзуми Одзаки и Рихарда Зорге.

18 сентября 1931 года японские войска начали захват Маньчжурии. Были оккупированы Мукден, Чанчунь, Гирин, Цицикар, Харбин. В марте 1932 года японцы провозгласили «самостоятельное государство» Маньчжоу-Го. Но в Токио разрабатывали новые агрессивные планы.

Еще в первых числах января 1932 года Одзаки сообщил Зорге о предполагаемой высадке японских войск в Шанхае. Опьяненные легкими победами в Маньчжурии, японские милитаристы обнаглели, их не пугали американские и английские крейсеры и канонерки.

Эти события взволновали Одзаки.

— Будут новые жертвы,— сказал он.— Во имя чего? Я готов рвать на себе волосы от собственного бессилия, мой голос тонет в злобных выкриках воинственных генералов и адмира-

лов. Но я должен драться, обязан драться. Может быть, мои приемы борьбы несовершенны, прямолинейны? Укажите мне другие, и я приму их безоговорочно, так как верю вам...

Зорге понимал, о чем говорит его друг, но не совсем был с ним согласен: дело в том, что голос Одзаки звучал в Шанхае очень громко. В прогрессивных шанхайских газетах все чаще и чаще появлялись статьи некоего Сиракава Дзиро. Сиракава клеймил японских оккупантов, раскрывал закулисную сторону дела, требовал международного суда над поджигателями новой японо-китайской войны. Этот Сиракава обладал дьявольской проницательностью: он знал о намерениях японского командования, называл сроки вторжения в Шанхай, приводил неопровержимые факты о зверствах оккупантов в Маньчжурии. Под псевдонимом скрывался не кто иной, как Одзаки, и Рихард знал это.

Когда 28 января 1932 года японские захватчики начали военную операцию по овладению Шанхаем, Одзаки, теперь уже не скрываясь под псевдонимом, отправил гневную статью-протест в свою газету «Осака Асахи». Газетные воротилы из правления «Асахи» всполошились. В то время, когда доблестная японская армия... Отозвать, немедленно отозвать из Китая мятежного корреспондента! Еще пылал под ударами авиации Чапэй, еще гремела артиллерия, еще героически дрались на баррикадах рабочие, а Одзаки вынужден был укладывать чемоданы. «Осака Асахи» шла на жертвы: в самый ответственный момент отозвать корреспондента!.. Кто будет описывать подвиги солдат ямато? Но лучше остаться без информации, чем получать такое...

Зорге предложил ему порвать с газетой и остаться в Шанхае. Одзаки отрицательно покачал головой.

— Рано или поздно я все равно должен вернуться на родину. Кто знает, может быть, там я смогу сделать больше для нашего общего дела? Приезжайте в Японию. Вот вам моя рука на вечную верность...

В конце февраля он уехал. Последние его слова Зорге воспринял тогда чисто символически. «Приезжайте в Японию...»

Разве могли они предполагать, что через полтора года Зорге действительно приедет в Японию и они снова встретятся, и эта встреча свяжет их до последнего дня жизни?

В правлении «Асахи» Одзаки объявили выговор и даже хотели уволить. Но так как корреспондент оказался прав в своих прогнозах — японская интервенция в Шанхае особого успеха не имела и обошлась дорого,— то его оставили. Он знал Китай и мог еще пригодиться.

Когда весной 1934 года в редакции «Осака Асахи» появился связной от Зорге, Одзаки не удивился. Он думал, что Рихард все

это время находился в Китае, и вот теперь решил поработать в Японии. Они встретились в городке Нара в аллеях старинного парка. Зорге сказал, что приехал ради того общего дела, которое волнует их обоих, и рассчитывает на помощь Одзаки. Тот ответил крепким рукопожатием. Он принял также предложение перебраться в Токио, где устроился в исследовательскую группу газеты «Асахи», занимавшуюся изучением восточноазиатских проблем. Одзаки сразу же занял здесь ведущее место как эксперт по китайским делам.

Если раньше он мало думал о карьере, то теперь решил попытаться приобщиться к сильным мира сего. Этого требовала та опасная и благородная работа, которой он отныне решил целиком подчинить жизнь. Источники ценной информации находились в правительственных кругах. Главная задача, возложенная Зорге на Одзаки,— внимательно изучать развитие германо-японских отношений. Гитлер пришел к власти, Гитлер ищет союзников. Немецкие дипломаты будут стараться втянуть Японию в большую войну против Советского Союза. Нужно отвести угрозу нападения на СССР, отвести в интересах народов обеих стран даже саму возможность войны между Японией и Советским Союзом.

Для Одзаки, любящего свой народ, это была задача величайшей важности. От успеха решения ее, возможно, во многом зависело будущее Японии. И он подчинил задаче все: личную безопасность, благополучие семьи, все свои успехи, карьеру ученого-востоковеда. Он был бойцом и знал, что большие дела требуют больших жертв. Да-да, подняться выше... больше знать о зловещих замыслах милитаристов — заклятых врагов японского народа...

Начинается головокружительное восхождение Одзаки. Он по-прежнему ненавидит любителей грабежа, экспансии, наживы. Но теперь Одзаки — сама осторожность. Он печатает пространные статьи в солидном политическом журнале «Тюо корон», и эти статьи, содержащие глубокий анализ внутриполитического положения в Китае, написанные в спокойной манере, считаются наиболее авторитетными даже в правительственных кругах. Одзаки завязывает самые тесные связи с Институтом тихоокеанских отношений; журнал «Контемпорери», выходящий на английском языке, охотно предоставляет ему свои страницы. Нет больше мятежного журналиста Одзаки, есть эксперт по Китаю, крупный специалист. Вот почему в 1936 году его посылают в Америку японским делегатом на Иосемитскую конференцию Института тихоокеанских отношений. В США он делает обстоятельный доклад, светила науки рады завязать с ним дружбу. Именно на конференции в Америке Одза-

ки свел знакомство с молодым графом, клан которого играл большую роль при императорском дворе и был тесно связан с крупнейшими концернами Мицуи и Сумамото. Молодой граф мог стать источником важной информации о японо-германских отношениях.

В Токио Одзаки возвращается как бы увенчанный лаврами. Все научные учреждения, занимающиеся Дальним Востоком, стремятся переманить его к себе. Одзаки публикует книгу за книгой.

Однажды Одзаки вдруг вспомнил двух своих давних приятелей по Первому колледжу. Они теперь были личными секретарями принца Коноэ. Одзаки предпринимает шаги, чтобы эту дружбу возобновить. И вот они встречаются и ведут беседы на международные темы. Всех волнует китайский вопрос, тут Одзаки в своей стихии. К этой тройке примкнул один из личных друзей принца Коноэ, возглавлявший группу по изучению китайской проблемы.

Принц Коноэ — вот куда направлены устремления Одзаки, поскольку он знает, куда метит принц. Председатель палаты пэров, представитель высшей придворной аристократии Коноэ Фумимаро метил в премьеры.

Друзья постарались заинтересовать принца достоинствами Одзаки и вызвать у Коноэ желание познакомиться с ним. Эксперт по Китаю произвел выгодное впечатление на принца. Такой тонкий знаток Китая, решил Коноэ, всегда может пригодиться. Ему требовались умные советники, знающие Дальний Восток. Этот узколицый, носатый человек с гитлеровскими усиками вынашивал в своей голове грандиозный план: сплотить вокруг себя различные группы в лагере господствующих классов, соединить в бронебойный кулак военщину, занятую междоусобными распрями, финансовый капитал, придворную аристократию и все подчинить основной задаче —войне против Китая. То, что делалось в этом отношении до него, Коноэ считал совершенно недостаточным. Лицемерно-мягкий в обращении, он быстро покорял людей, но Одзаки понимал, что имеет дело с опасным противником. Коноэ решил организовать своеобразное информационно-дискуссионное общество из специалистов по Китаю. Конечно же Одзаки в этом обществе по праву принадлежала одна из первых ролей!

Такое общество было создано. Оно получило название «группы завтрака», так как члены его обычно встречались в утренние часы. Коноэ требовал от каждого откровенности. Что, например, думает господин Одзаки о войне против Китая? Одзаки видел принца насквозь: экспансионист искал у знатоков поддержки своим агрессивным замыслам. Но тут Одзаки был тверд.

Агрессия против Китая и Советского Союза непопулярна в народе. Страна охвачена длительной и упорной забастовкой. Такого не бывало еще с 1918 года. Поднялись крестьяне. Премьер-министры и правительства меняются почти каждый год. Япония увязнет в просторах Китая... Слушая, Коноэ согласно кивал головой. А придя к власти в июне 1937 года, сразу же стал готовиться к войне. У него были свои соображения на этот счет.

Одзаки предпринял героические усилия, чтобы отговорить премьер-министра от агрессии. Но премьер-министр лишь посмеивался. Все было приведено в готовность. Сперва Китай, а затем СССР. Одзаки бросился к своему приятелю, советнику премьера, стал уговаривать повлиять на принца. Авантюра в Китае приведет ко второй мировой войне! «Вопрос решен, и нечего беспокоиться»,— сказал советник.

Безумный акт начался инцидентом в Лугоуцяо, в двенадцати километрах от Пекина, 7 июля 1937 года. Началась война в Китае. Одзаки был в отчаянии.

Но в конечном итоге все произошло так, как он и предполагал: полтора месяца спустя Советское правительство заключило с Китаем договор о ненападении, Советский Союз пришел на помощь китайскому народу. Провокация японской военщины по отношению к СССР у озера Хасан потерпела полнейший провал. Китай поднялся на борьбу. Все карты Коноэ были биты. В январе 1939 года он вынужден был выйти в отставку. Два года, пока Коноэ находился у власти, Одзаки был неофициальным советником при кабинете принца. По совету принца Одзаки ушел из «Асахи» и стал государственным чиновником. Он получал информацию государственной важности от самого премьер-министра: Коноэ ему доверял. Все, что относилось к германо-японским отношениям, становилось известно Зорге.

С уходом Коноэ в отставку Одзаки не утратил позиций в правительственных сферах. Он устроился советником в токийский отдел исследований Южно-Маньчжурской железной дороги. Это было высокое назначение. И на новой службе Одзаки имел возможность получать важную информацию о происках милитаристов в отношении Советского Союза. Коноэ после своего поражения стал ценить Одзаки еще больше. Принц не терял надежды вернуться к власти, а Ходзуми предполагал еще больше приблизиться к принцу и со временем попытаться оказывать действенное влияние на политику его кабинета. Коноэ и в отставке был хорошо осведомлен о том, что делается в правительственных кругах. Он настолько проникся верой в Одзаки, что считал его чем-то вроде оракула, наделенного даром провидения. Так, однажды он спросил, что произойдет, если Япония развяжет войну на границах Внешней Монголии? Одзаки на-

сторожился. Уж не затевается ли новая авантюра? Следует обязательно поставить в известность Зорге... Принцу же он ответил, что СССР сразу придет на помощь Монгольской Народной Республике. Япония потерпит поражение, а правительство Хиранума уйдет в отставку...

Снова придя к власти в июле 1940 года, Коноэ еще больше приблизил Одзаки к себе. Принц довольно часто не был согласен со своим советником. Но сколько раз прогнозы Одзаки сбывались! Сколько раз, например, советовал он не верить Гитлеру!.. И что же? В самый трудный для Японии момент, когда нападение на МНР закончилось крахом, Гитлер заключил с Россией пакт о ненападении. Одзаки говорил об интересах Германии в Китае: Гитлер и тут пытается обойти японцев... Одзаки прав: ввязываться в конфликты с Советской Россией — опасное дело. Коноэ не стал более лояльным в отношении СССР, просто разгром японских захватчиков у Халхин-Гола несколько образумил его.

Теперь «группа завтрака» собиралась прямо в резиденции премьер-министра. Здесь предварительно обсуждались многие политические и международные вопросы.

Одзаки был взбудоражен, когда узнал, что Германия собирается напасть на Советский Союз. Не ввяжется ли кабинет Коноэ в эту авантюру? Одзаки очень тревожило развитие событий, но он верил в непобедимость Красной Армии и в беседах с премьером утверждал, что Гитлер, развязав войну против СССР, тем самым подпишет себе смертный приговор...

22 июня 1941 года нацисты напали на Советский Союз. Коноэ возбужден, прикидывает, взвешивает. Гитлеровцы рвутся к Москве. Может быть, это и есть тот самый выигрышный момент, о котором Коноэ мечтал с самого начала своей политической карьеры? Упустишь — потеряешь все... Как трудно быть главой правительства! Ошибочный ход одной фигурой — и партия проиграна. А еще древняя пословица гласит, что волосатый повар всегда боится огня. Не является ли он, Коноэ, таким волосатым поваром?

...Организация Зорге переживала напряженные дни. Было установлено, что за каждым ее членом ведется слежка. Полицейские агенты ходили прямо-таки по пятам. Эйко не знала о секретной деятельности мужа, не подозревала, перед какой пропастью он стоит.

Летят радиограммы в Центр. Одзаки не щадил себя, он работал. Деятельность Одзаки была долгом истинного патриота. Лично для себя он не хотел ничего. Наоборот, он сознавал и чувствовал неотвратимо надвигавшуюся на него опасность и готов был к аресту, тем более что дни кабинета Коноэ были сочтены.

К власти рвется военный министр генерал Тодзио, который готов хоть сегодня развязать войну на Тихом океане. Тодзио поддерживают различные крайние шовинистические политические группировки, наиболее агрессивные, воинствующие круги...

15 октября 1941 года вечером к особняку Одзаки подкатила полицейская машина. Он не оказал сопротивления. Постарался успокоить жену: «Не тревожься за меня, я знал, что делал. В конечном итоге все будет хорошо». Что он хотел сказать этими словами?

Через два дня премьер-министром, военным министром и министром внутренних дел стал генерал Тодзио.

Во время следствия, длившегося три года, Одзаки вел себя спокойно, с большим достоинством. Он знал, что будет повешен, но не боялся смерти. Допрашивали его с пристрастием: за первые пятнадцать дней допросов Одзаки потерял восемь килограммов веса.

Что придавало ему бодрости и сил в годы томительного одиночного заключения?

Вера в конечную победу идеалов мира и прогресса на всей земле, в возможность уберечь свою родину от катастрофы. Теперь, во время следствия, он открыто провозглашал эти идеи, бросал их в лицо судьям.

Одзаки еще в 1937 году доказывал, что вторая мировая война окончится не перераспределением колоний, как было после первой, а коренными социальными изменениями во всем мире. Он предсказывал, что Япония неминуемо столкнется с США и Англией. И, несмотря на возможные первые успехи, Япония потерпит поражение, так как экономика ее слаба, ресурсы истощены в несправедливой войне против Китая. Единственно правильной политикой для Японии было бы сотрудничество с Советским Союзом.

Находясь в тюрьме, Одзаки по отрывочным сведениям убеждался, что прогноз его начинает оправдываться: 7 декабря 1941 года Япония совершила нападение на Тихоокеанскую военную базу США Пёрл-Харбор. США потеряли восемь линкоров, шесть крейсеров, один эсминец, двести семьдесят два самолета. Три тысячи четыреста американцев было убито и ранено. На другой день в Японии был опубликован императорский указ об объявлении войны Соединенным Штатам и Великобритании. Потом Япония, Италия и Германия подписали военный пакт о совместной войне против США и Великобритании. Да, первый этап военных действий принес Японии невиданные успехи. Но в дальнейшем, как и предостерегал Одзаки, дела пошли все хуже и хуже. И хотя Англия и США старались не рас-

трачивать свои силы в тихоокеанских операциях, приберегая их под конец войны, чтобы диктовать свои условия на мирной конференции, все равно милитаристская Япония была обречена с самого начала. Чем все это кончилось, известно.

Из тюрьмы Одзаки писал жене: «Сейчас я ожидаю смерти... Я испытываю счастье при мысли, что родился и умру здесь, у себя на родине... Здесь, в тюрьме, моя любовь к семье вспыхнула с внезапной силой и стала источником мучительных переживаний... Видимо, профессиональному революционеру нельзя иметь семью...»

Перед ним проходила вся его жизнь с ее беспрестанными поисками самого себя. Да, самое важное для человека — найти себя! Он нашел себя. Жизнь и смерть отдельной личности не так уж много значат в громе гигантских исторических событий. Важнее другое: сознание того, что ты, никогда не идя на сделки с собственной совестью, не ожидая награды, отдал себя всего общему делу, тому делу, которое в конечном итоге называется социальным прогрессом всего человечества. Ты боролся, как умел, и твой единственный судья — время. Оно все поставит на свои места. Твой судья — будущее твоего народа, и народ поймет, что ты умер за него.

И здесь, в сырой камере смертника, ему вспоминались тихие вечера с женой Эйко, ее печальный голос и стихи:

Когда ночь темна,
Когда тучами все сплошь
Небо застлано,
Где же знать мне, что вверху
Звезды блещут, как всегда?..

Он мог бы жить, как другие, предаваясь семейным радостям... Мог бы. Но долг оказался выше всего: выше привязанностей, выше любви, выше мелких обывательских представлений о счастье. Счастье в борьбе. И только в борьбе...

Простые люди Японии еще во время процесса над Одзаки понимали, что боролся он за счастье народа, ради благополучия каждого из них. Когда Йоко перестала посещать школу, к ней домой пришла учительница и сказала девочке, чтобы она не стыдилась отца: он пострадал за правое дело. С того дня Йоко вернулась в класс, и все относились к ней хорошо.

29 сентября 1943 года Ходзуми Одзаки и Рихард Зорге были приговорены к смертной казни.

Казнь состоялась 7 ноября 1944 года.

В девять часов утра в камере Одзаки появились стражники. Одзаки понял все, но даже не изменился в лице. Он взял открытку и написал последнее письмо жене: «Я не трус и не боюсь смерти». Палачам он сказал: «Я умираю за народ!» Его повели

через тюремный двор к месту, где находилась железобетонная комната с высокими стенами. Это была пустая комната без окон. Тусклый свет запыленной электролампочки освещал виселицу, крышку люка. Одзаки встал на люк, ему накинули петлю на шею.

В 9.33 люк раскрылся. В 9.51 Одзаки Ходзуми не стало. Ему не было и сорока пяти лет.

Останки Одзаки выдали семье. Они захоронены на кладбище Тама.

Жена Одзаки Эйко (Хидеко) умерла в мае 1972 года. Письма Одзаки из камеры смертников жене опубликованы в Японии несколько лет назад. «Любовь, подобная падающей звезде» — так называется книга из двух томиков в розовых обложках, где собраны все эти письма.

«Любовь, подобная падающей звезде...» Это не только любовь к жене Хидеко, к дочери, к родным. Нет, не о такой любви пишет Одзаки из камеры смертников. Его любовь иного масштаба, и свет, какой от нее исходит вот уж много десятилетий, подобен звездам. Но это свет не умершей звезды, это человеческое тепло, любовь ко всему человечеству. «Я хорошо знаю из писем и других источников, что мои родные гневаются на меня. Они считают, что я поступил жестоко, лишив счастья не только самого себя, но и жену и маленькую дочь. Думаю, что они по-своему правы. Ведь я сразу знал, чем все это кончится. Но я настолько был захвачен борьбой, что мало заботился о безопасности своей и своих близких. Я служил высшим интересам. Я хочу снова повторить: «Откройте шире глаза, вглядитесь в нашу эпоху!»

Кто сумеет правильно понять веление времени, тот не станет заботиться только о личном счастье и счастье своих родных. Моя работа давала мне возможность увидеть будущее, понять его, и это было для моего сердца самым близким и самым родным. Пусть меня таким и вспоминают. Это будет лучшим надгробным словом над моей могилой. Мои последние слова прошу передать всем».

Так писал Одзаки в завещании. Таким он вошел в бессмертие.

Пока цветет сакура...

Художник Ётоку Мияги был связующим звеном между Зорге и Одзаки. Частое общение советника премьер-министра с иностранным журналистом Зорге могло вызвать излишние подозрения у агентов японской контрразведки. Мияги в глазах тайной полиции был тем человеком, который по роду своих за-

нятий мог общаться с кем угодно: ведь заказчики принадлежали к самым различным слоям общества, среди них часто встречались также иностранцы. Ничего необычного, например, не было в общении японского художника-искусствоведа Мияги с французским фоторепортером югославом Бранко Вукеличем. Вукелич углубленно изучал японское искусство и общался со знатоками гравюры. Журналист Зорге часто давал в немецкие газеты репортажи о художественных выставках и музеях Токио. Мияги мог также принимать заказы от государственного чиновника Одзаки, близкого к премьер-министру Коноэ. А кроме того, Мияги обучает рисованию маленькую дочь Одзаки. Художник Мияги, добывающий себе на хлеб собственным трудом, связан с десятками людей. На выставках он дает объяснения иностранным туристам, читает лекции в университетах, переводит книги американских искусствоведов и для заработка малюет портреты светских дам.

Худой, с чахоточным румянцем на щеках. Да, у него застарелый туберкулез. Долго скитался по свету, жил в Калифорнии, теперь вот вернулся на родину. Одевается изысканно, манеры изящны. В совершенстве владеет английским. Он общителен и потому всегда окружен молодежью. Мияги не лишен светских манер, и его охотно приглашают в избранное общество.

...Лазурный остров Окинава. Архипелаг Рюкю. Пепельно-серые пальмы вздымаются до неба. Металлический шелест их широких листьев сливается с гулом океана. Здесь, на острове, в семье мелкого разорившегося землевладельца 10 февраля 1903 года родился Ётоку Мияги. Отец Ётоку был из тех, кто не боялся расстояний. В поисках призрачного счастья он эмигрировал на Филиппины. Но и здесь ему не повезло. Тогда он отправился в Калифорнию, где устроился на ферму близ Лос-Анджелеса.

Ётоку остался на родине и воспитывался в семье деда со стороны матери. Дед был стар и мудр. Попыхивая самодельной сигареткой из листа пандануса, он рассказывал мальчику историю острова. Некогда народ Окинавы пребывал в довольстве, всего было много: и земли, и кокосовых пальм. Но вот понаехали сюда жадные банкиры, адвокаты, чиновники из Кагосимы, захватили все, и народ обнищал. Каждый торопился сколотить капитал за счет местного населения. Отец Ётоку был честным человеком, не жил за счет чужого труда, потому и разорился. В давние времена умирали только дряхлые старики, теперь от нужды умирают молодые. «Мне кажется, что жестокая критика моим дедом этой тирании эксплуататоров и бедность народа Окинавы впервые обратили мой ум на политические вопросы. Я возненавидел ростовщиков и эксплуататоров, потому что мой отец учил меня никогда не использовать слабость другого для

своей выгоды. Отец, как и дед, рассказывал мне о славном периоде в истории Окинавы и сравнивал его с теперешним полуколониальным положением...»

Подметив в мальчике страсть к рисованию, дед достал у знакомых репродукции с гравюр и картин японских художников Хокусая и Корина. Говорят, Хокусай жил сто лет. Его произведения посвящены простым людям — крестьянам, ремесленникам. Из Корина хотели сделать купца, но он отказался от торговой деятельности и занялся живописью. Он презирал аристократов, за что и был изгнан из родного Эдо.

Это было первое соприкосновение Мияги с настоящим искусством. У него зародилась мечта стать художником. В 1917 году он окончил начальную школу и поступил в учительский институт. Учился Ётоку прилежно, но питался скверно. Вот тогда-то и привязался к нему туберкулез. Учение пришлось бросить. Отец писал редко, деньги присылал еще реже. И все-таки Мияги казалось, что там, в Калифорнии, жить легче. Увидеть бы отца...

Отец казался добрым, сильным. Дед вынул из лакированной шкатулки заветные иены. Мияги сел на океанский пароход в «отделение бедняков» и в июне 1919 года, на девятнадцатый день после отплытия из Иокогамы, ступил на американский берег. Иммиграция в Америку и Канаду в то время считалась обычным делом. С незапамятных времен японцы, выходцы из крестьян-бедняков, уезжали сперва на Гавайи, на плантации сахарного тростника, а затем многие перебирались в США. Здесь, в Калифорнии, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, существовали целые японские поселения. Они беспрестанно пополнялись политическими беженцами.

В Сан-Франциско проживало свыше пятидесяти тысяч японцев, в других городах японское население также исчислялось десятками тысяч. Японцы владели предприятиями, лавками, ресторанами, прачечными, разводили картофель, выращивали цветы. Это была привилегированная часть. Основная же масса за гроши работала в шахтах и на рудниках. Здесь царили произвол и дикая эксплуатация.

Отец мало чем мог поддержать Мияги. Все же он устроил сына в школу английского языка (без хорошего знания языка невозможно было найти работу), а затем в школу художеств в Сан-Франциско. Вручив сыну все свои скудные накопления и оставив себе лишь на дорогу, Мияги-старший вернулся на Окинаву. Ётоку остался без поддержки, без надежд в совершенно незнакомой стране. Питался десятицентовыми булками, за двадцать долларов в месяц мыл лестницы в гостинице. Но он не пал духом. Перебрался в художественную школу в Сан-Диего, устроился поденщиком на ферму. Учился в институте живописи Мак-

дональда Райта. В японской культуре в то время шла борьба между сторонниками модернизма и поклонниками прошлого. Ясно обозначились два лагеря: одни требовали подчинить искусство служению народу, другие ратовали за искусство ради искусства. Мияги сразу же примкнул к тем, кто своим знаменем сделал боевое реалистическое искусство. Ему посчастливилось познакомиться с работами ряда прогрессивных художников, находившихся под большим влиянием советских мастеров Фаворского и Кравченко.

В 1925 году группа прогрессивных художников задумала открыть свой клуб в Лос-Анджелесе. Предполагалось, что клуб будет существовать полулегально, он объединит всех, интересующихся социальными проблемами. Для прикрытия местом занятий кружка станет небольшой ресторан «Сова», владельцем которого сделали Мияги. Кружок посещала прогрессивно настроенная интеллигенция. В секцию восточных национальностей входили японцы, китайцы, филиппинцы, индийцы; больше всего здесь было японцев. В Лос-Анджелесе Мияги женился на художнице Ямаки Чио.

Мияги познакомился с ней в школе художеств в Сан-Диего. Это была хрупкая, романтичная девушка. Здесь, на чужбине, она быстро освоилась, бегло болтала по-английски, но втайне тосковала по далекому городу Миядзаки, где прошло ее раннее детство. В вопросах искусства Ямаки старалась быть ультрасовременной, но не чуждалась и старинного японского жанра хайга. Хайга — это скупая поэзия красок, печаль, выраженная кистью и тушью. Мияги читал стихи «Бедность»:

Тяжело падает дождь
На мою шляпу,
Украденную у придорожного пугала.

Чио взмахами кисти изображала это на бумаге.

Летом они уезжали в горы и здесь работали. Ямаки увлеклась гравюрой. Мияги задумал создать серию картин реалистического плана: «Японцы в Америке». Он бывал в рудниках, на сахарных заводах, в школах и убедился, что японские предприниматели и консул действуют заодно с американскими эксплуататорами, особенно когда вспыхивают забастовки японских рабочих.

Мияги писал маслом и пастелью. В своих картинах старался отразить трагедию простого человека, оставшегося без родины, непосильный труд и беспросветную нужду, социальный протест. Он не надеялся, что его работы найдут покупателей. Но неожиданно на них появился большой спрос. Покупали те, кто разбогател, и те, кто полунищим возвращался в Японию. Покупали

американцы и европейские туристы. Благополучие семьи Мияги росло. Серия пополнялась из года в год. Оценщикам нравилась его дерзкая, грубая манера. Несколько картин попало на выставку японских художников. «Где бы ни был мой народ, каким бы унижениям ни подвергался, я всегда с ним. Я певец его страданий...» — думал Мияги.

Интернациональный кружок в Лос-Анджелесе был преобразован в «Рабочее общество», стал издавать свой журнал «Классовая борьба» и еженедельную «Рабочую газету». Мияги и его жена Ямаки вступили в «Общество пролетарского искусства», созданное по примеру «Союза пролетарских художников» Японии.

Американские власти обрушили град репрессий и на «Рабочее общество», и на «Общество пролетарского искусства». Попал в тюрьму друг Мияги редактор «Рабочей газеты», были арестованы еще семь человек из «Рабочего общества». Угроза нависла и над Мияги. Он объявил, что по вызову больного отца собирается в Японию.

Ётоку простился с товарищами, с любимой женой и отправился в Японию. Жене пообещал скоро вернуться. Не мог он знать, что они не увидятся больше никогда...

В Токио Мияги прибыл в октябре 1933 года. Там он познакомился с Бранко Вукеличем, а позднее с Рихардом Зорге, который, узнав ближе взгляды и настроения Мияги, предложил художнику вступить в их организацию. Мияги растерялся. А как же Чио, имущество, картины?.. Он мог отказаться и спокойно вернуться в Лос-Анджелес, но, после того как Зорге объяснил ему цели, ради которых они объединились, Мияги согласился.

Первое задание, которое он получил: разыскать в Осаке Ходзуми Одзаки и связаться с ним. Зорге или Вукелич не могли появиться в редакции «Осака Асахи», не привлекая к себе внимания. Художник и Одзаки подружились. Их политические взгляды совпадали. И хотя Мияги в основном получал задания от Зорге, он с радостью выполнял любые поручения Ходзуми, стал частым гостем в его доме, сумел очаровать госпожу Эйко и пятилетнюю Йоко.

При том строжайшем отборе единомышленников и помощников, который осуществлял Зорге, среди них не было случайных людей. Каждый являлся важным звеном, нес предельную нагрузку, чувствовал свою значимость.

Мияги поселился на улице Рютотьо в районе Адзабу. Комната находилась на втором этаже — полутемная каморка. Он пытливо всматривался в незнакомую для него, по сути, жизнь. Годом раньше правительство произвело массовые аресты членов

революционных профсоюзов, прогрессивных деятелей. Тюрьмы были забиты до отказа, первомайские рабочие демонстрации запрещены. Еще в 1928 году была введена смертная казнь за революционную деятельность. В 1928 году полицейские убили Генерального секретаря ЦК Компартии Японии Масаноскэ Ватанабэ, в 1933 году замучили крупнейшего пролетарского писателя Такидзи Кобаяси.

Мияги не страшили пытки, он поклялся себе быть мужественным до конца. Он знал, что борьба не признает половинчатых жертв — это дело жизни, всей жизни...

Ётоку Мияги не вращался в высших сферах, не имел доступа к тайнам германского посольства, не состоял советником при премьер-министре. Он жил среди тех, кто вольно или невольно втягивались в водоворот преступных замыслов клики милитаристов. Мияги боролся за жизненные интересы трудового народа Японии, стремился оградить его от кровавых жертв, разоблачать планы агрессивной войны.

Официально Мияги не входил в реакционную «Организацию мастеров гравюры, участвующих в войне», но слыл здесь своим человеком, его причисляли к баталистам. Однажды знакомый художник сообщил, что срочно выезжает в Маньчжурию, на монгольскую границу: там намечаются дела! Встревоженный Мияги сделал безразличный вид, сказав, что все эти «дела» его утомили; он знает, чем все кончится. «И чего они добьются еще одной мелкой провокацией? — Мияги безнадежно махнул рукой.— Советую тебе сдать командировку, поедем лучше в Канагаву, я знаю там одно живописное место». Подобного художник не мог стерпеть. «Мелкая провокация, говоришь?! — вскричал он.— Ты, Мияги, человек не от мира сего. Целая армия корреспондентов от разных газет и журналов вылетает в Чанчунь, а оттуда в Халун-Аршанский укрепрайон... Если хочешь, могу составить протекцию...»

От протекции Мияги отказался: нет, нет, он болен, политикой не занимается. Маньчжурия его также не интересует. Вот в Канагаву... Он только полюбопытствовал, долго ли приятель рассчитывает быть там... в Халун-Аршане? Тот ничего определенного сказать не мог. Ведь все они, фоторепортеры и корреспонденты, по официальной версии, должны присутствовать на маневрах, командировки выданы только до Чанчуня. Но когда располагаешь связями, то можешь узнать больше положенного... Мияги позвонил на токийскую квартиру своему клиенту и приятелю секретарю командующего Квантунской армией. Тот собирался в мае приехать в отпуск, нужно закончить портрет. Мияги был очень любезен, пригласил секретаря и его жену в ресторан «Империал». Госпожа поблагодарила. К сожалению,

муж не приедет, как обещал. Отпуск задерживается. Что случилось? Ничего особенного, служебные дела...

Маленький штрих. Это лишь один из эпизодов деятельности Мияги, а их было много.

Мияги связался с Одзаки. Тот пообещал уточнить сведения, они подтвердились.

Так стало известно о готовящейся операции у реки Халхин-Гол. После этого началась напряженная работа по уточнению полученных данных. Через Вукелича удалось установить: японцы стягивают войска к восточным границам МНР. Зорге посоветовал Вукеличу вылететь в Маньчжурию. В Центр пошли радиограммы.

Зорге высоко ценил Мияги не только как своего верного помощника, но и как глубоко эрудированного человека. «Я изучал Японию не только по книгам и журнальным статьям. Многое дали мне беседы с Одзаки и Мияги... Благодаря этим двум моим друзьям и соратникам я получил ясное представление о своеобразной роли военной верхушки в управлении государством, равно как о природе «Гэнро» — тайного совета при императоре, существование которого невозможно объяснить юридически... Благодаря моим друзьям я мог обозреть проблему в целом и составить о ней широкое представление... Наконец, без Мияги я никогда не смог бы понять японского искусства. Наши встречи часто проходили на выставках и в музеях...» Центру Зорге докладывал о Мияги: «прекрасный парень, не задумается отдать жизнь, если потребуется; болен чахоткой; посланный мной на месяц лечиться, удрал с курорта, вернулся в Токио работать».

Да, Мияги таял на глазах у товарищей. Он задыхался в насыщенном влагой воздухе Японии. Никакие поддувания больше не помогали. Особенно подкосило его известие о смерти отца. Отец умер в 1938 году. Все последнее время Мияги рвался на Окинаву, но события заставляли работать, работать, работать день и ночь: Хасан, Халхин-Гол, германо-японские переговоры... Отъезд приходилось откладывать. Мияги регулярно посылал в Америку деньги своей жене Чио, обещал скоро приехать, приглашал ее в Токио. Чио отвечала, что не знает, на кого бросить дело, кроме того, ее гравюры пользуются большим спросом. Она готова ждать Мияги хоть всю жизнь, так как понимает обстоятельства. Однако он чувствовал, что жизнь подходит к концу. И все же он будет драться, пока хватит сил. Раньше Мияги принадлежал к тем нетерпеливым людям, которые, утром посадив дерево, к вечеру хотят напилить из него досок. Но сейчас он осознал, что все дается огромными усилиями, что истинный патриот — это тот, кто болеет сердцем за будущее всего

человечества, и неважно, на каком участке фронта он сражается.

Есть легенда: в старину, когда Фудзияма извергал на поля крестьян потоки раскаленной лавы и сжигал селения, ему приносили в жертву самую красивую девушку. И вулкан якобы затихал на века. Не такова ли твоя судьба, художник? Мияги задумал символическое полотно в духе гравюры Хокусая «Снег на горе Цукуба». Маленькая фигурка человека, бросающего вызов богу огня. О да, это далеко не Хокусай! Здесь иная символика, иное величие... Багровые тона... Нечто непривычное для японского глаза.

Он работал самозабвенно, торопился закончить картину к намечавшейся осенью 1941 года выставке в Уэно. Но он все время помнил, что 13 октября должен встретиться с Зорге. После нападения Германии на Советский Союз и в связи с временными военными успехами нацистов атмосфера в Японии накалялась все больше и больше. Крайне реакционные группировки свирепствовали. Несмотря на то что Мацуока подписал в Москве пакт о нейтралитете, горячие головы советовали использовать сложившуюся обстановку и двинуться «на север», другие считали, что международная обстановка благоприятствует наступлению на Тихом океане...

10 октября 1941 года, вернувшись вечером домой, Мияги заподозрил неладное: в его отсутствие кто-то рылся в бумагах, производил обыск. Художник бросился к тайнику: донесение, подготовленное для Зорге, исчезло! Все кончено. Западня... Предупредить бы Одзаки...

В дверь постучали. Мияги перешел в комнатку, служившую мастерской, взял кинжал и стал ждать. Дверь сотрясалась от ударов.

И когда в квартиру ворвались полицейские, Мияги попытался покончить с собой. Его увезли в больницу при полицейском управлении.

Мияги вылечили от раны только для того, чтобы предать пыткам. Во время допроса он выбросился из окна. Но и на этот раз остался жив. Разбился насмерть полицейский, который прыгнул за ним.

Старинная тюрьма Сугамо... Она знала несколько поколений революционеров. Здесь после забастовки трамвайщиков томился великий коммунист Сэн Катаяма. В представлении чиновников отдела безопасности Ётоку Мияги был очень, очень опасным. Его заковали в кандалы, повесили на шею табличку, бросили в одиночную камеру, кишевшую блохами. Гремели засовы, бряцали сабли. Иногда в камеру Мияги приходил буддийский священник, но художник не удостаивал его взглядом. В небеса

он не верит, на земле сделал все, что хотел. Мияги замкнулся в себе, окружающее больше для него не существовало. Его били, калечили, из горла хлестала кровь, и только стоны выдавали его мучения. Если бы повесили сразу... Кому-то нужен этот садизм, изощренные пытки, кому-то доставляет наслаждение наблюдать, как из горла художника вылетают куски легких. Тюремщики пинают его ногами, исходя яростью над его распростертым телом. На его долю выпало чудовищно много страданий: два года беспрестанных пыток. Он сознавал, что из Сугамо живым все равно не выйдет. Иногда в мозгу вспыхивали когда-то вычитанные строчки:

Бороться, бороться,
Хоть нет на победу надежды...

А в мире происходили события, которые могли бы вдохнуть новые силы в больную грудь Мияги, если бы он знал о них. Журнал «Кэйдзё Ниппо», который читали тюремщики, писал, что военная мощь СССР значительнее военной мощи Германии. Основой этой мощи Советского Союза являются сила Красной Армии, имеющей прочную организацию и современное вооружение, политическая прочность и крепость советского строя, патриотизм советского народа, огромные природные ресурсы, развитая индустрия, а также обширная территория. И об этом писал отнюдь не прогрессивный журнал. Поражение германских войск под Москвой привело в смятение правительственные круги Японии. Они понимали, что провал планов немецко-фашистского командования на советско-германском фронте неминуемо скажется на Японии: война, которую ведет Япония в Тихоокеанском бассейне против США и Англии, грозит принять затяжной характер. Японский обозреватель из «Коадзихо» в статье «Впечатление от СССР» делал малоутешительный для милитаристских правителей вывод: «Гитлер, начав войну против Советского Союза, просчитался, в частности, в своих расчетах на распад СССР изнутри и недооценил военную мощь Советского Союза...» А один японский корреспондент, нимало не заботясь, понравится это Гитлеру или не понравится, писал из Берлина: «Советский Союз подготовил свою армию и вооружение таким образом, что это изумило мир, и упорно продолжает всенародное сопротивление в течение полутора лет».

Но Мияги находился в строгой изоляции, даже худшей, чем Одзаки и Зорге. Тюремщикам было запрещено под страхом сурового наказания заговаривать с «фанатиком» (так начальник тюрьмы Сугамо называл Мияги). Он уже дважды доказал властям, что не дорожит своей жизнью — сделал харакири, выпрыгнул из окна полицейского управления. Только на допро-

сах с ним разговаривали. Изо дня в день ему задавали одни и те же вопросы, на которые он не отвечал,— это тоже была своеобразная пытка. Допрашивали и били. Били и снова допрашивали.

Он потерял ощущение реальности, с каждым днем все глубже погружался в сумеречное состояние. В бреду звал жену, отца. Может быть, ему грезились высокие пальмы Окинавы и лазурь ее лагун; может быть, перед ним сверкали знойные улицы Сан-Диего, где он впервые полюбил. А возможно, он видел те полотна, которые не успел написать...

2 августа 1943 года во время очередного допроса он умер, не выдержав пыток. Следователь был раздосадован: не дожил до смертного приговора!

Ётоку Мияги было только сорок лет. Его прах был позже перезахоронен на кладбище Тама.

До последнего дыхания

Когда в Москве решался вопрос о составе организации «Рамзай», Зорге остановил свой выбор на Вукеличе. Выбор не был случайностью или результатом спешки. Рихард основательно взвесил все, что имело отношение к жизненному пути Вукелича.

Бранко Вукелич, хорват по национальности, родился 15 августа 1904 года в семье офицера, обнищавшего дворянина Мшивая де Вукелича. Отец Бранко был сначала офицером австро-венгерской армии, а затем служил в королевской армии Югославии.

Мшивай де Вукелич отличался довольно либеральными взглядами, писал стихи и даже оставил некоторый след в югославской поэзии.

Главенствующая роль в семье принадлежала матери Бранко Вильме Вукелич, женщине незаурядной, обладавшей живым, страстным характером. Она любила музыку, поэзию, живопись, но больше всего увлекалась политикой. Вильма Вукелич ненавидела корону Габсбургов, мечтала о свободной родине. Ненависть к поработителям она воспитала и в детях. Не случайно в доме Вукеличей любимым поэтом был Шандор Петефи, и сыновья Бранко и Славко часто пели его боевые песни.

Вот в руках у иас сверкают чаши,
Но в цепях рука отчизны иашей.
И чем звои бокалов веселее,
Тем оковы эти тяжелее.

Песня-туча в этот миг родится,
Чериая, в душе моей гнездится.
Что ж вы рабство терпите такое?
Цепи сбрось, народ, своей рукою!

Не спадут они по божьей воле!
Ржа сгрызет их — это ждете, что ли?
Песнь моя, что в этот миг родится,
В молнии готова превратиться!

К таким стихам Вильма Вукелич не могла оставаться равнодушной. В семье все в совершенстве владели венгерским языком и считали за счастье читать гениального поэта в подлиннике.

Мальчиков-подростков волновала романтическая личность самого поэта, его необычная судьба. Сын обнищавшего полукрестьянина, полуторговца, по сути, самоучка стал властителем дум, вершиной венгерской поэзии. В двадцать три года Петефи достиг мировой славы, был необыкновенно счастлив в личной жизни. И все это он, не задумываясь, принес в жертву родине, когда Венгрия восстала против Австрии. С оружием в руках защищал он свободу и независимость своей отчизны. И если для Вильмы Шандор Петефи был прежде всего певцом национального освобождения, сыновья восприняли его гораздо глубже. Петефи своей поэзией зажег в них ненависть к социальной несправедливости.

Служба отца вынуждала семью часто менять местожительство. Кроме Бранко и Славко было еще двое детей: Лилиана и Элеонора. Детство Бранко прошло в Югославии, в городе Осиек, затем в Венгрии, в городе Печ. Кроме родного хорватского и венгерского языков дети знали немецкий. Вильма старалась проникнуть в мир детей как старший друг, с которым можно поделиться своими мыслями. Дружеские отношения с матерью сохранились у детей на всю жизнь. Вильма имела огромное влияние на сыновей, на формирование их личностей. С детства они слышали слово «свобода» и вместе с матерью радостно приветствовали Октябрьскую революцию. Мир без аннексий и контрибуций, право наций на самоопределение — вот что восхищало Вильму Вукелич в идеях русской революции.

В это время семья переехала в Загреб, где полковник Мшивай де Вукелич, теперь уже офицер королевской армии Югославии, преподавал в высшей военной школе. Семья Вукеличей была в курсе всех общественных событий и жила самой беспокойной жизнью.

Юность Бранко проходила на фоне грандиозных событий. В стране происходили крупные волнения крестьян, рабочих, солдат. Особенно отличалась в этом отношении Хорватия. Все чаще говорили о Советской России. Венгерская революция 1919 года (та самая социальная революция, о которой мечтал Шандор Петефи) еще больше активизировала рабочий класс и крестьянство. Мощные забастовки рабочих прошли по всей стране.

Крестьяне стихийно захватывали помещичьи земли. Создавалась единая коммунистическая партия Югославии, ведущую роль в которой заняли передовые рабочие.

Такова была политическая ситуация в стране, когда Бранко поступил в Загребский университет. Он мечтал стать архитектором. Еще с детства в нем проявилась страсть к рисованию. Он брал альбом и целыми днями бродил по Загребу, срисовывал башню Лотршчак, Каптолскую башню, крепость Градец, церковь святого Марка. Загреб издревле славился своими архитектурными памятниками, картинными галереями, а также архитектурной школой, получившей широкую известность. Загреб стал центром зодческого искусства, и крупные специалисты университета вели проектирование для других районов страны.

Профессия архитектора сулила большие перспективы, и мать посоветовала Бранко поступить на архитектурное отделение университета. Это вполне соответствовало и стремлениям самого Бранко. И вот он в университете, горячо берется за учебу, слывет лучшим студентом факультета. Но жизнь властно стучится в двери аудиторий.

17 августа 1921 года на югославский престол вступил король Александр I Карагеоргиевич. Правительство внесло в Учредительное собрание предложение — принять коллективную клятву на верность королю. Коммунисты покинули Учредительное собрание с возгласами: «Да здравствует социалистическая Югославия!» Коммунистическую партию объявили вне закона, за принадлежность к КПЮ приговаривали к смертной казни. Десятки тысяч коммунистов и революционно настроенных рабочих были брошены в тюрьмы. Именно в это время Вукелич вступает в группу студентов-марксистов. Он сделал это втайне от родителей. Только младший брат Славко знал, где Бранко прячет листовки.

В сентябре 1924 года в Загребе открылся съезд Хорватской республиканской крестьянской партии. Город в те дни оказался фактически во власти десятков тысяч крестьян, приехавших из Далмации, Словении, Сербии, Боснии, Воеводины. Газета «Слободен дом» в то время писала: «Каждое упоминание о Советском Союзе вызывало бурю восторга — непрерывно раздавались возгласы: «Да здравствует Советский Союз!»» К крестьянам присоединились студенты Загребского университета, они разбрасывали листовки, призывающие к конфискации и разделу земель крупных собственников, к союзу с Советской Россией. В составлении текста этих листовок принимал участие Бранко Вукелич; он же разбрасывал их по городу.

Лидер Хорватской республиканской крестьянской партии

Степан Радич незадолго до съезда вернулся из Москвы и здесь, на съезде, потребовал установления Югославией дипломатических отношений с Советским Союзом. В день возвращения Радича из СССР на привокзальной площади в Загребе собрались тысячи крестьян и рабочих, приветствуя его возгласами: «Да здравствует Советский Союз!»

В дни съезда крестьян полиции в Загребе не было видно. Но съезд закончился, крестьяне разъехались. Начались жесточайшие репрессии. Полиция не обошла и мятежных студентов Загребского университета: в декабре 1924 года Бранко Вукелича и его товарищей арестовали. Славко гордился братом, мать была встревожена. Она сделала все возможное, чтобы вызволить Бранко из тюрьмы. Его отпустили, выдали на поруки, но занесли в «черный» список.

Возможно, в тот трудный для семьи Вукеличей период и начался разлад между родителями Бранко, разлад, который в дальнейшем привел к полному разрыву. Не чуждый либеральных взглядов, королевский офицер полковник Мшивай Вукелич все же не мог относиться сочувственно к тому, что Вильма с ее «фрондерством» толкала сыновей на путь политики и ставила под угрозу его карьеру. Но Вильма всецело была на стороне Бранко. Она надеялась на революцию в Югославии и ждала ее.

Выйдя из тюрьмы, Бранко стал на путь революционной борьбы. Позднее он уехал в Брно, в Чехословакию, где надолго обосновался, скрываясь от загребской полиции. В Загребе же продолжал свирепствовать белый террор.

Вернувшись в начале 1926 года в Загреб, Бранко нашел мать разочарованной и приунывшей. Славко пошел по стопам старшего брата и мог в любую минуту оказаться в тюрьме как политически неблагонадежный. Отношения Вильмы с мужем окончательно испортились. Жизнь в Загребе становилась невыносимой. Тревожась за безопасность сыновей, в 1926 году Вильма Вукелич порвала с мужем и вместе со своими четырьмя детьми уехала в Париж. Ее решение отправиться именно в Париж было не случайным. В это время в Париже жило очень много югославских политических эмигрантов, и семья Вукеличей могла рассчитывать хотя бы на моральную поддержку соотечественников.

Им удалось снять отдельный особняк в предместье Парижа Кламаре. Бранко повезло: он поступил в Сорбоннский университет на юридический факультет. Славко стал студентом Высшей электромеханической школы. Лилиана училась в ателье модельеров женской одежды. Эли еще в Загребе проявила себя способной балериной; в Париже она стала посещать балетную

школу. Сама Вильма занялась активной журналистской деятельностью, а позже стала писательницей.

Дом в Кламаре стал излюбленным местом сбора эмигрантской молодежи. Это были друзья Бранко и Славко, прогрессивно настроенные молодые югославы самых разных профессий. О чем бы ни говорили, о чем бы ни спорили друзья Бранко, они неизменно возвращались к югославским проблемам.

Политическая обстановка во Франции была сложной. Правительство Пуанкаре сделало ставку на крупные монополии, при поддержке которых в стране стали множиться реакционные организации. В Сорбонне, где в это время учился Бранко, шовинистически настроенные студенты объединились в «Лигу патриотической молодежи». В Париже нагло хозяйничали молодчики из фашистской организации «Огненные кресты». Парижские газеты пестрели призывами ко всем странам объединиться в борьбе против СССР. Правительство «национального единства» выдвинуло лозунг: «Враг — коммунизм». Коммунистическая партия ушла в подполье, ее руководитель Морис Торез подвергался жестоким преследованиям. Было очень трудно ориентироваться в этой сложной политической обстановке в чужой стране, и Бранко Вукелич временно отошел от борьбы.

Летом 1928 года, во время каникул, Вукеличи едут на Атлантическое побережье, где обычно отдыхало много молодежи. Славко знакомится с русской девушкой Женей. Она только что окончила колледж и собиралась поступить на литературный факультет Сорбоннского университета. Это знакомство закончилось тем, что Евгения Ильинична Вукелич-Маркович разделила со своим мужем Славомиром его сложную, трудную судьбу коммуниста, борца.

Бранко же внезапно увлекся датчанкой Эдит, дочерью зажиточных фермеров, которая была значительно старше Бранко. По свидетельству Евгении Ильиничны Вукелич-Маркович, между Бранко и Эдит было очень мало общего. Вскоре выяснилось, что Эдит ждет ребенка. Как честный человек, Бранко поспешил оформить брак, и Эдит на время уехала в Данию к своим родителям.

1929 год ознаменовался в странах Европы особенно жестокими репрессиями против компартий и рабочего движения; влияние фашизма росло.

Вукелич пристально следил за событиями, происходившими в мире, анализировал международную обстановку. Экономический кризис распространился на всю Европу. Вместе с тем авторитет Советского Союза продолжал неуклонно расти, все больше укреплялось его международное положение. Вукелича остро интересовало все, что касалось страны социализма. Это был

первый великий эксперимент воплощения марксистских идей на практике. Он увлеченно читает все, что касается Советского Союза, смотрит советские кинофильмы. В дневнике его матери есть такая запись:

«Мы возвращались после просмотра кинофильма «Броненосец «Потемкин». Сын держал меня под руку. Шел молча. Неожиданно сказал: «Весь мир вооружился против молодой пролетарской державы. Защищать СССР сегодня — значит защищать себя и свою родину!»

«Уже в 1929 году я был преисполнен желания принять непосредственное участие в защите революционных завоеваний Советского Союза»,— писал сам Вукелич.

Да, все чаще Бранко обращался мыслью к Советскому Союзу, как к единственной стране, способной в дальнейшем противостоять фашизму.

В 1930 году семья Вукеличей переехала из Кламара в Париж, на улицу Лияр. Вильме удалось снять приличную квартиру рядом с парком Монсури. Сыновья поселились со своими женами, к Бранко приехала жена Эдит с сыном Раулем. Семья требовала много денег, и Бранко, учась в университете, одновременно работал во Всеобщей электрической компании в качестве юриста. В этот период он увлекся фотографией. Его снимки охотно брал солидный иллюстрированный еженедельник «Вю», что также приносило кое-какие доходы.

Возвращение на родину откладывалось до лучших времен, и Вильма основательно устроилась на новом месте, рассчитывая на долгое пребывание всей семьи в этой квартире. Но все сложилось иначе. Внезапно тяжело заболела туберкулезом младшая дочь Элеонора. Врачи категорически запретили ей заниматься балетом и посоветовали климатическое лечение. Вильма избрала Швейцарию, куда они срочно выехали с Элеонорой. Немногим позже вышла замуж Лилиана и тоже уехала из Парижа. В квартире остались Славко с Женей и Бранко с семьей. Славко окончил Высшую электромеханическую школу и поступил работать на завод «Альстон» в качестве инженера-конструктора.

Бранко значился гражданином Югославии и был обязан отбывать на родине воинскую повинность. В августе 1931 года его отзывают в Загреб. И вот он шагает по Илице, по узким кривым улочкам Горниграда. Ровно в полдень его приветствует выстрелами Гричская пушка, установленная на верхнем ярусе башни Лотршчак. Все свое, все знакомо...

В казармах Бранко пробыл всего четыре месяца. Официально его отчислили из-за слабого зрения. Но истинная причина крылась в другом: «Мы организовали большую демонстрацию

в своей воинской части и в других частях». Дело в том, что 8 ноября 1931 года состоялись выборы в скупщину. Голосование проводилось открытой подачей голосов под присмотром полиции. Подобные действия правительства вызвали бурю протеста, рабочие и крестьяне бойкотировали выборы. Заволновались студенты и солдаты. Вукелича, по сути, выслали из Югославии. В Париж он вернулся в январе 1932 года, взбудораженный тем, что увидел на родине.

Франция была захвачена мировым экономическим кризисом. К моменту возвращения Бранко из армии произошло значительное сокращение производства. Должность его в электрической компании была упразднена, и Бранко остался без работы.

Сокращение производства привело к массовой безработице. Славко, работавший на заводе «Альстон», оказался в самой гуще борьбы рабочих за свои экономические права. Волна забастовок прокатилась по всей стране. В этот период Славко пришел к окончательному выводу, что только социализм способен разрешить классовые противоречия. Братья горячо обсуждают волнующий их вопрос: возможна ли победа социализма в России в условиях враждебного капиталистического окружения? И приходят к выводу: возможна, если прогрессивные силы всего мира будут противодействовать реакции и всячески сдерживать возникновение новой мировой войны, с тем чтобы дать окрепнуть Советскому Союзу. Надо бороться!

По свидетельству Евгении Ильиничны Вукелич-Маркович, братья в этот период были особенно дружны. Они хорошо понимали друг друга и готовы были помочь один другому советом и делом. По ее словам, годы 1931-й и 1932-й были решающими в выборе их жизненного пути.

В январе 1932 года, скитаясь по городу в поисках работы, Бранко случайно встретил в Париже своих старых друзей по гимназии и по университету. Встреча несказанно его обрадовала. С помощью друзей Бранко занялся пропагандистской работой, выступал в рабочих клубах. Но для его деятельной натуры этого было мало. На всю жизнь Бранко запомнил стихи Шандора Петефи:

Судьба, простор мне дай! Так хочется
Хоть что-то сделать для людей,
Чтоб это пламя благородное
Не тлело зря в груди моей!

Огонь недаром в жилах мечется,
И сердце яростно стучит,
Мольбой за счастье человечества
Любой удар его звучит.

Бранко стал мечтать о большом деле, которому можно было бы отдать всего себя. Он очень хотел поехать в Советский Союз, увидеть все своими глазами, бороться за строительство социализма. Об этом они мечтали вместе со Славко и не раз говорили на эту тему.

Бранко проникался все большей и большей враждебностью к капиталистическому миру. Кризис выбросил на улицы городов Франции тысячи безработных, к ним принадлежал и Бранко. Его выручал пока журнал «Вю».

Редактор журнала давно вынашивал мысль посвятить один из номеров странам Дальнего Востока. Китай, Япония... Экзотика. Это привлечет подписчиков. Он искренне обрадовался согласию Бранко Вукелича поехать в Японию, немедленно оформил контракт и выдал Вукеличу корреспондентский билет. Перед отъездом Бранко добился аудиенции у президента Всеобщей электрической компании. Президент принял сухо, но сразу подобрел, когда узнал, что Вукелич вовсе не собирается просить о трудоустройстве. Рекомендательные письма в Японию? О, пожалуйста! Поездка в Японию... Дьявольски интересно. Проклятый кризис гонит людей на край света. Если дела поправятся, здесь, в компании, место всегда за господином Вукеличем. Он и японцам порекомендует Вукелича как превосходного юрисконсульта. В жизни все может пригодиться.

Одновременно Бранко связался с югославской ежедневной газетой «Политика» и от нее также получил корреспондентское удостоверение (тем более что газете это ровным счетом ничего не стоило). На подготовку к отъезду Вукеличу дали всего шесть недель, но он успел оформить все свои дела, закупил книги по искусству Японии, запасся фотоматериалами и альбомами.

Началось феерическое путешествие из Марселя через Красное море, Сингапур, Шанхай в Иокогаму. Длилось оно целых сорок три дня. 11 февраля 1933 года Вукелич с семьей высадился в Иокогамском порту.

С Рихардом Зорге Бранко встретился только восемь месяцев спустя. Чем же были заполнены эти восемь месяцев? Журналистской деятельностью, знакомством с французскими, английскими и американскими коллегами. Вукелич был хорошо принят в японских журналистских кругах. Он обладал веселым, общительным характером, повсюду его встречали с улыбкой. Он пытался создать впечатление несколько легкомысленного человека, которому все нипочем. Великолепное знание английского, французского, немецкого и ряда других языков делало его неким посредником в Токийской ассоциации иностранных корреспондентов. Как одержимый носился он по картинным галереям Токио, осматривал буддийские храмы в Камакуре, Киото, Наре.

Заполнял альбомы изображениями бронзового Будды — целителя из храма Кофукудзи, Амида-будды, Вайрочана-будды. Его пленила крылатая японская архитектура. Ого! Япония — обетованная страна художников, скульпторов, архитекторов. Языки всегда легко давались Бранко, и он сразу же занялся японским. Живой, восторженный, немного опьяненный всем увиденным, приходил он домой. Эдит ворчала: на работу устроиться, несмотря на блестящие рекомендации, не удается, в Токио своих преподавателей гимнастики некуда девать. Как она жалеет, что согласилась ехать сюда! Бранко успокаивает жену. В конце концов все как-нибудь образуется. Ведь они в Японии, в Японии!

Психолог по натуре, рационалист в работе, Рихард Зорге обладал интуицией, поистине граничащей с прозорливостью. Он искал единомышленников и всякий раз находил их. Вукелич был таким единомышленником.

Бранко рассказал, как он с семьей пробирался в Иокогаму по туристскому маршруту из Марселя через Красное море и Шанхай. Он умолчал о том, в какое затруднительное положение попал, не рассчитав свои скромные средства: сперва поселился в самой лучшей гостинице, а затем в меблированной квартире. В Париже его уверяли, что жизнь в Японии баснословно дешева: на десять иен в день можно с семьей прожить роскошно. Увы, действительность оказалась иной: десять иен в день за комнату и питание для двух человек стоили в Токио около десяти лет назад, а сейчас все вздорожало...

Но Рихард уже знал о затруднениях Бранко и посоветовал ему подыскать более скромный и более уединенный дом, где к тому же можно было бы без опасений развернуть радиостанцию. Вукеличи перебрались на улицу Санайте.

Через некоторое время Зорге попросил Вукелича связаться с художником Мияги, который вернулся из Америки на родину совсем недавно: в октябре.

В художнике Вукелич нашел преданного друга и великолепного знатока искусства. В условиях строжайшей конспирации они все же находили возможность для встреч и бесед. Вукелич иногда приглашал Мияги к себе домой.

В вопросах конспирации Зорге был крайне щепетилен. Любые нарушения он считал недопустимыми. Когда первые радисты организации допустили незначительное отступление от правил радиосвязи, Зорге немедленно откомандировал их. Он не мог ставить под угрозу безопасность организации из-за небрежности отдельных ее членов.

Вукелич безгранично уважал Зорге, считал его идеальным руководителем. Но предельная осторожность Рихарда в какой-то мере на первых порах обижала Бранко. Под внешне суровым

взглядом руководителя Вукелич чувствовал себя не совсем уверенно и с огорчением говорил: «Я с самого начала не произвел на него благоприятного впечатления, и он считал меня недостаточно серьезным». Сообщения Зорге в Центр свидетельствуют об обратном. В этих сообщениях Зорге называет Вукелича «прекрасным товарищем, отлично знающим дело...». Просто Рихард никогда никого не хвалил в глаза, так как всякая похвала невольно возвышала бы его над товарищами. Он считал, что все они работают во имя идеи, и этим все сказано. Бранко стремился

Ходзуми Одзаки, 1932 г.

Бранко Вукелич, 30-е годы.

завоевать любовь и доверие Зорге и завоевал их. Никто не мог бы назвать Рихарда сентиментальным, размягченным, излишне доверчивым. Он был тверд и непреклонен, когда речь шла о дисциплине.

Бранко Вукелич стал фотографом организации, создал великолепную фотолабораторию. Именно из его дома велись радиопередачи: на втором этаже особняка была развернута радиостанция. Но главное заключалось в другом: он зачастую перепроверял через посольства и журналистов иностранных государств те сведения, которые добывали Зорге, Одзаки, Мияги.

Вукелич мог бы считать себя счастливым. Он служил великому делу и не сомневался, что рано или поздно поедет в Советский Союз. Зорге поддерживал его в этой уверенности. Их отношения с Рихардом перешли в глубокую дружбу. Но в семье

Вукелича назревал конфликт. Занятия мужа, как казалось Эдит, носили безобидный характер. Но когда в их доме была развернута радиостанция и выяснилось, что во время сеансов связи нужно охранять дом от бдительного ока полиции, Эдит заволновалась. Ведь у них сын... Разве Бранко вправе подвергать судьбу ребенка опасности? В любую минуту их могут арестовать, бросить в тюрьму. Ну а если даже ее оставят в покое, что она будет делать с ребенком без Бранко в совершенно незнакомой чужой стране? Он успокаивал ее. Рано или поздно они уедут отсюда в Россию. Нельзя так бояться жизни. Но Эдит боялась. Она не была создана для суровых испытаний. Не лучше ли уехать в Австралию, где живет сестра Эдит?

Шли годы. И каждый день был тяжелым испытанием для Эдит. Она вздрагивала, когда стучали в калитку, всюду ей чудились шпики. Любой полицейский агент, без смысла, без определенных намерений фланирующий перед домом иностранца, казался ей предвестником беды. Шорохи, ночные шорохи... шаги возле дома... они сводили ее с ума. Она кричала, что ни одного часа не останется больше «в этой мерзкой Японии». И оставалась. Бранко советовал ей на некоторое время уехать в Австралию или же в Данию. Эдит замкнулась в себе. Частыми скандалами с мужем, изнуряющим страхом перед полицейскими, тревогой за сына она довела себя до расстройства нервной системы.

Эдит замыслила побег. Любовь давно умерла, и оба это понимали. Бранко не мог отказаться от того, что стало смыслом жизни, бросить организацию и бежать, спасая спокойствие жены. Он презирал трусов. У него один путь и другого быть не могло. Не так давно он узнал, что брат Славомир сражается за свободу Испании в интернациональной бригаде. Молодец Славко! Ты настоящий коммунист и антифашист... Значит, те семена, которые бросал в юности Бранко, проросли. Сейчас Бранко и Славко делали одно общее дело: они дрались с фашизмом. Вукелич знал, что происходит в Испании. Зорге рассказывал о Германии, о портовых рабочих Гамбурга, которые создали нелегальную организацию и сообщали антифашистским центрам о гитлеровских военных транспортах. В западноевропейских портах созданы боевые группы патриотов-антифашистов, препятствующие продвижению этих транспортов в Испанию. Тысячи честных людей сражаются в интернациональных батальонах и бригадах на стороне Испанской республики.

Когда летом 1938 года Эдит потребовала развода, Бранко не удивился. Он еще пытался уговорить ее, растолковать, но натолкнулся на стену непонимания. Получив развод, Эдит уехала к сестре в Австралию.

Японская провокация у озера Хасан осенью того же года, события на реке Халхин-Гол восемь месяцев спустя — все это отвлекло Вукелича от мыслей о семейной трагедии. В качестве «гостя японской армии» он сперва побывал на стыке границ Советского Союза, Маньчжоу-Го и Кореи, где развернулись бои за высоту Заозерную, а когда японская армия напала на МНР, по поручению Зорге вылетел на монгольско-маньчжурскую границу.

На международной арене обстановка все усложнялась и усложнялась, поток информации захлестывал Вукелича.

Прошло два года с тех пор, как Эдит уехала в Австралию. За все это время она не написала ему ни строчки. Бранко скучал по сыну. Но он был молод, и к нему наконец пришла настоящая любовь. Она была японской студенткой Иосико Ямасаки. В начале 1940 года они поженились. А в следующем году, в марте, у них родился сын Хироси. Счастье их оказалось недолгим.

12 октября 1941 года Бранко Вукелича арестовали. При аресте присутствовала его жена. Когда в дверь постучали, Бранко сказал: «Око, посмотри, кого там принесло в такую рань». Сам он пил кофе. «Я открыла дверь и увидела полицейских. Бранко продолжал спокойно пить кофе. Он лишь надел очки, чтобы получше разглядеть непрошеных гостей. Полицейский заговорил с ним по-японски. Из этого я сделала заключение, что ему о Бранко известно все. Бранко и в эту тяжелую минуту не покинуло чувство юмора, так присущее ему: он предложил полицейскому кофе. Тот отказался и дал распоряжение производить обыск. Потом Бранко простился со мной, поцеловал семимесячного Хироси. Бранко увели. Полицейские продолжали обыск. Они обнаружили радиостанцию...»

Примечательный факт: трое, составлявшие ядро организации «Рамзай», были правоведами. Да, Зорге, Одзаки и Вукелич в совершенстве знали юриспруденцию, хорошо представляли себе крючкотворство буржуазного правоведения.

В ходе процесса над организацией в Токио японское правосудие не могло предъявить ее членам ни одного сколько-нибудь строго аргументированного обвинения. Сперва судьи кричали, что, по японским законам, все члены организации подлежат смертной казни. Но доводы Зорге, Одзаки и Вукелича сильно поколебали эту уверенность судей. Рихард Зорге взял под защиту товарищей. Судьи натолкнулись на железную логику его аргументов и были растеряны. Вукелич вообще считал, что японский суд неправомочен привлекать его к ответственности, и отказался отвечать на вопросы. Бранко хорошо знал законы. Вопреки букве закона, движимые патологической ненавистью к антифашистам, судьи приговорили Зорге и Одзаки к смертной казни.

Но это было сделано именно против закона, это было надругательством над правами человека. И все-таки победа осталась за членами организации. Моральная победа.

Больше всего судей раздражало, приводило в неистовство поведение Вукелича. Его били, пытали, морили голодом, не давали ему воды, но он оставался тверд. Презрительно улыбаясь, говорил, что его убеждения — это его личное дело и он не обязан отчитываться перед японской полицией. Почему они свои убеждения считают эталоном для всех остальных людей? Японские секреты его никогда не интересовали. Или, может быть, у судей есть веские доказательства? Но доказательства как раз и отсутствовали. В своих предсмертных записках Вукелич указал на причины, побудившие его активно помогать Зорге: «Успешное строительство социализма и сохранение мира всегда были для меня наиболее желанными целями, и именно эти цели лежали в основе моего согласия работать в секретной организации. Я надеялся, что мои усилия получат соответствующее признание и в будущем мне разрешат поехать в Советский Союз, чтобы испытать счастье мирной и культурной жизни в мире социализма, в строительстве которого я участвовал сам своей секретной работой».

Бранко Вукелича обрекли на пожизненное заключение и бросили в страшную тюрьму Сугамо, где он находился до июля 1944 года. Неожиданно Иосико разрешили свидание с мужем. Она взяла трехлетнего Хироси и отправилась в тюрьму. Свидание продолжалось всего несколько минут. Их разделяла решетка. Бранко протянул руки к сыну. Стражник отвернулся. Разговаривать приходилось громко, обязательно на японском. Вид Бранко был ужасен. Он почти совсем ослеп, остались кожа да кости. Но держался с присущей ему бодростью, острил и делал вид неунывающего человека. Иосико понимала, какие вести его интересуют больше всего, и сказала по-английски: «Советские войска подходят к границам Германии».

Время истекло. Это была их последняя встреча. Вскоре Бранко Вукелича сослали на каторгу в Абасири (северная часть острова Хоккайдо). Нет в Японии более мрачного места, чем Абасири. Зимой здесь бывают сорокаградусные морозы. В начале весны здесь неделями стоят густые туманы, часто наступает сильное похолодание. Заключенные, которых поместили в дощатые бараки, спали на оледенелых циновках. Потому-то с приходом зимы в Абасири умирали сотнями от воспаления легких и других болезней.

Как известно, Вукелич в совершенстве владел разговорным японским языком, но письма жене и сыну писал на английском, так как запомнить несколько тысяч иероглифов он не мог. Тю-

ремные цензоры переводили его письма на японский и только после этого отправляли адресату. Потому-то Иосико получала весточки от мужа с большим запозданием. Бранко скоро догадался, почему задерживаются письма, и всерьез занялся иероглифами, катаканой и хираганой.

Бранко пережил Зорге и Одзаки всего лишь на два месяца. В Абасири он не избежал участи многих: заболел крупозным воспалением легких.

Почувствовав, что смерть близка, он в конце декабря 1944 года отправил жене в Токио свое последнее письмо.

Вот его содержание:

«Извини, что это письмо задержано. Это произошло потому, что пришлось отложить его на 4-е воскресенье. Я получил письмо нашего мальчика, и, конечно, оно доставило мне большую радость. Ты, конечно, представляешь себе, как я восхищаюсь и вместе с этим беспокоюсь о твоей напряженной жизни. Прошу тебя: хорошенько позаботиться о себе ради меня, ведь я так люблю тебя. Как ты писала, от моральных сил зависит многое. Мне очень нравятся твои родители. Пожалуйста, будь к ним добра. Теперь для начала позволь мне ответить на твои вопросы. 1) Серебро необходимо возвратить. Его оставляли нам на сохранение. 2) Почтовый бювар я получил, но пользоваться им мне пока не разрешают. 3) Я хорошо разбираю и читаю твои письма, но, поскольку время на них ограничено, пиши как можно четче и яснее (теперешний стиль и почерк меня вполне устраивают). Я хочу, чтобы ты описала когда-нибудь в одном из своих писем твой полный день, с утра до вечера, в присущем тебе интересном стиле. 4) Отвечай мне в письмах на все мои вопросы. Если что-нибудь не разберешь в моем письме— спрашивай. 5) Мне кажется, ты очень хорошо справляешься с воспитанием нашего сына в таких трудных условиях... Что касается его способностей, то я считаю, как и все родители, что он талантлив. На фотографии он выглядит таким, как я, когда был ребенком, но намного лучше и интереснее, чем его папа. Что же касается почерка, то я начал писать первые буквы значительно позже. Может быть, здесь сыграла свою роль кровь Ямасаки, но я больше всего отношу это за счет твоего отличного воспитания. Я, например, воспитывался большей частью по принципу «оставьте его в покое», подобно маленькому домашнему животному, поскольку этот метод воспитания считали в наше время наилучшим методом. Даже тогда, когда мои родители заметили, что у меня плохой почерк, они реагировали на это очень просто: «Его почерк станет лучше после того, как он повзрослеет. Зачем надоедать ему с этим сейчас?» Может быть, я еще не совсем повзрослел? А может быть, это является результатом пренебрежения на-

чальным воспитанием, недостаточно настойчивым исправлением плохих привычек и т. п. Кстати, относительно слишком мягкого характера нашего сына. Пока в нем не проявляется отсутствие интереса или нелюбовь к работе, тебе не о чем особенно беспокоиться. Главное — привей ему привычку выполнять какую-нибудь работу, не вторгаясь, однако, в священный мир детских игр. 6) Что касается моей матери, то при отсутствии у тебя препятствий к этому пошли ей рождественские поздравления. Однако не торопись с этим, посмотрим, может быть, я получу разрешение послать поздравление сам, хотя опасаюсь, что в этом случае оно может слишком запоздать, жизнь сейчас такова, что для моей старой больной мамы, возможно, лучше было бы умереть, чем продолжать жить. Но если весточка от меня придет к ней вовремя, я уверен, это будет для нее большим утешением. Когда ты заботишься о своих родителях, вспомни об этих моих чувствах. Мне хотелось бы позаботиться о твоих родителях даже больше, чем о своих, но я вынужден был разочаровать их всем этим, что они, должно быть, называют божьим наказанием. 7) В отношении моего здоровья не беспокойся так сильно. В течение последнего месяца рецидивов не было, и я быстро поправлюсь. Кроме того, я переношу холод гораздо лучше, чем ожидал. (Вот только мой почерк становится от него хуже, чем обычно.) Мы вполне можем рассчитывать на встречу в будущем году. Печка, которую я так долго ждал, наконец установлена, с ее появлением я сразу же вообразил себе картину: мы вдвоем. Жарится сакияки. Ребенок спит. В печке огонек... тепло так же, как сейчас... 8) Ты должна больше писать мне о своем здоровье. Тебе тоже нужно сходить к врачу. Пожалуйста, пришли мне свою фотографию и фото нашего ребенка. Может быть, мне разрешат посмотреть на них. И конечно, напиши мне письмо. Извини, что я не могу преподнести тебе никакого новогоднего подарка. Я посылаю лишь свои благодарности. Исторически этот новый год должен быть самым важным и самым трудным для Японии так же, как и для всего мира, и для нашего ни в чем не повинного маленького сына. Мысли о вас придают мне сил. Пожалуйста, расскажи нашему маленькому мальчику, как я был рад его письму. Позаботься о своем здоровье, я постараюсь быть бодрым.

Ваш папа.

Спасибо тебе за письмо. Хироси, папа очень любит Хироси. Посылай мне письма еще.

Папа».

(Внизу примечание, сделанное рукой Иосико Ямасаки: «Это письмо было написано, по-видимому, в последнее воскресенье декабря 1944 года, но отправлено властями 8 января 1945 года, когда он уже лежал при смерти от воспаления легких».)

Мы читаем эти строки и как бы разговариваем с живым Бранко. Вот таким он и был: глубоко человечным, мягким, со всегдашней доброй улыбкой. Сколько тут сдержанного чувства, желания не причинить боль любимой, сколько надежд, которым не суждено сбыться...

13 января 1945 года в сорокалетнем возрасте Бранко Вукелич скончался. После перенесенных мучений он весил всего тридцать два килограмма. Узнав о смерти мужа, Иосико поспешила на Хоккайдо. Но ей не показали даже места погребения. О, здесь умирают слишком много, могилу каждого не запомнишь!

...Мы имели возможность встретиться с женой Вукелича и ее сыном Хироси.

Вот что рассказала нам Иосико Ямасаки много лет спустя после трагической гибели Бранко: «Мой муж Бранко Вукелич был одним из близких сподвижников Зорге. Муж умер 13 января 1945 года. После смерти Бранко я хотела покончить с собой. Но в последнем письме он требовал, чтобы я занималась воспитанием сына. Это была последняя воля мужа, и я поступила так, как он того хотел. О Вукеличе и обо мне писали в газетах всякую чепуху: будто бы я являюсь хозяйкой бара и что Вукелич женился на мне из-за корысти, его изображали донжуаном. Конечно, это не могло не ранить каждый раз мое сердце. И если я не выступила в печати с опровержением, то лишь потому, что не желала причинить неудобства сыну, обучавшемуся в японской школе. До поступления в школу Хироси ничего не знал. Я рассказывала ему лишь о том, какой характер был у отца. Говорила, что он был честным, искренним, душевным, умным, храбрым.

После войны дело Зорге в Японии стали оценивать с новой точки зрения. Слезы радости выступают на глазах, когда я вспоминаю слова мужа: «Мы боремся за мир, за то, чтобы не было войны между Японией и СССР». Сейчас, когда я уже не тревожусь за судьбу сына, думаю, что мой долг рассказать миру о Бранко Вукеличе. У меня хранится 159 писем, которые он прислал мне из тюрьмы. И каждый раз, когда я беру эти письма, сердце разрывается от тоски.

Я вышла замуж 26 января 1940 года и прожила с мужем вместе только двадцать месяцев. А до этого было два года невинных встреч. Мы обвенчались в Николаевском соборе на Канде по христианскому обычаю: иначе наш брак не признали бы действительным. Затем официальная церемония была проведена во французском консульстве, которое в то время представляло интересы Югославии. Однако муж беспокоился, признает ли наш брак Москва. Однажды поздно вечером он вернулся до-

мой и радостно сказал: «Нас признали! Наши советские друзья поздравляют нас. Теперь мы по высшему закону муж и жена...» Когда нацисты напали на его родину, он очень переживал это и хотел вернуться туда, чтобы участвовать в партизанской борьбе. Если бы он был просто корреспондентом, то обязательно возвратился бы в Югославию. Втайне я была благодарна судьбе за то, что он привязан к Токио своей секретной деятельностью.

Вначале мужа приговорили к смертной казни, но затем казнь была заменена пожизненными каторжными работами».

Ни в письмах, ни в минуты последней встречи перед ссылкой на Хоккайдо Бранко Вукелич не рассказывал жене о том, каким пыткам подвергают его тюремщики. Да и зачем стал бы этот мужественный человек причинять жене своими жалобами новые страдания? Следователь на допросе Вукелича в первый же день записал в протоколе: «У Вукелича совершенно отсутствует желание раскаяться». Эту запись следователю и судьям пришлось повторить много-много раз.

Даже на страшной каторге в Абасири Вукелич сохранил ненависть к врагам, презрение к тюремщикам. Он продолжал молчать.

29 января 1965 года Председатель Президиума Верховного Совета СССР передал жене и сыну Бранко Вукелича — Иосико Вукелич и Хироси Вукеличу орден Отечественной войны 1-й степени — посмертную награду герою.

Кем ты был на Земле, Бранко Вукелич? Непреклонным борцом за самое дорогое для всех простых людей, за мир!

...Несколько слов о родных Бранко Вукелича.

В 1934 году, воспользовавшись временным улучшением отношений между Францией и СССР, Славомир Вукелич вместе с семьей выехал как специалист в Советский Союз. Работал научным сотрудником в области радио в системе Наркомата обороны; в 1940 году заболел тяжелой формой гриппа. В августе 1940 года Славомир Вукелич умер в возрасте тридцати четырех лет.

Вильма Вукелич умерла в Загребе (Югославия) в 1956 году. На надгробном камне по ее желанию высечены имена сыновей Бранко и Славко и даты их смерти.

Сын Вукелича Хироси учился на экономическом отделении юридического факультета Токийского университета. Затем уехал на родину отца, в Югославию. Позже окончил аспирантуру при Белградском университете, вернулся в Токио и работает в области экономики. Иосико Вукелич живет и работает в Токио.

Рука об руку

Шел мелкий, мелкий дождь, словно стоял и таял в воздухе пар. Настоящий шанхайский дождь. В такую погоду Анна чувствовала себя особенно плохо. Ей казалось, что она задыхается: проклятый бронхит не давал покоя. Вот уже несколько месяцев ее донимала эта коварная болезнь. Все чаще и чаще Анна вспоминала свою родную Сибирь с ее сухим, чистым и звонким воздухом. Вот где от ее бронхита уже через неделю не осталось бы и следа! Но Сибирь была далеко, а для эмигрантки Анны Жданковой просто недосягаема.

Отдежурив свои часы в госпитале, где она работала, Анна решила прогуляться по набережной, прежде чем идти домой. Мимо нее, поблескивая зеркальными стеклами, мелькали роскошные лимузины директоров банков, менеджеров. Все спешили после закрытия оффисов по домам. Анне идти домой не хотелось, не хотелось видеть хозяйку и вновь заводить разговор о квартире. Дело в том, что хозяйка неожиданно предложила ей освободить две маленькие комнатушки, которые она занимала на третьем этаже дома. Хозяйка мотивировала это тем, что ей выгоднее сдать весь верх одному жильцу, немцу, который живет у нее на втором этаже.

Анна была возмущена до глубины души. Чем, собственно, она хуже этого немца? За квартиру платит исправно двадцать долларов в месяц, и это не такая уж малая цена за чердачное помещение. Она решительно отказалась выполнить требование хозяйки, заявив ей, что будет по-прежнему жить в занимаемых комнатах. Такая категоричность несколько смутила хозяйку — госпожа Анна была действительно аккуратной плательщицей, но выгода есть выгода... Так они определенно и не договорились ни о чем. Значит, предстоит вторичный разговор. Проклятый немец, откуда только он свалился на ее голову? Так хорошо вроде все наладилось...

Кое-где по набережной зажглись фонари, и их яркий свет отражался на мокрой мостовой. С реки ползли на берег клочья тумана, дул теплый сырой ветер. В такую погоду город всегда казался Анне призрачным, таинственным и чужим, и она особенно остро чувствовала свое одиночество.

Анна Матвеевна Жданкова родилась 2 апреля 1899 года в сибирском городе Новониколаевске. После родов умерла мать Мария Жданкова. Ее отец Матвей Жданков был скорняком, шил шубы. Анна была четвертой и последней из детей. Нужда заставила отца переехать с детьми в деревню Довольня Ярковской волости. Когда Анне исполнилось три года, отец отдал ее на воспитание купцу второй гильдии Попову в Новониколаевске.

В семье Поповых отняли у нее детство и юность. Взяв в дом как приемную дочь, купец превратил ее в даровую работницу. С детских лет Анна выполняла в доме Поповых самую тяжелую и грубую работу. Будили, как правило, в пять часов утра, чтобы успела натаскать для пяти печей дров со двора, занесенного снегом. Темно, трещит пятидесятиградусный мороз, а маленькая девчушка кидает и кидает снег от крыльца дома, от дверей сараев, от калитки. А потом бежит в дом, чтобы убрать комнаты, помочь на кухне, сходить, куда пошлют. Хотелось учиться, но работа настолько выматывала, что Анна засыпала в школе. Учение продвигалось плохо, и через три зимы она оставила школу. В семье Поповых обращались с ней очень грубо — окрики, оскорбления, насмешки были обычным явлением.

Потом годы эмиграции в Китае.

На первых порах Анну приютили знакомые эмигранты. Хозяин семьи работал на английском пароходе. Людьми они оказались отзывчивыми и приняли близкое участие в судьбе Анны. Она пришла к ним, не имея ни денег, ни работы. Надеялась заработать трудом портнихи, но этот труд был настолько дешев, что прокормиться было почти невозможно. Пришлось искать другую работу. С большим трудом Анне удалось поступить продавщицей в русский магазин, где за десятичасовой рабочий день платили так мало, что едва хватало на питание. Оставаться дольше у знакомых Анна уже не могла. Начались долгие годы полунищенского существования, скитаний. С грустью думала она о том, что ей уже под тридцать, а счастья так и не удалось изведать. Видно, это не для нее... Но надо было жить, и Анна с удвоенной энергией принималась за поиски подходящей работы.

Анне удалось устроиться на двухмесячные курсы госпитальных работников. После окончания курсов она работала три месяца в госпитале Блю и два месяца на частных квартирах по госпитальному обслуживанию. Научилась говорить по-французски и бегло по-английски. Благодаря этому ей посчастливилось занять место в изоляционном госпитале с зарплатой в восемьдесят долларов в месяц. Эмигрантам платили в китайских долларах, которые давно уже обесценились, но на восемьдесят долларов одному человеку жить было все-таки можно. Анна сняла две очень уютные комнаты в восточной части Шанхая и обрела наконец-то некоторое спокойствие. Но судьба издевалась над ней: привязался бронхит — очевидно, плохое питание и скверное жилье в течение долгого времени сделали свое дело.

...Резкий гудок парохода вернул Анну к действительности. Дождь усилился, он разогнал праздных зевак и пешеходов. Только около некоторых стоявших у берега судов суета тороп-

ливой погрузки. Куда поплывут эти суда? Может быть, они пройдут мимо берегов ее родины? Да, у нее есть родина, но какая она теперь? Анна немало наслушалась о «большевистских зверствах, голоде и безработице» в России. Было страшно возвращаться в неизвестность, но иногда Анну охватывала тяжелая тоска. Ее начинала угнетать бессмысленность своего существования. Хотелось жить для большего, чем собственное благополучие. В такие минуты она ясно сознавала, что все обретает смысл только на родине. Она все чаще и чаще ловила себя на мысли, что одиннадцать лет жизни на чужбине не отлучили ее от России. Но вернуться туда, не имея даже денег на дорогу? Нет это просто невозможно.

...Радист Макс Клаузен познакомился с Рихардом Зорге в Шанхае в декабре 1929 года. Вскоре началась совместная работа. Перед Клаузеном поставили нелегкую задачу: обеспечить организацию Зорге надежной радиосвязью. Макс приехал в Китай на несколько месяцев раньше Зорге — в марте 1929 года. Его недаром рекомендовали Рихарду как эксперта по связи. Прекрасный знаток своего дела, он по собственной воле вызвался работать за рубежом.

Макс Готфрид Фридрих Клаузен родился в феврале 1899 года на острове Нордштранд, у побережья Шлезвиг-Гольштейна. Отец его был бедный лавочник и механик по ремонту велосипедов. По окончании школы Макс сначала помогал отцу в лавке, а затем был отдан в ученики к кузнецу. По вечерам занимался в ремесленной школе. Юноша любил технику, механизмы и очень увлекался изобретательством.

В 1917 году Клаузен был призван в армию и служил в германском корпусе связи, в одной из радиочастей на Западном фронте. Война приняла изнурительный, затяжной характер. Все яснее становилась ее бессмысленность. В Германии разразился голод. Недовольство народных масс войной неудержимо росло. Среди солдат началось брожение. Особенно оно усилилось после Февральской революции 1917 года в России. Солдаты открыто говорили о мире. На русско-германском фронте все чаще происходили братания. Слово «революция» становилось самым популярным. Во многих городах Германии вспыхнули стачки рабочих, они проходили под лозунгами: «Долой войну!» Солдаты, переброшенные на Запад с Восточного фронта, принесли с собой антивоенные настроения. Многие сочувствовали русской революции и коммунистическим идеям. Эти идеи нашли горячий отклик и в душе юного Клаузена.

После демобилизации из армии в 1919 году Макс возвращается домой и некоторое время работает у своего прежнего мастера-кузнеца. Этот мастер оказался коммунистом. От него

Макс узнал о Коммунистической партии Германии, о ее программе и действиях, о таких деятелях, как Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин, Франц Меринг.

В 1921 году Макс уезжает в Гамбург и устраивается механиком на торговое судно линии Гамбург — порты Балтийского моря. В 1922 году он вступает в союз германских моряков. Часто слушает на митингах выступления Эрнста Тельмана. Когда началась грандиозная забастовка механиков, Клаузен примкнул к бастующим. За участие в забастовке его арестовывают и сажают на три месяца в тюрьму. В последующие годы Макс Клаузен активно борется за улучшение социального положения моряков. Имя его становится известным на многих кораблях.

В 1927 году Клаузену довелось побывать в Советском Союзе. Советское государство купило в Германии трехмачтовую шхуну, чтобы пополнить свой промысловый флот, охотившийся на тюленей. В составе экипажа шхуны был матрос Макс Клаузен.

Он увидел огромный мурманский порт, познакомился с советскими моряками, которые рассказали ему о своей жизни, об условиях труда. Поездка в Советскую Россию окончательно убедила Клаузена в том, что только под руководством партии коммунистов трудящиеся могут обеспечить создание свободного и счастливого общества.

В 1928 году Клаузену представилась возможность поехать в Москву. Это было его давнишней мечтой. В Москве Макс поступает на курсы радистов и по окончании их, в марте 1929 года, выезжает в Китай в качестве эксперта по радиосвязи. По документам он значился немецким коммерсантом. В поезде представительный немецкий коммерсант охотно знакомился с пассажирами. Это были японские деловые люди, французские дипломаты, английские журналисты. Из Маньчжурии он на пароходе добрался до Шанхая.

И вот моряк на суше... С чего начать?..

...По указанию Зорге Клаузен должен был найти для себя подходящую квартиру и развернуть радиостанцию. После долгих поисков Максу удалось снять в спокойном районе города большую комнату на втором этаже. Хозяйке дома он представился как немецкий коммерсант, недавно приехавший из Германии. Комната оказалась не совсем удобной для работы. Гораздо удобнее были бы две чердачные комнаты над ним, но там жила какая-то женщина, некая Анна.

Макс решил во что бы то ни стало занять верхние комнаты. Он предложил хозяйке хорошую плату за них. Предложение немца было очень выгодным, и хозяйка обещала освободить для него комнаты третьего этажа. Однако Анна разрушила все его планы. Она наотрез отказалась освободить комнаты, заявив,

что за квартиру платит аккуратно и у хозяйки нет оснований отказывать ей. У Макса не было времени ждать, когда кончится вся эта канитель, и он пошел сам к госпоже Анне. Он вежливо предложил ей поменяться помещениями. Госпожа Анна очень рассердилась и с возмущением отвергла его предложение. Макс испытывал досаду. Не все ли равно этой женщине, на каком этаже жить? Его-то комната гораздо лучше чердака.

Однако глупо было бы настаивать, и Макс учтиво сказал, что пусть фрау Анни все же подумает о его предложении, а завтра он опять к ней зайдет.

Но Клаузену пришлось еще не раз подняться на третий этаж к упрямой фрау, прежде чем та согласилась поменяться комнатами. Видно, ее заинтриговал этот чудак немец. Анна переехала в его комнату на втором этаже. Макс переселился на чердак и немедленно приступил к монтажу коротковолнового приемника. Он предпочитал самодельный приемник купленному в магазине. Если такой приемник выходил из строя, сразу было видно, где дефект. Вечерами он иногда заходил к «фрау Анни» засвидетельствовать свое почтение и выпить чашечку чаю. Молодая женщина нравилась ему все больше и больше. Она была простодушна и естественна, искренне смеялась его шуткам. Они стали добрыми друзьями. Встречи, длительные беседы, прогулки по тихим улочкам превратились в потребность. Макс понял, что они друг без друга уже не могут обойтись. Он решил жениться на Анне и поделился этой мыслью с Зорге. Рихард с готовностью согласился познакомиться с Анной, но предупредил Макса, чтобы он ни слова не говорил ей, чем они занимаются. Макс пригласил Анну в самый шикарный ресторан «Астория», где представил ей Зорге как своего друга. Это был очень веселый вечер, они много шутили, смеялись, вели непринужденную беседу. Играла музыка, и Зорге часто приглашал Анну на танец. Рихарду Анна понравилась, и он шепнул Клаузену, что одобряет его выбор. Вскоре после этого вечера Макс предложил Анне стать его женой. Она приняла его предложение. Для нее началась новая, счастливая жизнь. Только теперь осознала она вполне тот ужас одиночества, в котором пребывала последние годы. Макс стал для нее самым дорогим человеком. Наконец-то и она узнала, что такое настоящая любовь.

Помня предупреждение Зорге, Макс вынужден был скрывать от Анны свою секретную работу. Частые отлучки он объяснял тем, что был активным членом антинацистского общества и выполнял там кое-какие обязанности.

Вскоре после женитьбы Макс получил задание поехать в Кантон и попытаться оттуда установить связь с Владивостоком.

Вместе с ним поехали Зорге и человек, которого Макс должен был научить работать на передатчике.

В Кантон пришлось взять самый мощный передатчик. Его полностью разобрали и уложили детали между личными вещами в шести чемоданах таким образом, чтобы их не обнаружили при таможенном досмотре, так как перевозка радиоаппаратуры была запрещена. Громоздкое динамо спрятать не могли и везли как оборудование для фотолаборатории, которую они якобы должны были открыть в Кантоне.

Отправляясь в Кантон, Макс сказал Анне, что едет по делам фирмы и постарается вернуться как можно быстрее.

Путь в Кантон лежал через Гонконг.

В таможне Кантона работали английские служащие, которые тщательно осматривали багаж всех пассажиров. Добродушный и солидный немецкий коммерсант не вызвал никаких подозрений, и таможенник не стал слишком строго осматривать его чемоданы. Он полюбопытствовал только насчет динамомашины. Клаузен сказал, что купил ее в Шанхае и везет для своей фотолаборатории в Кантон, чтобы иметь больше света. Ответ вполне удовлетворил чиновника, и он пропустил Макса.

Кантон, крупнейший экономический центр Южного Китая, был одним из важнейших центров рабочего и профсоюзного движения в Китае. 11 декабря 1927 года здесь произошло грандиозное вооруженное выступление рабочих и солдат против гоминьдановской реакции, получившее название Кантонской коммуны.

Восставшие требовали создания советской власти, национализации земли и передачи ее крестьянам, установления восьмичасового рабочего дня и введения демократических свобод, национализации крупных промышленных предприятий, банков и транспорта. Вооруженным отрядам рабочей Красной гвардии и примкнувшим к ним солдатам учебного полка удалось вытеснить милитаристов из большей части города, но вскоре реакция при поддержке английских, американских и японских империалистов задушила Кантонскую коммуну. В городе начался свирепый террор. Рабочих массами увольняли с предприятий. Город кишел нищими и безработными. Таково было положение в Кантоне к моменту приезда туда Клаузена.

Макс Клаузен и прибывший с ним радист остановились в одном из английских отелей, где на седьмом этаже сняли две комнаты. Зорге считал необходимым немедленно наладить связь с Владивостоком прямо из отеля. Макс собрал радиостанцию. Поскольку кроме динамо другого источника тока не было, пришлось крутить эту адскую машину. Она производила силь-

ный шум, и радист очень боялся, что это привлечет внимание обитателей гостиницы, фланирующих по коридору.

Чтобы заглушить шум динамомашины, решили накрывать ее толстым одеялом, но под одеялом она быстро нагревалась, и возникала опасность пожара. Приходилось время от времени охлаждать машину. Все попытки наладить связь с Владивостоком ни к чему не привели. Макс был удивлен и встревожен. Десятки раз собирал и разбирал передатчик, а потом случайно узнал, что дом построен из железобетона. Решили немедленно искать квартиру, откуда можно было бы спокойно и беспрепятственно наладить связь. Но найти в Кантоне подходящую квартиру оказалось делом нелегким. Благодаря своей общительности Макс раздобыл адрес одного богатого домовладельца, который имел много домов. Домовладелец принял их весьма настороженно и спросил, откуда они. Желая казаться более солидными, назвали известную гостиницу на острове Ямин, где проживали иностранцы, находились все консульства и иностранные фирмы. Домовладелец, видимо, навел о них справки и обнаружил обман. Когда на следующий день они пришли к нему за окончательным ответом, хозяин отказал им под тем предлогом, что квартиру уже заняли. Делать было нечего. Макс принял смелое решение: пойти в германское консульство и попросить у консула помощи в поисках квартиры. Консул встретил соотечественников очень любезно, расспросил о делах. Узнав о затруднениях Клаузена с квартирой, посоветовал обратиться к одной индийской фирме, имеющей дома на острове Ямин. Радист и Клаузен поехали по адресу и, к своей радости, сняли отдельный дом. В одной из комнат Макс установил передатчик и наконец-то наладил связь с Владивостоком.

Связь была чрезвычайно плохой. Налаживать ее удавалось только ночью или рано утром, так как в вечерние часы были большие атмосферные помехи. В полночь помехи уменьшались, и кое-как можно было работать. И все же очень трудно было безошибочно передать радиограмму. Иногда приходилось повторять бóльшую часть текста по два-три раза. Макс очень скучал по своей Анни. Он представлял себе, как бы ожил дом в ее присутствии. Она была отличной хозяйкой и умела заботиться о нем. Без Анни Макс чувствовал себя одиноким и заброшенным. Кантон угнетал его своей мрачной обстановкой. Зорге, по-видимому, понял состояние Макса. Однажды он сказал, что будет лучше, если в Кантон приедет Анна. Макс очень обрадовался и немедленно отправился за ней в Шанхай. С приездом жены Макс особенно остро почувствовал, как важно, когда рядом находится близкий и преданный друг. Здесь, в Кантоне, Макс с разрешения Зорге рассказал Анне о Советском Союзе,

о своей секретной работе. Анна была счастлива, что наконец-то узнала правду о своей родине, узнала ее от человека, которому не могла не верить. «Всю жизнь до этого я находилась среди врагов и ненавистных мне людей. Я была молода, не разбиралась в политике, а когда потом испытала много своего и чужого горя, я научилась понимать многое». Она с радостью согласилась помогать Максу. Разве не счастье делать что-то для родины, быть ей полезной, даже находясь вдали от нее, а потом вернуться туда с чувством исполненного долга? Макс сказал, что они обязательно вернутся и этот день не за горами.

Год спустя Макс получил указание вернуться в Шанхай.

Куда девать радиоаппаратуру? Уничтожить ее они не могли, потому что приобрести другую было очень трудно. Пришлось снова все упаковывать. Часть аппаратуры взял с собой радист. Часть разместили между кухонной посудой в больших ящиках. С этими ящиками Анна уехала на английском пароходе в Шанхай, а Макс остался в Кантоне еще на некоторое время. Вот как рассказывает Анна о своем путешествии: «С контролем на пароходе все обошлось благополучно. Когда контроль стал вскрывать ящики, я стала убедительно просить таможенного чиновника быть осторожным с посудой, чтобы не разбить ее. Принесли инструмент и две доски, открыли верх — действительно лежат тарелки, кастрюли и прочие мелочи. Я заботливо следила за тем, как они пересматривали лежащие сверху вещи. Таможенник посмотрел на мое озабоченное лицо и сказал: «Скажите правду, что лежит в ящике?» И конечно, я уверила, что, кроме посуды, ничего нет. Он приказал закрыть ящик и поставил печать».

Случай с аппаратурой явился как бы проверкой для Анны. Потом она ездила в другие города, отвозила документы и части для радиоаппаратуры, встречалась с нужными людьми. Анна умела вести себя очень непосредственно, обладала большим хладнокровием и выдержкой. Мысль, что она помогает своей родине, придавала ей смелости и находчивости.

После возвращения из Кантона Максу и Анне был предоставлен трехнедельный отпуск, который они провели в Циндао. И действительно, где же было и отдыхать солидному немецкому коммерсанту, как не в бывшей германской колонии?

Поселились на окраине города в вилле у богатой немецкой четы. Рядом было море и великолепный пляж. Аккуратные дома в готическом стиле под ярко-красными черепичными крышами напоминали Максу Германию. Можно было зайти в бар, выпить настоящего немецкого пива, поговорить с барменом на родном диалекте.

После возвращения из Циндао Клаузен получил задание поселиться в Мукдене. Работа в Мукдене требовала хорошего прикрытия, и Макс приехал туда как представитель немецкой фирмы по продаже мотоциклов «Мельхерс и К°». Для отвода глаз полиции было выставлено на продажу пять мотоциклов разных марок. Сняли удобный двухэтажный дом. На верхнем этаже Макс развернул радиостанцию, а внизу можно было принимать гостей. Кстати, не замедлил явиться и первый гость — японский генерал, который, оказывается, жил по соседству с ними. Генерал решил нанести визит вежливости своим милым соседям. Он был очень любезен, все время почтительно «шипел» и раскланивался. Такое соседство сильно расстроило Макса. Он боялся, что японцы могут их подслушивать из дома генерала. Но все обошлось благополучно.

Как добропорядочный немец, Макс прежде всего явился в немецкую колонию. Генеральный консул, узнав, что Макс отлично играет в скат, очень обрадовался. Он оказался страстным игроком и искал себе достойного партнера. Два раза в неделю консул приходил в клуб, и они устраивали состязание. Немецкая колония насчитывала всего около трехсот человек, поэтому в клубе существовала довольно интимная обстановка. Макс старался завязать побольше деловых связей с немецкими коммерсантами и прослыть солидным деловым человеком.

Несколько раз Клаузен выезжал в Шанхай, где встречался с Зорге.

Весной 1933 года Рихард уехал из Китая, и Макс не встречался с ним до 1935 года.

Вскоре Макс получил приказ вернуться в СССР. По версии, он якобы возвращался в Германию. У Анны не было заграничного паспорта, и она не могла ехать с мужем. Вот тут-то и пригодилось знакомство с германским генеральным консулом, с которым Макс так часто играл в скат в мукденском немецком клубе. Консул, конечно, в восторг не пришел, когда узнал, что у жены его друга коммерсанта нет паспорта. Но дружба есть дружба, и он написал рекомендательное письмо генеральному консулу в Харбине.

После долгих проволочек паспорт выдали.

И вот — Советский Союз!.. Москва...

Анне показалось, будто она каким-то чудом выбралась из бездны.

...Макс Клаузен прибыл в Японию 28 ноября 1935 года на пароходе «Тацуте-мару». Порт Иокогама кишел иностранцами, поэтому в таможне никто не обратил особого внимания на

скромного немецкого коммерсанта. Вскоре Клаузен был в Токио. Добраться до отеля «Санно», где должен был остановиться Макс, оказалось очень легко: гостиница прислала свой автобус к пароходу, чтобы взять гостей. Наконец-то длинное путешествие было закончено. Позади остались города Европы, Америки: Хельсинки, Стокгольм, Амстердам, Париж, Гавр, Нью-Йорк, Сан-Франциско — настоящая эпопея с визами и пересадками.

Анна осталась пока в Москве. Она приедет к Максу позже, когда тот надежно обоснуется в Токио.

Устроившись в гостинице, Макс стал размышлять, как ему найти Зорге. Еще в Москве они договорились, что будут встречаться в определенное время в баре «Гейдельберг». Однажды вечером Макс зашел в немецкий клуб и неожиданно увидел там Рихарда. Впредь договорились встречаться в малоизвестном ресторане «Фледермаус«, хозяином которого был немец. По словам Зорге, ресторан посещали почти исключительно богатые иностранцы и журналисты. Чтобы не вызывать подозрений полиции частыми встречами с Максом, Рихард познакомил его в ресторане «Фледермаус» с Бранко Вукеличем, корреспондентом французского телеграфного агентства. Макс и Бранко сразу подружились, почувствовали друг к другу симпатию. «Он мне очень нравился. Он был очень обходителен с людьми»,— говорил Макс о Бранко.

Как-то Вукелич повез Клаузена к себе домой. У Бранко был типичный двухэтажный японский особняк с маленькими комнатами, раздвижными шкафами и соломенными циновками. На втором этаже находилась радиостанция. Из окон открывался широкий вид на город в огне осенней листвы. Была пора хризантем и багряных листьев клена.

Договорились, что на первых порах Макс будет держать связь с Центром из дома Бранко. Но одной радиостанции было недостаточно, так как ее могли засечь. Предстояло смонтировать еще одну, портативную, которую можно было бы развернуть в любом месте. Из гостиницы «Санно» Клаузен перебрался в отдельный, снятый им дом и начал понемногу приобретать радиодетали для приемника и передатчика. Такие покупки могли заинтересовать полицейских агентов. Поэтому приходилось покупать детали в разных районах города и даже в Иокогаме. Одновременно Макс искал себе подходящее занятие для прикрытия. Кое-кто из немцев охотно вызвался помочь симпатичному соотечественнику. Владелец ресторана «Рейнгольд» познакомил его с хозяином небольшой мастерской по производству гаечных ключей. Из-за недостатка средств мастерская прогорала. Макс внес несколько сот долларов и стал компаньо-

ном. Гаечные ключи не шли, и компания решила торговать мотоциклами «Цюндап». Работа в компании отнимала много времени, и перед Максом встала необходимость подыскать более подходящее занятие. Ему повезло — он встретил одного коммивояжера, который рассказал о копировании с помощью светящихся красок. Макс купил у него краски и организовал небольшое дело. Заказов было много, и благодаря этому предприятию Макс больше вращался среди японцев, чем среди немцев. Японцы его очень любили. Для них Макс-сан был не только честным предпринимателем, но и своим человеком, простым и доступным. В немецкий клуб он не любил ходить. Клуб посещали сотрудники посольства, представители крупных немецких фирм. Все они были ярыми нацистами. Макс считал, что это сфера Рихарда, а он, как человек простой, не умеет обращаться с подобной публикой.

Наконец была смонтирована вторая радиостанция. Она получилась очень компактной и умещалась в портфеле. Передатчик разбирался, и Макс надежно прятал его по частям в различных тайниках. Связь велась попеременно: с квартиры Макса и с квартиры Бранко.

Все это время Анна жила в Москве. Вспоминались счастливые дни возвращения на родину. Тогда они получили отпуск и провели его на Черном море. Целых шесть недель жили самой беззаботной жизнью: купались, загорали, совершали прогулки по берегу моря. Кругом были свои, друзья... Хотелось каждого обнять, словно родного. У Макса еще с войны была на ноге рана, которая никак не заживала и причиняла ему большие страдания. В Шанхае он лечился у очень дорогого врача, но безуспешно. Вода Черного моря оказалась для Макса целебной — рана совершенно перестала его беспокоить.

Позже они уехали в Саратовскую область. Жили в маленьком степном городе Красный Кут, где Макс работал в МТС. Здесь он ремонтировал тракторы. Во время весенней посевной 1934 года его послали инструктором политотдела в колхоз. Там Макс не терял времени даром — научился управлять трактором и выполнял по три-четыре рабочие нормы в день. Однажды пахал тридцать шесть часов подряд. Он бы премирован, и его портрет появился на Доске ударников.

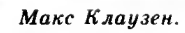
Летом 1934 года с разрешения директора МТС Макс организовал школу радистов. В кабинете директора установил селектор и наладил связь с тракторными бригадами. Вместе со своими учениками радиофицировал колхозные клубы. Узнав об этом, секретарь парткома решил поручить ему радиофикацию района. Макс принялся было за дело, но тут из Москвы пришла телеграмма. Зорге заявил, что хочет работать только

с Клаузеном, с ним он может кое-что сделать в Японии. И Макс снова едет навстречу тревогам и опасностям.

В марте 1936 года Анну проводили во Владивосток, откуда она выехала на советском пароходе в Шанхай. Там ее должен был встретить Макс и увезти с собой в Японию. Но Макс почему-то не встретил ее, и Анна сильно разволновалась, в голову лезли мрачные мысли: вдруг что-то случилось?..

Анна отыскала старых знакомых. Они обрадовались ей как родной. Хозяин семьи, оказывается, умер, и Анна поплакала

Макс Клаузен.

Анна Клаузен.

вместе с вдовой, вспоминая добрым словом того, кто когда-то помог ей в трудную минуту жизни. Между прочим, знакомые сказали Анне по секрету, что собираются принять советское подданство. Анна одобрила их намерение. Знали бы они, откуда она к ним приехала!.. Но родина вновь была далеко. Она будто приснилась Анне в ярком счастливом сне. А когда проснулась, оказалась в том же огромном, чужом городе, где отчаяние и надежда живут рядом. Как все это ей знакомо!.. Вернется ли она когда-нибудь снова на родину? В Шанхае Анна прожила три недели.

Макс приехал совершенно неожиданно. Оказывается, он только что получил сообщение о приезде Анны в Шанхай. Очень сокрушался, что ей пришлось так долго ждать и волноваться. Три недели! А он даже не подозревал...

Анна быстро освоилась в Токио. С присущей ей энергией навела в доме порядок. Уговорила Макса почаще ходить в немецкий клуб, где завела тесное знакомство с женщинами. Женщины часто устраивали различные благотворительные мероприятия для немецких солдат. Анна стала участницей подобных мероприятий, и ее принимали за настоящую немку. Однажды председательница женского немецкого общества спросила Анну, почему она не имеет детей, и посоветовала обзавестись ими: Германии нужны дети.

В доме полагалось иметь японскую прислугу, и это было очень неудобно. Все знали, что японская прислуга находится на службе у полиции. Ссылаясь на тесноту в квартире, Анна нанимала приходящую прислугу. Выпроваживала ее пораньше. Когда Макс работал на передатчике, Анна время от времени выходила на улицу как будто бы гулять с собакой и осматривала все подозрительные места, где могли укрыться полицейские. «Собака для меня была необходима. Я имела предлог часто выходить с ней гулять около дома в любой час дня и ночи и осматривать что надо».

Иногда приходилось работать целыми ночами. Когда Макс вел передачи, от нагрузки свет в комнате начинал мигать. Чтобы этого не заметили с улицы, Анна закрывала окна плотными занавесками. В комнате становилось так душно, что Макс вынужден был снимать с себя одежду. Донимали комары, от духоты ломило в висках.

Однажды Клаузен, работая с квартиры Бранко, долго не мог наладить связь. Промучился до трех часов ночи. Вдруг разразился тайфун, зазвенели стекла. В комнату заглянула испуганная жена Бранко Эдит, заплакал их сын. О связи больше и речи не могло быть. Бранко успокоил жену и сына, потом они с Максом начали вставлять стекла и наводить в доме порядок. Провозились до самого утра. Пора было уходить, так как в восемь часов являлась прислуга. Клаузен направился в немецкий клуб, где стояла его автомашина. На углу улицы он подождал Бранко, который подъехал на своей автомашине и передал ему портфель с радиостанцией. По пути домой к Максу привязался полицейский и потребовал документы. Еле удалось от него избавиться. Еще издали Макс увидел, что с его дома снесло часть крыши. Анна сидела на чемоданах. Вид у нее был измученный и расстроенный. Она сказала, что в доме нет света. Кое-как навели относительный порядок, хотя было ясно, что придется искать другую квартиру. Вскоре они нашли подходящий дом и, как сказал Макс, нет худа без добра, наконец-то избавились от гвардейского полка, казармы которого находились под самым их носом.

Иногда к Клаузенам приходил Рихард Зорге. Он любил поговорить с Анной и часто делился с нею своими душевными переживаниями. Она узнала, что в Москве у него есть жена, Катя, которую он очень любит и тоскует о ней...

Владелец мастерской по копированию с помощью светящихся красок задумал ехать из Токио. Макс купил у него мастерскую и основал фирму «М. Клаузен-Сиока». Фирма изготовляла и продавала прессы для печатания фотокопий на синьку, а также флюоресцентные пластинки. Дело начинало приносить хороший доход. Фирма получала заказы от таких солидных японских фирм, как «Мицубиси», «Мицуи», «Накадзаки» и «Хитати». Каждый из членов организации Зорге считал, что он может обходиться средствами, которые зарабатывал сам тем или иным способом, поэтому они отказались от финансовой помощи Центра.

Анна считалась в организации связной между Токио и Шанхаем. По легенде, она родилась в Шанхае, и ее отъезды «на родину» никого не удивляли.

В 1937 году ей поручили отвезти в Шанхай фотопленки. Анна зашила их в тонкую материю и спрятала под платьем. Ехала на японском пароходе. Все обошлось благополучно, женщин не обыскивали, только спрашивали, не везет ли кто запрещенных вещей, и осматривали багаж. Шанхай был военным городом. Японцы бомбили его с воздуха, обстреливали из орудий. В захваченных районах происходили грабежи, творились неслыханные зверства и насилия. В Шанхае Анна встретилась с курьером Центра и передала ему пленки. В Токио вернулась на немецком пароходе.

В 1938 году Анна опять ездила в Шанхай. На этот раз фотопленок было больше. Анна спрятала их на себе. Ехала на японском пароходе. Перед Шанхаем пассажиров попросили собраться в салон первого класса, и контролеры приступили к обыску. Когда осмотрели всех мужчин, пришли четыре японки и стали обыскивать женщин. Анна старалась быть спокойной, хотя едва держалась на ногах от волнения. «Лицо горело так, будто горели мои волосы. Я старалась найти выход из этого положения. Выход был один — не даться в руки живой. Я приготовилась прыгнуть в море. Мы стояли у двери на палубу. Японец, стоявший против нас, попросил не расходиться, но я все-таки немного отделилась от остальных, готовясь прыгнуть за борт». Как всегда, Анну спасла ее находчивость. Она сумела-таки проскользнуть мимо контролеров в момент их смены и очутилась в толпе проверенных. На следующий день она благополучно встретилась с нужным ей человеком и передала почту.

В связи с японо-китайской войной регулярное пароходное сообщение между Йокогамой и Шанхаем почти прекратилось. Приходилось изыскивать другие способы доставки секретной почты в Шанхай. У Макса установились хорошие деловые отношения с японскими военными — покупателями продукции его фирмы. Через них он в 1939 году устроил поездку Анны в Шанхай на военном самолете. Анна летела вместе с японскими генералами, и контролеры лишь для формы спросили ее, что она с собой везет. На этот раз она имела поручение купить фотоаппарат для Бранко и некоторые фотоматериалы для Рихарда. Кроме того, Макс просил поискать в шанхайских магазинах кое-какие радиодетали к передатчику. Анна купила все, что требовалось. Фотоаппарат для Бранко она передала, как было условлено, во французское посольство. Радиодетали спрятала в банку с печеньем и оставила ее открытой на столе каюты парохода. Несколько таких же банок с печеньем она положила закрытыми в общий багаж. Закрытые банки привлекли внимание контролера, он спросил, что в них. Анна спокойно кивнула на открытую банку, из которой только что взяла печенье, и сказала, что в остальных банках то же самое. Ее оставили в покое.

С началом второй мировой войны в Европе количество передаваемой информации резко возросло. Чтобы запутать службу пеленгации, Максу приходилось вести передачи из разных квартир. Требовалась большая оперативность, а с ним творилось что-то неладное: началась болезнь сердца, стали мучить приступы. Макс боялся выходить на улицу с радиостанцией. Выручала находчивость Анны. Она не раз перевозила чемодан с уложенной в него радиостанцией. «Я придерживалась такого правила: держаться проще, свободнее и открыто. Я знала, что полицейские ищут тех, кто прячется больше, чем надо. Наши чемоданы я часто возила на поезде, в авто, на трамвае и никогда не вызывала ни малейшего подозрения».

Среди своих соотечественников респектабельный, преуспевающий в делах Макс Клаузен считался воплощением немецкой добропорядочности. Его единодушно избрали заведующим немецким клубом, так как старый заведующий возвратился в Германию. Поневоле пришлось быть частым посетителем этого заведения. Последнее время в клубе царило заметное оживление. Горячо обсуждались дела третьего рейха... Через несколько недель немецкие войска вторглись в пределы СССР, были подвергнуты бомбежке многие советские города.

В дом Клаузенов повадился один из полицейских. Он приходил обычно в то время, когда Макса не было дома, уютно и надолго устраивался в кресле и заводил с Анной разговор о

всякой всячине. Анна для виду поддерживала разговор, а сама размышляла: что ему надо? Зачем он приходит к ней чуть ли не каждый день и часами разглагольствует о каких-то скучных пустяках? Она сообщила обо всем Максу и Рихарду. Рихард успокоил Анну и сказал, что этот полицейский просто дурак. Зорге знал, что за организацией уже следят, но не хотел расстраивать Анну.

Утром 18 октября 1941 года в дверь Клаузенов сильно постучали. Был праздничный день — день рождения императора Японии, и Анна удивилась: кого это принесло в такую рань? В комнату ввалились двое полицейских. Они сразу же устремились наверх, где спал Макс. Анна сильно испугалась: неужели их час пробил? Полицейский стал говорить о какой-то истории, которая была якобы связана с недавней автомобильной катастрофой Макса. Он предложил Клаузену пойти в полицейское управление и как-то уладить это дело. Макс ушел с полицейскими. Предчувствуя недоброе, Анна бросилась в комнату, где хранились документы, но тут в дверь вломились полицейские, и она поняла, что все кончено. Макс домой не вернулся. В доме целый месяц происходили обыски, и Анну держали под стражей. 17 ноября 1941 года ее арестовали и бросили в тюрьму Сугамо, где находился в это время и Макс. Он узнал об аресте жены совершенно случайно. «Полицейские потеряли ключ от моих наручников, и для того чтобы распилить их, тюремщик повел меня в слесарную мастерскую, которая находилась как раз напротив женского отделения, и при этом сообщил, что там находится моя жена».

В тюрьме Макс научился читать и писать по-японски с помощью словаря. Благодаря этому он прочитывал японскую газету, из которой узнавал, что Красная Армия все больше и больше теснила фашистов на запад. Эти известия приносили Максу большое утешение, прибавляли сил.

Макс и Анна прошли через все ужасы японских тюрем. В течение двух лет до приговора суда им была запрещена даже переписка между собой.

Первый раз Анну приговорили к семи годам. Когда она запротестовала, считая приговор несправедливым, ей сказали, что этого еще мало — она заслужила быть повешенной. Все же Анне разрешили взять японского адвоката. От него она узнала о судьбе мужа: Макс осуждается пожизненно, и ему, как большому преступнику, защита не разрешена. 29 ноября 1943 года Анну привели на суд, и она увидела Макса. «Напротив меня сидели Бранко, Макс. Когда Макс встал, он обернулся в мою сторону и поклонился сначала мне, потом суду. Объявили приговор. Макс осужден навечно, а мне присудили три года заклю-

чения и принудительного труда без зачета предварительного заключения».

Во время заключения Клаузена многие японцы, знавшие, за что он осужден, выражали ему свои симпатии. Тюремные служители передавали Клаузену английские и японские газеты, из которых Макс узнавал, что происходит в мире, делились пищей, сообщали военные новости. В августе 1945 года Клаузена перевели в каторжную тюрьму в Аките на острове Хондо. В этой тюрьме к нему очень привязался молодой японец, тюремный уборщик. Он часто приходил к Максу в камеру, приносил соль, угощал сигаретами. Они подолгу беседовали. Молодой человек осуждал свое правительство, обвиняя его во всех бедах японского народа.

В тюрьме у Клаузена вновь обострилась болезнь сердца, и японский врач, положивший его в тюремный госпиталь, продержал его там два года. Позже, встретившись с Максом во время своего посещения тюрьмы, врач подал ему руку и шепнул: «Держись, скоро будешь свободен». Эти слова были сказаны в то время, когда Красная Армия разбила в 1945 году Квантунскую армию. «Я предполагаю, что этот человек симпатизировал нам, иначе он не стал бы держать здорового человека в больнице».

После окончания войны, в 1945 году, Макс и Анна были освобождены. Они так изменились, что не сразу узнали друг друга. Оба походили на скелеты. Первым, кого они встретили, был адвокат. Увидя их, он стал оправдываться перед Анной. Он, мол, делал все, что было в его силах, и только благодаря ему Анна получила всего три года. В заключение любезно пригласил их к себе домой. Они прожили у адвоката две недели.

«После моего освобождения из тюрьмы,— рассказывал Макс Клаузен,— адвокат сказал мне, что Рихард Зорге вел себя очень смело. Он просил смягчить приговор другим членам организации и все брал на себя. Я думаю, что Рихард до смерти вел себя так, как всегда. Я очень горжусь тем, что он считал меня одним из лучших друзей... Адвокат также рассказал мне, что Одзаки перед казнью воскликнул, что он умирает за народ...»

О местопребывании Макса и Анны каким-то образом узнал один из бывших сотрудников компании «М. Клаузен-Сиока» и пригласил их к себе. Он сказал: «Макс-сан, переходите ко мне, у меня вы можете жить спокойно, сколько захотите, пока не поправитесь». Клаузены перешли к нему.

После освобождения из тюрьмы у Макса появились боли в печени. Он обратился к бывшему личному врачу Зорге, японцу, и тот обнаружил опухоль, возникшую в результате истоще-

ния организма. Местное лечение не дало положительных результатов — требовалась срочная операция. Клаузены связались с советским командованием, и Макс был доставлен на самолете во Владивосток, где ему сделали операцию.

«Макс всегда был верным, преданным и непоколебимым борцом, работал на социализм и, безусловно, в первую очередь на СССР, мою Родину. Я им горжусь и благодарю его, потому что только через него я смогла принять участие в борьбе против врагов мира и хоть в некоторой степени быть полезной моей Родине»,— говорила Анна. Макс Клаузен считал, что его работа для СССР всегда являлась также борьбой за светлое будущее Германии.

В 1946 году Клаузены переехали на родину Макса — в Германскую Демократическую Республику. Поселились в Берлине. Здесь они вступили в Социалистическую единую партию Германии, вели большую общественную работу.

Советское правительство высоко оценило подвиг боевых соратников Зорге: 19 января 1965 года Макс Клаузен был награжден орденом Красного Знамени, а Анна Клаузен — орденом Красной Звезды. В ГДР Максу и Анне вручены золотые медали за заслуги перед Народной армией.

Отшумели грозы. Пройден большой трудный путь. Для Макса и Анны настала та мирная жизнь, о которой они мечтали и за которую боролись многие годы...

Теперь уже нет в живых этих отважных антифашистов-интернационалистов. В 1978 году скончалась Анна, спустя несколько месяцев, в 1979 году, ушел из жизни и Макс.

* * *

Еще в 1919 году М. В. Фрунзе писал: «Безусловной правдой является искреннейшее желание Советской власти России немедленно положить конец не только тем военным действиям, которые ведутся ныне, но и вообще всем будущим войнам. И это свое стремление трудовая Россия не раз обнаруживала, предлагая народам мира и их правительствам положить ружье. Доныне эти призывы не увенчались успехом».

Эта высокая цель, стремление первого в мире социалистического государства положить конец истребительным войнам вдохновляли членов организации Рихарда Зорге на подвиги. Каждый из них был патриотом своей родины. В широком, интернациональном значении этого слова. Выполняя интернациональный долг, они боролись за справедливое социальное устройство общества — без войн, без эксплуатации, без колониализма, боролись за счастье своей страны в общей свободной семье народов. Путеводной звездой для них был Советский Союз.

Макс Клаузен говорил: «Я стал разведчиком потому, что ненавидел фашизм и милитаризм и горячо любил свою родную Германию. Работа для СССР всегда являлась для меня также борьбой за светлое будущее любимой Германии». Русская женщина Анна Клаузен считала, что, помогая мужу в борьбе против врагов мира, она тем самым помогает своей Родине — СССР. Предсмертными словами Одзаки были: «Я умираю за народ!» Ходзуми Одзаки бесстрашно принес себя в жертву во имя высоких идеалов. Мещанская трусость, карьеризм были чужды его духу. Он чувствовал свою личную ответственность за судьбу народов и хотел помочь им любой ценой, пусть даже ценой собственной жизни. Ётоку Мияги до последнего вздоха был интернационалистом. «Я пришел к выводу о необходимости принять участие в работе, когда осознал историческую важность задания, поскольку мы помогали избежать войны между Японией и Россией»,— заявил он на суде. Югослав Бранко Вукелич, как явствует из документов, ни на минуту не забывал о своей многострадальной родине. А незадолго до гибели он с гордостью заявил: «Все это подтверждало мое первоначальное представление и убеждение в том, что мы работаем в целях защиты Советского Союза, который должен построить у себя социализм». Солидаризируясь с выдающимся болгарским коммунистом Георгием Димитровым, Вукелич считал, что фашизм — власть свирепая, но непрочная, и всей своей работой старался сокрушить эту власть тьмы.

Рихард Зорге пожертвовал личным счастьем, всеми радостями спокойного бытия, карьерой ученого и самой жизнью. Но он познал более высокое счастье: служение своему народу!

«Мое решение было правильным!» Бросая в лицо палачам эти слова, он еще раз подтверждал свою моральную победу над врагами, свою убежденность. Его могучий дух остался не сломленным до последнего мгновения.

Рихард Зорге был не просто талантливым советским разведчиком, он был значительным общественным явлением, он дал образец поистине героической борьбы за мир во всем мире.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1964 года за выдающиеся заслуги перед Родиной Рихарду Зорге посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Его именем названа одна из улиц Москвы, его имя носят пионерские отряды. Пожалуй, не найдешь в нашей огромной стране человека, которому не было бы известно о героических делах Зорге и его боевых соратников Одзаки, Мияги, Вукелича, Клаузенов.

Улица Зорге... Есть улица имени Рихарда Зорге и в Берлине. Находится она неподалеку от парка Фридрихсхайн и как бы

вливается в широкую Ленинскую аллею, где установлен величественный памятник вождю мирового пролетариата Владимиру Ильичу Ленину. На этой улице, в доме номер 8, жили боевые друзья замечательного разведчика — Макс и Анна Клаузены. Каждый день они получали десятки и сотни писем со всех концов планеты: память об их героических делах жива в сознании людей.

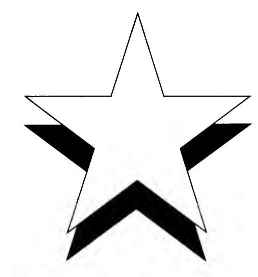
Мы идем по улицам Берлина, украшенным флагами. 9 мая — годовщина великой Победы над злейшим врагом человечества фашизмом! В этой победе есть доля Зорге и его соратников. Здесь, в Берлине, многое связано с именем Зорге. Вот университет, где он учился, это на площади Оперы, где нацисты, придя к власти, демонстративно сожгли сотни тысяч книг писателей-гуманистов. Здесь же — Унтер-ден-Линден, по которой любил прогуливаться в вечерние часы до Бранденбургских ворот молодой Рихард...

В майские праздничные дни мы едем в глубь Германской Демократической Республики, и в Дрездене снова звучит имя Зорге: он бывал здесь, когда в 1923 году в Саксонии и Тюрингии в результате вооруженного восстания были образованы рабочие правительства из коммунистов и социал-демократов. Зорге вел революционную работу, и память об этом жива. Зеленая улица имени доктора Рихарда Зорге — любимое место отдыха жителей Дрездена. Здесь огромный парк и стадион, всегда многолюдно.

Мы бывали в других городах ГДР, в городах Югославии, у нас на Апшеронском полуострове, в Сабунчах, где родился Зорге, и неизменно убеждались: память о героях живет! О них, людях, которые неизменно связывали будущее человечества, будущее своих стран и народов с будущим первого в мире социалистического государства — Советского Союза.

Несколько лет назад в месяц цветения японской вишни — сакуры на токийском кладбище Тама в присутствии многочисленных представителей демократической общественности Японии проходила церемония возложения на могилу Рихарда Зорге нового надгробного камня-памятника с Золотой Звездой и лавровой ветвью.

Люди молчаливого подвига не умирают. Народы слагают о них легенды...

Путь Владимира Заимова
к активной борьбе против Гитлера
и его болгарских приспешников
был долгим и нелегким.
Он лежал через кровавые поля
первой мировой войны,
через осознание
преступной политики царя
и дворцовой камарильи.
Страстный патриот-антифашист,
крупный военный специалист,
Заимов приходит к мысли
о необходимости оказания помощи
Советскому Союзу,
подвергшемуся
подлому нападению агрессора,
и ведет эту борьбу
с редкостной отвагой
до самого смертного часа.

А. Сгибнев, М. Кореневский

Подвиг генерала

Владимир Заимов

Переговоры между Гитлером и царем Борисом протекали нервозно: фюрер требовал болгарских дивизий для Восточного фронта, монарх, как мог, противился. Нет, ему не жаль бросить в мясорубку войны своих «верноподданных». Но он боится вспышки опасных беспорядков. К сожалению, открытое выступление его страны в войне против СССР невозможно. Даже среди значительной части болгарского офицерства очень сильны традиционные симпатии к России. Никто не может поручиться, что царево войско, будь оно отправлено на восток, не станет переходить на сторону красных целыми полками. В подтверждение своих опасений Борис приберег козырь и на вечернем совещании 24 марта 1942 года пустил его в ход. В зал, где велись переговоры, вошел болгарский посол в Германии и вручил царю срочную телеграмму из Софии. Борис с деланным изумлением прочел то, что было ему известно еще до отъезда в Берлин.

— Экселенц! — воскликнул он, обращаясь к Гитлеру.— Вот видите, у нас раскрыт крупный военный заговор в пользу большевиков, арестован генерал Заимов!

Царь надеялся произвести впечатление. Он не знал, что генерал Заимов выслежен отсюда, из Берлина. Что в охоте за ним соперничали самые ловкие агенты адмирала Канариса и рейхсфюрера Гиммлера. Что гестаповцам потребовалось провести специальную «Операцию 4407», дабы подбросить болгарской полиции улики, достаточные для ареста популярнейшего в стране человека.

Итак, конец марта 1942 года. Монархо-фашистская пресса захлебывается: «Генерал Заимов предал царя!», «Генерал предстанет перед военно-полевым судом!»

Месяц спустя Владимир Заимов на все это гордо ответит: «Меня обвиняют в том, что я изменил Болгарии. Меня обвиняют в том, что я участвовал в организации центров сопротивления гитлеровцам в славянских странах. Но если эти центры существовали, какой, скажите, ущерб могли они нанести нашей стране с точки зрения наших законов? Как болгарин и славянин, я делал только одно — выполнял свой священный долг перед Болгарией и славянством».

Есть подвиги, значение которых выходит далеко за пределы одной страны. Они дороги народам-братьям. Именно такой подвиг совершил человек, увенчанный высшей наградой нашей Родины — званием Героя Советского Союза.

Кто он? Откуда? Как жил? Какой дорогой пришел к великому выбору: стать антифашистом, активным борцом против Гитлера и его прислужников? Нам, современникам, дороги каждая строчка его биографии, каждый его шаг и каждое слово, потому что жизнь героя — источник рождения новых героев и новых подвигов.

Владимир Заимов родился в 1888 году в Болгарии. Чувство долга перед Болгарией и славянством прививалось ему матерью — русской женщиной, москвичкой Клавдией Поликарповной Корсак, отцом — Стояном Заимовым, неукротимым борцом против турецкого ига, сподвижником Левского и Ботева. Владимир с юных лет вбирал в свою душу любовь к народу-труженику, веру в его грядущее счастье. Отец не раз наставлял: «Только в служении народу можно обрести настоящее достоинство». Сын знал, что отец и сам свято привержен этим истинам. Дважды выслушивал он, Стоян Заимов, революционер-демократ, ненавидимый турецкими оккупантами, смертные приговоры, но на колени перед врагом не опустился.

Уйдя с государственной службы, Стоян Заимов стал членом комитета по увековечению боевой славы русских воинов, доблестно помогавших Болгарии освободиться из-под ига турецких захватчиков. Благодаря его заботам и стараниям во многих городах и селениях появились музеи русско-болгарской дружбы, мемориальные доски и памятники героям. Отец привил сыну любовь к России, к русскому народу. Это, естественно, не могло не сказаться на его идейном становлении, на его свободолюбивых чувствах.

Мать с гордостью смотрела на отца и сына, очень похожих друг на друга. Она подтверждала со своей стороны: «Отец тебя учит правильно, следуй во всем его слову». И еще они, родители, непременно добавляли, когда разговор заходил о будущем Болгарии: «Далеко от нас лежит Россия, но она, как никто, близка болгарскому сердцу. Лишь под ее защитой, с ее помощью мы — настанет срок! — освободимся навсегда!»

Прочитанные им книги Пушкина, Гоголя, Лермонтова делали далекую и неведомую Россию близкой и родной.

Владимиру не исполнилось и 12 лет, когда он стал кадетом. С детскими еще мечтами о подвиге во славу родины увлеченно занимался военным делом сын учителя, сын повстанческого военачальника. Уже тогда стали раскрываться в нем задатки артиллериста-тактика, офицера-строевика, но ярче всего —

человека чести. Друзья по училищу сохранили в памяти эпизод тех лет. Вечер. Идут классные занятия. За окном холодно; ветер врывается в невидимые щели. Юноши зябко поводят плечами под негреющими тонкими мундирами. Поглядывают на печь. Она заполнена дровами. Но дрова — это норма на завтра. Зажигать их нельзя. И все же один из юнкеров не выдерживает, чиркает спичкой...

На следующий день ротный собирает класс. Спрашивает, кто затопил печь. Молчание. Юнкера знают, что виновника ждет суровая кара. А виноваты, в сущности, все.

— Я затопил!

Все оборачиваются к тому, кто произнес эти слова. Это Владимир Заимов. По рядам разносится шепот восхищения. Но тут признается истинный виновник. Тронутый смелостью и благородством Владимира, командир отмечает Заимова перед всем строем.

Способности молодого офицера проявились в годы Балканских войн. Батарея Заимова смело сражалась под Адрианополем, на Калиманских высотах. Молодой командир — среди немногих — награжден орденом; его портрет с надписью «Владимир Заимов — герой Калимана» выставлен в витринах на улицах Софии. Главнокомандующий направил телеграмму отцу: «Склоняюсь перед тем, кто вырастил нашего героя».

Не успели зарасти окопы одной войны, как в 1914-м грянула новая — мировая. О подвигах Владимира Заимова говорят повсюду, его опять награждают. Но не радовали ни ордена, ни слава. Война принесла народу неисчислимые беды. Лишь оружейные и всякие другие подрядчики оказались в барыше. «За это ли мы должны проливать кровь?» — спрашивал Заимов себя и своих товарищей. И убежденно отвечал: нет, не за это!

Он, не таясь, высказывает правду о войне и ее целях в кругу офицеров и солдат. Спасает от расправы семьдесят прогрессивно настроенных узников, обвиненных в участии в антиправительственном восстании. Все это навлекло на него немилость высших властей. Из-за старой раны его признали «негодным к строевой службе». Но он не сдался. Добился возвращения в армию. Заимов последовательно занимает должности командира артиллерийского полка, бригады. Много размышляет он над боевым использованием артиллерии, пишет статьи в военные журналы, выступает с лекциями. К его голосу прислушиваются. Молодые, патриотически мыслящие офицеры переписываются с ним, горячо приветствуют его прогрессивные взгляды.

19 мая 1934 года. В Болгарии произошел государственный переворот. В нем принял участие и Владимир Заимов. Однако

сразу же разочаровался в новом правительстве, которое стало проводить антинародный курс. Единственный акт правительства он одобрил всей душой — установление дипломатических отношений с Советским Союзом.

Вскоре Заимов произведен в генералы, назначен инспектором артиллерии. Он пользуется огромным авторитетом в войсках. Но на душе неспокойно. Происходит непонятное: один за другим гибнут от «таинственных болезней» соратники и единомышленники Заимова. В октябре 1935 года жертвой дворцовых интриг становится и сам генерал. Его увольняют из армии и бросают в тюрьму. За что? Он обвинен в государственной измене — в подготовке переворота с целью свержения царя. Семь месяцев допросов, унижений, оскорблений. Но дух Заимова не сломлен. Он предстает перед судом с гордо поднятой головой. Отметает все обвинения и твердо защищает свое политическое кредо. Учитывая настроения офицерства, царь и дворцовая камарилья негласно предлагают суду вынести оправдательный приговор.

Из тюрьмы Заимов выходит с поседевшей головой, но с окончательно определившимися взглядами. Его идейное становление завершилось. Он до конца осознал теперь сущность таких понятий, как «народ», «правящий класс», «монархия». Глубокую неприязнь вызывают в нем царь и политические интриги, «народные вожди», управляющие «царской милостью».

Опальный генерал теряет старых знакомых, но зато приобретает много новых. А главное — он устанавливает тесные связи с коммунистами. Эта близость помогает ему обрести веру в завтрашний день Родины. Кандидатура беспартийного Заимова была выдвинута в парламент. Но, узнав, что по тому же округу баллотируется коммунист, Заимов отводит свою кандидатуру и активно борется за избрание представителя Болгарской коммунистической партии. По этому поводу Цола Драгойчева, член Политбюро ЦК БКП, известная общественная деятельница, вспоминает: «Я многим коммунистам в то время советовала учиться у беспартийного генерала Заимова истинно революционному поведению, выдержке, дисциплине».

А жить становилось все тяжелее. Конечно, он мог бы, по примеру других отставных генералов, возглавить какое-нибудь акционерное общество, стать представителем иностранной фирмы. Но он предпочел другое: невзирая на насмешки бывших друзей, становится рабочим. Открывает картонажную мастерскую, где трудится наравне со всеми. Он назвал мастерскую «Славянин», хотя знал, что имя это действует на продавшихся нацистской Германии правителей, как красный плащ на быка.

Острой болью отзываются в сердце Заимова тайные и явные акции Гитлера. Он безошибочно чувствует: готовится война. И еще он предчувствует: первой жертвой фашизма станут славянские страны. Из дали лет, как наяву, прозвучали слова матери и отца: «Только под защитой России, с ее помощью освободится Болгария!» Он, сын, повторял их, эти слова, как пароль, как завещание. Да, только Россия, Советская Россия, Советский Союз может спасти, защитить братские народы, только Советский Союз — никто больше! — может стать и уже стал центром сплочения антифашистских сил. «Борьбе за дружбу, за единение с Советским Союзом,— решает бескомпромиссно Заимов,— отдам я свои знания, свой опыт, свое сердце. Во имя свободы. Во имя победы над Гитлером».

В тот момент, когда уже явно запахло гарью войны, он со всей решимостью поднялся навстречу опасностям, риску, испытаниям. Его военный талант, знания, завидная способность к анализу событий войны служили делу победы над гитлеровской Германией.

Гитлеровские танки грохочут на дорогах Чехословакии — Заимов направляется туда. У него визитная карточка коммерсанта — совладельца картонажной фабрики «Славянин». Ему, военному человеку, очень важно своими глазами увидеть, как действует фашизм.

Вермахт оккупирует Польшу — Заимов появляется там...

Фашисты вторгаются в Югославию. Генерал-майор артиллерии в отставке внимательно, оценивающе всматривается в дороги, запруженные гитлеровской солдатней и техникой. Заимов — большой военный специалист. Поэтому его мысли, выводы, прогнозы очень ценны. Вот некоторые из них:

«В Югославии немецкие танковые части наступали в шахматном порядке. Пехота шла за танками. С нею действовали саперы, минометчики и огнеметчики. Огнеметы били на дистанцию в десятки метров. В боях за Царево Село командир дивизии находился в одном из головных танков, штаб — в боевых порядках. Командир корпуса Штимме находился в танке во главе одной из дивизий. Взаимодействие организовано хорошо. Даже командиры мелких танковых подразделений имеют непрерывную связь с авиацией. Пехота идет в бой налегке, имея при себе запас патронов и шанцевый инструмент. Ранец, шинель, палатки и прочий груз остаются в машинах, следующих за наступающими».

«15—20-мм орудия применяются немцами на дистанции 400—500 м по амбразурам и щелям. При разрыве снарядов разливается зажигательная смесь высокой температуры. Орудия отличаются точностью огня и скорострельностью».

«При штурме дотов в Греции немцы заливали их водой, которая подавалась специальными помпами из ручьев и рек».

«Переброска немцев в Болгарию продолжается, наша территория может стать опорной базой Германии для осуществления плана похода на Восток».

Все эти сведения собираются не для мемуаров. Генерал Заимов смело ищет связи с командованием Красной Армии, видя в ней единственную силу, способную противостоять вермахту. Ищет он также пути сближения с болгарскими подпольщиками.

И вот связь установлена! Есть рация и надежный радист. Есть другие верные помощники в борьбе. Доктору Кноте из ведомства Геббельса, командиру берлинского полка штурмовиков Спету Дитриху, врачу Магорлиеву, что лечит самого Геринга, генералу запаса барону Хитикхову, проживающему в столице рейха, и другим невдомек, что доверенные им секреты и тайны становятся известны подпольщикам. Их связь действует безотказно. Тодор Прахов прорывается сквозь все помехи. Во время радиосеансов он весь преображается, светится радостью: он чувствует себя в первом ряду борцов против фашизма! Заимов полюбил и других своих сподвижников. Были среди них: матрос, знавший немецкий и турецкий; инженер-электрик; сын «потемкинца» и даже человек, окончивший духовную семинарию, но в знак протеста против пресмыкательства царя Бориса перед Гитлером не принявший сана. Все они объединены одним стремлением: бороться с фашизмом, бороться за свободу. И потому не жалеют сил. И не страшатся смерти.

Бойцы-антифашисты, оставаясь чаще всего безымянными, внесли свою лепту в патриотическое сопротивление врагу. Ничто не ускользает от их взора, от их слуха. Взгляните, читатель, на радиограммы, которые приводятся ниже, и вы поймете, как ценна для воинов Красной Армии помощь друзей из Болгарии, их мужественная борьба:

«Пропуск немецких войск через Болгарию начнется после ледохода на Дунае. Понтонные мосты предполагается навести в направлении ж.-д. линий...»

«В течение декабря 1940 года в Румынию прибыло 260 германских эшелонов. Лишь 28 и 29 декабря через Будапешт к румынской границе проследовало 12—15 тысяч немецких войск».

«В Русе два специальных немецких судна ведут подготовку к минированию Дуная. Работы производятся только ночью».

«К концу мая немцы должны вывести войска с Балкан. Останутся только три мотодивизии: 37-я и 38-я в Греции, 40-я — в Югославии...»

«По Дунаю прошли 30 немецких подводных лодок...»

И вот наступил тот роковой день.

— Германия напала на Советский Союз! — закричал, отскочив от приемника, Тодор Прахов. Он тут же, забыв о какихлибо предосторожностях, побежал к Заимову. Владимир Стоянович уже знал об этой горькой вести. Два болгарина — генерал и рабочий — стояли рядом молча, но думали об одном и том же. Необходимо мобилизовать все свои силы на борьбу с общим врагом, на оказание помощи Советской Армии. Надо, чтобы каждый день, каждый час, как у бойцов на фронте, был наполнен борьбой, отвагой, самопожертвованием!

И еще активнее развернули свою деятельность подпольщики-антифашисты. Даже в окружении царя нашлись люди, которые добровольно помогали их борьбе. Эшелоны — сколько, с чем, куда направляются; военизация промышленности; мероприятия, обсуждаемые за плотно закрытыми дверями,— все это становится известно бойцам антифашистского подполья.

Вот строки из сообщений генерала Заимова, поступивших после нападения фашистской Германии на СССР:

«Большой моральный эффект произвели первые три наши бомбардировки Берлина. В берлинском зоосаде устанавливаются зенитки...»

Обратите внимание: «Наши бомбардировки»! Болгарский генерал не отделяет себя от советских воинов, громящих врага.

«В районе Драгоман, Червен Бряг, Стара Загора пускаются под откос немецкие эшелоны с техникой и продовольствием... В Греции и Югославии ширится партизанское движение. Западная Сербия и Босния в руках партизан».

Четкие, глубокие, оперативные военно-политические обзоры, сведения о передвижениях, маневрах и планах врага — все это оказало в борьбе с фашизмом неоценимую помощь. И не случайно советские командиры, обращаясь к патриотам-подпольщикам, говорили: «Сердечно благодарим вас за помощь. Ваши дела подобны фронтовым. Они, как снаряды, как бомбы!»

Вскоре Заимов получил братский привет и благодарность от Георгия Димитрова. О теплой беседе в Москве, об обстановке на советско-германском фронте подробно рассказал Владимиру Стояновичу Цвятко Радойнов, нелегально вернувшийся в Болгарию из Советского Союза. Тот самый Цвятко Радойнов, который добровольцем сражался в Испании и удостоился высокой награды. В ночь на 11 августа 1941 года с борта советской подводной лодки высадилась на родную землю группа болгарских коммунистов, в которую входили Кирилл Видински, Иван Иванов, Коста Лагодиров и другие революционеры. Эту группу и возглавлял выпускник, а затем преподаватель акаде-

Генерал Владимир Заимов.

мии имени М. В. Фрунзе, член Болгарской компартии с 1913 года, полковник Красной Армии Цвятко Радойнов. При первой же возможности он, руководитель военной комиссии ЦК БКП, встретился с Владимиром Заимовым. Они проговорили далеко за полночь. Яснее стали задачи, пути их выполнения. Владимир Заимов был много наслышан о Радойнове — тот побывал на всех фронтах, опытом обладал незаурядным. Да и натурой огневой!

Очень жаль, что им не довелось совместно поработать подольше, как условились в ту памятную встречу. Наводнившие Болгарию гестаповцы следили за каждым шагом Заимова. Простейшая логика подсказывала им: не может такой человек сидеть во время войны сложа руки. Известный своими симпатиями к России, Заимов конечно же тайно борется против рейха. Но как? Кто с ним?

И вот в Чехословакии нацисты подвергают страшным пыткам арестованных подпольщиков. Гестаповцам удается узнать пароль, чтобы найти пути к Заимову: «Вам большой привет от Карола Михальчика».

По команде из Берлина в Софию направляется матерый контрразведчик Флориан. План «Операция 4407» одобрен бригадефюрером Мюллером — одним из помощников Гиммлера.

20 марта 1942 года Флориан пришел на квартиру Заимова:

— Вам большой привет от Карола Михальчика...

Пароль был верен. Но вслед за «курьером» явилась полиция. Наутро реакционная пресса завопила: «Раскрыт заговор...»

Военно-полевой суд начался 27 мая 1942 года. Процесс велся при закрытых дверях. Но небольшой и душный зал выглядел переполненным. Это пришли переодетые в штатское офицеры гестапо, военной и дворцовой разведки. Пришли насладиться зрелищем расправы над мятежным генералом, увидеть, как под напором «неопровержимых улик» будет сломлен его неукротимый дух. Но палачи просчитались. Измученный пытками, доведенный до крайней степени физического истощения, узник смело принял неравный бой. И повел его так, что вскоре загнал своих противников в угол.

На вопрос, признает ли он себя виновным, Владимир Заимов ответил категорическим «нет!». И тут же сам обратился к председателю суда:

— Прежде всего мне хотелось бы знать, в качестве какого документа фигурируют здесь показания так называемого «курьера», которые вы только что зачитали. Кто этот человек — обвиняемый, свидетель или гестаповский агент? Если обвиняемый, то почему его нет на скамье подсудимых?

За судейским столом замешательство. Председатель разъяренно кричит:

— Сейчас мы допрашиваем вас, а не вы нас!

— Это я знаю,— спокойно продолжает Заимов.— И все же прошу мне ответить. Это поможет суду лучше установить истину, в чем, не сомневаюсь, он заинтересован.

Судьи вынуждены сделать перерыв. Они удаляются в соседнюю комнату на «совещание». И там получают нахлобучку от представителя гестапо. Когда председательствующий вновь появляется за столом, в его голосе уже нет былой твердости. Он начинает мямлить о том, что «чехословацкий гражданин», дескать, предстанет перед судом своей страны. Что касается подсудимого Владимира Заимова, то пусть он не дерзит суду, а рассказывает всю правду!

Что ж, правду так правду!

Перед Заимовым словно бы стоял пример Георгия Димитрова, не склонившего головы перед врагами на Лейпцигском процессе. Его не страшил приговор, заранее предопределенный прислужниками Гитлера.

— Истина только одна,— заявляет судьям Владимир Заимов.— Я люблю свой народ, служил ему верно и преданно всю свою сознательную жизнь. Никогда не делал чего-либо во вред Болгарии. Если кто и повредил нашей стране, так это фашисты и их слуги, которым хочется, чтобы славянство стало навозом для гитлеровцев. Их опьяняет мысль, что Германия победит и завоюет Советский Союз. Они забывают, что каждая завоевательная война заранее обречена на неуспех, что никакими техническими средствами нельзя остановить естественные законы развития человеческого общества. Вы обвиняете меня в том, что я был якобы советским шпионом, продал свою страну. Я не шпион. Шпионы служат за деньги, а я никому ни за что не продавал себя... Как офицер и гражданин, я считал и считаю, что обязан исполнить свой долг. Не допустить, чтобы наша армия пошла против наших братьев и офицерство использовало ее как армию наемников. Почему я должен стать преступником в отношении самого себя? Я принимал участие в войнах, лживо названных освободительными и объединительными. Мы все еще страдаем от последствий этих прошедших войн, и наш народ, наверное, еще долго будет ощущать их. Однако наше участие в этой безумной войне на стороне фашистов будет гибельным...

Председатель суда картинно закрывает уши ладонями: это же пропаганда! Он напоминает Заимову, что тот уже второй раз предстает перед военным судом и обвиняется «в тягчайших преступлениях в отношении его величества царя и отечества».

«Господин председатель, мне кажется, вы ошибаетесь — в отношении царя, но не отечества»,— возражает Заимов. Нет, для него не царь олицетворяет отечество, а те люди, с которыми он познакомился в застенках гестапо. Доведенные пытками, физическими мучениями, казалось, до отчаяния, эти люди, среди которых были и совсем еще молодые, почти дети, все же находили в себе силы выстоять во время самых жестоких истязаний. Это были непобедимые солдаты, каких он, много повидавший генерал, не встречал за всю свою предыдущую жизнь. Он, Владимир Заимов, сколько бы ни осталось ему жить, будет таким же солдатом...

— Вы говорите о коммунистах? — шипит во гневе председатель суда.— Это у них вы учитесь? Вы, который по благоволению его величества достиг высокого чина в болгарской армии? Какой позор! Только за одно это вы заслуживаете самого тяжкого наказания!

— Я принимаю на себя этот позор ради чести оккупированной, но не покоренной Болгарии.

— Изменник! Предатель! — вскакивает со своего кресла прокурор.— Он осмеливается говорить против великой Германии, которая своими победами делает великой и Болгарию!

— За эту ложь и я дорого заплатил, господин прокурор. Она стоила мне раздробленной ноги и простреленной головы, а Болгарии — двух национальных катастроф. Господа судьи, неужели это было так давно, что сейчас вы об этом уже успели забыть? Ведь не настолько далеки мы от событий тысяча девятьсот тринадцатого и восемнадцатого годов, когда Болгария стояла перед пропастью и ее фактически толкнули в пропасть? Разве трудно предвидеть конец и этой войны? В ней сгорит старый мир, который в век расцвета мысли и разума не смог найти мирного способа для разрешения своих противоречий. Неужели вы думаете, что миллионы людей оставят безнаказанным такое злодейство, как эта война? Простой народ видит то, чего не хотят понять наши правители: Германия, вступившая на путь порабощения и ограбления народов, будет разбита в этой войне. Опьяненная вчерашними легкими победами в Европе, Германия завтра будет горько сожалеть, что она оказалась игрушкой в руках темных сил, превративших немецкий народ в уничтожающую стихию. А ведь он мог бы заслужить любовь и уважение народов своей созидательной силой и творческой мыслью. Но пусть сами немцы раздумывают о тех несчастьях, какие они причиняют народам и которые завтра обрушатся на их головы. Я думаю о судьбе Болгарии. Болгарский народ не хочет быть сообщником темных сил в разрушении и истреблении людей. Болгарский народ не желает участвовать в преступной войне против русского народа — своего освободителя. Он не хочет быть жандармом немецких завоевателей на Балканах...

— Он сошел с ума! — кричат за судейским столом.— Нет! Он просто платный агент большевиков!

— Неудобно господам судьям впадать в такие противоречия,— иронично замечает генерал.— Сумасшедший не может быть платным агентом. Работа, за которую наказывают смертью, не оплачивается деньгами. Сейчас карманы набивают фабриканты оружия, военные поставщики, мародеры, а не те, кто борется за честь и свободу своей родины...

Многоопытный председатель суда вновь и вновь прерывает Заимова то окриком и угрозой лишить слова, то разглагольствованием о «возвышающем Болгарию» союзе с гитлеровской Германией, то неожиданным вопросом. Протокольная запись судебного процесса сохранила все эти уловки — жалкие попытки сбить Заимова с мысли, не дать высказаться до конца.

П р е д с е д а т е л ь. А вам не хотелось бы видеть Болгарию великой?

Генерал Заимов. Ограбление чужих земель и порабощение других народов не сделают Болгарию великой. Возвеличить может только помощь порабощенным народам, борющимся за свою свободу и национальную независимость.

Прокурор. За такие слова виселицы мало!

Генерал Заимов. Турки тоже за подобные слова вздернули немало лучших сынов нашего народа.

Прокурор. Замолчи, предатель!

Генерал Заимов. Такое оскорбление меня не трогает, поскольку не может относиться ко мне. Предатель не болгарский народ, воздвигший памятники любви и признательности русскому народу. Не были предателями ни ополченцы Шипки, ни их сыны, которых вы судите и убиваете за то, что они идут по стопам своих отцов.

Председатель. Я лишаю вас слова!

Генерал Заимов. Судебное следствие еще не окончено, господа судьи. Иначе, на каком основании вы вынесете свой приговор? *(Полицейские хотят силой увести генерала.)* Здесь суд, а не арестантская камера, господа полицейские! *(К суду):* Сохраняйте по крайней мере видимость чести суда!

Председатель. За оскорбление суда лишаю подсудимого слова, пока он не заявит, что впредь будет отвечать только на поставленные ему вопросы. Подсудимый, вы слышите?

Генерал Заимов. Я до сих пор отвечал только на поставленные мне вопросы, господин председатель.

Председатель. Отвечайте коротко и ясно: признаете ли вы себя виновным в том, что поддерживали преступные связи с людьми из советского посольства?

Генерал Заимов. Я не признаю себя виновным в поддержании таких связей. Если бы освободить советское посольство от полицейской блокады, будьте уверены, что тысячи патриотов со всех концов страны придут туда, чтобы засвидетельствовать, что их возмущают намерения превратить Болгарию в базу для войны против Советского Союза...

Москва осталась единственной надеждой народов мира. Москва сегодня — оплот порабощенных, но непокоренных европейских народов. Москва — надежда каждого человека, который хочет иметь свою родину...

Председатель. Довольно речей! Я уже тридцать лет военный судья. И мне опротивело выслушивать подобные слова подсудимых. Какая безумная амбиция заставила вас отречься от своей среды, от высокого звания уважаемого и всем обеспеченного высшего офицера?

Генерал Заимов. Этот вопрос я считаю серьезным, господин председатель, и серьезно на него отвечу, хотя знаю,

что не буду понят. Главным виновником моего отречения от привилегированной генеральской среды я считаю влияние солдат. Да, простых солдат в окопах. С ними я провел две войны, с их сыновьями любил разговаривать до последнего дня своей службы. Они, солдаты, нравились мне больше, чем представители высших сфер. Они, простые солдаты, как мы их называем, умели отличать справедливое от несправедливого, хорошее от плохого. Особенно верно солдаты разбираются в политике. Вы вот слушали речи подсудимых, а я слушал солдат. Речи подсудимых вам опротивели потому, что вы всегда находились с ними на совершенно противоположных позициях. Я же был в одинаковом положении с солдатами: вместе сидел в окопах, воевал, имел те же шансы погибнуть. Оттого и не могли мне надоесть солдатские разговоры. В окопе и в бою командир не судья, который обвиняет и выносит приговоры, а скорее подсудимый: приговор зависит от того, к чему он приведет солдат — к победе или к бесцельной смерти.

Председатель. И такие речи я слышал.

Генерал Заимов. Послушайте еще немного, прежде чем вынести мне приговор... Вы спрашиваете, какая безумная амбиция заставила меня отречься от среды, к которой я мог принадлежать, и очутиться здесь, на скамье подсудимых, надеть арестантское платье? Отвечаю вам: никакая другая амбиция, кроме честного желания оставаться верным своим солдатам, которые после геройских подвигов в боях ни от кого не получили никакого признания. Суд требует от меня вести себя так, чтобы заслужить хотя бы легкую смерть. Но было бы позором для меня, пережившего две национальные катастрофы, не поинтересоваться, если бы даже это мне стоило жизни, почему вы нас снова втягиваете в гибельную для Болгарии войну? Я был бы подлым трусом, если бы не сказал вам, что только безумец может верить в поражение Советского Союза. Я убежден, что Советский Союз непобедим. За эту веру я готов умереть... Меня обвиняют в предательстве. Но разве я предал Болгарию? Где в моих показаниях, вырванных у меня полицией, имеется хотя бы малейшее доказательство того, что я предавал Болгарию?.. Я не совершил никакого преступления против болгарской государственной власти, не нарушил ни одного закона нашей страны. Правительство еще не издало закона, по которому бы наказывались люди, не одобряющие его внешней политики и высказывающие свое мнение об исходе войны. Я виноват только перед оккупантами Болгарии и теми, кто содействовал этой оккупации. Даже здесь, в этом болгарском зале суда, присутствуют гитлеровские представители, которые поставили под наблюдение работу болгарского воен-

ного суда. Хотя я и подсудимый, но возмущаюсь и протестую против такого унизительного положения, в которое ставите себя вы, судьи, носящие форму болгарских офицеров. Придет день, когда народ решит, кто был предателем...

— Господа судьи,— цедит сквозь зубы прокурор,— мне остается мало что добавить к этим признаниям подсудимого...

— Процесс против меня и моих товарищей,— не дает остановить себя Заимов,— является одним из многих процессов, которые начались после вторжения гитлеровских войск в Болгарию. Скажите, что вселяет силы и смелость в сердца тех сынов народа, которые заживо гниют по тюрьмам и концлагерям, идут на виселицу и падают под вашими пулями без суда на улицах? Только вера в победу Советского Союза... И я верю в эту победу и не жалею, что за нее предстал перед вашим судом. Я убежден, что гитлеровская Германия будет разгромлена и наша судьба, судьба нашей родины — Болгарии, зависит от нашего поведения сегодня, в дни испытаний. Народы осудят, проклянут и сотрут с лица земли предателей, а тем, кто геройски пал за свободу родины, воздвигнут памятники.

— Довольно! — в гневе стучит по столу председатель суда.— Я лишаю вас слова!

Утром 1 июня 1942 года генерала Заимова вывели на полигон школы офицеров запаса. Его привязали к бетонному столбу и долго держали под дулами винтовок, ожидая, что он испугается близкой смерти и попросит пощады.

Генерал стоял, высоко подняв голову. Наконец палачи отдали команду. Защелкали затворы. Заимов крикнул:

— Советский Союз и славянство непобедимы! За мной идут тысячи! Смерть предателям Болгарии! Да здравствует непобедимая Красная Армия — защитница народов! Да здравствует свободная Болгария!

Что такое? Солдаты опустили винтовки. Они не захотели быть помощниками палачей.

— Благодарю вас, воины,— сказал им генерал.— Это лучшая для меня награда в мой смертный час...

К осужденному подбежал разъяренный фашистский офицер и в упор разрядил пистолет.

В Болгарии ходит волнующая легенда: в момент казни генерала Заимова на фронтах от Баренцева до Черного морей разом смолкла на одну минуту вся советская артиллерия. А потом пушки загрохотали вновь, громя врага с особой яростью. Таким был прощальный салют советских воинов своему болгарскому товарищу по оружию.

А чуть позже в эфире прозвучали слова: «Говорит Москва... Говорит Москва... Болгары, сегодня в Софии казнен славный

сын Болгарии и славянства — генерал-майор артиллерии Владимир Заимов...»

Как проехать к Заимовым?

В справочной книге Софии Заимовых, пожалуй, столько же, сколько в Москве Ивановых, но вас сразу же направят сюда, на небольшую и тихую улицу Цанко Церковски, где живет семья расстрелянного фашистами генерала, патриота, интернационалиста Владимира Заимова — Героя Советского Союза.

Прошли годы, как объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР, а все так же много людей — знакомых и незнакомых,— которые приходят в скромный, утопающий в саду домик, чтобы выразить свое уважение и гордость. И все так же тяжелы сумки почтальонов, доставляющих из многих стран приветственные письма, открытки, телеграммы.

— Добре дошли,— произносит мягко, певуче седоголовая, чуть выше среднего роста женщина, открывшая нам дверь.— Здравствуйте!

Это — Анна Заимова. Жена генерала, не склонившего головы перед врагом. Человек, бывший во все времена его надежным другом и сподвижником. Благородны и красивы черты лица, словно бы неподвластные долгим десятилетиям. Чувствуется, как трудно ей заставить себя улыбаться; в глазах застыла горькая и незатухающая печаль. Когда речь заходит о муже, Анна вся преображается, с жаром говорит она о его жизни и боевых делах, о чистоте и пламенности его души.

— Я уже имела возможность,— говорит Анна Заимова,— обратиться к Советскому правительству, к советскому народу, чтобы глубоко поблагодарить их за любовь и внимание к Владимиру Стояновичу, за щедрую оценку его вклада в антифашистскую борьбу. Для нас награда Страны Советов, страны Ленина — высочайшая честь! Поэтому я еще раз выражаю Советскому Союзу, всем гражданам — нашим братьям свою искреннюю признательность... В одной семье с вами расцвела Болгария. Владимир Заимов часто повторял: «Только в братстве с Россией мы можем быть свободны и независимы!» У него было зоркое сердце. Его слова, как завет, я передаю детям своим и всем, кто навещает меня.

Эти слова Анна Заимова произносит взволнованно, раздумчиво, выношенно. Они не из тех, что бывают припасены для случая, для протокольной вежливости,— они рождены внутренней верой и убежденностью. С юных лет, как и муж ее Владимир, Анна воспитана в приверженности к свободе, к неприятию гнета, к праву трудового народа быть хозяином своей судьбы. Как и Владимиру, родители привили ей уваже-

ние к далекой и близкой России, интерес к Пушкину, Тургеневу, Толстому — к литературе облагораживающей, вдохновляющей и зовущей.

Потом в плевенском музее семьи Заимовых экскурсовод, молоденькая, восторженная девушка, покажет нам томик Пушкина, прочитанный Владимиром и Анной вместе уже в зрелые годы,— карандаш чаще всего задерживался на строках, воспевающих силу духа, непреклонность бойца, сочувствие народу, томящемуся в неволе. И книгу Толстого покажет — «Войну и мир», в ней тоже больше всего пометок на страницах, запечатлевших картины народного бытия, народного подвига.

— Произведения русских писателей,— рассказывает Анна Заимова,— мы всегда любили. Загляните в книжные шкафы, там немало русских авторов. Все это куплено Владимиром в двадцатые и тридцатые годы, куплено подчас тайком. Особенно опасно считалось держать дома и читать издания советского периода. Но у нас имелись и Горький, и Маяковский, и Шолохов. Мы с трепетным волнением следили, как быстро менялась жизнь советских людей, как изо дня в день все заметнее побеждал и утверждался социализм...

Музей в Плевене... К нему вообще хочется вернуться. Потому что редкий человек, оказавшийся в этом городе, не заглянет в небольшой белый домик, прячущийся в густой листве фруктовых деревьев, винтообразных лоз и кустов сирени. В нем жил Стоян Заимов, отец Владимира,— светлая и благородная личность, оставившая яркий след в героической летописи болгарского народа. В нем долгие годы жил и сам Владимир Заимов — здесь все дышит его памятью, его незримым присутствием, его революционными идеалами. Посетители — граждане болгарских городов и зарубежных стран — с волнением рассматривают фотографии, документы, ордена, медали и грамоты, оружие.

И почти все, кто приходит в музей, склоняются на прощание над страницами Памятной книги. На заглавной обложке золотом оттиснуты строки из речи Тодора Живкова: «Генерал Владимир Заимов преданно служил делу народа, отдал все свои силы борьбе против монархизма и фашизма, за победу Советского Союза над гитлеровцами. Из его мужественной борьбы против немецких завоевателей и их болгарских слуг, из великого самопожертвования тысяч павших борцов против фашизма, их непоколебимой веры в победу трудящиеся черпают силы для борьбы за мирное социалистическое процветание нашей народной республики.

Вечная слава пламенному патриоту и верному другу Советского Союза генералу Владимиру Заимову!»

Записи, которые мы листаем, перевертывая страницу за страницей, торжественно вливаются в общую песню в честь героя и бойца.

«Вечная память замечательным сынам болгарского народа — отцу и сыну Заимовым.

А. Гундоров,
генерал-лейтенант Советской Армии».

«Мы, группа учащихся 38-й школы, посетили дом-музей Стояна и Владимира Заимовых. Мы глубоко взволнованы всем увиденным здесь. Особенно нас поразила скромность в личном быту этих выдающихся болгар, главной целью которых было верно и самоотверженно служить своему народу.

Руководитель Д. Д. Манева».

«С огромным интересом и вниманием осмотрели мемориальный музей Заимовых. Восхищаемся и гордимся борцами за славянское единство.

Группа московских туристов».

«Сегодня мы, группа курсантов военного училища им. Георгия Бенковского, посетили дом-музей Стояна и Владимира Заимовых. Героическая жизнь этих великих болгар будет вдохновлять нас на овладение военным делом. Мы приложим все свои силы, чтобы усмирить, если это понадобится, врагов нашей Родины, всего социалистического лагеря».

Очень многие взволнованно и неторопливо читают стихи Ананиса Душкова, посвященные генералу Владимиру Заимову, и переписывают их на память. Мы тоже перенесли их в свои блокноты. Вот они, эти поэтические строки:

Был хмур н сер нюньский небосклон.
Дождь моросил. Тумаи стелнлся зыбкий.
Но пламенною мыслью озарен,
С губ ие согнал ои радостной улыбкн.

Там, у стены, спокоен, велнчав
В бушлате арестаитском полосатом,
Стоял он, гордо голову подняв,
Под дулом навedениым автомата.

Смерть на войие лицом к лнцу встречал
(Рубцы еще ие зажнлн на теле!)
Прославленный славянский генерал
И патрнот не на словах — на деле.

Что зиачнт смерть, когда бессмертье ждет?
На нстииу не иайдеиы патроиы!
Пускай погибиу я за свой народ,
За мною следом выйдут мнллноны!..

Глаза не вспыхнут боевым огнем,
Героя сердце перестало биться.
И руки, перебитые свинцом,
Повисли, словно крылья мертвой птнцы.

Но дерзостная мысль не умерла,
Идея братства воплотилась в жизии
И превратилась в славные дела,
Что яркнм солнцем светят всей Отчнзие!

Медленно течет рассказ пожилой женщины, навсегда вобравшей в свою память дорогие страницы жизни-подвига ее мужа. На ее глазах зрело мужество, приведшее Владимира Заимова и его друзей в ряды смелых борцов против фашизма. Часто — очень часто! — в ее присутствии шли жаркие дискуссии, вырабатывались оценки происходящих событий, принимались важные решения. Как будто из вчерашнего дня встает картина, связанная с Октябрем семнадцатого. «В Петрограде победил пролетариат!» — воскликнул Заимов, вернувшись из полковой казармы. Он был необычайно воодушевлен. До Болгарии не дошли все подробности революционного восстания, но Владимир понимал, что произошло событие историческое, великое, имеющее огромное значение и для Болгарии. Он чуть ли не бегом направился к отцу, с которым дружил горячо и преданно: «Пусть порадуется вести из России!» Анна не раз потом слышала в разговорах отца и сына слова «социалистическая революция», «Ленин», «большевики»...

А это воспоминания других лет. Кто-то, рассказывает Анна Заимова, подарил мужу книжку о лейпцигском процессе над Георгием Димитровым. Издание, сами понимаете, подпольное: печать слабая, бумага серая, дешевая. Два вечера кряду сидел Владимир над этой книжкой, восторгаясь бесстрашием революционера-ленинца.

И разве не вправе мы предположить, что именно эта книга послужила для Владимира Заимова поддержкой в труднейший час его жизни?! Пример коммунистов, не страшившихся смерти, был для него знаменем, символом несгибаемости. Владимира Заимова жестоко пытали, мучили: отрекись от своих убеждений. Он гордо отвечал, что считает для себя честью быть в одной шеренге с верными сынами Болгарии.

Ему твердили: повинись царю, попроси его смилостивиться, он дарует жизнь — генерал-патриот наотрез отказался подписать какое-либо прошение. Анна рассказывает: полицейские перед каждым свиданием уговаривали меня убедить мужа склониться перед царем — Владимир запрещал мне даже затрагивать эту тему: «Царская милость мне не нужна. Вины перед Болгарией за собой не вижу!» Я и сама сознавала, что

Владимир ни в чем не виновен перед Болгарией, перед родным народом. Наоборот, он хотел своему народу, народам России вечной свободы и вечного счастья. Он не мог поступить иначе. Он был беззаветно предан Родине. И очень любил вашу страну...

Потом, уже после расстрела, ей передали письмо. Последнее, предсмертное письмо.

«Ты, Анна, знаешь... Я не мог отречься от своих убеждений и порвать со своими друзьями из России... Я знал, что это опасно, но я понимал — еще опаснее, если Болгария останется без друзей из России.

Анна, я больше всего думаю о тебе, о твоем расшатанном здоровье и той муке, перед которой я забываю свою. В чем вина твоя, моя благородная подруга, что ты пережила столько невзгод? Сейчас, в самые тяжелые дни твоей и моей жизни, я прошу тебя простить меня за все. Знай, что лишь ты одна и никто иной всегда была в моем сердце. Ты заняла в нем место матери и любимой. И только дети оторвали от этой любви кусочек, но никто другой никогда там не был... Верьте, что я действовал по убеждению, и будущее покажет, что я был прав...»

— Да, он не мог поступить иначе,— тихо, с гордостью произносит Анна. В этот момент раздался звонок: — Это, наверное, дети пришли.— И она сразу же нашла в последнем письме мужа строчки, обращенные к детям:

«Степа, о тебе тоже много думаю. Какое зло причинил я тебе! Сможешь ли ты продолжить службу там, где твоего отца всегда будут упрекать и клеймить? Ты стал таким самостоятельным, поймешь ли мою идею о славянстве?..

А ты, радость моя, Клавушка, как тяжело тебе! Папа знает, как ты его любишь и что ты всегда готова пожертвовать всем для него. Но злые люди сильнее, они разлучили нас. Мы не скоро сможем собраться вместе, и тебе долго придется быть одной, придется отказаться от многих желаний. Увы, человек думает об одном, а выходит другое. Но что бы ни случилось, ты очень умна, у тебя доброе сердце, ты будешь и впредь радостью и опорой для матери и вместе с братом утешишь ее и скрасишь, насколько это возможно, тяжелые дни, которые ей предстоит перенести. Обо мне думайте меньше. Мне хватит одной вашей горячей любви, и она будет для меня утешением в моем тяжелом будущем».

И снова: «Добре дошли», «Здравствуйте!», «Мы всегда рады гостям из Москвы». Клавдия и Стоян Заимовы говорят на прекрасном русском языке без малейшего акцента.

Нас буквально забрасывают вопросами: что нового в журналах и театрах, как идет строительство автомобильного гиганта

в Набережных Челнах, не повредит ли жара хлебам? На особом месте вопросы о наших космонавтах. Как и повсюду в Болгарии, их знают не только по фамилиям, но и по именам...

— Мы их всех,— говорит Анна Заимова,— пламенно приветствуем и желаем им новых побед!

Потом она пишет, обращаясь к воинам Н-ской ракетной части Советской Армии, чей привет мы привезли в дом Заимовых:

«Будьте верными сынами Отечества! Будьте зоркими и неустанными, смелыми и сильными, как ваши отцы и деды, матери, братья и сестры, совершившие социалистическую революцию, построившие социализм, спасшие мир от чумы ненавистного фашизма. На вас с надеждой смотрит все человечество!»

Под письмом рядом с подписью матери расписались дочь и сын. Чуть ниже от себя лично сын добавил:

«Братьям из Советской Армии!

Будем всеми силами крепить наш союз, нашу семью. Да никогда не покинут нас великая дружба, революционная бдительность и сыновняя ответственность перед нашими народами, перед нашей прекрасной социалистической землей!

Стоян Заимов, генерал-майор».

Мы прощаемся с гостеприимным домом, взволнованные всем увиденным и услышанным.

— Большое спасибо вам, дорогие товарищи Заимовы, бойцы, патриоты, интернационалисты. Большого счастья вам, свято хранящим болгаро-советское родство...

В течеиие двух лет —
с 1941 по 1943 год — Шаидор Радо,
ои же Дора, выходил в эфир,
сообщая советскому
воеииому руководству
цеииейшие сведеиия о плаиах
и замыслах главиого комаидоваиия
гитлеровского вермахта.
Подпольиые радиостаиции
долго были иеуловимы,
хотя действовали оии в Швейцарии,
кишевшей иацистскими агеитами.
Тайиу респектабельиого владельца
иаучио-картографической фирмы,
бывшего воииа веигерской
Красиой Армии, эмиграита,
разведчика-итериациоиалиста
фашисты так и ие смогли разгадать.

О. Горчаков

Дора вызывает Директора

Шандор Радо

На крыше московского ресторана «Прага» уже не белели покрытые белоснежными скатертями столики. Порывы осеннего ветра заносили сюда багряные листья бульваров. Ледяной дождь хлестал по окнам залов, за которыми прятались от непогоды посетители. Александр Радо поглядел в окно: за стеклом ярко, как ракеты над передовой, вспыхивали трамвайные дуги. В «Праге» Радо случайно встретил одного из своих берлинских знакомых.

— В Берлине, как ты знаешь, я редактирую географические издания,— рассказывал Шандор — так называли Александра Радо земляки-венгры.— Пишу для немецкой энциклопедии. А здесь в Москве сотрудничаю в редакции «Большого советского атласа мира», недавно встречался с географом Баранским. Все советские дети занимаются по его учебнику. Я пишу по его предложению для советской энциклопедии. Картография, география — мое призвание...

Через год дела снова привели Радо в Москву. Один из земляков и единомышленников Радо, журналист, с глазу на глаз сказал ему в гостинице «Люкс»:

— Я рекомендовал тебя как настоящего антифашиста, как революционера-интернационалиста.

Александр Радо взволнованно ходил по комнате.

— Конечно, я всегда считал святым долгом каждого из нас помогать Стране Советов, но справлюсь ли я... Это так неожиданно...

— А ты подумай,— посоветовал друг.— Взвесь все. Как говорят русские: утро вечера мудренее.

В ту ночь Александр почти не сомкнул глаз. Какой из него разведчик! Правда, к военным тайнам он некогда имел отношение: после офицерского училища его, сына торговца, направили в бюро секретных приказов артиллерийского полка австро-венгерской армии. Эти приказы открыли ему глаза на солдатские волнения, на рост революционных настроений в войсках, на выступления против габсбургской монархии. Тяга к знаниям заставила молодого офицера поступить заочно на факультет юридических и государственных наук Будапештского университета. Под громовое эхо Октябрьской революции, докатившее-

ся и до Венгрии, Радо читал Маркса и Энгельса. По всем швам трещала старая империя. Уже в 1918 году пылкий артиллерист примкнул к социалистическому движению, а 21 марта 1919 года в Венгрии победила Советская республика...

Когда на красную Венгрию накинулись ее враги, в ряды защитников молодой республики — венгерскую Красную Армию, как раньше в Советской России и потом в Испании, влились русские, украинцы, болгары, чехи, словаки, поляки, румыны, югославы. Шандор Радо назначен картографом в штаб 6-й дивизии венгерской Красной Армии. Комиссаром в этой дивизии был пламенный революционер, один из организаторов Красной Армии Венгерской Советской Республики Ференц Мюнних. Вскоре девятнадцатилетнего Радо назначили комиссаром артиллерийских частей — революция любит юных.

Никогда не забывал Александр полные энтузиазма дни освобождения Словакии, где также была провозглашена Советская республика. А потом — горькие июльские дни, поражение, изгнание.

В Вене он однажды услышал: Юденич взял Петроград. На следующее утро выяснилось, что это утка. Радо понял, как дорога ему русская революция. Ради нее он готов на любые жертвы...

И вот долг зовет его в ряды борцов невидимого фронта. Придется бросить науку и взяться за дело, требующее ежечасного риска...

А разве в 1921 году, когда он впервые приехал в Москву на III конгресс Коминтерна, он не был готов на все ради революции — светлого будущего планеты! Тогда его до слез растрогал скудный делегатский паек: одна селедка, десяток папирос и ломоть черного хлеба. Московского хлеба! Хлеба революции! Этим хлебом, этой селедкой пахло в величественном зале Кремлевского Дворца, где происходил конгресс.

Новая радостная встреча с Москвой состоялась в 1924—1926 годах. Работа над картой Советского Союза для иностранных туристов. Дружба с Михаилом Кольцовым. Должность ученого секретаря в Институте мирового хозяйства и мировой политики при Комакадемии. Спокойная жизнь с любимой женой и другом Леной Радо. В 1926 году он возвращается в Берлин. Радо преподавал в берлинской марксистской школе, когда Гитлер захватил власть и развязал коричневый террор. Супругам Радо удалось бежать за границу.

Эрнст Тельман был тысячу раз прав, сказав: «Гитлер — это война! К войне надо готовиться. Это главное. Личное — потом, после победы...»

И Александр Радо встретился с Артуром Христиановичем Артузовым, одним из талантливейших помощников Дзержинского в ЧК, а затем — Берзина в Разведупре РККА. После обстоятельной беседы с Артузовым — решающая встреча с заместителем и преемником Берзина на посту начальника Разведупра — с комкором Урицким, старым большевиком-подпольщиком. Два ордена Красного Знамени на гимнастерке Семена Петровича, усы щеточкой, пристальный взгляд смелых глаз... Это было в 1934 году.

Фотограф делал снимок за снимком, крупным планом снимая посетителей роскошного особняка «Элизе Билдинг» на Фобур Сент-Оноре в Париже. Новейший «болекс» стоял на треноге за полузашторенным окном на втором этаже дома напротив. По тем временам — осень 1935 года — только разве германская разведка могла похвастаться лучшей оптикой — с заводов Цейса. Октябрьский ветер мел багряные листья каштанов по широким тротуарам от Елисейского дворца.

Рядом с фотографом, развалившись в кресле перед окном, скучал офицер из сюртэ женераль. Делать ему было решительно нечего. Его приставили к фотографу следить за тем, чтобы фотограф не спал, а делал исправно свое дело.

У подъезда дома напротив висела вывеска: «ИНПРЕСС. Независимое агентство печати». Подъехал «пикап». Двое парней погрузили в него бюллетени Инпресса на французском, английском и немецком языках. Фотограф несколько раз щелкнул затвором, широко зевнул. Ну и служба нудная!.. Куда интереснее было снимать убитых, застреленных, зарезанных, повесившихся, вскрывших себе вены... Сколько раз он снимал уже этих парней напротив в фас и в профиль!..

Господа в Инпресс заходили солидные — по виду политики, литераторы, журналисты. Много иностранцев. Немцы, например.

...Начальнику сюртэ женераль, французской контрразведки, звонил сам министр внутренних дел, его непосредственный и высший начальник.

— Что нового сообщает агентура об Инпрессе?

Шеф сюртэ тяжко вздохнул. Все ясно: рейхсминистр просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс снова нажимал на все педали, стремясь раздавить эту явно антифашистскую организацию.

— Господин министр! Мы наблюдаем за деятельностью этой фирмы с самого октября 1934 года...

В эти слова шеф контрразведки вкладывал особое значение,

которое, разумеется, не ускользнуло от министра: 9 октября террорист — агент германской и итальянской разведок убил в Марселе югославского короля Александра I Карагеоргиевича и министра иностранных дел Франции Луи Барту. С той поры влияние Третьей империи в Париже все усиливалось. Шеф сюртэ достал из ящика пухлое досье и большой конверт с фотографиями.

— Французский бюллетень редактирует...

— Все это мне давно известно. Кто посещает Инпресс?

— Все те же люди,— отвечал шеф сюртэ, перебирая фотографии лиц, заснятых перед входом в особняк на Фобур Сент-Оноре.— Например...

— И это мне отлично известно! Меня интересует другое: откуда они берут материалы об арестах, погромах и концлагерях в Германии? Они ссорят нас с нашими друзьями в Берлине!..

Шеф прижал трубку к уху. Так вот куда ветер дует: «Наши друзья в Берлине...» Что же! Это позволит сюртэ женераль вплотную взяться за политических эмигрантов, наводнивших Париж. Среди них был и руководитель Инпресса, политэмигрант из Венгрии, имевший поразительно оперативные источники информации в рейхе. Родился в ноябре 1899 года в городе Уйпешт. В 1917 году окончил гимназию, владеет французским, немецким и английским, изучает итальянский. В 1918 году закончил офицерское училище крепостной артиллерии. Близко знает страны Европы, куда его бросала судьба эмигранта. Проходил курс в Йенском и Лейпцигском университетах, пока не эмигрировал из Германии. Занимается научной деятельностью — географией и картографией. В Париже с 1933 года. В Вене работал в левом информационном агентстве Роста-Вин. Как будто безобидная биография для политэмигранта, но «друзья в Берлине» — это доподлинно известно — считают его опытным подпольщиком и опасным человеком.

Каково же было удивление шефа сюртэ, и особенно его «друзей в Берлине», когда в декабре Инпресс внезапно закрылся. Его руководитель выехал, согласно документам, в Бельгию... Потом след его затерялся. В это время Александр Радо был не так далеко, в Швейцарии.

И вот жребий брошен: вермахт вероломно обрушился на Советский Союз... Радист в Центре услышал позывные сигналы: NDA. И Центр не замедлил ответить: тире — тире — точка — точка, тире — тире — точка — точка, тире — тире — точка — точка. ZZZ. Последняя буква латинского алфавита, но как много значила эта буква, посланная на коротких волнах в безбрежный эфир, чтобы зазвучать в наушниках советского разведчи-

ка-радиста. Теперь радист знал, что его слушают, можно передавать подготовленную радиограмму.

В своих воспоминаниях Александр Радо приводит, по архивным данным, длинный ряд переданных им радиограмм, которые читаются с бóльшим волнением, чем иной «шпионский» роман. Вот две из них:

«23.6.41. Директору. В этот исторический час с неизменной верностью, с удвоенной энергией будем стоять на передовом посту. Дора».

Дора — это Радо. За этим нехитрым псевдонимом стояли героические усилия «могучей кучки» разведчиков.

Женева — Москве. Лозанна — Москве. Дора — Центру. Центр — Доре...

«7.8.41. Директору. Японский посол в Швейцарии заявил, что не может быть и речи о японском наступлении против СССР до тех пор, пока Германия не добьется решающих побед на фронтах. Дора».

Идет война — самая страшная и великая война в истории человечества.

Через швейцарцев и французов Радо установил тесную связь с некоторыми военными деятелями вермахта. Полезным источником оказался офицер, известный ему лишь по псевдониму Вертер, поставлявший информацию из ОКВ — главнокомандования германских вооруженных сил.

Внезапно в разгар операции «Тайфун» — наступления гитлеровцев на Москву — на несколько дней умолкла мощная радиостанция Центра в Москве. Томительно тянулись дни — 17, 18, 19 октября... Лишь в ноябре Радо снова услышал в эфире свои позывные. Снова полетели в Москву радиограммы о резервах вермахта в канун контрнаступления советских войск, о тяжелых потерях противника. По сведениям, почерпнутым из швейцарских источников, гитлеровцы уже к октябрю 1941 года потеряли 1250 тысяч человек! Не менее важно было для Радо установить, что эти сведения поступили к швейцарцам от немецких офицеров, стоявших на антифашистских позициях. Видно, и в самом деле Гитлер понес сокрушительное поражение на советско-германском фронте, если адъютант генерал-фельдмаршала фон Браухича, ссылаясь на шефа, заявил в частной беседе, что война проиграна.

Если бы даже на этом этапе замолчали три рации швейцарской разведгруппы «Дора», то и сделанного было бы достаточно, чтобы считать оправданным ее существование. А Дора продолжал выходить в эфир вплоть до осени 1943 года! Интернациональная группа смело вела борьбу на невидимом фронте. Венгры, немцы, австрийцы, швейцарцы, итальянцы, французы,

англичане — люди разного возраста, социального происхождения, разных политических взглядов, забыв о разногласиях, сообща рыли могилу ненавистному «новому порядку» Гитлера в порабощенной Европе. Жена Александра Радо Лена (псевдоним Мария), наряду с заботами о двоих сыновьях, отлично выполняла роль связной.

Все три радиста Доры — Эдуард, Мауд и Джим — обеспечивали устойчивую радиосвязь с Центром, без которой, по словам самого Радо, любая разведгруппа — нуль. До поры до времени вражеские «слухачи»-пеленгаторщики не беспокоили группу, хотя работа радистов становилась все более интенсивной. Радиотехник Эдуард не только легко устранял любые поломки в радиопередатчиках, но и монтировал рации из доступных материалов. Неутомимым был радист, работавший в Лозанне, где действовал второй радиомост, соединявший Дору с Москвой. По совету Центра Радо на месте, в Женеве, подготовил четвертого, резервного радиста — Розу.

В конце марта 1942 года Дора передал: «25.3.42. Директору. От немецкого генерала Хэманна. а) Последний срок для завершения подготовки весеннего наступления — 22 мая. Наступление должно начаться между 31 мая и 7 июня... Дора».

В апрельских радиограммах Дора подчеркивал, что боевая техника и войска вермахта стягиваются в основном в южном секторе. Сообщались номера некоторых воинских частей, их дислокация. Эти данные в какой-то мере компенсировали непроверенные порой сведения из неизвестных источников — что поделаешь, были и такие. В сфере оценки сведений и их анализа Радо, естественно, не мог быть безупречным. Ведь он был ученым, а не профессионалом-разведчиком. Никакой специальной подготовки он не проходил. Что бы там ни выдумывали после войны писаки на Западе, военный опыт его был невелик. Иногда он становился жертвой обыкновенной «дезы» — продуманной дезинформации со стороны вражеской контрразведки. И он сам признавал это.

И все-таки главное было сделано: Центр получил от Доры данные о новом наступлении вермахта.

По приезде в Швейцарию Александра Радо поразило, что Лозанна, этот всемирно известный город, оказался не очень большим — в нем жило тогда менее восьмидесяти тысяч жителей. В Женеве не было и двухсот тысяч.

Конечно, война даже на Швейцарию наложила свой отпечаток. Свет, правда, не маскировали, но не было прежних карнавалов с фейерверками на озерах, выставок роз. Захирел Международный фестиваль оперы и балета. Замерли саночные катания в горах, лыжные гонки. В Люцерне стали забывать о

регате. Позакрывались казино. Не видно было автобусов с веселыми туристами. Война больно била по карману «нации содержателей гостиниц», как в Европе часто называли швейцарцев... И все же по сравнению с остальной Европой Швейцария оставалась страной мирной. Здесь буржуа мог отведать любимые блюда: фондю, раклет, запить обед киршом или сливовым плуми.

Как известно, надводная часть айсберга невелика. Через всю страну пролегал невидимый фронт борьбы патриотов-интернационалистов с фашизмом...

...В газетном киоске у здания Лиги наций в тот весенний апрельский день можно было купить любую европейскую газету. «Фолькишер беобахтер» мирно соседствовала с лондонской «Таймс». Внимание Александра Радо привлек один из заголовков. Корреспондент английской «Дейли мейл» 8 апреля 1942 года сообщал из Стокгольма, что некий германский банкир, прибывший в столицу Швеции, является личным представителем Гитлера. Он ищет связи со своими британскими и американскими знакомыми, чтобы «обсудить с ними возможности сепаратного мира». Это сообщение, впоследствии не подтвердившееся, вызвало большую сенсацию в мире...

Политическая обстановка была сложной, исполненной противоречивых слухов и предположений. В этих условиях группа «Дора» работала еще активнее, регулярно направляя в Центр получаемые ею сведения, многие из которых имели значительную ценность.

Бывший шеф ЦРУ Аллен Уэлш Даллес, в годы войны возглавлявший систему политической разведки США в Европе, несмотря на зоологическую ненависть к Советскому Союзу, в своей книге «Искусство разведки» писал:

«...Советские люди использовали фантастический источник, находящийся в Швейцарии, по имени Рудольф Ресслер, который имел псевдоним Люци. С помощью источников, которые до сих пор не удалось раскрыть, Ресслеру удавалось получать в Швейцарии сведения, которыми располагало высшее немецкое командование в Берлине, с непрерывной регулярностью, часто менее чем через двадцать четыре часа после того, как принимались ежедневные решения по вопросам Восточного фронта...»

Теперь известно, что решающую роль в обеспечении этого и других «фантастических источников» сыграли антифашисты-интернационалисты.

Как это сплошь и рядом бывает в разведке, Радо не знал лично своего главного врага. Это был стройный, высокий немец, с виду обаятельный и даже простодушный. Ему было тридцать

два года, и он был самым молодым генералом в СС, одним из ближайших помощников рейхсфюрера СС Гиммлера. Он любил рассказывать, что хорошо помнит французскую бомбежку Саарбрюккена, когда ему было всего семь лет, но лучше помнил он голодные двадцатые годы. Будучи студентом-юристом Боннского университета, он вступил в НСДАП и СС и вскоре сумел обратить на себя внимание своего предшественника на посту шефа СД Гейдриха — «человека с железным сердцем». Молодого генерала звали Вальтер Шелленберг. Ему прочили великое будущее в Третьей империи. После 4 июня 1942 года — дня покушения на Гейдриха в Праге — Шелленберг и сам поверил в это будущее.

Весной 1943 года Шелленберга все сильнее тревожили сведения о деятельности советских разведчиков в Швейцарии. В тот день шеф VI отдела РСХА — Главного управления имперской безопасности Вальтер Шелленберг с утра заперся в своем кабинете.

Приказав помощнику и секретарю никого не пускать к нему, Шелленберг сел за стол и склонился над досье с материалами о Швейцарии.

В докладе шефа радиотехнической разведки на Матейкирхплац указывалось, что в начале июля 1941 г. «слухачи» на немецкой, французской и итальянской границах Швейцарии нащупали нелегальную радиостанцию в Женеве, а затем и в Лозанне. Через год координаты трех подпольных раций были установлены более точно. Высказывалось предположение о том, что в Швейцарии действует активная советская разведгруппа. Но при всем старании гитлеровцы не могли разгадать шифры «Красной тройки».

А летом 1942 года Дора передавал важные сведения: подробности переговоров Гитлера и Маннергейма в Финляндии, об экспериментах в немецких лабораториях по расщеплению атомного ядра. Разумеется, Радо и сам не знал тогда, что такие опыты могли привести к разгадке путей создания атомного оружия.

Потом, в декабре 1942 года, когда службе радиоперехвата СД все же удалось раскрыть один из двух шифров Доры, она прочитала целый ряд таких радиограмм, от которых волосы у Шелленберга встали дыбом.

Вальтер Шелленберг считал «Красную тройку» в Швейцарии одной из опаснейших разведгрупп. После ареста ряда разведчиков в Париже, Брюсселе и Берлине зондеркоманде, которая охотилась за советскими разведчиками в Западной Европе, удалось напасть на след «Красной тройки».

Гауптштурмфюрер СС Гейнц Панвиц, возглавлявший зон-

Шандор Радо.

деркоманду, докладывал из Парижа, где он помещался в здании на бульваре Курсель, что руководителем группы разведчиков в Женеве является Александр Радо. По-венгерски Шандор Радо. Его псевдоним — Дора. Далее следовали описание Радо, его особые приметы, адрес, сведения о его «крыше».

О деятельности Доры Шелленберг имел достаточное представление из приложенных к досье радиограмм, поступивших из дешифровального отдела контрразведки. У него не оставалось никакого сомнения в том, что секреты выдавал врагу человек с нарукавной повязкой цвета иммортеля — бессмертника, то есть работник ОКВ, знакомый с приказами, сводками, картами высшего командования. Как выявить людей, находившихся в мозговом тресте вооруженных сил? Кто эти Люци, Вертер, Тедди, Ольга, на которых ссылался в своих радиограммах Радо? Каким путем передают эти агенты свои сведения Радо? Курьерами и по радио или только по радио? Если вспугнуть Радо, он уйдет в глубокое подполье, унесет с собой тайну своих источников. Нет, надо не только парализовать руководителя, но и раскрыть его людей. Конечно, самое лучшее было бы

выкрасть Радо или по крайней мере кого-либо из радистов, привезти в Германию и с помощью гестапо заставить заговорить. Впрочем, в СД хватит своих специалистов по развязыванию языков.

Пока Шелленберг бился над этой проблемой, Дора передал Центру важные сообщения Люци из берлинских источников. Порой рации Радо передавали по нескольку страниц зашифрованного текста на немецком языке, преобразованного в цифры.

В конце концов Шелленберг решил встретиться с шефом швейцарской разведки и контрразведки, любой ценой заставить его арестовать советских разведчиков в Швейцарии. При этом бригадефюрер СС не собирался гнушаться никакими средствами. Больше он не мог медлить. Назревал «генеральский заговор» в рейхе. Радо был осведомлен и о нем. В одной из радиограмм 20 апреля 1943 года Дора сообщал: «Группа генералов, которая еще в январе хотела устранить Гитлера, теперь исполнена решимости ликвидировать не только Гитлера, но и поддерживающие его круги».

Шелленберг дрожал и за свою шкуру — эти мятежные генералы, конечно, не пощадят шефов СД. По прямой радиосвязи с германским генеральным консулом в Швейцарии, который был по совместительству начальником бюро «Ф» — тайной резидентуры СД в Швейцарии, Шелленберг требовал всемерной активизации всех действий против группы Радо, организации непрерывной слежки за всеми ее членами, засылки агентов-провокаторов. Пеленгаторы в специальных автофургонах круглосуточно перехватывали радиопередачи советских разведчиков.

В ту грозовую весну Люци, Вертер и другие антифашисты сообщили Доре некоторые сведения о планах гитлеровской операции «Цитадель» — битвы под Курском. Были переданы описания нового танка «тигр», данные о его производстве на танковых заводах рейха и завоеванных им землях.

Но кольцо вокруг Доры неуклонно сжималось.

Шелленберг имел в Швейцарии мощные опорные пункты, свою многочисленную пятую колонну. Германская разведка занималась Швейцарией еще с 1937 года. Одна из шпионских школ в Германии ежегодно выпускала агентов специально для Швейцарии. Диверсанты Отто Скорцени действовали в конфедерации уже несколько лет. Они взрывали военные склады, мосты, аэродромы. Но тут силой не возьмешь...

С согласия Шелленберга бюро «Ф» решило пустить в ход свой главный козырь. Этим козырем был опытный провокатор, агент гестапо, служивший и за страх, и за совесть СД — этому «гестапо на колесах». В Берлине его знали как Эвальда Цвейга,

в Париже он был Ивом Рамо. В свое время заходил в Инпресс к Радо, что-то вынюхивал; выдавая себя за журналиста, сотрудничал в бульварных изданиях.

К Радо Цвейг-Рамо заявился в душный августовский вечер. Бегая глазами, начал с заговорщицким видом рассказывать, что в Париже был связан с разведгруппой, бежал после ареста ее руководителей, ищет связи с Центром, жаждет передать ценнейшие сведения по рации.

Радо вежливо, но решительно выставил его за дверь. На его вопрос Центр без промедления подтвердил, что Цвейг-Рамо — опасный провокатор гестапо. Дора продолжал действовать.

...Шеф швейцарской разведки и контрразведки, бригадир, человек, которого в Швейцарии считали всесильным, внимательно ознакомился с досье господина Александра Радо.

Владелец частной научно-картографической фирмы агентства Геопресс в Женеве — на хорошем счету в швейцарской полиции. Вполне порядочный, состоятельный, семейный человек. Проживает на шестом этаже в четырехкомнатной квартире в доме № 113 по улице Лозанны в мелкобуржуазном пригороде Сешерон, неподалеку от импозантного здания Лиги наций. (Из окон квартиры Александра Радо открывался внушительный вид на Женевское озеро и на громаду Монблана, закрывавшую полнеба. Глядя на высочайший пик альпийских гор, Радо уносился мыслями туда, где вела невиданную по размаху и значению битву с фашизмом великая страна, которую он, Радо, давно считал своей второй родиной, родиной трудящихся всего мира.)

Низкорослый бригадир откинулся в кресле, расстегнул воротник серо-зеленого мундира швейцарской армии. И этого человека — Александра Радо Шелленберг считает опаснейшим шпионом Москвы! Он требует от имени рейхсфюрера СС Гиммлера его ареста и разгрома его резидентуры! В щекотливое положение попал бригадир. Давно уже он чувствовал себя между молотом и наковальней. Швейцария — островок в фашистском море, и спасение ее зависит от победы антифашистской коалиции. Но Лондон, Вашингтон и Москва так далеко, а Берлин под боком. И все же этим безобидным с виду венгром придется заняться всерьез... Швейцарской контрразведке было невдомек, что антифашист-интернационалист Александр Радо работает в конечном счете и на них, на Швейцарию.

Швейцарской службе радиоперехвата не удалось засечь подпольные радиостанции в Женеве — за нее это сделали гитлеровцы. И теперь Шелленберг требовал, чтобы арестовали советских разведчиков.

Впрочем, сам бригадир кое-что знал. Кому-кому, а ему-то было известно, что сорокапятилетний Рудольф Ресслер, немецкий эмигрант-антифашист, проживающий в Люцерне и владеющий там книжной лавкой и небольшой книгоиздательской фирмой «Вита-Нова» на Флюматтштрассе, в доме № 8, связан не только со швейцарской разведкой, но и с разведкой союзников, быть может, даже с советской разведкой. Но бригадир не знал, что Ресслер — это и есть Люци, давно убедившийся в том, что его информация больше всего нужна Красной Армии. Родом Ресслер был из Кауфбойрена в Баварии, средневекового городка, сын государственного служащего, лютеранин, в семнадцать лет — доброволец кайзеровской армии, вскоре разочаровавшийся в войне и военщине.

На солдата Р. Р., как часто называли его друзья, совсем не походил. За очками в тонкой оправе — глаза интеллектуала. Болен астмой.

В двадцатых годах в Берлине Ресслер выпускал журнал, посвященный германскому театру. Придерживался весьма правых взглядов и состоял членом знаменитого «Герренклуба» — «Клуба господ». Он считал себя хранителем немецкой культуры и люто возненавидел фашизм. Из гитлеровской Германии бежал с женой в 1934 году. Издавал гуманитарные, философские, богословские книги. Печатался под псевдонимом Р.-А. Гермес, разоблачал зверства фашистов. Прекрасный аналитический ум. Обширные знания в военной области, хотя специального военного образования не получал. Искренняя ненависть к нацизму. В швейцарскую разведку поступил по рекомендации офицера Генштаба швейцарской армии. Поставлял ценнейшие сведения из тайных германских источников. Лично известен командующему армией Швейцарии. Данные, добываемые Р. Р., нужны конфедерации. С немцами шутки плохи. Ресслер предупреждал швейцарскую разведку о планах вторжения вермахта в Бельгию, Голландию, Францию...

Шелленберг не хотел верить, что швейцарской службе радиоперехвата не были известны рации «Красной тройки». Он передал швейцарцам имевшиеся у него данные собственных «слухачей» в Дрездене, Зигмарингене и Страсбурге. Так, он сообщал позывные сигналы рации в Лозанне. Информировал о том, что по срочности радиограммы разбиты на три категории: MSG — обычные, RDO — срочные, VYRDO — молнии. Работу радист-коротковолновик в Лозанне обычно начинает в час ночи, меняя не только позывные, но и волны. Основой шифра служит какая-либо книга: «Железная пята» Джека Лондона, например. Шифров несколько, основанных на разных строках в книге и разных книгах.

Вступала в решающий этап сложная, своеобразная борьба между швейцарским бригадиром и Шелленбергом, борьба втемную, вслепую. С одной стороны, был секретный приказ бригадира: постоянно, негласно охранять РудольфаРесслера, не дать людям Шелленберга выкрасть и увезти его из Швейцарии. Вместе с тем бригадир направил швейцарских «слухачей» на след радистов Доры. Если немцы смогли лишь указать города, в которых работали по ночам подпольные рации, то швейцарцам предстояло найти дома и квартиры радистов. При этом пеленгаторщики использовали испытанный гестаповский метод. Убедившись по мощности передатчиков, что они работают не на батарейном питании, а от электросети, охотники за «Красной тройкой», вооруженные гониометрическими фургонами и пеленгаторами, поочередно отключали ток в домах, пока в одном из них не обрывалась вдруг радиопередача.

Бригадир метил сразу в двух зайцев: с одной стороны, он сохранял ценный источник своей разведки, с другой — выполнял требование Шелленберга: вел дело к ликвидации гнезда советской разведки. Он не желал чрезмерного усиления большевистской России: пусть они с Германией обескровят друг друга, это будет только на руку Западной Европе. Конечно, он не разделяет сумасбродных планов таких авантюристов, как, например, генерал вермахта Бек, который, участвуя в заговоре против Гитлера, предлагал американцам десантировать три парашютные дивизии в Берлине, чтобы помочь скинуть гитлеровскую клику, а затем объединить силы против русских. Даже Аллен Даллес считал подобный план невыполнимым.

Кольцо вокруг Доры смыкалось, а в эфир все еще шли радиограммы, которые, как библейские письмена на стене, предвещали гибель Третьего рейха...

В погоне за сенсацией западные авторы, писавшие о «самой мощной разведгруппе всех времен» — группе Доры — Люци, договаривались до того, что-де «война была выиграна в Швейцарии», что «войну выиграли не генералы, а разведчики». Сам Шандор Радо в предисловии к своим воспоминаниям справедливо указал на решающую роль Советской Армии в победе над фашизмом. Он решительно отмел попытки реваншистов изобразить дело так, будто Германия проиграла войну из-за — да, да, точно так же, как в 1918 году! — из-за удара в спину, из-за предательства офицеров ОКВ, работавших корысти ради на советских разведчиков. Снова теория «ножа в спину», сокрушившего Германию! Снова — реванш! Будто и не было двадцати миллионов жертв, принесенных советским народом на алтарь Победы! Будто и не было замечательного подвига

антифашистов интернациональной группы Доры. Эти люди делали свое дело во имя высоких, благородных идей. Их вклад в борьбу против фашизма и войны, за мир, свободу и демократию никогда не будет забыт. Дора и его помощники выполнили свой долг.

О роли советской военной разведки прекрасно сказал Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза Г. К. Жуков: «...всякий мало-мальски знакомый с военным делом человек понимает, из чего складывается военный успех: верная оценка всей обстановки, правильный выбор направлений главных ударов, хорошо продуманное построение войск, четкое взаимодействие всех родов оружия, высокое моральное состояние и выучка личного состава, достаточное материально-техническое обеспечение, твердое и гибкое управление, своевременный маневр и многое другое требуется для того, чтобы одержать победу... Хорошо работающая разведка также была одним из слагаемых в сумме причин, обеспечивших успех этого величайшего сражения». Маршал Жуков говорил о роли разведки во время Курской битвы, но слова его применимы ко всей войне.

Как же все-таки получал Рудольф Ресслер для Доры разведданные из Германии? Над этим вопросом бились Шелленберг и его коллеги, ломают голову до сих пор историографы западных разведок. Тайна связи неотделима от тайны Вертера и других источников Люци. Сам Шандор Радо допускает, что Ресслер получал сведения прямо по радио из главной ставки Гитлера в Растенбурге, из «Вольфшанце» («Волчьего логова»). Ведь оказался же шеф радиоузла ставки фюрера генерал Фельгибель одним из участников заговора 20 июля. Однако доказательств нет. Зато известно, что Ресслер имел доступ к некоторым сведениям из ОКВ, ОКХ — главного командования сухопутных войск, ОКЛ — главного командования военно-воздушных сил фашистской Германии, министерства иностранных дел, РСХА — главного управления имперской безопасности, германских посольств в Берне и Стокгольме, швейцарской разведки.

Радисты Доры еженощно выходили в эфир. Их позывные звучали как траурный колокол, который звонил по вермахту, по Гитлеру. Источники Доры оставались загадкой. Были расшифрованы сотни радиограмм, но псевдонимы источников хранили свою тайну. Раскрыть эту тайну стало манией Шелленберга. Это дало бы ему славу гроссмейстера среди контрразведчиков. Претендуя на место убитого Гейдриха, негласного наслед-

ника не только Гиммлера, но и самого фюрера, Шелленберг метил очень высоко. Но эндшпиль в этой партии затянулся. Выигрыш был явно на стороне Доры. Пеленгаторщики, наблюдавшие за эфиром в районе ставки фюрера и ставки ОКХ, так и не обнаружили никаких нелегальных радиопередатчиков. Не замечено было и подозрительных переговоров по телефонным линиям штабов.

К Александру Радо подсылали новых провокаторов. Тщетно! От провокаторов толку не было.

Наконец — это было после капитуляции фашистской Италии — Шелленберг потребовал от швейцарских контрразведчиков решительных действий.

...По темным улицам Женевы медленно, с трех сторон, двигались три автофургона с пеленгаторами ближнего действия. Над крышей каждой из машин радиоотряда вращались рамки дирекционной антенны.

...В витринах лавок тикали затейливые часы с кукушками... Главный бог этой страны — швейцарский франк. Великолепны банки — его храмы. Как швейцарские часы работают в их витринах, ежечасно меняясь, табели с курсом международной валюты. Тайна вкладов в них охраняется строже, чем государственные и военные тайны...

С каким глубоким, неописуемым, надо полагать, волнением просматривал много лет спустя после войны Шандор Радо журнал поисков отряда пеленгаторщиков!

В ночь на 14 октября федеральная полиция арестовала Эдуарда и Мауд (Хамелей) — радистов Доры — в вилле на шоссе Флориссан. Арест был произведен во время радиообмена с Центром. Об этом сообщил вечерний выпуск «Трибюн де Женев». Полицейские вошли бесшумно и захватили радистов с поличным; были взяты шифры, программы связи, радиограммы. В ту же ночь была схвачена радистка Роза. Сам Радо успел уйти. Ведь он давно ждал эндшпиля, готовился к нему.

В ночь на 20 ноября 1943 г. радиста Джима захватили в Лозанне за приемом радиограммы Центра. Он успел ударом молотка вывести из строя свою рацию и сжечь на свече радиограммы.

Рудольфа Ресслера и некоторых других разведчиков полиция упрятала в Лозаннскую тюрьму в апреле — мае следующего года. По странной иронии судьбы арест, возможно, спас им жизнь. В застенках до них не могла дотянуться длинная рука СД. А 8 сентября 1944 года, когда Гитлер уже дышал на ладан, их освободили из-под стражи.

Шандор Радо, удачно разработав план побега из Швейцарии, перебрался под защиту французских маки в Верхнюю Савойю.

Рудольф Ресслер, он же Люци, душа группы «Дора», умер в декабре 1958 года близ Люцерна, унеся с собой много неразгаданных тайн.

Герои не забыты. Когда настала пора поведать о славной группе «Дора», наиболее отличившиеся ее участники во главе с Шандором Радо получили высокие правительственные награды Советского Союза.

Сегодня имя профессора Шандора Радо известно не только в Будапеште, его знают все ученые-географы мира. Доктор географических и экономических наук, лауреат премии имени Кошута, он жил и работал в родной Венгрии. Сердце его остановилось в 1981 году.

**Ильзе Штёбе (Альта)
руководила группой
немецкнх антнфашнстов,
подпольщнков.
Блестящая журналнстка,
обаятельная н умная женщина,
вхожая в высшне
днпломатнческне кругн
гнтлеровской Германнн,
она передавала в Москву
важную ннформацню.
Когда ее арестовалн, убежденность
в правоте своего дела,
стальная воля помоглн Ильзе
вынестн все кошмары
гестаповского ада.
Перед казнью она сказала:
«Я ннкого не выдала. Я выдержала».
Да, Альта выдержала все.
Ушла непобежденной.**

В. Курас

Под псевдонимом Альта

Ильзе Штёбе

Это рассказ о самоотверженной работе группы немецких антифашистов, помогавших советской разведке получать важную информацию из гитлеровской Германии, главари которой готовили вероломное нападение на Советский Союз. Руководила этой группой Ильзе Штёбе. В документах Центра она фигурировала под псевдонимом Альта.

1

Германский посол в панской Польше граф Гельмут фон Мольтке устраивал небольшой прием, на котором были только ответственные чиновники посольства. Поводом для приема послужило возвращение в Варшаву из поездки по стране Вольфганга, одного из руководителей варшавского филиала германского химического концерна.

Фон Мольтке с уважением относился к Вольфгангу, который, по его мнению, умел видеть и оценивать окружающее с государственной точки зрения, сохраняя при этом трезвый ум, скромность и объективность.

— Я и мои ближайшие сотрудники хотели бы, дорогой Вольфганг, послушать ваш рассказ о Польше, который, несомненно, будет интересен и полезен...

Среди собравшихся в тот вечер у фон Мольтке был первый секретарь посольства, друг посла со студенческих лет, Рудольф фон Шелия.

Вольфганга и Шелия познакомили, и с тех пор они стали встречаться. Вольфганг делился с фон Шелия своими наблюдениями и некоторыми сведениями, представлявшими для дипломата интерес. И как-то само собой получилось так, что фон Шелия, составляя доклады в Берлин, зачастую прибегал к помощи Вольфганга.

В этом не было ничего необычного. Ведь другие сотрудники, и прежде всего сам посол фон Мольтке, часто пользовались при составлении различных бумаг в Берлин помощью Вольфганга. Даже посольские стенографистки считали это вполне естественным.

Скромный, всегда готовый помочь дельным советом, Вольфганг давно стал своим человеком в посольстве. Он никогда не отказывался в узком кругу высказать свою точку зрения на то или иное событие. А событий происходило великое множество.

30 января 1933 года в Берлине к власти пришли фашисты. Фон Шелия оживленно обсуждал с Вольфгангом различные интриги, которые плели теперь друг против друга нацистские главари. Во время таких бесед каждый высказывал свою точку зрения. Прогнозы Вольфганга приводили фон Шелия в искреннее восхищение. В свою очередь Вольфганг все глубже узнавал нового друга.

Немецкому дипломату шел пятый десяток. Он был единственным сыном крупного силезского помещика-дворянина, а его мать — дочерью фон Миккеля, министра финансов в кабинете Бисмарка. Благодаря такому происхождению фон Шелия был хорошо известен в высокопоставленных кругах и находился в близких отношениях со многими немецкими аристократами.

Во время первой мировой войны он был офицером в силезском кавалерийском полку. После войны, закончив учебу, устроился в министерство иностранных дел. Работал секретарем германского посольства в Праге, затем — в Константинополе, позднее стал вице-консулом в польском городе Катовицы. В 1932 году, по желанию фон Мольтке, который стал послом в Варшаве, Шелия был переведен в столицу Польши на должность секретаря посольства.

— Я ненавижу свою жизнь в Польше,— не раз жаловался Вольфгангу фон Шелия. Однако работал он в Варшаве успешно.

Ему нельзя было отказать в тонком чутье и осторожности. Будучи близким другом германского посла в Варшаве, благодаря своим большим связям и ловкости Шелия стал очень важным лицом в посольстве.

Фон Шелия ненавидел коммунистов, но почти так же, да еще с оттенком аристократического пренебрежения, относился к фашистам. Он презирал фашизм, зло высмеивал германских нацистов и их главаря — выскочку ефрейтора.

Вольфганг неплохо изучил своего друга. А тот и предположить не мог, что Вольфганг, этот преуспевающий коммерсант, приятель многих дипломатов и военных,— убежденный антифашист, советский разведчик.

«С первого дня нашего знакомства,— докладывал Вольфганг в Центр,— Шелия информирует меня обо всем, что ему кажется важным. Это и политическая информация, и личные интриги, и денежные истории, и его собственные конфликты с женой и прислугой. Свои сведения он сообщает мне и в посольстве,

и на квартире. Документы, которые меня интересуют, он или прочитывает вслух, или разрешает мне читать их самому. Так как он сознает, что нарушает этим свои служебные обязанности, то обычно говорит: «Возьмите в руки газету для предосторожности. Если кто-нибудь войдет, прикройте ею телеграммы...»»

Шелия доверял Вольфгангу. Большую роль в этом сыграло тщеславие дипломата, его желание всегда иметь под рукой единомышленника, внимательного слушателя и умного советчика. Острые критические замечания «коммерсанта» о существующем в Германии режиме доставляли фон Шелия удовольствие. Но, конечно, больше всего Шелия ценил глубокие познания Вольфганга в вопросах международной политики.

Одним словом, Рудольф фон Шелия считал Вольфганга очень способным и умным человеком, о котором еще нельзя даже точно сказать, какой пост он сможет в дальнейшем занять в это, по словам Шелия, смутное для Германии время...

Немецкие дипломаты в Варшаве еще только подумывали о вступлении в национал-социалистскую партию, а Шелия, вернувшись из поездки в Германию, пригласил к себе Вольфганга и с усмешкой показал ему нацистский партийный билет. Свое вступление в НСДАП Шелия в течение нескольких месяцев скрывал от друзей и даже от посла. Он доверил эту тайну лишь Вольфгангу.

Вскоре началось массовое вступление работников посольства в нацистскую партию. Несколько коллег Шелия пришли к нему с вопросом, не хочет ли и он вступить в партию. Кое-кто из них втайне думал, что аристократ Шелия откажется и тем, к их радости, повредит себе. Выслушав визитеров, Шелия величественно взглянул на них и, достав из сейфа нацистский партийный билет, надменно заявил:

— Этот вопрос я разрешил еще в Германии. И, кстати, намного раньше вас, господа!.. Хайль Гитлер!..

Однако отношения с руководителем национал-социалистской организации немецкой колонии в Варшаве у аристократа Шелия были одно время довольно натянутыми. Лишь благодаря своему удивительному искусству льстить Шелия удалось расположить этого местного фюрера к себе.

Но Вольфганг видел: Шелия предпочитает поддерживать связи с теми германскими дворянами, которые совсем не в восторге от гитлеровского режима.

И такой человек, как Шелия, стал, не зная этого, ценным источником информации для Вольфганга с первых дней своего знакомства с ним.

Ранним мартовским утром тридцать шестого года Вольфганг, как обычно, зашел в служебный кабинет фон Шелия.

— Какие новости?

Взъерошенный фон Шелия был явно не в духе:

— Этот истерик фюрер сходит с ума... Через двадцать четыре часа он пошлет войска в Рейнскую область. Правда, командование частей еще не получило приказ, но мне-то он известен...

Послушав еще минут сорок, как фон Шелия ругает гитлеровское правительство и нацистскую партию, которые затевают такую опасную игру, Вольфганг вспомнил об одном якобы неотложном деле и стал прощаться. Нужно было срочно сообщить в Москву о планах Гитлера...

— У нас нет территориальных притязаний в Европе. Мы точно знаем, что европейскую напряженность нельзя разрешить путем войны,— заявил Гитлер 7 марта на заседании рейхстага. Но в тот же день на заре гитлеровские войска осуществили оккупацию демилитаризованной Рейнской области.

Увидев, как легко удалась ему эта операция, фюрер торжествовал. Его аппетит к захвату новых земель разгорелся еще сильнее.

Хорошо понимая, какую пользу Советскому Союзу могут принести сведения, полученные от Шелия, Вольфганг поставил перед собой задачу добиться того, чтобы дипломат помогал ему в борьбе с нацистами.

В Варшаве фон Шелия жил с женой и двумя дочерьми. Любил театр, охоту и певичек. Рассчитывал со временем стать наследником имения своих родителей. Его состояние исчислялось бы тогда почти в полмиллиона марок. Но с точки зрения Шелия, постоянно стремившегося не отстать от уровня жизни высшего дворянства, такое состояние было недостаточным. Рудольф фон Шелия постоянно нуждался в наличных деньгах.

Вот почему, продав в начале тридцать седьмого года принадлежавший ему в Вене доходный дом за 350 тысяч шиллингов, Шелия перевел в Берлин для отвода глаз германской финансовой инспекции лишь 150 тысяч шиллингов, а остальные 200 тысяч шиллингов припрятал, чтобы положить их в надежный банк за границей. Вспомнив о том, что Шелия скрывает эту свою негоцию от всех сослуживцев и в то же время рассказал о ней ему, Вольфганг усмехнулся. Он был доволен: Шелия доверял ему больше, чем своему другу-послу.

Еще совсем недавно фон Шелия говорил Вольфгангу у себя на квартире, что охотно бросил бы дипломатическую службу, если бы появилась возможность перейти на другое, лучше оплачиваемое амплуа. Рассказав о том, что сестра его жены выходит замуж за второго сына владельца крупповских заводов в Ав-

стрии, Шелия всерьез советовался с Вольфгангом о том, не перейти ли ему служить к Круппу, который по старому знакомству обеспечит ему прекрасное положение. Пришлось довольно долго уговаривать гитлеровского дипломата не делать этого.

Вольфганг хорошо понимал, что у фон Шелия острый взгляд и тонкий нюх. Не зря в припадке откровенности дипломат сам любил сравнивать себя с лисой. И это были не просто слова. Вольфганг видел, что в борьбе со своими противниками Шелия беспощаден. В этой борьбе для Шелия все средства были хороши. Он использовал и интриги, и деньги, и притворство.

Чем больше думал Вольфганг над тем, как подступиться к Шелия, тем отчетливее понимал всю трудность этой задачи. И все же шансы были.

Предположить, что Шелия согласится сообщать секреты посольства, а следовательно, и известные ему тайны политики гитлеровской Германии, позволяло прежде всего недовольство Шелия фашистским режимом, а также его ненасытная жажда денег. Надо было решаться.

После долгого разговора с Вольфгангом фон Шелия согласился за вознаграждение передавать ему информацию.

О результатах этой беседы с Шелия разведчик рассказал Ильзе Штёбе.

2

Немецкая журналистка Ильзе Штёбе пользовалась большим доверием и уважением в немецкой колонии в Варшаве. Впрочем, трудно было относиться иначе к этой молодой, обаятельной и умной женщине, которая как-то удивительно умела расположить к себе людей. И, даже будучи назначенной референтом местного фюрера по вопросам культуры, чтобы воспитывать немецких женщин в Варшаве в духе национал-социализма, она, как судачили жены немецких чиновников, не в пример своим предшественницам, осталась такой же милой и любезной...

Еще до приезда Ильзе Штёбе в Варшаву местный фюрер читал заметку, опубликованную о ней в пражской газете: «Прекрасная дама из Берлина. Прага, 8 сентября 1935 года. «Лидове лист» сообщает, что в обществе немца Бертгольда, арестованного по делу шпионажа для гестапо, часто видели молодую красивую даму... Имя этой дамы Ильзе Штёбе, девица родилась в 1911 году в Берлине, гражданка Германии, журналистка. Она часто бывала в Чехословакии. В прошлом году останавливалась в «Голубой звезде» в Праге. Выезжала за город. Особенно в места, где живут немецкие эмигранты. Ей везло. Она всегда находила родственную душу. Краткий разговор — и Штёбе ехала в

Ильзе Штёбе.

другое место. Игра повторялась. Заниматься журналистикой ей, конечно, было некогда...

В последний раз Штёбе была снова в Праге между 30 июля и 5 августа и останавливалась в отеле «Централь». Персонал отеля называл ее «таинственная иностранка». Она держалась очень сдержанно, получала ежедневно почту из Германии, однако ее никто не посещал. С 9 утра до вечера она отсутствовала и говорила, что учится в Праге. С Бертгольдом у нее были 4 и 5 августа свидания в ресторане... 5 августа Штёбе выехала из отеля «Централь», но Прагу покинула только 7 августа. Где она была эти два дня, не выяснено. Она уехала 7 августа поездом в Словакию. С этого времени ее след пропадает. Возможно, что она еще «работает» в Чехословакии, но возможно, что, узнав об аресте Бертгольда, она бежала через границу...»

Эта заметка во многом определила отношение со стороны руководителя национал-социалистской организации немецкой колонии в Варшаве и его жены к Ильзе Штёбе. И отношение это было, надо прямо сказать, отеческое.

Лишь Вольфганг да работники Центра в Москве знали, как

ненавидит Ильзе Штёбе фашизм. В Германии она видела огромные полотнища со свастикой на фасадах домов и озверевшие толпы, орущие песню о Хорсте Весселе. Она видела облавы на людей, устраиваемые штурмовиками, и огромные костры из книг на площадях. Видела и с содроганием думала о том, в какую пучину влечет гитлеризм ее горячо любимую родину, какую страшную судьбу готовит он народам Европы. Но она не только думала об этом, она действовала, как действовали и другие честные немцы-патриоты, которым были дороги будущее Германии и интернациональное братство людей труда.

Здесь, в Варшаве, Ильзе — Альта вместе с Вольфгангом боролась с нацизмом на невидимом фронте...

3

Уезжая в Цюрих на встречу с человеком из Москвы, Вольфганг был твердо убежден, что может с уверенностью сообщить в Центр: теперь он, Вольфганг, будет знать все, что известно секретарю немецкого посольства в Варшаве Рудольфу фон Шелия о международной и внутренней политике гитлеровской Германии.

Вернувшись в Варшаву после удачной поездки в Цюрих, Вольфганг, по совету Ильзе Штёбе, без особого труда внушил Шелия высокие понятия о дисциплине.

Шелия клятвенно обещал неукоснительно выполнять все необходимые правила. Однако сдержать это свое обещание ему на первых порах было чрезвычайно трудно. При разговорах с Вольфгангом по телефону он часто бросал реплики, явно враждебные гитлеризму. Неоднократно пытался заговаривать с Вольфгангом по телефону об «их совместной работе». Вольфгангу приходилось каждый раз останавливать дипломата.

Беспечность фон Шелия доходила порой до крайних пределов. Однажды после обеда он привез очередные материалы прямо на квартиру Вольфгангу. А так как за несколько дней до этого он повредил свою машину при столкновении на улице, то приехал к Вольфгангу в служебном автомобиле посла. Этот парадный автомобиль фон Мольтке был украшен флажком со свастикой, и управлял им личный шофер германского посла в Варшаве, сотрудник гестапо. Безрассудный, совершенно неоправданный риск!

И все же с этим приходилось мириться. Ведь с помощью Шелия Вольфганг и Ильзе Штёбе могли регулярно передавать в Москву подлинные тексты телеграмм немецких дипломатов. Из этих документов можно было сделать важные выводы о во-

енных приготовлениях Германии. Гитлер готовился к захвату Австрии.

Фон Шелия был женат на дочери крупного венского помещика и промышленника. После женитьбы он завязал дружеские связи среди австрийской аристократии. Недолюбливая прусское дворянство за его ограниченность, он считал венский высший свет олицетворением культуры и благородства и был глубоко возмущен тем, что Гитлер оккупировал Австрию.

Жизнь Вольфганга и Ильзе Штёбе в Варшаве становилась все напряженнее и опаснее. Теперь им приходилось опасаться и польской контрразведки, установившей за всеми, кто был тесно связан с германским посольством, строгое наблюдение.

После нападения гитлеровцев на Польшу Центр отозвал Вольфганга в Москву. В суматохе начавшихся военных действий ему удалось покинуть Варшаву. Перед своим отъездом Вольфганг передал фон Шелия, что в Берлине он, Шелия, может поддерживать связь с хорошо известной ему журналисткой Ильзе Штёбе, уехавшей на днях из Варшавы в столицу Германии.

Выполнение задачи, поставленной Центром перед Ильзе Штёбе в Берлине, требовало, чтобы Ильзе была постоянно при дипломате Шелия. Поэтому работу себе она должна была подыскать такую, которую можно было бы немедленно оставить в случае перевода фон Шелия из Берлина. Учитывая новые законы Третьего рейха, найти такую работу оказалось нелегко. Ильзе съездила из Берлина во Франкфурт и Эссен. Посетила там редакции газет, в которых сотрудничала, находясь в Варшаве. Но ее переговоры окончились неудачно: в Берлине все вакансии от этих газет были заняты.

Главный редактор газеты «Франкфуртер генераль-анцайгер» во Франкфурте-на-Майне предложил Штёбе свою помощь в поисках работы в Берлине. Через своих знакомых он нашел Ильзе место в одном небольшом информационном бюро, но вскоре она вынуждена была уйти оттуда: работа оказалась тяжелой, неинтересной и, главное, мешала регулярным встречам с Шелия и участниками ее подпольной антифашистской группы.

Для Шелия неожиданно наступили трудные дни. Опять подвела болтливость! Его обвинили в «недостойном для германского дипломата» сочувствии полякам. От Шелия потребовали объяснений «по польскому вопросу». Он отправил их лично министру и, ожидая решения от Риббентропа, составлял вместе с фон Мольтке «Белую книгу» о причинах германо-польской войны в духе высказываний Гитлера, Геринга, Геббельса и, конечно, Риббентропа.

Все это время Ильзе Штёбе жила отдельно от матери. Та ничего не знала о второй, самой важной для дочери стороне ее жизни. Ильзе приходилось уговаривать мать:

— В Берлине я временно, мама! Искать нам новую квартиру нет смысла, а для работы мне нужен телефон...

Комната у Ильзе была неудобная, но сменить ее на лучшую она не могла. Полиция тут же заинтересовалась бы ее материальными источниками.

Ильзе мучительно искала подходящую для себя работу. Найти место, которое бы ее устраивало, нужно было как можно скорее: знакомые уже не раз спрашивали, на какие средства она живет.

Ильзе стала замечать за собой признаки самого страшного: она начала нервничать. «Возьми себя в руки,— приказывала она себе.— Успех работы зависит сейчас от твоей веры в собственные силы. Чтобы с тобой ни случилось, в какие бы трудные обстоятельства ты ни попала, ты не имеешь права нервничать. Ты должна действовать решительно, но хладнокровно и глубоко продуманно. Ты обязана всегда быть спокойной!.. Ты не имеешь права нервничать! Подумай! Подумай еще раз! Не ошибись!» — с этой мыслью Ильзе ложилась спать. С этой мыслью она вставала...

Прочитав объяснения фон Шелия «по польскому вопросу» и ознакомившись с составленной им вместе с фон Мольтке «Белой книгой», Риббентроп отнесся к проштрафившемуся было дипломату весьма благосклонно. В личном разговоре с Шелия он намекнул, что, возможно, отправит его в Будапешт.

Рассказ фон Шелия о его возможном назначении в Будапешт взволновал Ильзе. Уехать сейчас вместе с Шелия в Будапешт Ильзе не могла. Нарушились бы связи Центра с другими членами ее группы. Пришлось просить его временно остаться на работе в Берлине.

И дипломат от поездки на постоянную работу в Будапешт отказался. В начале марта он был назначен на новую должность в аппарате министерства иностранных дел. А вскоре с его помощью получила работу в германском МИДе и Ильзе Штёбе. Ей был разрешен доступ ко всем сообщениям, которые поступали в информационный отдел министерства...

Теперь Ильзе могла подумать и о себе. Прежде всего сменила квартиру. «Мой новый адрес,— сообщала она в Москву,— Берлин, Шарлоттенбург, Виландштрассе, 37. Телефон 32-29-92».

Интересующие Ильзе сведения стекались к ней из разных источников. Люди, с которыми она была связана в Берлине, встре-

чались с видными гитлеровцами. И кое-кто из этих гитлеровцев был не прочь сообщить своим собеседникам то, что знал и слышал.

Однажды один из участников ее берлинской группы позвонил Ильзе домой по телефону. После этого разговора в Центр поступило сообщение:

«Курт получил наконец приказ, который подтверждает его немедленный отъезд из Берлина в Москву. Там он будет звонить между 14.00 и 14.30 по телефону, номер которого получил... К тому, кто снимет телефонную трубку, он обратится по-немецки со словами: «Это герр Шмидт... Я прошу к телефону господина Петрова...» В условленное место Курт придет с книгой в руке, в книге будет лежать газета...

Альта».

Теперь уже можно назвать истинное имя антифашиста-интернационалиста Курта — Герхард Кегель, гражданин Германской Демократической Республики.

4

Ильзе Штёбе давно не встречалась с фон Шелия. Германский дипломат уезжал в Италию. По возвращении из Рима Шелия пригласил к себе Ильзе и много рассказывал о своих впечатлениях. Пребывание в Риме убедило его, что дружба Гитлера и Муссолини крепнет день ото дня. Относительно оккупации Норвегии он выразился кратко, но категорично:

— Это сделано прежде всего ради брюха... Германия нуждается в расширении своей продовольственной и сырьевой базы. Кроме того, Норвегия, возможно, послужит исходной точкой для нападения на Англию с воздуха... Ну а теперь о более интересных вещах. Запоминайте... Полагаю, что в ближайшее время надо ожидать продвижения наших военных в Голландию...

Шелия разволновался:

— Друг мой, если бы вы знали, как трудно стало добывать подобные сведения. Ни от одного из людей, которые обычно были раньше в курсе всех дел, теперь нельзя ничего узнать. Все зависит от случая, но и они стали редки!

— А что произошло? — сделала удивленное лицо Ильзе.

— Неужели вы не знаете? Впрочем, это объявили лишь узкому кругу работников министерства иностранных дел. Получено специальное распоряжение. Теперь все приказы и указания военного характера доводятся только до тех, кто непосред-

ственно связан с проведением этих приказов в жизнь. Приказы вручаются таким образом, что остается лишь время на их исполнение. Да, трудно, очень трудно стало работать...

Вскоре после этого разговора Рудольф фон Шелия пригласил Ильзе к себе на новую квартиру. Это была ее первая встреча с Шелия после вторжения фашистов в Голландию и Бельгию. Дипломата серьезно встревожили успехи гитлеровских войск на Западе.

Вместе составили целую рабочую программу. Фон Шелия обещал ежедневно делать заметки обо всем, что представляет интерес. Два раза в неделю Ильзе будет приходить к нему в кабинет или на квартиру за материалами и давать дополнительные задания. Фон Шелия как можно шире восстанавливает связи в обществе и начинает регулярно принимать друзей у себя дома. Наконец Ильзе сказала то, что приберегала напоследок:

— Я и забыла вас поздравить, дорогой друг! Мне поручено передать вам, что ваше сообщение о предполагаемых действиях Германии против Голландии было получено вовремя и отмечено как интересное и важное...

Фон Шелия возбужденно заходил по комнате:

— Будем надеяться, мой друг, что Западу удастся быстро собраться с силами и остановить коричневую заразу. Сегодня один офицер генерального штаба сказал мне по секрету: «Рудольф! Если мы не проведем в Бельгии молниеносное наступление, мы там застрянем!..»

Ильзе вздохнула:

— Видит бог, как было бы это хорошо!..

— Для этих молодчиков со свастикой,— взорвался фон Шелия,— нет ничего святого. Они стреляют даже в детей. Если события в Бельгии будут развиваться не так, как хочет наш «ефрейтор», кто поручится за то, что этот маньяк постесняется применить газовые бомбы? Мне говорили, что у нас их полные склады.

— Не может быть,— встрепенулась Ильзе.— Неужели Гитлер пойдет на это?

— Вы, я вижу, еще плохо знаете этих шакалов! — сумрачно произнес Шелия.— В один прекрасный день Геббельс напишет в газетах, что англичане где-то над Германией сбросили газовые бомбы... Ну и тогда, конечно, нацисты не оставят этого без ответа. От них всего можно ждать!..

— Вы правы,— поддержала разговор Ильзе,— от них можно ждать всего. Утром я встретила своего знакомого, инженера

из общества по развитию телевидения. Он хорошо разбирается в секретных видах вооружения. Мы говорили с ним о наступлении в Голландии и Бельгии. Знаете, что он мне сказал? «Теперь нам нужно захватить еще Брюгге. Тогда мы сможем обстреливать Лондон...»

— Вот, вот. Эти успехи на фронте всем вскружили голову. Все стали «патриотами». Даже те, кто ненавидел национал-социализм, оглушены победными маршами. Особенно военные. Они уверены теперь в полководческом гении своего фюрера, не то что в ноябре... Даже устранение Гитлера ничего бы сейчас не дало...

Ильзе заставила себя согнать усталость с лица. Улыбнулась:

— Можно подумать, вы пригласили меня обсудить заговор против фюрера! А я еще не видела вашей новой берлоги... И как вам удалось найти такую милую квартиру?

Рудольф фон Шелия самодовольно приосанился:

— Дайте мне любое задание, и вы увидите, на что еще способен старый кавалерист!..

— Попробуем... Что вы скажете о том, чтобы достать шифр?

Лицо Шелия медленно бледнело.

— Шифр? — растерянно переспросил он.— Какой шифр?

— Шифр Риббентропа...

«Да-а,— подумал Шелия.— У этой фрейлейн сильная хватка... Нет, какой ход с ее стороны!..»

И чтобы не казаться в глазах Ильзе трусом или хвастуном, он принялся доказывать ей, сколь сложна такая задача.

— Германский МИД,— начал он торжественно и, как показалось Ильзе, даже с гордостью,— имеет, как правило, такие шифры, которые меняются. У каждого германского посольства имеется собственный шифр.

Дипломат бросил быстрый взгляд на удобно устроившуюся в кресле Ильзе, откашлялся и стал пространно объяснять известные ему принципы посольского шифра.

Ильзе откровенно зевала:

— Я в этом все равно ничего не понимаю.

— Но я должен объяснить... Прошу меня понять. И потом у меня нет никакой связи с шифровальным отделом. Кстати, говорят, что там умеют расшифровывать все иностранные телеграммы, кроме английских и русских...

Фон Шелия замолчал. Потом хотел было еще что-то сказать, но только махнул рукой.

Ильзе встала: пора уходить.

— До свидания, рыцарь! — Она озорно взглянула на все еще расстроенного дипломата.— Нет, что бы вы мне ни говорили, с годами люди стареют. Вот и вы тоже. Не смогли выполнить

единственную просьбу дамы. Ну, еще раз до свидания, дорогой друг. Чуть было не уснула от вашей лекции...

Спускаясь по лестнице, Ильзе Штёбе улыбалась. На самом деле она очень внимательно слушала объяснения Шелия.

5

Все лето у Ильзе было столько работы, что едва хватало времени для сна. Материал, поступавший от антифашистки в Центр, имел большую ценность. Особенно копии некоторых те-

Ильзе на прогулке.

леграфных сообщений гитлеровских дипломатов из других стран.

Огромное нервное напряжение не прошло бесследно. Обострилась болезнь почек и печени. В конце августа, по настоянию Москвы, Ильзе поехала в Карлсбад. После шести ванн не могла ходить. Врач отменил ванны. Лечение в Берлине было дорого и мучительно. Она очень страдала. Снова поехала через Прагу в Карлсбад.

«Прага,— писала она Вольфгангу в Москву,— выглядит как заброшенный опустевший дом. Старые дома, ворота и башни продолжают стоять, неисчислимое множество переулков еще не получило немецких названий... Влтава плещет о фермы Карлова моста, а Град возвышается точкой над «i». Правда, там, наверху, висит чужой флаг, но снизу его не видно. Если не знаешь,

то можно не догадаться. А то, что об этом все-таки знают, можно прочитать на каждом лице... Ветер разносит из развешанных на улицах рупоров отрывки немецких фраз: «Приказ, распоряжение, циркуляр». Ветер высекает слезы из глаз. Только ли ветер?..»

Болезнь так и не удалось излечить. В письме к Вольфгангу Ильзе не скрывает, что часто по ночам, когда она остается одна и подступают дикие, ужасные боли, ей становится страшно. И за себя. И за то, что не сможет из-за болезни продолжать свою работу. Но в том-то и была сила этой мужественной немецкой патриотки-интернационалистки, что она, превозмогая все, не покидала своего боевого поста.

Однажды в своем почтовом ящике разведчица обнаружила пакет без почтового штемпеля. Внутри лежали две ярко-красные гвоздики. Волна радости захлестнула Ильзе. Она поняла: друзья не забыли о дне ее рождения...

И снова потянулись напряженные, полные ежеминутной опасности дни. Снова Ильзе Штёбе регулярно виделась со своими людьми, снова предпринимала различные меры предосторожности, чтобы не попасть под наблюдение гиммлеровских ищеек.

— Я думаю,— сказала как-то она своей помощнице,— что в гестапо не выдерживали порой и не такие слабые, как я... Но я постараюсь не дать им сломить меня. В случае ареста я буду отрицать даже собственный почерк...

Фон Шелия после майской встречи с Ильзе проникся к ней нескрываемым уважением. Однако неуравновешенный и капризный, он после поражения Франции впал в панику. Встречаться и разговаривать с ним в это время было нелегко. Но Ильзе делала все, чтобы дипломат не примирился с нацизмом.

Назойливый колючий дождь моросил над Берлином. Рано утром Ильзе Штёбе навестила подругу, недавно перенесшую операцию. Ее дом находился недалеко от Ангальтского вокзала.

Говорили о том, как достать какое-то редкое лекарство, о новостях в министерстве иностранных дел. Вдруг в полуоткрытое окно ворвались звуки «Интернационала». Это было непостижимо. За исполнение пролетарского гимна гестапо бросало людей в лагеря смерти.

— Что это? — испуганно спросила подруга.— Ты тоже слышишь?..

— Сейчас посмотрим,— ответила Ильзе и, не торопясь, подошла к окну. Если бы знала подруга, какого труда стоило Ильзе сохранять спокойствие в эти минуты. Ведь так хотелось броситься к окну, влезть на подоконник, выбежать на улицу. Казалось, «Интернационал» звучал сейчас в ее сердце.

Внизу, на площади, стояла большая группа военных. Среди них выделялось несколько людей в штатском. Ильзе издали узнала Риббентропа.

— Это встречают русских,— сказала она.— В Берлин приехала их делегация...

Долго стоять у окна было опасно. Но ведь для того, чтобы услышать боевой гимн рабочих всех стран, Ильзе и отпросилась с работы к больной подруге.

По площади прошла рота почетного караула. Большая черная автомашина, сопровождаемая эскортом мотоциклистов в стальных касках, двинулась в сторону Бранденбургских ворот. На радиаторе развевался красный флажок с золотым серпом и молотом. Было 12 ноября 1940 года.

6

...Теперь Ильзе Штёбе руководила отделом рекламы на заграницу в одном из крупнейших химических концернов в Дрездене. Она получила возможность свободно разъезжать по всей Германии и даже бывать за границей.

Дорога от Дрездена до Берлина занимала всего два часа. Встречи с фон Шелия проходили регулярно.

Однако работа на новом месте оказалась чертовски трудной. Конкуренция требовала от фирмы еще более броской и цепкой рекламы. Ильзе часами диктовала секретарю длинные и сложные письма, вела нелегкие переговоры с подчиненными ей чертежниками, художниками и составителями текстов. Часто сама писала и переделывала эти тексты.

Найти в Дрездене квартиру вблизи от работы не удалось. Каждое утро Ильзе приходилось вставать в шесть часов. Хозяева концерна не могли нахвалиться новым работником, даже повысили Ильзе оклад.

Как-то Ильзе познакомили с многоопытным руководителем иностранной рекламы концерна «ИГ Фарбениндустри». Узнав, какую должность она занимает, тот заявил:

— Раз в фирме «Лингерверке» решили предоставить этот пост женщине, следует сказать себе: «Поскорее снимай перед этой женщиной шляпу!..»

Если бы только знал делец, какую сложную и опасную работу ведет против нацистов эта стоявшая перед ним с обворожительной улыбкой хрупкая женщина!

Советский Союз был главным препятствием на пути нацистов к мировому господству.

Мужественная немецкая антифашистка информирует

Центр о некоторых военных мероприятиях и планах гитлеровцев.

В последних числах апреля 1941 года Ильзе вновь встретилась с фон Шелия. Дипломат сообщил:

— Кажется, теперь Англия вздохнет свободно... Зимой после отказа от высадки десанта на Британские острова многим казалось, что у нашего «ефрейтора» нет больше никакого определенного плана. Сейчас, как говорят в авторитетных кругах, все совершенно ясно... Выступление против СССР стоит в центре внимания всех военных мероприятий.

Встретив вопросительный взгляд Ильзе, фон Шелия утвердительно кивнул головой:

— Об общем политическом положении и о событиях, ожидаемых в ближайшее время, я говорил с адъютантом Риббентропа.

Ильзе внимательно записывала.

7

Было утро 22 июня 1941 года. Геббельс и Риббентроп уже пролаяли свои заявления по радио: «Восточный поход спасет мировую цивилизацию от смертельной опасности большевизма!..»

Они решились...

Где-то там, на Востоке, падали бомбы, стреляли орудия, умирали советские люди, гибли тысячи немцев, поставленных фашизмом под ружье.

На сердце было горько и тяжело. Ильзе понимала, какой трудной и жестокой будет эта война. Но верила в победу над гитлеризмом.

Она думала об этом в первый день нападения Германии на СССР. Она твердила это про себя, когда газеты ликовали по поводу успехов гитлеровских войск в России, когда эфир был заполнен победными маршами и истерической похвальбой Геббельса. Она продолжала убеждать себя в этом, когда узнавала об арестах коммунистов, когда слышала шепотом передаваемые рассказы об ужасах концентрационных лагерей. Эта вера придавала силы, помогала работать, жить...

Атмосфера, накаленная войной, сделала разум еще более острым, наблюдения более точными. Как рвалась сейчас Ильзе помочь Советской стране, ее армии теми сведениями, которые держала в своих руках. Но связь с Центром прервалась. И, чувствуя себя в эти тяжелые дни вне активной борьбы с фашизмом, Ильзе мучительно страдала. Она не привыкла быть просто

наблюдателем и регистратором событий и фактов. Она была воином.

А связь с Москвой все не устанавливалась. Ильзе ждала.

8

В Берлине проходили массовые аресты. Тысячи антифашистов, коммунистов-подпольщиков были схвачены гестаповцами.

В такой обстановке было крайне опасно и сложно установить связь с радистом. Альта страшно переживала это. «Связь с Центром!.. Как нужна мне сейчас эта связь! — думала Ильзе. — Что я значу для нашей победы без этой связи!..»

Теперь она работала начальником берлинского бюро одного немецкого газетного концерна и ежедневно говорила по телефону со Стокгольмом. Но как использовать эту возможность для восстановления связи с Москвой, придумать не могла.

Ильзе пыталась стать военной корреспонденткой и выехать на Восточный фронт. Она знала, что шансы были очень незначительны, но надеялась на удачу. Думала, что там сможет перейти линию фронта... Однако ей отказали.

Развитие военных событий в России, где фашистские войска продвигались к Сталинграду, не давало антифашистке покоя ни днем, ни ночью.

...Была суббота 12 сентября 1942 года. Гестаповцы ворвались в квартиру в три часа дня.

— Вы Штёбе?

Они обыскали Ильзе, обшарили всю квартиру. Ничего не нашли.

— Одевайся!..

В специальном автомобиле, который сопровождали еще две автомашины, набитые гестаповцами, Ильзе доставили в полицейскую тюрьму на Александерплац: в Берлине не было специальной тюрьмы для женщин, арестованных службой безопасности.

Охранник втолкнул ее в камеру, сбив с ног.

Шатаясь, она поднялась. В глазах стояли красные круги.

— Требую снять наручники!

Охранник оскалил в усмешке рот:

— Эти браслеты для твоей же, детка, безопасности... Покончить самоубийством — самый легкий путь из этих мест!

Почти тут же ее вызвали на допрос. Вел его хитрый и опыт-

ный следователь-эсэсовец. Он сам сказал Ильзе, что работал в политической полиции во Франкфурте-на-Майне с 1933 года. Видимо, даже этим хотел ее запугать...

Первый допрос продолжался трое суток почти без перерыва. Ильзе не давали спать, есть, пить... Гестаповцы рассчитывали сломить ее волю одним ударом.

Следователь рассыпал перед Ильзе десятки фотографий:

— Кого знаете из этих людей?

Особенно часто гестаповец показывал фотографию мужчины в форме немецкого летчика-офицера. Называл много имен.

— Где слышали о них раньше? Кто такая Старуха? Когда познакомились с ней? Что знаете вот об этой даме?..

Ильзе все отрицала.

Ее ответы записывал секретарь.

Позднее был арестован и фон Шелия.

9

Наконец криминальный комиссар гестапо мог поздравить себя с успехом. Сам шеф имперского управления безопасности Гиммлер заявил на совещании, что «дело Штёбе — наиболее удачное дело, выполненное за последнее время гестапо...».

Личный успех следователя был настолько велик, а похвала начальства привела его в такое отличное расположение духа, что на очередном допросе он предложил Ильзе сесть в кресло и с довольной улыбкой заявил:

— Я горд тем, что добился успеха в вашем деле...

Нет, теперь он мог не играть с этой «красной» в прятки. И, наслаждаясь победой, заговорил, пуская колечки табачного дыма к потолку:

— Вы неглупая женщина, Штёбе. Я бы сказал, что вы умная и сильная женщина... Как следователь, проработавший в гестапо почти десять лет, я могу сказать, что на всех допросах вы вели себя просто исключительно. Этот старый дипломат фон Шелия, в отличие от вас, сразу стал похож на мокрую курицу. А вы... Если бы вы пришли к нам добровольно и согласились бы работать на нас, вы были бы великой женщиной! А теперь разрешите перейти к фактам...

Выражение благодушия исчезло с лица следователя. Оно снова стало жестким и злым.

— Нам удалось расшифровать ранее перехваченные радиограммы. В одной из них упоминалось о вас...

Следователь встал, открыл сейф, наполнил стакан до половины французским коньяком, выпил. Сегодня он мог себе позволить это. Снова сел за стол и продолжал:

— Долго эта радиограмма была единственной уликой против вас... Вы, конечно, не знали этого, но были правы, все отрицая... Вы лгали нам в течение почти семи недель. И мы действительно многое не могли доказать... Мы исключительно подробно проверили поездку в Бельгию директора фирмы «Лингерверке», где вы работали. Проверка не дала результатов...

Следователь откинулся в кресле и посмотрел на Ильзе в упор.

— Не так давно,— в голосе гестаповца появились зловещие ноты,— положение изменилось. Ваша карта бита. Как умный человек, вы должны понять, что лгать теперь бесполезно...

Ильзе не шелохнулась. Затем с растерянным видом прошептала:

— Господин криминальный комиссар, я уже тысячу раз говорила, что это какая-то трагическая ошибка!..

— Ошибка? — вскочив, следователь зацепил стул ногой и с яростью отшвырнул его.— Взгляните на это...

Следователь привык вышибать из арестованных признания угрозами и пытками. Но сейчас ему доставляло огромное удовольствие одержать победу иными средствами.

Бросив взгляд на признание фон Шелия, написанное его собственной рукой, Ильзе похолодела: «Он все выдал!.. Эта обезьяна в мундире права. Теперь мне от них живой не уйти!..»

Огромным напряжением воли она взяла себя в руки: «Шелия знает только меня. Теперь лишь бы выиграть время. И спасти товарищей. Этот гитлеровец прав, все отрицать невозможно. Надо брать всю вину на себя и больше никого не называть...»

Неделя сменяла неделю. Допросы, очные ставки с фон Шелия, на которых тот окончательно пал духом, продолжались ежедневно. Следователь выбивался из сил. Ильзе стояла на своем: больше она никого не знает.

Гестаповец и его подручные давно забыли об утонченных методах допроса: «Нет, эту красную психологией не проймешь!»

Ежедневно Ильзе избивали до потери сознания. Обливали водой и снова начинали истязать. Ее тело было сплошь покрыто кровоподтеками. Она едва могла ходить. Но и самыми зверскими пытками эсэсовцы не могли сломить ее воли. Соседка Ильзе по камере рассказывала, что, приходя в себя после допроса на Принц-Альбрехтштрассе, Ильзе Штёбе даже улыбалась...

За два дня до суда ей разрешили увидеть брата и мать. На ее изувеченное побоями лицо нельзя было смотреть без содрогания. Но глаза Ильзе блестели неудержимой радостью: она уже знала об успехах Красной Армии под Сталинградом. Она была уверена, что наступил поворотный момент войны...

Ильзе Штёбе была приговорена имперским военным судом

14 декабря 1942 года к смертной казни. Она встретила приговор мужественно.

— Я не сделала ничего несправедливого,— заявила Ильзе в своем последнем слове.— Вы приговариваете меня к смерти незаконно!

10

После суда над Ильзе ее брат получил от нее короткое письмо: «Я ничего другого не ждала от них. Теперь я довольна и совершенно спокойна... Все, кто меня знал, будут одного мнения — я честна...»

За несколько дней до приведения смертного приговора в исполнение антифашистка сказала своей соседке по камере:

— Я выдержала. Я никого не выдала.

Убежденность в правоте своего дела, могучая воля, которой она обладала, помогали Ильзе вынести все пытки гестаповского ада. Свое прощальное письмо матери, хотя это было очень тяжело, Ильзе написала готическим шрифтом. Она сделала это потому, что знала: готический шрифт мать читает легче, чем латинский.

Основная часть письма утеряна в концлагере Равенсбрюк. Когда гестаповцы отправили туда мать Ильзе Штёбе, старушка взяла последнее письмо дочери с собой. Каким-то чудом сохранился лишь клочок с несколькими строками. Вот они:

«22.12.42. Моя дорогая мама!.. Благодарю тебя, мамочка, за исполнение моих последних желаний. Не печалься, в таких случаях не место трауру... И не носи, пожалуйста, черного платья!..»

Ильзе Штёбе была казнена в ночь с 23 на 24 декабря 1942 года. Казнена на гильотине.

Героическая дочь своей родины, славная антифашистка Ильзе Штёбе Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР была посмертно награждена орденом Красного Знамени.

Много славиых дел было иа счету партнзанского отряда, которым руководил прославленный Макс — польский патриот Юзеф Собесяк. Действуя на Волыни н Ровеищние, отряд Макса, куда входили украинцы, русские, полякн, нстреблял оккупантов, взрывал склады боеприпасов, участвовал в сборе даииых о вражеских войсках. С 1944 года Макс и его соратники вели борьбу за освобождеине Польши. После войны Юзеф Собесяк заиимал ряд комаидиых постов в польской армии. До конца дней свонх он оставался верным другом Советского Союза.

А. Бринский

Макс

Юзеф Собесяк

Макс — партизанский псевдоним товарища Юзефа Собесяка, позже прославленного военачальника Польской Народной Республики.

Я познакомился с ним осенью 1942 года, когда по заданию командования вышел с отрядом на Волынь, чтобы развернуть разведывательную работу на Сарнинском, Ковельском и Здолбуновском железнодорожных узлах, а также в некоторых районах Ровенской и Волынской областей. Среди действовавших на Волыни партизанских отрядов был и отряд под командованием Макса. Партизаны Макса оказали нам большую помощь в сборе сведений о вражеских войсках.

Когда мы знакомились с местными партизанскими отрядами, мой заместитель Иван Насекин, рассказывая об отряде Макса, обронил такую фразу:

— Не знаю, как с ним держаться: ведь он польский офицер. И то удивительно, что большинство в отряде — это украинцы, русские; поляков там раз-два и обчелся, а командует ими поляк!

— А как партизаны относятся к своему командиру? — спросил я Насекина.

— Хорошо относятся, уважают,— ответил он.— И в отряде порядок.

На другой день я побывал в отряде Макса, познакомился с людьми, с жизнью партизан. Самого Макса мне повидать тогда не удалось: он находился на боевом задании.

Отряд состоял из людей тринадцати национальностей, это действительно была многоплеменная братская семья, объединившая свои усилия на борьбу с гитлеровскими захватчиками. Тут были партизан гражданской войны щорсовец Сильвестр Миткалик, старый подпольщик Лукьянчук, капитан Иван Данильченко, возглавляемая коммунистом Бутко группа пограничников, группа молодежи во главе с комсомольцами Павлом Миткаликом и Маломедиком...

Было видно, что люди не только уважают, но и любят своего командира.

На другой день после обеда мне доложили, что в наш лагерь прибыл Макс. Я вышел из землянки и увидел приближавшуюся группу партизан. Впереди шел рослый, хорошо сложенный

красивый блондин с открытым веселым лицом. Он был в сером пиджаке, подпоясан широким армейским ремнем, на котором в кобуре висел пистолет с длинной белой цепочкой, за спиной — карабин.

— Командир отряда Юзеф Собесяк, Макс,— представился он на украинском языке с сильным польским акцентом и при этом поднес два пальца к козырьку своей черной поношенной, но аккуратной кепки: так отдают честь в польской армии.

— Командир отрядов Бринский, дядя Петя,— ответил я на представление Макса.

Мы пожали друг другу руки.

Пригласив его в землянку, я стал расспрашивать о делах партизанских, о том, как ушел он от немцев, когда везли его в ковельское гестапо (об этом уже говорили в отряде).

Макс оказался общительным, душевным собеседником. Мне понравились его откровенность, взгляды на политическую и военную обстановку. Появилась уверенность, что в нем я нашел хорошего друга, и мое первое впечатление оправдалось.

За ужином я спросил Макса:

— Вы имеете офицерское звание?

— У меня чин подофицера,— ответил он.

В свою очередь, и я рассказал Максу о себе, познакомил его с работой наших отрядов, спросил, согласен ли он присоединиться к нам. Макс согласился. Завершая беседу, я сказал, что у нас в отрядах такая традиция: хорошее знакомство и дружба скрепляются боевыми делами.

Макс с улыбкой заметил, что это отличная традиция.

— Для первого знакомства даю вам две мины,— продолжал я.— С вами пойдет один наш опытный командир. Нужно взорвать два поезда. Только прошу не считать, что это проверка.

— Договорились! — ответил Макс.

Еще раньше, до личной встречи с ним, мне было известно, что он из крестьян-бедняков Люблинского воеводства Красноставского повята, в детстве работал батраком у помещика, затем рабочим на заводе. В сентябре 1939 года, когда гитлеровская Германия вторглась в Польшу, Юзеф Собесяк служил в армии, сражался против немецко-фашистских захватчиков. Вскоре страна была оккупирована врагом. Не желая оставаться под властью фашистов, Макс перешел на советскую территорию. Работал на заводе, был директором ковельских машинно-тракторных мастерских.

Когда гитлеровская Германия напала на Советский Союз, Собесяк эвакуировался на восток страны с отходящими частями Красной Армии. Позднее он неоднократно просил военкоматы направить его в действующую армию; в конце концов он

получил возможность принять участие в борьбе против гитлеровских захватчиков.

Макс вернулся в оккупированный врагом городок Маневичи, недалеко от Ковеля. Тут его никто не знал, и он устроился слесарем в одной частной мастерской, а затем связался с подпольщиками. Ему предложили перейти работать в районную типографию: нужно было иметь там своего человека.

Вскоре стали появляться листовки, призывающие к борьбе против фашистских оккупантов. Листовки вызвали переполох. Бургомистр и комендант полиции приняли все меры, чтобы найти антифашистов. Производились облавы, аресты, допросы; начались расстрелы. Полиция долго не могла раскрыть подпольной организации. И все же в конце концов Макса арестовали. После предварительного допроса, ничего не добившись, его направили в ковельское гестапо. Семь полицаев-конвоиров повезли связанного Макса в Ковель. Ясно было, что в Ковеле его узнают и он будет повешен, что кроме него могут погибнуть жена и двое детей, которые там скрываются.

Лежал он, связанный, на санях и упорно думал о побеге. Не будь связан, можно было бы броситься в этот густой кустарник, что у самой дороги, скрыться в лесу, а там снова борьба! Что же делать? Надо как-то усыпить бдительность конвоиров. Макс пытался с ними заговорить, попросил закурить. Те не отвечали. А потом старший вообще запретил ему разговаривать.

Тогда Макс начал петь, а пел он, к слову сказать, хорошо! Сначала шли религиозные песнопения. Полицаи не останавливали, не запрещали. Потом он затянул украинские песни. Полицаи стали прислушиваться. Но вот полилась нежная, хватающая за сердце мелодия:

Згадай, казачэ, минули рокы,
Як мы з тобою кохались вдвох.

Один полицай не выдержал и поддержал:

И ты схылылась мэни на груды,
Тихо шэптала: люблю тэбэ...

Последующие куплеты пели уже все. Далеко разносилась песня, отвечало ей лесное эхо...

Старший конвоир сунул в рот арестованному папиросу:

— Покури и еще споем,— сказал он.

Конвоиры стали разговаривать с Максом, однако рук ему не развязывали. А до Ковеля все ближе... Стараясь не выдать своей тревоги, он сохранял уверенный, спокойный вид. Один полицай даже пожалел, что будет скучно возвращаться без такого веселого арестанта.

— Пустяки, ошибка, забери ее холера. С кем теперь не бывает? Быстрее бы до Ковеля добраться, там разберутся; обратно в Маневичи опять вместе поедем,— заявил Макс, прикидываясь беззаботным простачком.

На полпути остановились на хуторе, чтобы лошадей покормить и самим перекусить. Пять полицаев зашли в хату, а двоих оставили возле арестованного. Немного погодя один полицай вышел и распорядился:

— Развяжите арестованного и ведите в хату.

Макс расправил онемевшие руки и ноги, метнул острым взглядом: совсем близко темный лес. «Бежать, бежать... Нет, нельзя: три вооруженных полицая рядом...»

В хате полицаи уже похозяйничали: на столе три бутылки самогона, огурцы, сало. Около плиты хлопочет оробевшая хозяйка. На сковородке жарится яичница.

— Садись,— распорядился старший конвоир и налил арестованному самогону.

Макс выпил, закусил.

— Ну а теперь спой,— сказал старший.

Макс спел несколько украинских песен, пьяные полицаи подпевали.

— Хорошо поешь, но из гестапо тебе не вырваться,— ухмыляясь, сказал полицай.

А Макс пел и обдумывал план побега. Полицаи пьяные, трое уже едва языком ворочают. Винтовки стоят в углу возле дверей...

Но у полицаев есть еще пистолеты, гранаты. Броситься к двери — ничего не получится, успеют выстрелить. Есть надежда убежать, когда будут выводить из хаты, воспользоваться теснотой. «Что делать, как лучше?.. Решать немедленно!» Вдруг взгляд Макса остановился на окне, выходившем в огород. За ним росли яблони. А дальше, за огородом, начинался лес.

— Запевай последнюю, будем собираться,— сказал старший конвоир.

Макс запел свою любимую:

За золото счастья не купыш,
А сэрденько можно згубыть...

Пел и поглядывал на окно, лихорадочно взвешивал, может быть, единственную и последнюю возможность уйти от мук и смерти. На глаз смерил расстояние. «А что, если сразу броситься, телом вышибить раму,— недаром же я был спортсменом. Но надо без сапог, чтобы легче бежать».

— Одевайся, пойдем! — приказал полицай.

— Разрешите переобуться, а то ноги отекли.

— Переобувайся, только побыстрее.— Два полицая забрали винтовки и вышли из хаты. Остальные одевались.

Макс снял сапоги, пальто, остался в шерстяных носках, свитере и ушанке.

Стремительный бросок. Звон стекла, треск рамы — и Макс на воле! Казалось, он не упал на снег, а лишь слегка коснулся его, выпрямился, как стальная пружина, и стремглав побежал к лесу по мягкому мартовскому снегу.

Конвоиры в первое мгновение растерялись, даже не поняли, что произошло. Потом бросились к окну, выскочили во двор, кричали, стреляли.

Макс не оглядывался. Он слышал крики, выстрелы и бежал... И вот уже он в лесу.

Бежать здесь труднее, зато безопаснее. Долго гнались за Максом полицаи, а потом крики и стрельба прекратились: преследователи отстали. Около восьми километров пробежал Макс.

На одном хуторе его обули, одели и помогли добраться до польской колонии Конинск.

Тут к Максу присоединились три антифашиста. Гитлеровцы расстреляли их родственников за то, что они дали поесть советским воинам, выходившим из окружения. Потом в группу вступили Булик, Николай Конищук из села Грива... Так стал складываться новый партизанский отряд в Маневичском районе под командованием Макса. Позднее его отряд, как и другие партизанские отряды, действовавшие тогда на Волыни и Ровенщине, присоединился к нам. Он продолжал командовать отрядом и был моим заместителем по работе среди польского населения.

Макс был неутомим. Он выступал перед народом, призывая к еще более активной и смелой борьбе против фашизма, писал листовки, создавал антифашистские группы, встречался с подпольщиками, ходил на боевые операции, пускал под откос поезда. Партизаны наносили удары фашистам в Ковеле, Луцке, Пинске, Бресте. Молва о смельчаках Макса распространилась далеко за пределы Волыни.

Вскоре Собесяку присвоили звание капитана.

В начале 1944 года на Волыни была сформирована польская партизанская бригада для действий в Польше. Макса назначили ее командиром. Он вел партизанскую борьбу на польской земле до ее освобождения от гитлеровских захватчиков.

Многое можно было бы о нем рассказать, но я остановлюсь лишь на некоторых случаях из нашей совместной работы.

Однажды Макс сказал мне, что с ним хочет встретиться ин-

женер Шевчук — бывший секретарь Маневичской районной управы. Я разрешил Максу встречу с инженером и напомнил о нашей традиции: если Шевчук хочет с нами дружить, пусть насолит врагу. Макс захватил с собой две магнитные мины, чтобы передать инженеру.

Встреча состоялась в доме знакомого лесника. Бывший секретарь управы явился один, вооруженный винтовкой, пистолетом и гранатами. Войдя в хату, он молча положил оружие на стол и сказал:

Командир партизанского отряда Юзеф Собесяк («Макс»). 1942 г.

— Мне очень неприятно, пан Собесяк... Не знаю даже, как говорить... Вы можете расстрелять меня, и это будет правильно... В свое время я хотел убить вас, как бандита, но оказалось не вы, а я бандит...

— Не будем об этом говорить,— перебил его Макс,— сейчас самое важное — сегодняшний день и то, что будет завтра... Мне передали, что вы хотите помочь нам. Вот об этом поговорим.

— За этим я и пришел. До сих пор я боролся против коммунистов, а теперь буду бороться против фашизма, как настоящий коммунист...

Инженер и в самом деле включился в борьбу с гитлеровскими оккупантами. Полученные от Макса мины использовал,

как ему рекомендовалось: одной был уничтожен состав с бензином, который взорвался недалеко от Сарн, а вторая была вложена им в вагон с оружием. Бывший секретарь районной управы передавал нам сведения о немецких гарнизонах, о передвижении войск и грузов противника по железной дороге Ковель — Сарны. По нашему заданию он побывал в Ровно, Луцке, Ковеле. Помогал устанавливать связи с польскими подпольщиками.

В середине января 1943 года Шевчук передал, что комендант полиции одного из окрестных районов хочет встретиться с Максом и сообщить важные сведения. Это было для нас неожиданностью. Комендант — ярый антикоммунист, верный слуга Гитлера, злобный враг Советской власти, один из организаторов массовых расправ над советскими людьми. Коменданту давно вынесен приговор. И вот этот враг просит встречи со своими жертвами, которых избивал, пытал, уничтожал. Что это? Очередная хитрость врага?.. А может, и в самом деле передаст важные для нас сведения.

Мы знали: когда дела гитлеровских захватчиков принимали плохой оборот, их ставленники нередко начинали заигрывать с партизанами, надеясь заслужить себе впоследствии помилование. Наступление Красной Армии под Сталинградом многим освежило мозги.

Пришлось согласиться на встречу. Время было для нас сложное. Гитлеровцы начали большую карательную операцию. Конечно, мы надеялись кое-что узнать о ней от коменданта. Место встречи назначили в лесу. На встречу поехали Макс и один наш опытный разведчик.

Были приняты меры безопасности. Макс и разведчик прибыли к указанному месту раньше, разожгли костер. Ждать пришлось недолго. Вскоре на глухой проселочной дороге появились сани, в которых сидели бывший секретарь управы и комендант. Оба подошли к костру.

— Вас, конечно, удивляет, что я просил встречи,— начал комендант.— Но я больше не мог... Вы, господин Собесяк, счастливый человек. Вы избрали правильный путь, а я просчитался... Хочу попытаться искупить свою вину.

— Кто вам мешает? — спросил Макс.— Искупайте.

— Я понимаю, что не заслуживаю ничего, кроме осуждения и презрения, но я многое знаю и могу помочь вам.

— Что вы знаете о начавшейся облаве? — прервал его Макс.

— Все знаю. Ради этого приехал. У меня есть план этой операции,— он вынул из кармана сложенную бумагу и протянул ее Максу.

— Возьмите! Ознакомьтесь. Это копия... Уверяю вас — все правильно.

От коменданта узнали, что возросшая активность партизан на Волыни и Ровенщине встревожила захватчиков. На днях комендант был в Ровно на совещании, которое проводил гитлеровский ставленник на Украине Кох. Он зачитал телеграмму из Берлина. Гитлер требовал немедленно покончить с партизанами в этих районах и всеми мерами обеспечить нормальную работу железных дорог, подвозивших к фронту живую силу и военную технику.

Генерал-губернатору Волыни и Подолья Гитлер объявил выговор за «беспорядки» в генерал-губернаторстве. Ведь это на его землях — где-то южнее Пинска — находился, по мнению фашистского командования, центр партизанского движения.

Генерал-губернатор поклялся, что сожжет все села, расстреляет всех, кто вызывает хоть малейшее подозрение, но никому больше не позволит нарушать введенный рейхом «новый порядок». Сразу же после совещания был разработан план уничтожения партизан, базирующихся между реками Стырь, Стоход и Турья.

Карательная операция против нас началась пятнадцатого января, к двадцать второму должно быть закончено окружение, а к двадцать пятому — должна завершиться и вся операция в целом.

И вот — удача! Макс получил и привез нам план облавы, в котором с чисто немецкой пунктуальностью было расписано все до мельчайших подробностей: какие группы, под чьим командованием, какого числа и в какое время должны двигаться и занять определенные населенные пункты или рубежи. Коменданту поручено командовать одной из групп.

Составителям плана казалось, что все учтено, все предусмотрено, что партизанам не вырваться из кольца. Уверенные в успехе, они в самом начале операции даже выпустили листовки, предлагая нам по доброй воле сложить оружие, выйти из леса и сдаться, угрожая, что в противном случае мы все погибнем, «как мухи».

Переданный комендантом план полностью раскрыл нам карты врага. Мы действовали по своему контрплану и свели на нет замысел врага.

Хорошо помню и такой случай. На Волыни, в Камень-Каширском районе, жил управляющий имениями — польский помещик Н. Мы знали, что он, бывший крупный магнат, имел только на Волыни три имения. Но в сентябре 1939 года ему пришлось их покинуть и перебраться на Буг, к немцам, которые тогда оккупировали Польшу.

В 1941 году, когда гитлеровская Германия захватила Во-

лынь, помещик Н. вернулся, но уже не хозяином своих бывших имений, а только управляющим. Нам было известно, что пан Н. близок к немцам, имеет много знакомых, друзей — видных чиновников в генерал-губернаторстве Волыни и Подолья и в рейхскомиссариате Украины. Но до нас дошли слухи и о том, что он ненавидит гитлеровских оккупантов.

Я поручил Максу встретиться с Н.

Прошло несколько дней. Как-то рано утром ко мне в землянку заходит Макс. Когда он снял полушубок, я увидел, что Макс одет в форму польского офицера, на груди красуется польский орден.

— Что это означает? — спросил я.

— Капитан Орлинский,— с улыбкой отрекомендовался Макс.— Я только что встречался с паном Н.

— А где вы достали форму и орден?

Макс рассказал, что, получив задание встретиться с паном Н., он распорядился сшить для него форму польского офицера и несколько солдатских мундиров. Кто-то из товарищей осмотрел переодевшегося Макса и заметил, что хорошо бы ему еще нацепить орден. Какой же это капитан во время войны без наград?

Макс вспомнил, что у одного лесничего, бывшего военного, имеется крест, которым он был награжден Пилсудским еще в 1920 году. Когда собирали ценности для Большой земли, чтобы построить партизанскую эскадрилью, лесничий предложил этот крест. Тогда Макс отказался взять, а сейчас попросил крест «напрокат».

Была глухая январская ночь, когда партизаны во главе с Максом подъехали к имению. Кругом тишина, в помещичьем доме темно, только в одном окошке тускло горит свеча. Не успели партизаны приблизиться к дому, как на крыльце появился старик с охотничьим ружьем в руках. Увидев всадников в военной форме, старик опустил свое ружье и удивленно забормотал:

— Матко боска ченстоховска, матко боска, пан Иезус...

Макс спрыгнул с лошади и подошел к старику.

— Доброй ночи, ойтец! Принимай гостей.

— Пан управляющий спят,— сказал старик.

— Разбуди пана управляющего. Доложи, что прибыл капитан Орлинский.

Старик постучал в дверь.

— Кто там?— послышался женский голос.

Старик доложил. Открыла дверь высокая стройная женщина в черном платье. За ее спиной со свечой в руках стоял мужчина, по-видимому, лакей.

Макса пригласили в большую комнату.

Из боковой двери вышел высокий плотный мужчина в пестром шелковом халате. К нему и обратилась женщина:

— Пан управляющий, к вам.

— Капитан Орлинский,— представился Макс и так щелкнул каблуками, что мужчина в халате тоже вытянулся.

— Поручик Н. Прошу пана капитана раздеваться.

Макс снял шинель, шапку, которые подхватил лакей. Управляющий и женщина с удивлением смотрели на Макса.

— Пан — в мундире! — с восторгом сказал управляющий.

— Так, пан поручик. Я на службе и прибыл к пану по делам службы.

— Проше до кабинету.

Вошли в ярко освещенную комнату с закрытыми ставнями. Управляющий сел за стол, а Макса усадил в кресло напротив себя. Закурили.

— Как пан капитан мог добраться сюда? Тут же кругом немцы.

Согласившись, что добраться было нелегко, Макс сделал паузу и с таинственным выражением сообщил, что он должен обсудить с поручиком один важный вопрос.

Управляющий вышел из-за стола, отворил дверь и увидел, что в приемной жолнеры (солдаты). Он перевел взгляд на капитана.

— Это мои люди, пан поручик... Вам, надеюсь, известно, что германские власти призывают к поголовному истреблению поляков. По пути сюда мы получили сведения, что это истребление уже началось. Надо действовать...

Почти до рассвета вел Макс разговор с управляющим. Тот рассказал, что в Ковеле у него есть приятель — немецкий офицер, капитан. Он был на Восточном фронте, получил тяжелое ранение. По состоянию здоровья его перевели в тыл на хозяйственную работу. Капитан ненавидит Гитлера, фашистов и согласится помогать польским партизанам.

Макс пожелал связаться с офицером и попросил пана Н. узнать, не поможет ли капитан достать для его людей оружие; боеприпасы и не располагает ли тот сведениями о ковельском гарнизоне гитлеровцев.

Управляющий обещал на днях быть в Ковеле и с капитаном поговорить. Тогда же обусловили место и время следующей встречи.

Первая встреча Макса с управляющим прошла успешно. Мы с нетерпением ждали следующей встречи, которая должна была состояться после возвращения Н. из Ковеля.

Новая встреча состоялась в небольшом селе, куда пан Н.

приехал навестить своего знакомого. Приехал он не с пустыми руками. Кроме важной информации он доставил от гитлеровского офицера около двух десятков винтовок и несколько ящиков боеприпасов.

Макс поинтересовался у Н., не может ли он через капитана достать несколько килограммов тола.

— Видимо, возможно, но потребуется вознаграждение,— ответил Н.

На следующий день мы передали Н. сто рублей золотом (старой царской чеканки) и пачку оккупационных марок. Вскоре от офицера была получена взрывчатка.

Однажды Макс вернулся от управляющего взволнованным.

— Что случилось?— спросил я.

Макс рассказал, что Н. побывал в Ровно, Луцке и узнал, что фашистские оккупанты и их прислужники готовят новые расправы над польским населением.

Мы обсудили с Максом план действий. Прежде всего надо срочно сообщить секретарю подпольного обкома Василию Андреевичу Бегме, дать указания командирам отрядов, чтобы кроме проведения разъяснительной работы выделили часть партизан для защиты польского населения. В Гуту-Степанскую направили партизанский отряд под командой капитана Данильченко. Командиру отряда Ивану Гудованному, находившемуся под Здолбуново, дали приказ временно перебазироваться в район Гуты-Степанской и организовать там самооборону поляков. Подготовили обращения к населению, чтобы люди усилили борьбу против гитлеровских оккупантов.

Через несколько дней пришло донесение от Гудованного: «Нахожусь в Гуте-Степанской... В некоторых населенных пунктах гитлеровцы силой записывают в полицию. Кто не хочет идти, тех расстреливают как партизан. Навожу порядок... В большинстве сел имеется вооруженная самооборона, устанавливаю с ними связь...»

Иван Гудованный писал, что в Бутейках патриоты разгромили подразделение противника численностью более семисот человек. А в конце донесения просил прислать Макса, чтобы тот по-настоящему разобрался в обстановке. И Макс направился в Гуту-Степанскую...

Вскоре мы узнали о новых успешных операциях партизан и подпольщиков в этом районе. Планы карателей были сорваны.

Добавлю еще несколько слов об управляющем Н. Макс стал для него близким человеком, и он всегда с большим старанием относился к выполнению его заданий. Широкие связи управляющего с гитлеровскими чиновниками и офицерами помогали

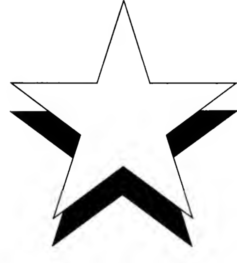
партизанам проникать во многие учреждения оккупантов. Польские патриоты оказывали нам очень большую помощь. Сколько взорвалось наших мин в поездах и машинах, в самолетах, учреждениях и на складах, куда они попадали при помощи друзей!

Когда Н. стало невозможно больше находиться под Ковелем, мы его переправили в Гуту-Степанскую в распоряжение Макса.

...За боевые дела Макс был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, партизанской медалью 1-й степени и многими польскими орденами.

После войны Юзеф Собесяк закончил военную академию, командовал частями и соединениями, был начальником противовоздушной обороны Варшавского военного округа, заместителем главнокомандующего военно-морскими силами ПНР. Он неоднократно приезжал в Советский Союз, встречался с боевыми друзьями. До конца дней своих он был верным другом Советского Союза.

17 ноября 1971 года контр-адмирал Юзеф Собесяк — знаменитый Макс скоропостижно скончался.

«Нейтральная» полоса
осталась позади.
Разведчики — в расположеини врага.
Дмитришии взобрался
на небольшой холмик и замер —
перед ннм дымоход!
Там виизу фашисты безмятежно
грелнсь у печки.
Выхватнв ручиую граиату,
Иван спустил ее в трубу
и стрелой отлетел в стороиу.
Взрыв... Забрав докумеиты убнтых,
разведчики продолжали рейд.
Это лишь одии из миогих эпизодов
боевой работы разведчика
морской пехоты Иваиа Дмнтришииа,
героя обороиы Севастополя,
мастера охоты за «языком»,
участиика жестокнх боев
на Сапун-горе.

И. Падерин

Севастопольские были

Иван Дмитришин

1. Неслучайная «случайность»

С бывшим разведчиком морской пехоты Иваном Дмитришиным меня познакомил генерал-лейтенант в отставке Евгений Иванович Жидилов, коему в дни героической обороны Севастополя довелось командовать 7-й бригадой морской пехоты Черноморского флота.

— Иван Дмитришин работает директором техникума в Борщеве Тернопольской области,— сказал Евгений Иванович.— Отважной натуры человек, в Севастополе у него была кличка матрос Кошка.

— Это по старой привычке, от Льва Николаевича Толстого ко мне прилипло,— смущенно оправдывался неторопливый на слово Иван Дмитришин.

Натура у него действительно флотская: плечи — развернутый метр, черты лица крупные, взгляд задумчивый и вместе с тем прямой, как нацеленный штык. Вначале мне даже казалось, что его не вызовешь на откровенный разговор. Разведчики привыкли больше думать, чем говорить. И вдруг из его уст вырывается, как он сказал, «случайный» эпизод.

Было это в начале октября 1941 года. Вражеские бомбардировщики все чаще и чаще прорывались через зоны воздушного заграждения Севастополя и вываливали свой груз на различные объекты города. Однажды они нацелились на квадрат, в котором размещалась «Севастопольская панорама». Нависла угроза над полотном великого мастера батальной живописи Рубо. В тот час Иван Дмитришин сидел возле телефона в подвальчике связистов, невдалеке от здания панорамы. Свист бомб над головой перерастал в рев. Зная, что не та бомба, которая свистит, а та, которая ревет, для тебя последняя, Иван Дмитришин прижался к полу. Именно такая ревущая бомба воткнулась у входа в подвальчик. Воткнулась и... молчит. Лишь из хвостового оперения вырвался шипящий зонтик желтого дыма. Похоже, бомба фугасная, замедленного действия. Грунт здесь твердый. Скорее всего, пройдет несколько секунд и она взорвется. Но сколько? Перепрыгивать через нее, чтоб выброситься из подвала, пожалуй, поздно: она в любой момент может взорваться и... конец, разнесет в клочья...

Сколько прошло времени в ожидании взрыва — трудно сказать. Две-три или десять секунд. Но каждое мгновение было равно вечности. На спине выступил холодный, липкий пот. А бомба не взрывалась!

Как потом выяснилось, в теле той бомбы вместо тротила покоились опилки с песком. Кого благодарить за такой подарок — Дмитришин до сих пор не знает, но думает о нем с признательностью. И тогда же он сделал весьма важный для себя вывод: ему, Дмитришину, была уготована мгновенная смерть, а тот человек, который начинил бомбу опилками с песком точно по весу тротила, почти, наверное, обрекал себя на мученическую смерть в застенках гестапо. Значит, в тылу врага есть люди, которые самоотверженно стараются помочь нам в борьбе за правое дело! Они выполняют интернациональный долг, они — верные друзья советского народа. Поэтому ты, Дмитришин, не жалей своих сил, крови и самой жизни в борьбе с гитлеровскими захватчиками. Оправдай надежды друзей, принеси победу над фашизмом и тем отблагодаришь того, кто делает такие бомбы...

Как бы воскреснув из мертвых, Иван Дмитришин в ту пору стал осмысливать свои задачи шире, чем прежде, и взгляд на жизнь, на окружающую обстановку, на ход событий обрел особую ценность.

...Над скалистой грядой приморских гор, над Севастополем синеет пятнистое небо. Оно стало похоже на тельняшку, распоротую осколками зенитных снарядов. Фашистские бомбардировщики, вслед за которыми тянутся цепочками и вразброс белесые и черные разрывы зенитных снарядов, бомбят Севастополь вслепую.

Бомбардировщики уходят порой безнаказанно, а разрывы снарядов и черные столбы от бомбовых ударов, разрастаясь, делают небо мрачным, и оно кажется покрытым морщинами, какие появляются на лице матери от горя и беспомощности перед неотвратной бедой, нависшей над ее ребенком.

И море тоже, как небо, хмурится. Его волны бугрятся, собираются в крутые гребни и хлещут в берега севастопольских бухт, как бы предупреждая — опасность! И хотя с моря Севастополь недоступен, все же грустно смотреть на встревоженные волны.

Неужели Севастополю вновь уготована такая же участь, какая постигла его почти девяносто лет назад, в Крымскую кампанию? От таких дум в груди тесно: выдохнешь — и ребра не расправляются, словно судорога их схватила. Но Иван Дмит-

ришин от природы дюжий. Выносливости в нем хватит на двоих. Спасибо отцу и матери, не обделили его здоровьем. Хоть камни на нем дроби — выдюжит. И винтовка в его руках держится ладно: глаз — от прорези прицела до самого горизонта не потеряет цель, лишь бы пуля достала. И никто и ничто не истощит в нем веру в правое дело. Так воспитали его школа, комсомол и вся жизнь, вся советская действительность. Родом он с Подолья, сын крестьянина, родился в 1922 году, комсомолец, образование — семь классов и школа судовых механиков. Пока связист, но теперь твердо решил: быть там, где можно принести больше пользы общему делу в непосредственной борьбе с фашистами.

30 октября в 4 часа утра телефонная связь с батальоном оборвалась... Наконец поступил боевой приказ: батальон выдвигается на передовой оборонительный рубеж — западная окраина села Дуванкой.

Рассвет застал морских пехотинцев на Симферопольском шоссе, на подъеме к Мекензиевым Горам. Небо на этот раз голубело. Голубизна всегда располагает к спокойствию. Кругом тихая благодать. И не хотелось думать Дмитришину о том, что идет война, что приближаются суровые испытания огнем, но он готов был ко всему.

Оглядываясь назад, на Севастополь, на дымящиеся после ночного налета вражеской авиации склады Северной бухты, Дмитришин понимал, что утренняя благодать и голубое небо — это всего лишь подарок крымской природы, кратковременное напоминание о той поре, которую война отобрала, как видно, надолго...

Севастополь, Севастополь... Глядя на тебя с высот Мекензиевых Гор, кажется, что когда-то давным-давно, еще в пору формирования Крымского полуострова, дотянулся здесь до моря рукой какой-то сказочный гигант. Дотянулся, погрузил пальцы в море и окаменел. Время — миллионы лет,— вода, ветер деформировали ладонь гигантской руки, скривили пальцы, но не смогли разрушить их. Они стали каменными грядами. Каждый палец — гряда. А между ними образовались бухты. Бухта между большим и указательным пальцами называется Северная, между указательным и средним — Корабельная, между средним и безымянным — Южная, между безымянным и мизинцем — Карантинная.

И кажется, не сегодня, так завтра оживут эти пальцы, сожмутся в мощный кулак — или уже сжались,— и фашистские орды наткнутся на него, как на грозную скалу, которая обрушится на них неотвратимой карой за все злодеяния...

Других дум в тот час у Ивана Дмитришина не было: он по

зову сердца шел на передний край, чтобы быть в самой гуще борьбы с фашистами, оправдать надежды верных друзей Советской страны.

2. Назначение в разведку

После того как связист Дмитришин в трудных условиях сумел устранить обрыв линии и к тому же метким выстрелом покончил с гитлеровским лазутчиком, его пригласили в политотдел бригады.

Беседа закончилась тем, что в тот же день Иван Дмитришин перебрался в землянку разведчиков.

Командир взвода разведки старший лейтенант Федор Ермошин встретил его испытывающим взглядом. Ему лет сорок, на висках выступила седина. Не очень широк в плечах. Но когда Дмитришин доложил ему о своем прибытии, тот подал ему руку и сжал ладонь так, что хоть кричи. Не пальцы, а стальные клещи. Набравшись терпения, Дмитришин даже улыбнулся. После этого Ермошин отпустил ладонь и спросил:

— Раньше в разведке бывал?

— Не приходилось.

— Значит, от природы такой?

— Не знаю от чего, но хочу быть таким, какого вам надо в разведку.

На лице Ермошина мелькнула улыбка, и он тут же, очень коротко, но удивительно четко разъяснил, какие требования предъявляют к человеку, который решил быть разведчиком.

— Поневоле разведчиком стать нельзя. Надо почувствовать в себе готовность к самым трудным испытаниям. Притворился мертвым — лежи. Даже если тебя испытывают каленым железом — лежи камнем, не дергайся. Научись ходить тише кошки... Разведчик — ночной человек, но действует как днем — разумно и осмотрительно. Самоконтроль и строгость к себе нужны разведчику как дыхание, иначе погибнет раньше срока...

Пословица «первый блин комом» во фронтовой жизни не дает права на оправдание промахов и просчетов. Ведь в бою, особенно при вылазках разведчиков к переднему краю противника, малейший просчет оплачивается только кровью, потерей боевых друзей. Поэтому «первого блина» у разведчиков не должно быть. Иначе вступит в силу тот самый противник, который притаился в тебе,— робость. После первой неудачи она, эта робость, при выходе на второе задание будет мешать твоему разуму находить верный путь к решению задачи, затем станет повелителем твоей воли и превратит в труса.

Так или примерно в таком плане проводил свою линию Федор Павлович при подготовке взвода к выполнению первого боевого задания. И хоть обстановка на переднем крае изо дня в день усложнялась и взвод бросали с участка на участок как обычных стрелков, все же командир взвода ухитрялся проводить занятия, тренировки по всем статьям наставления войсковой разведки. Ночь была в его распоряжении, и выжимал он из своих разведчиков все, что можно, и даже сверх того, как говорится, до второго пота. Свалился раз от усталости — это чепуха, поднимайся за счет духа, за счет моральных сил, а если таковых не окажется — грош тебе цена.

Что он только не делал с новичками в разведке! Тьма — глаз выколи, а он стремительным броском гонит всех через колючую проволоку в четыре кола. Зацепился, распорол ногу — ни звука, и не отставай от идущих впереди. А потом, когда четыре кола останутся позади, он даст вводную:

— Под проволокой остался мой сапог: найти! Время две минуты!..

Сам стоит на одной ноге, другая согнута в коленке, босая. Земля темная, сапог такой же окраски, как его найдешь? Ощупывай каждый бугорок. Но вот кто-то докладывает:

— Нашел!..

— Как?

— По нюху...

— Молодец!

Или посадит заранее кого-нибудь из самых зрячих в траншею с пулеметной площадкой, остальных разведет в разные концы. Вводная:

— Взять «языка» в траншее. Только учтите, «язык» имеет право хлестать из ракетницы по обнаруженной опасности. И лопату настоящую может пустить в ход. Синяки и шишки — три наряда за каждую.

И возвращались, бывало, не раз с синяками и шишками.

Броски на выносливость, умение «превращаться» в незаметный предмет возле дороги, плавание в ледяной воде и саморазогрев, оказание первой помощи и знание первой сотни немецких слов, применение холодного оружия и выход из опасной зоны — все подчинялось одному: умей взять и привести «языка».

Захват «языка» — это самое трудное, сложное и опасное в разведке искусство. И это не просто слова. Именно искусство. потому что никаких определенных правил и научных трактатов по этому вопросу нет. Лишь личный опыт по захвату условного «языка» открыл перед Дмитришиным такие приемы и ходы, которые не перескажешь без показа. В каждом эпизоде

разные условия, в каждый момент надо действовать с учетом поведения «языка». Убить его в тысячу раз легче, чем взять. Он не палка, не кукла, запрятанная в сундук. У него есть все, что нужно для обороны. Но он может применить против тебя имеющееся у него в руках оружие, а ты не можешь, тебе надо взять его живьем и без крика. Вот и действуй: отвлечение внимания, зрительный мираж, ложный шум, реакция с опережением осмысленного решения. Только разведчик знает, как все это сложно в конкретной боевой обстановке.

Тренировку по захвату «языка» командир взвода проводил, как правило, под утро, когда физические и моральные силы были на исходе. Он забирался в траншею и объявлял себя объектом для захвата.

— Берите меня отделением!

Первые такие уроки были похожи на возню слепых котят возле кошки, и новички не раз оказывались выброшенными за бруствер, где открытыми ртами ловили воздух и ощупывали себя. В схватках со взводным траншея становилась для них тесной, а для него просторной, и он выскальзывал из-под рук, как шарик ртути из-под пальца.

После освоения некоторых приемов самбо Дмитришину удалось взять взводного, но с каким трудом! И если до сей поры Дмитришин считал себя сильным и выносливым, то после схваток с Ермошиным ему оставалось только сожалеть — видно, слишком преувеличенно оценивал свои возможности. Ермошин перевертывал и ломал его, как хотел, будто в его стальные руки попадал не Иван Дмитришин — грудь колесом! — а тюфяк неповоротливый. Проворности и ловкости в нем оказалось неистощимый запас.

И тогда же Дмитришин дал себе слово — не кичиться своей силой. Его потребностью стало знать и уметь делать все так, как знает и умеет командир взвода старший лейтенант Федор Ермошин. Без этого в разведке нечего делать, и твоя жизнь в ней будет очень короткой.

3. За «языком»

Осажденный Севастополь готовился к новым испытаниям. Войска Манштейна, остановленные на подступах к городу, сосредоточивались в мощные кулаки для таранных ударов с разных направлений. В промежутках между этими кулаками вражеских войск почти не было. Но такие участки находились под постоянным наблюдением пулеметчиков, укрепившихся на высотах, и густо минировались. Перед разведчиками стояла задача: не прозевать приготовлений врага, добывать

«языков», наносить на карту боевых действий минные поля и огневые точки противника.

В середине ноября разведчики подготовили вылазку с высоты 103, которая господствовала над Бельбекской долиной. Ночью 16 ноября они осторожно пробрались на ее крутые обрывы с севера.

Есть бойцы, которых не остановит никакая опасность, а вот перед минным полем нельзя не остановиться. Фашисты под Севастополем расставляли преимущественно противопехотные мины. Среди них много прыгающих. Взрываются на метровой высоте: осколки в живот...

Опасно, невозможно преодолеть такое минное поле без риска или даже без жертв. Что же надо сделать, чтобы такую опасность свести к нулю?

На склоне высоты ухнул тяжелый вражеский снаряд. Недолет. Но он помог решить сложную задачу: от места взрыва покатились камни. Один из них подорвал мину. Это натолкнуло на мысль — прочистить путь через минное поле с помощью камней-валунов. Разведчики подобрали полдюжины камней, выждали новые взрывы и пустили эти камни под откос. Каждый валун увлекал за собой другие камни. Взорвалось еще две мины. Противник всполошился. Взвилась ракета. Застрочили пулеметы, автоматы. Но огнем пулемета камень не остановишь. После третьей серии запуска камней гитлеровцы поняли, что на минном поле не люди, а камни. Их не расстреляешь.

Следя за противником, Ермошин установил, что между высотой 220,6 и селом Дуванкой есть тропа, по которой гитлеровские связные и солдаты часто спускаются в населенный пункт и возвращаются обратно на высоту. Командир взвода поручил Дмитришину выдвинуться вперед и тщательно изучить подходы к тропе, наметить место для засады и вообще подготовить план захвата «языка» на этой тропе.

Через день Дмитришин повел группу разведчиков по своему плану. Спустились в ущелье. Темно, как в могиле. Разведчики спотыкаются о камни и безбожно ругаются. Здесь можно, а там, за передним краем, прикуси язык и закрой рот на замок.

Чем ближе к противнику, тем строже следи за собой. Это зона испытания на осмотрительность и выдержку.

Вдруг остановка.

— Сюрприз...

Направляющий каким-то чудом заметил протянутую через тропу проволоку. Тонкую, как струна. Ясно, что здесь мины натяжного действия: тронь струну — и сработают взрыватели. Но вот если пройти через минное поле вперед — оно наверняка не такое уж широкое,— тогда разведчики окажутся в безопас-

ности. Там, где установлены такие мины, у противника беспечность.

Дмитришин легонько пальцами прижал проволоку к земле, чтоб направляющему было удобнее переступить через нее.

— Осторожно подымай ногу. Переступай. Теперь вторую ногу подымай... Ступай точно в след направляющего...

И когда последний разведчик перешагнул проволоку, спина Дмитришина одеревенела, и казалось, не хватит сил разогнуться.

Преодолев проволоку, разведчики уже более уверенно двигались вперед между горными дубами, которые в темноте казались уродливыми привидениями. Как-то не верилось, что вот уже рядом тропа, протоптанная немецкими коваными сапогами, тропа, за которой издали наблюдали несколько дней.

Место для засады выбрано. Притаились. Поглощенный подготовкой к броску, Дмитришин вглядывался в темноту. Перед ним Дуванкой. Кое-где в окнах виднелся тусклый свет: возможно, там, где горит огонь, расположился штаб противника, а может... Нужен «язык», тогда прояснится и «возможно», и «может»...

Далеко за спиной ухали орудия севастопольских кораблей. Снаряды пролетали над головами и гулко разрывались за Дуванкоем. Эхо откликалось в горах и застревало в ущелье.

Прошел невыносимо долгий час ожидания. Уже было потерялась надежда взять «языка». До утра засиживаться здесь нельзя.

Вдруг... Это «вдруг» на войне бывает часто. К засаде приближался, как успел разглядеть Дмитришин, хмельной фашист в высокой фуражке. С каждым шагом все отчетливее звенели кавалерийские шпоры.

Это офицер. Но вот он, как зверь, почуяв опасность, рванул в сторону. Дмитришин не выдержал — кинулся за ним. Словно горные барсы сорвались с места и другие разведчики. Убегая, гитлеровский офицер с перепуга забыл про пистолет или просто не смог расстегнуть кобуру. Дмитришина обогнал один, затем еще двое разведчиков. Дмитришин остановился, проклиная себя за плохую организацию засады. Ермошин не допустил бы такой чехарды.

Послышался стон гитлеровца. Разведчики уже успели заткнуть ему рот. В ноге пленника под коленкой торчит нож — отомкнутый штык от самозарядной винтовки. Это Азов, долговязый и сухой белорус, потеряв надежду схватить офицера, бросил вдогонку нож — и не промахнулся...

Теперь пора обратно.

Уже начинало светать, так что можно было разглядеть

улыбки на лицах разведчиков. Редко появлялись они у бойцов на фронте.

В санчасти батальона дежурил врач. Гитлеровцев он органически не мог терпеть, и вдруг к нему на операционный стол попал пленный немецкий офицер. Но делать нечего, взятый «язык» нуждается в медицинской помощи, иначе он будет молчать. Хирург обработал рану, сделал укол, наложил повязку.

Через час гитлеровец, звякнув шпорами, представился советскому офицеру, затем попросил разрешения сесть. Начался допрос.

— Как давно вы под Севастополем?

— Недавно, всего пять дней.

— Откуда прибыли?

— Из Франции. Мы выгрузились в Симферополе.

— Номер части?

— Мы пополняли 22-ю пехотную дивизию.

— Когда готовится наступление на Севастополь?

— Точно еще не известно, но скоро.

Послышался зуммер телефона. Телефонист передал трубку комбату. В землянке хорошо был слышен голос командира бригады.

— Доставьте «гостя» ко мне.

— Слушаюсь.

Доставить «языка» в офицерских погонах на допрос к командиру бригады было поручено Ивану Дмитришину.

4. Живые камни

В день разведки боем, которая была проведена 23 ноября, погиб молодой разведчик взвода Павел Худобин. Это был сослуживец Ивана Дмитришина еще по взводу связи. Утрата верного друга не давала ему покоя ни днем, ни ночью. Что бы он ни делал, мысли возвращались к гибели Худобина. Какую придумать себе казнь за то, что перетянул его из войск связи в разведку? Разумеется, будут еще утраты, привыкнуть к этому нельзя, можно лишь притерпеться — война есть война, однако первая утрата боевого друга невыносимо тяжела.

Вечером Дмитришин тайком от товарищей побывал возле могилы Павла Худобина, поклонился ему и часа три собирал камни, чтоб соорудить что-то вроде обелиска. Получилась пирамида из камней метра в полтора. Когда укладывал последний, самый тяжелый камень, ему показалось, что пирамида оседает и камни ожили...

Возвращаясь в свою землянку вдоль траншеи второй линии, Дмитришин перешагивал с камня на камень и все думал

о тех камнях, что будто оживали в пирамиде над могилой Павла Худобина. Даже остановился и вдруг явственно ощутил, что близко что-то живое. Отскочил в сторону. Вгляделся. Это лицо спящего матроса в бушлате. Оглянулся назад. Там заметны беловатые отпечатки его ботинок. Глина на подошвах от могилы Павла. Впереди вся траншея забита матросами. Смертельно усталые, они спят мертвым сном.

— Чего тебе тут надо? — послышался голос за спиной.

Дмитришин обернулся.

— А вы кто?

— Разуй глаза — и не мешай спать...

Перед ним стоял усатый мичман. На груди поблескивала цепочка свистка. Голос мичмана напоминал далекий рокот грома. Дмитришин назвал себя и рассказал, откуда идет.

— Ладно, ступай, разведчик, к себе. Завтра встретимся. Разведку боем будем вести...

Эта весть кольнула под сердце: снова разведка боем...

Разведка боем — простой и тяжелый способ выявления боевых сил и огневых средств противника на переднем крае. Простой потому, что люди поднимаются в атаку и тем вызывают на себя огонь противника; тяжелый потому, что такой способ разведки редко обходится без потерь.

Противник, прекративший на время активные действия, готовился к новому наступлению на Севастополь. Но где, на каком направлении — разгадать было трудно. Командование решило провести новую разведку боем. Были подтянуты резервные роты морских пехотинцев.

Взвод подняли по тревоге. Разведчикам положено быть впереди.

...Ночь. Ветер гонит густой туман с моря и закрывает все высоты. Это и хорошо, и плохо для разведчика. Хорошо потому, что туман тебя укроет от глаз противника, плохо потому, что в тумане можно потерять ориентировку.

Ермошин ведет взвод по «нейтральной» медленно, ползком. Впереди засветился огонек и погас. Не поймешь, то ли он действительно исчез, то ли его туманом накрыло.

Послышался писк губной гармошки и смолк.

Ясно, разведчики уже в расположении врага. Взвод остановился. Дмитришин и еще два разведчика получают задание двигаться дальше к холмику, что виднеется невдалеке. Забравшись на него, Дмитришин замер. Перед ним дымоход. Из дымохода вырываются искры. В землянке шумно. Интересное положение: там, внизу, фашисты греются у печки, а над ними на крыше, у дымохода, советский разведчик.

Мигом выхватив ручную гранату, Дмитришин спустил

Иван Прокопьевич Дмитришин, 1941 г.

ее в трубу и стрелой отлетел в сторону. Через три секунды в землянке раздался взрыв...

Забрав документы убитых, разведчики укрылись среди камней, нагроможденных обвалом у подножия горы. Здесь им предстояло ждать начала атаки батальона морской пехоты.

Неожиданно послышался шорох. Молнией сверкнула мысль: разведчики противника тоже воспользовались туманом и скрытно передвигаются в направлении наших траншей.

Редко бывает, когда вот так встречаются разведчики. Они дерутся молча и ожесточенно.

Ожили камни. Вихрем налетели на фашистов наши разведчики. И слышалось только хрипение, стоны, глухой лязг металла и стук прикладов. Дмитришин навалился на фашиста. Попытался схватить его за горло, но тот оказался сильным, и пришлось закончить дело ножом. Догнал еще одного, пустил в ход кулаки, вроде бы испытывал себя, свою силу. Ткнул фашиста головой в камень, затем схватил за горло, душил. От злости вскипала кровь...

Схватка с вражескими разведчиками закончилась так же

быстро, как и началась. Закончилась без крика и без пленных. И снова наши разведчики залегли среди нагромождения камней, сами превратившись в неподвижные глыбы, с готовностью действовать решительно и дерзко.

5. Будни войсковых разведчиков

Оперативная пауза кончилась. Гитлер приказал генералу Манштейну взять Севастополь не позднее 22 декабря. Этим гитлеровское командование пыталось смягчить горечь поражения своих войск под Москвой.

И снова генерал Манштейн похвалялся, что взятие Севастополя — это вопрос дней. Здесь надо заметить, что фашистская пропаганда уже несколько раз «брала» Севастополь штурмом и несколько раз «уничтожала» его авиацией.

Весть о новом наступлении врага прилетела в землянку разведчиков с грохотом снарядов и бомб. Командир взвода Ермошин, не скрывая волнения, сказал:

— Переждем огневой шквал и все — на боевые места...

Он будто знал, что это для него последний бой. Впрочем, опытные разведчики чуют опасность, как птицы бурю.

Так и случилось: в разгар боя с наступающими частями 22-й немецкой дивизии в районе высоты Азис-Оба Ермошин пошатнулся и упал на колено. Дмитришин подхватил его на руки, отнес в укрытие и перевязал перебитую осколком ногу.

По дороге в медпункт Дмитришин встретил санитарную полуторку. В кузове сидел фельдшер и несколько раненых. Из кабины выскочил военврач.

— Ты, разведчик, чего здесь?

— Командир разведки ранен.

— Ермошин?

— Он...

Фельдшер и врач бросились к месту, где остался лежать Федор Ермошин. Пришла пора расставаться с отважным командиром. Дмитришин нагнулся над ним, поцеловал его в лоб. Ермошин передал ему свой ремень с пистолетом.

— Возьми на память.

Дмитришин долго смотрел вслед машине, которая терялась в извилинах горной дороги. За Северной бухтой темнела панорама Севастополя.

...Неся большие потери, защитники Севастополя отходили на новые рубежи обороны, на Мекензиевы Горы.

Здесь, на Мекензиевых Горах, Дмитришина назначили исполнять обязанности командира взвода разведки и поставили задачу: выдвинуть взвод на усиление обороны правофлангового батальона, где шел горячий бой.

Задача была ясна, а в голове какая-то пустота. После того как выбыл из строя Федор Павлович, ему казалось, что все разведчики взвода стали на голову ниже, осиротели, лишились той боевой мудрости, какая нужна разведчикам постоянно. Словно и он теперь не разведчик, а просто рядовой морской пехотинец. При Федоре Ермошине он, конечно, не подумал бы так...

Наступал рассвет 28 декабря. Загремели залпы тяжелых орудий и шестиствольных минометов противника. В воздухе над позициями повисли «юнкерсы». Они группами по пять-шесть самолетов снижались, вываливали бомбы и снова уходили ввысь, как бы выглядывая новые цели. Появились танки. Они прикрывали поднявшиеся в атаку густые цепи пехоты. Наиболее мощная группировка неудержимо продвигалась к совхозу имени Софьи Перовской. Настал самый тяжелый момент в отражении второго штурмового удара противника по Севастополю.

Рядом с Братским кладбищем трещат разрывные пули. На кладбище покоятся герои Севастопольской страды 1854—1855 годов. Дмитришин читает слова, высеченные на камне могилы генерала Хрулева: «...дабы видели все, что и в славных боях, и в могильных рядах не отставал он от Вас. Сомкните теснее ряды свои, храбрецы и герои Севастопольской битвы!»

Каменный забор на северной стороне кладбища помог разведчикам удержать занятые позиции до вечера.

В пять часов вечера взвод разведчиков вместе с остатками батальона срочно перебросили в расположение 30-й береговой батареи. Вот как меняется обстановка. Неделю назад эта батарея помогала бригаде ротой бойцов, а сегодня морские пехотинцы спасают 30-ю батарею...

Из боя в бой. И так несколько дней. Таковы уж будни войсковых разведчиков.

Наконец Дмитришин получает задание: разведать передний край обороны противника, потревожить его, посеять панику и засечь огневые точки.

Выждав до ночи, разведчики двинулись. Только снег поскрипывал под ногами. Темень скрывала все, что находилось на расстоянии пяти метров.

Двигались очень медленно.

Вот и окопы противника. На фоне заснеженного склона они казались черными провалами. Около блиндажа, не подо-

зревая об опасности, стоял часовой. В блиндаже галдели фашисты. В этот момент справа раздалась автоматная очередь. Часовой нырнул в блиндаж.

«Ждать больше нельзя»,— подумал Дмитришин. Он оглянулся. Разведчики уже приготовились к броску. Рядом с Дмитришиным новичок из Бурятии, называвший себя забайкальским казаком. Тот уже поднял руку с гранатой. Дмитришин остановил его: побоялся — промахнется, и сам швырнул лимонку. Вышло неудачно — лимонка ударилась в край наката блиндажа. В этот же миг Азов послал гранату через приоткрытую дверь в блиндаж. Снайперский бросок! Фашисты не ожидали такого, они даже не успели прийти в себя, как разведчики очутились в блиндаже. Но офицер их все-таки сумел выстрелить в Дмитришина. К счастью, промахнулся: пуля лишь прорвала бушлат на плече. Дмитришин тут же полоснул по нему автоматной очередью.

К утру наши артиллеристы уже вели огонь по разведанным целям, и очередная атака врага была сорвана.

В районе Севастополя наступило затишье. Осажденный город, его гарнизон стойко сопротивлялись, нанося противнику большой урон. Как потом стало известно, только с 22 по 30 декабря 1941 года противник потерял несколько тысяч убитыми и ранеными.

По этому поводу газета «Правда» 31 декабря 1941 года писала: «Несокрушимой скалой стоит Севастополь, этот страж Советской Родины на Черном море. Сколько раз черные фашистские вороны каркали о неизбежном падении Севастополя! Беззаветная отвага его защитников, их железная решимость и стойкость явились той несокрушимой стеной, о которую разбились бесчисленные яростные вражеские атаки. Привет славным защитникам Севастополя! Родина знает ваши подвиги, Родина ценит их, Родина никогда их не забудет!»

6. Сюрпризы

Дмитришин хорошо знал, как проходят окопы противника по восточной стороне горы Гасфорт, но долго не мог установить расположение огневых точек. Пришлось организовать вылазку в ничейную зону целым взводом. Двинулись ночью, залегли на косогоре. Прошел час, второй, но ни одна огневая точка не давала о себе знать.

Что делать? Возвращаться обратно, не выполнив задания по выявлению огневой системы противника на этом участке? Но тогда последует решение провести разведку боем, или, как

стали говорить, «разведку с кровью». Из-за беспомощности разведчиков будут гибнуть матросы. Нет, этого допустить нельзя.

И Дмитришин решил обойтись своими силами. Пустили в дело «карманную артиллерию». Взрывы гранат всполошили противника. Затарахтел пулемет слева, затем справа... И пошла перестрелка по всему участку.

Стреляя на ходу, разведчики кинулись вперед. Сбитые с толку солдаты противника заметались по ходам сообщения.

Дмитришин спрыгнул в траншею и натолкнулся на разведчика из группы захвата. Это еще молодой и малоопытный разведчик Гриша Токарев. Прижимая руку к груди, он вдруг тяжело опустился на дно траншеи. Дмитришин поднял его. У Гриши сквозное ранение в грудь. Сердце защемила тревога. Не хочется верить этому вещуну, что неустанно колотится в груди, но такое начало не сулило хорошего.

Еще несколько минут — и перестрелка утихла. Гитлеровцы оставили свои позиции. Они не знали, сколько морских «дьяволов» навалилось на них, поэтому не рискнули контратаковать. Не зря же говорят: ночью все кошки серы. Внезапный налет разведчиков, вероятно, показался солдатам противника атакой целого батальона... Но как быть дальше? Вызвать бы сюда роту, пусть закрепляются. Не отдавать же захваченные позиции без боя.

Оставив за старшего опытного разведчика Капланова, знающего немецкий язык, Дмитришин повел своих людей обратно, в свои траншеи. Гришу Токарева несли на палатке лицом к звездам, но он уже не видел их. Лишь временами пытался приподняться и просил пить.

— Грудь, грудь горит...

Дмитришин шел рядом с ним и видел, как белеет лоб юного разведчика. Умирал он молча, тяжело.

Токарева отнесли в санчасть, и Дмитришин явился в штаб, чтобы доложить обо всем, что произошло. Несмотря на ранний час, штаб батальона уже действовал. Ночь дается фронтовикам чаще не для отдыха, а для напряженной работы, особенно штабным командирам.

Около буржуйки сидели комиссар и начальник штаба Головин. Комиссар что-то объяснял, но, видно, заметив на лице Дмитришина тревогу, прервался:

— А-а, разведчик, садись и рассказывай, что там?

Дмитришин доложил в первую очередь о том, что выбили боевое охранение фашистов на горе Гасфорт.

Головин тут же позвонил в резервную роту и приказал выслать на высоту взвод с двумя пулеметами.

Прошло около часа. Вдруг в штабную землянку ввалился здоровенный немец. За ним с автоматом на груди показался разведчик. Это он привел пленного.

Осматривая занятые позиции, Капланов обнаружил в глубокой нише спрятавшегося фашиста. Тот, видать, был не из храброго десятка и, отстав от своих, побоялся вылезти из ниши — чего доброго можно угодить под пулю.

Комиссар батальона приступил к допросу. Фашист вел себя вначале нагловато. Он старался выразить презрение к окружающим. Но вид горе-вояка имел жалкий. Голова его была обмотана женским платком, на шинель он напялил гражданский пиджак — то ли раздел убитого, то ли ограбил живого.

Постепенно пленный разговорился. Он попал на Крымский фронт и был рад, потому что кто-то ему сказал: в России всюду Сибирь, и только Крым — курорт...

Вскоре позвонили из бригады и приказали доставить пленного туда. Его повел комиссар вместе с дежурным матросом.

Но вот еще один сюрприз.

Перед входом в землянку часовой позвал разводящего.

— Что случилось?

— Да вот какие-то солдаты забрели,— ответил часовой.

Через несколько минут в дверях землянки появился улыбающийся часовой, а следом — незнакомый человек в немецкой шинели, длинный и тонкий, как жердь. Он хотел было поднять руки вверх, но некуда — землянка для него низкая. Позади стоял еще кто-то.

Видя, что никто на них не кричит и не угрожает оружием, чужаки успокоились. Это были два румынских солдата. Начальник штаба потребовал от них документы. Первый из них скорее догадался, о чем идет речь, и, расстегнув верхнюю пуговицу шинели, вытянул розовый лист бумаги.

Это была наша советская листовка, в которой рассказывалось об успехах Красной Армии под Москвой. В листовке говорилось также о том, что сдавшимся в плен будет сохранена жизнь.

— А где ваши солдатские книжки?

Они и это поняли без перевода, с готовностью достали свои солдатские документы.

Дмитришин угостил румын «беломором», пытаясь жестами и с помощью нескольких немецких слов объясниться, поговорить, но ничего из этого не вышло. По-немецки румыны знали, как выяснилось, только одно слово «капут». Их отвели в штаб бригады.

Однако ночь сюрпризов не кончилась. Вернулся из нейтральной зоны разведчик Азов.

— Командир,— сказал он Дмитришину,— есть возможность пополнить наши боевые запасы немецкими минами.

— Как?

— Пойдем, покажу.

С наступлением рассвета Дмитришин и Азов разглядели, что немецкие саперы устроили целый склад мин в извилистой промоине у подножия горы Гасфорт. Склад охраняет всего один часовой. Подобраться к нему нетрудно: есть скрытые подходы. Созрел план: ночью снять часового и прибрать склад к рукам. Этот план Дмитришин доложил командованию.

— Ну что ж, действуйте,— сказал комбат.

Наступила ночь, и Дмитришин вывел свой взвод за передний край.

Погода благоприятствовала замыслу. Низкие облака окутали высоту до самого подножия. Темнота и морось, хоть глаз выколи. Разведчики, следуя за Азовым, вдруг остановились.

— Что случилось? — спросил Дмитришин.

— Фашист...— ответил Азов.

Приглядевшись, Дмитришин увидел немецкого солдата, который ходил невдалеке, закинув автомат за спину, и что-то мурлыкал себе под нос. Ходил он вдоль ящиков, накрытых брезентом. Его беспечность говорила о том, что он еще не бывал в настоящих переделках. По-кошачьи мягко Дмитришин приблизился к часовому. Но — треснула ветка. Фашист насторожился.

— Хальт!..— видимо, с испугу крикнул он в темноту ночи.

Дмитришин одним прыжком подмял под себя часового, не дав ему пикнуть.

Разведчики подползли к штабелю. Подняли брезент. Там темнели ящики с противопехотными минами.

— Вот сколько «добра» приготовили под наши ноги,— усмехнулся Капланов.

Взвод смельчаков вытянулся цепочкой. Мины от разведчика к разведчику пошли к нашей линии обороны.

Хотя ночь длинная, но работы предстояло много. Пришлось послать бойца в роту за подмогой. Время шло. Разведчики трудились до седьмого пота. Однако штабель ящиков с минами убывал медленно.

Занятые не свойственным им делом, разведчики не теряли бдительности и вовремя заметили, что со стороны противника к ним приближаются три солдата. Должно быть, настало время смены поста. Гитлеровцы подошли почти вплотную и, видимо, поняв, что тут русские, бросились бежать назад. Кто-то из разведчиков подрезал их короткой автоматной очередью. Фашисты упали. Один из них закричал. Темень ночи тут же про-

резали желтые ракеты. Из дотов бесприцельно застрочили пулеметы.

Разведчики не закончили «разгрузку» немецкого склада, но и то количество мин, которое успели перенести на свою сторону, плюс живой «язык» в штабе назвали двойным сюрпризом.

7. По велению долга

В начале апреля 1942 года Иван Дмитришин побывал в городе. Прошел возле панорамы, заглянул в тот подвал, у входа которого еще сохранилась яма от неразорвавшейся бомбы. «Опилки с песком вместо тротила...»

В подвале жил сторож панорамы. Он сказал, что живописное полотно Рубо осталось на месте — его нельзя трогать, а весь натурный план панорамы снят и, кажется, эвакуирован.

Кругом руины, рваная арматура, битые кирпичи, пустые коробки домов. Но город живет и будет жить! Через развалины бегут дети с сумками и связками книг, тетрадей. Бегут в подземную школу! Это взволновало Дмитришина. Ради того, чтобы дети продолжали ходить в школу, решали задачи, писали диктанты и сочинения, он готов был лишить себя сна и отдыха, навязывать фашистам яростный бой, не давать им пощады ни днем, ни ночью.

...Апрель — месяц цветения крымских садов, буйной зелени на виноградниках, а в душе Дмитришина была мрачная осень. Последние три недели ни одна поисковая группа не могла взять хорошего «языка», который мог бы рассказать о том, где накапливаются резервы врага. Как выполнить приказ командования? Отправиться за «языком» в тыл врага? Да, это, пожалуй, единственный выход.

Собрав бойцов, Дмитришин рассказал о своем замысле. Стали готовиться к предстоящей операции.

— Получите немецкую форму,— сказал он тем, кто отправлялся в тыл врага.

И уж ночью, перебравшись через передний край противника, он вновь сказал своим друзьям:

— Наша задача: собрать побольше данных о расположении свежих резервов врага, вернуться обязательно с контрольным «языком»...

У разведчиков был только один союзник — отвага, все остальное было против них, но выполнить задание они должны непременно.

К рассвету им удалось проникнуть за дамбу реки Черная и укрыться в блиндаже бывшего командного пункта морского полка. Этот участок был оставлен в дни декабрьского наступления противника. Вошли в блиндаж, как в родной дом, покинутый в горестное время.

Выставили часового в немецкой форме. Глянешь и не верится, что это наш разведчик.

Стало светать. Запахло фиалками. Много их росло на склонах высоты. Взошло солнце. Как некстати: оно мешало разведчикам оставаться ночными призраками.

Да, здесь, в тылу врага, все было против них, даже солнце. И, кажется, впервые Дмитришин был не рад солнцу. Но какая сила вела их к выполнению поставленной задачи? Что помогало им идти на любой риск? Ответить можно коротко: веление долга.

В тылу противника, где в любую минуту можно оказаться в лапах врага, чувство долга и совести обнажается особенно четко.

Ответственность перед самим собой, перед своей Отчизной, перед своими боевыми друзьями — этому все подчинено у разведчиков. В тылу врага разведчик ведет особенно строгий анализ своих поступков и поступков боевых товарищей. Здесь все, решительно все под властью единственного контроля — совести. Совесть. Она, как второе зрение, следит за движением твоей души изнутри, она осуждает тебя за робость и тем формирует в тебе мужественный характер. Не щадя тебя, по традиции старших товарищей.

Нам есть за что бороться и есть кому подражать. Наши деды и отцы не отдали на поругание родную землю, не отдадим и мы. Грудью защитим Страну Советов!

Думая об этом, Дмитришин посмотрел в бинокль и сразу отнял его от глаз. Так близко были лица фашистов. Танки, неуклюже переваливаясь с боку на бок, уходили за складки гор, в сторону Севастополя.

Надо было двигаться дальше, но опасно. Не только гитлеровцы, но и партизаны могли взять на прицел группу солдат в немецкой форме.

С наступлением темноты снова двинулись вперед.

Все время надо было быть настороже. Дозорные противника встречались всюду. Они стерегли выходы из лесов, чтобы не дать возможность партизанам связаться с населением.

Подняли свежую листовку, выпущенную геббельсовскими пропагандистами. К несчастью, в ней была правда: «Преодолев упорное сопротивление красных, германские войска заняли город Феодосию». Тяжело было читать такое сообщение.

На окраине одного селения фашисты выставили фанерный щит с надписью: «За антигерманские убеждения и за клевету на германскую армию расстрелян гражданин Николай Грошилин, проживавший в городе Симферополе по улице...»

Со стороны Севастополя методически били наши пушки. С мыса Херсонес бросала тяжелые снаряды 35-я батарея. Спасаясь от обстрела, разведчики укрылись в овраге перед Итальянским кладбищем. Там наткнулись на телефонный провод и перерезали его. Один конец оттянули в кусты и там привязали, другой закрепили на прежнем месте и стали ждать.

Из-за горы выглянула луна. В овраге показались две фигуры. Связисты: где-то близко находится штаб противника.

Условились действовать так: первого взять живым, второго прикончить.

Сработали точно. Без звука прикончили одного и схватили того, который шел впереди, держась за провод. Но он рванулся с такой силой, что потянул державшего его Дмитришина за собой. Помогли друзья: зажав голову пленного, воткнули ему в рот кляп. Вот и все...

В тылу легче взять «языка», чем на переднем крае. Но очень сложно доставить его к месту назначения.

Вели пленного с завязанными глазами. Спешили к линии фронта. Много раз смотрели смерти в глаза. Вернулись домой лишь на третьи сутки. Задание было выполнено.

«Язык» был немедленно доставлен в штаб бригады. На допросе рассказал все, что знал, и даже посетовал, что «черные дьяволы» — русские матросы — ведут войну без каких-либо правил. Разве можно ночью врываться в чужие траншеи? А убивать из засады солдат фюрера? А рукопашный бой? Разве все это не варварство?

На допросе пленный помог нашему командованию уточнить, что перед 7-й бригадой морской пехоты сосредоточилась 117-я немецкая дивизия. Против высоты 154,7 — на левом фланге нашей обороны — изготовилась к наступлению горнострелковая дивизия противника. На правом фланге скапливалась еще одна, моторизованная, дивизия. Между 7-й бригадой и соседом справа действовала 72-я дивизия.

Тогда же стало известно, что под Бахчисараем установлены две мощные мортиры «Карл» и экспериментальное орудие «Дора».

Вскоре два снаряда «Карл» упали в районе 30-й батареи, но не взорвались.

Там, на заводе, где снаряжали такие гигантские снаряды, вероятно, были люди интернационального долга, люди, делавшие все, что от них зависело, для победы над ненавистным фашизмом.

8. Бинт на яблоне

Наступили дни самых грозных испытаний. Защитники Севастополя ждали нового наступления войск Манштейна. По расположению танков и пехоты, которые были подтянуты к исходным позициям, Иван Дмитришин чувствовал, что не сегодня так завтра враг начнет яростные атаки. Но вот проходит день, второй — тишина на переднем крае становится все глуше и глуше.

— Ну начинайте же, сволочи!..

Но они не начинали, чего-то ждали. Лишь авиация наращивала удары. Небо покрылось разрывами зенитных снарядов. В воздухе шли схватки наших истребителей с гитлеровскими пиратами. Как потом стало известно, именно в эти дни в Крыму было сосредоточено огромное количество бомбардировщиков типа «юнкерс» и «хейнкель». Над участком, простирающимся от Мамашая до Балаклавы, появлялось до двухсот самолетов одновременно. Все они вываливали до десяти бомб разного калибра, но ни танки, ни пехота в атаку не переходили. Дело шло на выматывание нервов, велось, так сказать, психологическое сражение.

Разведчики зря времени не теряли. Они вместе с саперами и пиротехниками готовились к очередной операции.

Стрелковые отделения одной роты занимали оборону по гребню северо-восточного отрога Телеграфной высоты. Отсюда в свое время скатывались «живые камни». Теперь разведчики решили использовать такую возможность в другом плане.

Целый день бойцы снаряжали железные бочки порохом, бензином, мазутом, затем присоединили к ним запальные шнуры, и получилось что-то вроде огневых колесниц. Каждой бочке предстояло преодолеть свой путь и взорваться в разное время: запальные шнуры были поставлены различной длины.

Перед началом «наступления» горящих бочек было приготовлено достаточное количество камней-валунов, а две бочки с гремящими камнями — просто для шума.

В полночь над гребнем взвилась красная ракета. Сначала на головы гитлеровцев покатились валуны, затем — бочки с камнями, а потом уж и горящие. Вражеские пулеметчики открыли по «колесницам» бешеный огонь. Бронебойные пули пробивали бока бочек, и пламя увеличивалось: из пробоин вылетали языки огня. Это окончательно убедило фашистов, что русские применили новое оружие: какие-то самоходные огнеметы.

Почти до рассвета продолжалось «наступление» горящих бочек, которые в конце своего пути взрывались, разбрасывая во все стороны воспламенившийся мазут.

Дмитришин, все его боевые друзья, все защитники Севастополя были уверены — Севастополь выстоит.

Разведчики считали, что главный удар гитлеровцы нанесут непременно на их участке, потому что нет более грозных и более опасных для врага защитников Севастополя, чем взвод Дмитришина. Это не преувеличение. Так думали тогда севастопольцы о себе и своих боевых друзьях.

— Я почти физически ощущал,— говорит Дмитришин, вспоминая ту пору,— сколько орудий, пулеметов, автоматов нацелено на наш участок, в мою грудь. Значит, не такая уж она у меня узкая. В ней вместился весь Севастополь, стойкий и непреклонный.

Тогда, 6 июня 1942 года, он не знал, что против осажденного гарнизона Севастополя, насчитывавшего в своем составе чуть более 106 тысяч изнуренных в боях воинов, 600 орудий и минометов с ограниченным количеством снарядов и мин, 38 танков и 53 самолета, Манштейн бросит более 200 тысяч солдат и офицеров, 2045 орудий и минометов, 450 танков и 600 самолетов...

Наконец стало известно, в какой день и в какой час начнется новое наступление гитлеровских войск. Был перехвачен приказ Манштейна: «Начать штурм Севастополя 7 июня в 3 часа 00 минут». Наши артиллеристы упредили противника: они открыли ураганный огонь по исходным позициям гитлеровских войск в 2 часа 55 минут. Всего лишь на пять минут получилось упреждение, больше не могли: истощился бы запас снарядов. Но и эти минуты дорого обошлись гитлеровцам.

Как и в декабре прошлого года, враг рвался к Севастополю через Мекензиевы Горы и через район Камары к Сапун-горе. Этот участок находился в полосе обороны 7-й бригады.

В воздухе стоял беспрерывный гул. Кружилась голова. Сотни «юнкерсов» сбрасывали на позиции морской пехоты фугасные и осколочные бомбы. Солнце потонуло в дыму и пыли.

После авиационного и артиллерийского удара по участкам, где, казалось, уже все было стерто с лица земли, бешено застрочили длинными очередями пулеметы, а затем... Затем поднялась пехота врага. Поднялась и тут же была встречена огнем морских пехотинцев, которые будто ожили из мертвых. Из дымящихся руин, из разбитых траншей в гитлеровцев полетели гранаты.

Вот срезана первая цепь, вторая... Появилась третья, более многочисленная. Ее поддерживает огонь орудий и минометов. Силы неравные, и на отдельных участках противнику удалось все же ворваться в расположение наших позиций. Рота, стоявшая на правом фланге батальона, приняла на себя главный

удар. Бойцы этой роты не отступили ни на шаг, и все до единого погибли.

— Товарищ генерал, на участок, где стояла первая рота, посылаю разведчиков,— доложил по телефону комбат командиру бригады Жидилову, получившему накануне этих событий звание генерала.

— Скажите разведчикам: я надеюсь на них,— ответил Жидилов.

Дмитришин тут же побежал к своим разведчикам и передал содержание разговора комбата с генералом. На лицах его товарищей ни тени смятения. Они готовы выполнить любое задание командования.

В какие-то короткие минуты Дмитришин вспомнил характеры и привычки каждого из них и поймал себя на мысли: «Зачем я это делаю? Не уверен, что выйдем живыми из боя? Нет, мы выстоим!»

Под прикрытием железнодорожной насыпи разведчики быстро пробрались к развалинам станционных складов. Здесь было много раненых. Разведчики отдали им свои фляги с водой. По мере приближения к окопам первой роты раненые и убитые встречались все чаще и чаще. Продвигаться трудно. Справа, вдоль траншеи, хлестал немецкий пулемет. Противник успел занять наш дот и теперь использовал его против нас.

Разведчики залегли за бугром. Дмитришин всматривался в знакомую тропинку, что ведет в сторону Верхнего Чоргуна, где притаился враг. Надо выбить пулеметчиков из дота ударом с тыла, откуда гитлеровцы не ждут.

Вспыхнула яростная перестрелка. Через несколько минут боя вражеские автоматчики начали отходить. Приподнявшись на локоть, Дмитришин окинул взглядом свой взвод: потерь, кажется, нет. Остановил взгляд на Азове и не поверил своим глазам: рискуя жизнью, он стоял на коленях и перевязывал бинтом искалеченную яблоню.

Вдруг, как вкопанный, замер Капланов: кончились патроны. К нему подскочил разведчик, и они вдвоем бросились на фашиста, чтобы добыть автомат.

Азов, закончив бинтовать яблоню, побежал по ходу сообщения к доту. В руках у него гранаты. Бросает он их точно и далеко. Гитлеровцы не выдержали, отошли.

Наконец дот перешел в наши руки. Боевые позиции первой роты были восстановлены. Тяжело ранены несколько бойцов. Разведчиков осталось семнадцать человек. Этим составом они и удерживали позиции первой роты до утра следующего дня, пока не прибыло подкрепление.

9. Сапун-гора

С утра 27 июня центром обороны Севастополя стала Сапун-гора с ее многоступенчатой стопятидесятиметровой скалой, поднявшейся над всей долиной.

Позиции, занятые морскими пехотинцами на крутых склонах Сапун-горы, были господствующими, и даже невооруженным глазом отсюда можно было разглядеть, что делает противник.

Взвод разведчиков разместился невдалеке от командного пункта генерала Жидилова. Бригада морских пехотинцев врастала в каменистую высоту.

Ночь на 28 июня была для Дмитришина, пожалуй, самой рискованной, хотя разведчики без риска и не работают. Но на этот раз риск действительно был отчаянный. Дело в том, что на Ялтинском шоссе, на крутом повороте перед Балаклавой, под нависшей скалой советскими минерами были заложены мощные фугасы. Они должны были сработать под давлением на корку асфальта тяжелых танков или мощных орудий противника. Но авиаразведка сообщила, что там беспрепятственно передвигаются вражеские танки и орудия. А на проявленных фотопленках видна целехонькая скала. Стоит себе без всяких изменений, как сотни лет назад. А на верхнем ее выступе, как установили фототопографы, появился даже наблюдательный пункт какого-то крупного начальника. Кто-то сказал, что чуть ли не самого фон Манштейна. Короче говоря, перед Дмитришиным встала задача: фугасы должны сработать!..

Схему расположения фугасов и проводки к взрывателям ему дали в инженерном отделе. Предстояла несложная, но тонкая работа: заменить хотя бы один взрыватель, остальные должны сработать от детонации. Прикинув, каким путем можно добраться до скалы, Дмитришин решил отправиться туда один. Почему один? Вести за собой сапера по известной только разведчикам тропке, напоминающей тонкую нитку, продернутую через узкое ушко иглы, значит иметь еще один узел за своей спиной, который может застрять в узком месте и все погубить. Брать же двоих или троих разведчиков, как ему рекомендовали в штабе бригады, он отказался: зачем рисковать жизнью товарищей, когда есть хоть отчаянный, но верный ход и для одного человека...

И вот он уже лежит среди убитых и раненых вражеских солдат на обочине Ялтинского шоссе. На нем форма немецкого унтер-офицера. Рот завязан окровавленным бинтом, под головой санитарная сумка. Левая рука покоится на груди и кровоточит. Кровоточит по-настоящему, без подделки — не успели

перевязать новое ранение. Руку распорол на колючей проволоке, и собственная кровь помогает теперь освежать окраску забинтованного рта — перебито горло или легкие повреждены... Ждет похоронщиков или эвакуаторов. Если скоро не появятся, сам выйдет на асфальт и будет голосовать санитарной сумкой перед возвращающимися с переднего края машинами.

Проходит полчаса. Как назло, ни похоронщиков, ни эвакуаторов. Лежащий подле него раненный в голову фашист, видно придя в сознание, заметался, а затем схватил сумку Дмитришина и стал тянуть к себе. Дескать, помоги, санитар.

Не выпуская сумки — в ней взрыватели! — Дмитришин поднялся и вышел на асфальт. По дороге мчался огромный дизель. Мчался после разгрузки на полном газу, даже земля дрожала. Дмитришин поднял сумку. Дизель затормозил с пронзительным скрипом. Многие раненые, услышав шум, зашевелились, хотя раньше казалось, что среди них большинство мертвых. Дмитришин показал шоферу на раненых: возьми кого-нибудь. Тот открыл кабину. Влезли двое.

— Генук, генук (хватит, хватит),— закричал шофер и захлопнул кабину. Дмитришин вскочил на подножку и дал знак — вперед!

Подъехали к скале. На крутом повороте Дмитришину показалось, что именно сию секунду сработают фугасы. Но они не сработали.

За поворотом Дмитришин постучал в стекло кабины и показал шоферу на тропку слева: остановись, мол, мне надо сюда. Шофер затормозил, и разведчик спрыгнул на землю.

Машина скрылась за поворотом. Теперь надо спешить: июльская ночь короткая, скоро займется заря, а Дмитришину еще предстоит найти по схеме фугасные гнезда, осмотреть их, а... там видно будет.

Ни в одном гнезде, которые он нащупал, не оказалось взрывателей. Отверстия были пустые, а концы проводков присыпаны землей. Кто это сделал — непонятно. Если бы гитлеровцы обнаружили такое сооружение, то на месте фугасов остались бы пустые ямы. Быть может, сапер ждал подхода танков, чтобы именно в момент появления их под скалой вставить запалы и похоронить себя под обвалом вместе с танками, но... не успел, угодил под пулю? Всякое могло быть — кто знает?

Как же поступить Дмитришину?

Вставить хотя бы пару запалов, выйти на дорогу, попытаться остановить колонну перед скалой до взрыва. Взрыв преградит путь танкам. Риск отчаянный, но не пустячный. Хорошо сделал, что пробрался сюда один.

Где-то недалеко за поворотом протарахтели мотоциклы и заглохли. Хлопнули дверцы легковой машины. Кто-то, кажется, взобрался на верхний выступ скалы. А что, если в самом деле здесь наблюдательный пункт самого фон Манштейна?

На дороге послышался нарастающий грохот танков. Дмитришин быстро вставил запалы и вышел на асфальт. Остановился метрах в десяти от той линии, где, как значилось в схеме, были спрятаны механизмы нажимного действия — замыкатели электрической цепи. Поднял теперь уже пустую санитарную сумку. Впереди танков катилась легковая машина. В ней — какой-то крупный начальник в пенсне. Стекла поблескивали от подсветки радиоприемника. Машина остановилась. Из нее выскочили два офицера, но Дмитришин прорвался к генералу и жестами стал пояснять, что там, впереди, опасность, надо подождать.

— Во, во? (где, где?) — начали добиваться у него офицеры. Дмитришин, что-то бормоча сквозь повязку, размахивал руками. Ему надо задержать колонну. Пусть сюда сбегаются офицеры. Может, сверху спустится и тот, что поднялся на свой КП. Генерал просит сказать, как далеко опасность? Дмитришин подносит к лицу генерала растопыренные пальцы здоровой и окровавленной руки и начинает отсчитывать десятки метров. Двадцать, тридцать, сорок. Отсчитывает не торопясь. Уже перевалило за сотни метров. Генералу надоело ждать конца его отсчетов, и он махнул рукой — вперед. Видимо, торопился занять исходные позиции затемно.

Дмитришин побежал вперед вдоль шоссе. За ним затрусил лишь один офицер. Хотел удостовериться, какая опасность впереди. Дмитришин остановился. Запыхавшийся офицер наткнулся на его спину, затем на нож. Дмитришин ударил его не очень удачно, но не дал выхватить пистолет. Пришлось применить свой излюбленный прием: через спину затылком об асфальт — ни крика, ни стона...

Теперь уходи, Иван, уходи в сторону от дороги, замирай между камней и жди, чем все это кончится! Если колонна пройдет, возвращайся обратно и снова досконально проверяй по схеме все узлы и узелки...

Неужели напрасно рисковал? Нет, не напрасно! Вот под ним качнулась каменистая земля. Как она мягко качнулась, и камни, мелкая щебенка под боком показались ему самой пышной периной. Затем он увидел, как вздыбилась скала, как дернулось небо, будто собралось встать на кромку розовеющего небосклона, и... раздался раскатистый, оглушительный гром взрыва...

Над Сапун-горой висели густые тучи дыма и пыли. Изредка

в просветы выглядывало тусклое солнце. Начинался новый день, день новых суровых испытаний. Дмитришин вернулся сюда с чувством исполненного долга. Предполагаемое наступление вражеских танков в район Херсонеса не состоялось.

Штурм позиций морских пехотинцев захватчики возобновили ночью 30 июня в 2 часа 30 минут. Сапун-гора загудела в необычное время. Такая неожиданность вынудила комбрига бросить разведчиков вдоль траншей, по косогору Сапун-горы, чтобы помочь там смертельно уставшим морским пехотинцам. Дмитришин побежал направо, где гитлеровские автоматчики пытались пробраться к нашим позициям. Перестрелка кипела и на левом фланге. Нет, не проспали, не прозевали морские пехотинцы начало новой атаки врага. Здесь разведчики втянулись в бой.

— Ах, чума! Не пройдешь! — выкрикивал Азов, подрезая из автомата прицельными очередями перебегающих гитлеровцев. Пуля разорвала ему ухо, и одна сторона лица была залита кровью. К нему подоспел находившийся вблизи товарищ. Он тоже был ранен. Пуля угодила ему в подбородок.

— Видишь,— сказал он Азову, шевеля зубы пальцами,— куда германская точность угодила, даже пасху после войны нечем будет жевать...

— Ладно тебе,— остановил его Азов.— Заклей дыру, а то гимнастерку кровью запачкаешь.

Фашисты залегли под огнем советских воинов.

— Нет, гады! Не бывать вам на Сапун-горе! — вырвалось у Дмитришина.

Но нашелся в тот час злой снаряд. Он прошил бруствер и разорвался у ног Дмитришина. Перевернулась Сапун-гора. Затихла война. Она, проклятая, уложила отважного разведчика на дно траншеи, подкосила его сильные ноги.

Когда он очнулся и открыл глаза, ничего не мог понять: где и что с ним. Все стало сливаться: и окоп, и небо... Как сквозь сон услышал он густую дробь автоматов. Что-то больно опять ударило по ногам. Перед глазами вспыхивали желтые круги и рассыпались на тысячу ярких осколков, превращаясь в каких-то птиц.

Нет, это не птицы, это «юнкерсы». Для них теперь, подумал Иван Дмитришин, нет более подходящей цели: он закрыл собой всю землю Крыма.

Его перенесли на КП комбата.

Бой продолжался. Все в круговороте бешеного огня. Казалось, этого огня хватило бы стереть с земли целую страну. Но битва на Сапун-горе продолжалась.

Надо вернуться на передний край и разить фашистов. Есть

еще сила в руках. Он попытался приподняться на локтях и провалился в какую-то мглу...

Очнулся в санитарной машине. Сапун-гора осталась где-то позади, и сжалось сердце разведчика. Кажется, в тот час или чуть позже в его сознании вызревали слова, которые сейчас обращаю к тебе, читатель.

Если ты будешь в Севастополе, обязательно поднимись на Сапун-гору — высоту геройства. Здесь во время Великой Отечественной войны гремела историческая битва. Низко склони голову перед теми, кто на этой священной земле отдал свою жизнь за свободу нашей Родины-матери. Вспомни славных разведчиков морских пехотинцев.

Если ты художник — нарисуй их, известных и неизвестных, в лепестках пламени!

Если ты скульптор — воскреси их в граните!

Если ты композитор — воздай им славу волнующей душу ораторией!

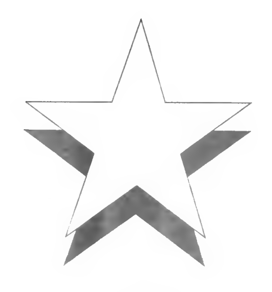
Если ты поэт — сложи им гимн, который жил бы вечно! И скажи слова крылатой благодарности тем, кто был до конца верен интернациональному долгу.

За голову Фазлиахметова
(«высокого Федора»)
гитлеровцы обещали крупиую сумму.
Фашистская листовка,
перечисляя особые приметы
«большевистского парашютиста»,
отмечала «следы пулевых раиеиий».
Да, три ранения получил Фарид,
действуя во вражеских тылах.
Третье — тяжелое. Но и тогда
ои остался в боевом строю.
Да, парашютист: семь раз
приземлялся за лиииeй фроита.
Не иашли враги выродка,
который польстился бы
иа их посулы. Фарида надежио
укрывали и люди, и леса,
и родиая земля.

А. Сгибнев, М. Кореневский

„Выхожу на связь...“

Фарид Фазлиахметов

Мы знали, что перед иами сильиый противиик, упорство которого будет возрастать по мере нашего продвижения по его террнтории. Важно было сделать так, чтобы иаше иаступленне не вылнлось в затяжные бои, а было стремительным, неудержнмым, чтобы враг не мог планомерио отходить, цепляясь за выгодиые рубежи. Вот почему было уделеио большое вннмаиие тщательиой разведке как переднего края вражеской обороиы, так и всех рубежей в ее глубине...

Из книги
Маршала Советского Союза
К. К. Рокоссовского
«Солдатский долг»

1. Встреча у Большого театра

Весна подарила девятому мая отличную погоду: солнечную, ясную, с бездонной голубизной неба. В сквере у Большого театра, давно уже ставшем излюбленным местом встреч бывших фронтовиков, щедро распустились почки. На деревьях у фонтана во множестве белели фанерные указки, подобные тем, что в годы войны служили путеводителями на фронтовых дорогах.

И люди, седые, со шрамами ранений, в блеске наград, трепетно замирали у этих знаков, чтобы отыскать по ним свою армию или дивизию, а подойдя поближе, воскликнуть молодо и торжествующе: «Здравствуйте, однополчане!»

На виду у столпившегося вокруг народа пехотинцы обнимали пехотинцев, моряки — моряков, летчики — летчиков.

Одна лишь группа — человек семь-восемь — стояла как бы особняком и от этого призывного шума, и от этой всеохватывающей радости. На яблоне, под которой собрались молчаливые сдержанно-суровые бойцы, не было никакой указки. Чувствовалось, они кого-то нетерпеливо ждут...

Но вот группа вдруг мгновенно оживилась, лица расцвели улыбками, послышалось: «Федор, Федор!» И человек, высокий, плечистый, сразу утонул в объятиях. «Федор, дорогой наш Федор!» — доносились возгласы.

Высокого, с редкими сединками, черноволосого мужчину в действительности звали не Федором, а Фаридом. Однако в обстановке, что свыше трех десятков лет назад окружала «молчаливых», более подходящим, чем Фарид, было имя, которое бы не выделялось, не цеплялось за чужую память, если его произнесут при посторонних. В тридцатилетней давности имелись у Фарида про запас и другие имена на короткий срок, но

товарищи, пришедшие к Большому театру, запомнили его как Федора. Запомнили по многим славным делам более чем двухлетнего пребывания в глубоком тылу врага.

Не годами, да еще с неопределенным «более чем», а днями, часами, минутами исчислять бы то отчаянное, опасное, как минное поле, время. Допусти хотя бы небольшую ошибку — смерть. Это в лучшем случае. А в худшем — пытки в гестаповских застенках. Гитлеровцы за голову «высокого Федора» (все-таки дознались, что он Федор) обещали крупную сумму, а также «имение с двумя коровами и трактором в хорошем состоянии». Взывавшая к предательству листовка, перечисляя особые приметы «большевистского парашютиста», указывала на «следы пулевых ранений в ладонь правой руки, в правое плечо и грудь». Надо сказать, точными были приметы. Видно, «за высоким Федором» охотились опытные, матерые контрразведчики. Да, три ранения получил Фарид, действуя во вражеских тылах. Третье — тяжелое: пуля задела позвоночник. Но и тогда остался на посту, подлечился у партизан, отказавшись вылететь на Большую землю, в московский госпиталь. Да, парашютист: семь раз приземлялся за линией фронта, выполняя задания особой важности. До многого докопались фашистские ищейки — одного не добились, несмотря на все посулы: не нашли они черную душу, которая польстилась бы на их имение или трактор с коровами в придачу. Фарида надежно укрывали и люди, и леса, и родная земля!

По нашим представлениям, не может такой человек запамятовать даже мельчайшую подробность своего боевого прошлого: оно ведь исключительное, необыкновенное.

— Ничего подобного! — энергично возражает Фарид Салихович Фазлиахметов.— Эко, придумали — «исчислять разведчикам фронтовые годы днями, часами, минутами!» Исчисляйте, как всем — пехотинцам или танкистам, летчикам или морякам. Меня всегда восхищал солдат в атакующей цепи. Александр Матросов — вот кто мог бы на минуты и секунды раскладывать переживания своего смертного боя. А мы... Мы, как все: год за три — выслуга фронтовая. И, как у всех фронтовиков, может, позабылось что-то или сместилось по месту и времени. В документы бы заглянуть для точности...

В документы, которые имел в виду Фарид Салихович, мы заглядывали. Нет им цены, напечатанным, как правило, в единственном экземпляре на раздерганных, с прыгающим шрифтом штабных машинках, написанным от руки на обратной стороне трофейных топографических карт, отбитым на лентах военного телеграфа и даже выполненным на ткани. «Всем командирам частей! О прибытии тов. Фазлиахметова

немедленно сообщить в разведотдел штаба фронта». Печать, подпись.

В мягкую трубочку тоньше спички свертывали такой лоскуток и зашивали в полу или воротник пиджака. Конечно, при возвращении разведчика к своим соответствующая служба и без этого матерчатого удостоверения разобралась бы во всем, сразу же навела бы справки.

— Но, понимаете, как-то легче на душе было с ним,— взволнованно говорит Фазлиахметов.— При тебе — советский документ. Единственный. Ничего, что он даже не прощупывается под плотным сукном,— разведчикам их документ виделся как наш «серпастый, молоткастый паспорт». И развеивалось, отступало прочь чувство оторванности от всего, что тебе дорого. Ты — гражданин Советского Союза! С документом Родины!

Фарид Салихович поглаживает шелковистую ткань удостоверения, потом не без надежды спрашивает:

— А материалы разведывательной группы «Матросов» вам в архиве не попадались?

— Попадались, Фарид Салихович, как же — до единой записки, до единого сигнала с той стороны сохранено...

И мы вместе с Фаридом Фазлиахметовым возвращаемся в тот далекий фронтовой год.

Он уже близится к концу, декабрь сорок четвертого. Дней двадцать — двадцать пять осталось до начала Восточно-Прусской стратегической наступательной операции 3-го и 2-го Белорусских фронтов и левого фланга 1-го Прибалтийского фронта. Заместитель начальника штаба 2-го Белорусского — генерал, о котором Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский впоследствии напишет в книге «Солдатский долг», что это «мастер своего дела», склонившись над картой, снова и снова перечитывал названия населенных пунктов в полосе предстоящего наступления и приговаривал вполголоса:

— Ясно... И здесь вполне ясно... Здесь тоже...

Вдруг генерал нахмурился, поднял взгляд на стоявшего перед ним майора Медведовского.

— А здесь пока ясного мало,— и подчеркнул название города, стоявшего на пересечении четырех железных и десятка шоссейных дорог.— Непорядок!

— Товарищ генерал, я как раз пришел доложить, что группа для заброски в район Бютова к вылету готова. Возглавит группу младший лейтенант Фазлиахметов...

— Что за человек?

— Рекомендован Центром, как опытный разведчик. Несколько раз забрасывался за линию фронта на короткие сроки, затем более двух лет был заместителем командира десантного

спецотряда «Москва», действовавшего в глубоком тылу противника. По отзывам — смел и решителен.

Медведовский раскрыл папку, достал из нее боевую характеристику младшего лейтенанта Фазлиахметова, положил перед генералом. Всего полстранички машинописного текста.

— И никаких недостатков? — недоверчиво прищурившись, спросил заместитель начальника штаба фронта, отодвигая прочитанную бумагу на край стола.

— Они, товарищ генерал, в прошлом — недостатки Фазлиахметова. Поэтому не счел необходимым...

— А вы все-таки доложите. Бютов — район особый.

Майор снова раскрыл папку и передал генералу несколько скрепленных листков.

— Вот тебе и раз! Достоинств на одну страничку не хватило, а недостатки на пяти едва уместились. Присядьте, Медведовский, я прочту...

Те пять страничек были частью докладной записки офицера, который по заданию Центра анализировал боевую деятельность спецотряда «Москва». Главным образом за период, когда отряд возглавлялся Фазлиахметовым, замещавшим вызванного на Большую землю командира. Автору докладной записки Фазлиахметов явно не понравился: чрезмерно горяч, лезет на рожон, вместо того чтобы заботиться о глубокой конспирации, одержим всевозможными идеями, выходящими за рамки задач, поставленных отряду.

Далее шли примеры, доставившие генералу несколько веселых минут.

«...Марьиногорским товарищам Фазлиахметов поручил похитить у немцев газогенераторный трактор, а тальковской группе — раздобыть броню, так как он решил любой ценой построить танк и держать его спрятанным в лесу на случай необходимости...

Потерпев неудачу с танком, Фазлиахметов принялся сооружать катапульту, которая, по его замыслу, должна была метать четырехсотграммовые толовые шашки на расстояние до тысячи метров. И снова подпольщики из Марьиной Горки и Тальки были подняты на ноги, чтобы найти пригодную для катапульты пружину...

По приказанию Фазлиахметова в отряде рисовались плакаты, карикатуры на гитлеровцев, которые затем засылались в гарнизоны противника и вывешивались на видных местах. Под рисунками всегда указывалось: «Издание десантного отряда Красной Армии...»

Будучи, как видно, человеком объективным, составитель докладной записки счел необходимым отметить, что Фазлиах-

метов, хоть и позволяет себе недопустимые для разведчика горячность и пренебрежение конспирацией, тем не менее обладает сильной волей, подлинным бесстрашием и имеет значительный личный боевой счет. Участвовал в спуске под откос тринадцати эшелонов с боеприпасами, техникой и живой силой противника. Взорвал важный железнодорожный мост. Неоднократно руководил подрывными группами при налетах спецотряда на склады авиабомб и бензохранилища гитлеровцев. Из местного населения, участвовавшего в борьбе с фашистскими оккупантами, организовал надежные и активные разведгруппы в Марьиной Горке, на станциях Талька и Осиповичи, «хотя две последние не входили в его зону...».

— А что, строгий, дотошный ревизор! — констатировал генерал, вновь скрепляя просмотренные листы и передавая их Медведовскому.— Но до чего же великолепны недостатки у этого младшего лейтенанта, не правда ли? Где он сейчас?

— С группой. Всю неделю занимались напряженно, я им передышку сегодня устроил. Пригласить к вам?

— Я, пожалуй, сам к ним схожу.

Подходя к землянке разведчиков, генерал услышал песню:

На позицию девушка
Провожала бойца...

Это пели Фазлиахметов и его боевые друзья...

И та же полюбившаяся фронтовикам песня зазвучала вдруг где-то в ликующей толпе ветеранов войны, собравшихся у Большого театра. Песня ширилась, вбирая в себя все новые и новые голоса, и «молчаливым» тоже захотелось подхватить ее. Но тут они увидели улыбающегося человека, который направлялся явно к ним и метров за десять раскинул руки, чтобы с ходу, по-братски обнять кого-то.

Сделав вид, что не узнал подошедшего, Фазлиахметов строго спросил:

— Зачем вы сюда пришли?

Улыбка на лице человека сменилась озабоченностью, и он хмуро ответил:

— Иду в Бортны за семенами табака.

— А я Сеня,— сказал Фазлиахметов.

Лишь после такого «ритуала» они бросились друг другу в объятия, довольные тем, что не забыли когда-то очень важного для обоих диалога. В мае 1943 года только тот, кто на закате заранее назначенного дня шел мимо избушки лесника в двух километрах западнее Попова Гряда «в Бортны за семенами табака», мог быть признан своим — посланцем Большой земли.

И только спросивший: «Зачем вы сюда пришли» — и назвавшийся Сеней действительно был ожидавшим встречи представителем десантного разведывательного спецотряда «Москва».

2. Выбор псевдонима

В просторной землянке, отведенной группе Фазлиахметова, было тепло и уютно. Расположившись вокруг стола из свежевыструганных досок, разведчики подпевали патефону, но при появлении генерала лихо вскочили со своих мест. Их командир, пожалуй, такой, каким и представлял его себе заместитель начальника штаба фронта, порывисто шагнул вперед для доклада. Кто-то потянулся к пластинке на патефоне.

— Не надо! С душой поет, и голос приятный,— сказал генерал, одним жестом останавливая и доклад, и прекращение песни.— Где шинель повесить? Чайком угостите?

«И я, и все, кто был тогда в землянке,— вспоминает Фарид Салихович,— думали, что такой гость начнет проверять нас, экзаменовать. А он присел к столу, к песне прислушался. Потом знак подал: ну-ка подхватывайте, мол, и сам запел негромко:

Парня встретила дружная
Фронтовая семья.
Всюду были товарищи,
Всюду были друзья...

Затем пили чай, генерал расспрашивал про наших родных и близких...»

В тот вечер только раз коснулся заместитель начальника штаба фронта предстоящего разведчикам задания, спросив Фазлиахметова:

— Какой псевдоним выбрали?

Фарид назвал, теперь уже не помнит какую, фамилию с окончанием на «ский».

— Ой, не очень нравится. Люблю, когда псевдоним у разведчика со смыслом. А то недавно докладывают: старший разведгруппы — Щукарь. Нелепо! Так и видишь шолоховского деда на крючке. Вроде бы недобрый намек. Заменил! Я бы на вашем месте вот чью фамилию взял,— и генерал указал на висевший в землянке плакат с портретом Александра Матросова.

Фазлиахметов ответил, что сам ни за что бы не решился взять фамилию героя. Слишком ответственность высока.

— А ты решайся! Так и затвердим — Матросов.

И, круто меняя тему, обратился ко всем:

— Каких-либо личных просьб, вопросов ко мне нет?

— Товарищ генерал,— решился Фазлиахметов,— я второй месяц друга не встречаю. Александра Чеклуева. На той стороне?

— Чеклуев?

— Так точно. Мы с ним трижды выбрасывались в тыл, награждены одним приказом...

— Встревожился, значит? Это хорошо, что о товарищах думаешь. Все в порядке у Чеклуева. Это ведь ему Щукаря подсовывали. Заменили хорошим именем, и дела идут преотлично,— пошутил генерал.— Молодец твой Чеклуев! И в тебя верю, Матросов!

Ночь перед вылетом в глубокий тыл врага. Это почти всегда — заново прожитая жизнь, только месяцы в ней сжимаются в минуты, дни пролетают за несколько ударов сердца. Какие-то — за три, какие-то — за десять. Не по порядку в сложно запутанной очередности вызывает их память на повторный смотр.

...Явочная квартира. Вбегает лейтенант Морозов. Бледный, дрожащие губы едва шевелятся — слов не разобрать. Да возьми же себя в руки, докладывай! Оказывается, Прищепчик погиб. Сначала ранили его гестаповцы, потом окружать стали. Выждал разведчик, пока подошли они поближе. Выкрикнул какие-то слова, издали не расслышать, какие именно, рванул чеку гранаты и на разжатой ладони протянул подбегающим фашистам: нате, гады!

Чудес не бывает, и все-таки ночью Фазлиахметов послал людей, а вдруг жив остался?! Ни с чем вернулись. Что же сказал, что выкрикнул Прищепчик перед гибелью? Так хотелось услышать эти последние слова героя... Ведь месяцы, долгие месяцы проведены вместе... Истинный патриот был — и пусть земляки его об этом знают.

...А Самуйлик? О чем подумал этот разведчик, пока понял, что жить остается не более минуты? Он все шутил, что заворожен от пуль разнастоящей испанской цыганкой. Серьги — с блюдце величиной! Поколдовала, поцеловала и предрекла бессмертие добровольцу республиканской армии. Перед боем с фашистами, под Мадридом. И туда — добровольцем, и в разведку — добровольцем. Смелый, как дьявол. Как Саша Чеклуев. Там, в Испании, сбылось цыганкино обещание, здесь не сбылось...

...Лиходиевская Лена. Лучше — Елена Викентьевна: немолодая была, лет на пятнадцать старше Фарида. Белоруска, беспартийная, многодетная. Знали, что хороший человек, настоящая патриотка, но не звали к себе в отряд. Из-за детей. Сама пришла с надежной рекомендацией, взмолилась: дайте поручение, испытайте! Вы же видите, горит родная Белоруссия, гибнут родные советские люди — как же стоять в стороне, не быть бойцом?

Поначалу встревожил ее подход к делу. Она считала, что немецких и особенно венгерских, румынских, итальянских солдат и унтер-офицеров надо привлекать на сторону Красной Армии разъяснениями, пламенной агитацией. Из рабочих ведь большинство, из крестьян, как может не дойти до них великая правда? Елену предупредили: поосторожней, товарищ агитатор! Ты теперь в разведке, и от тебя незримая нить к спецотряду «Москва» протянулась. Схватят фашисты — будут допытываться про эту нить. Сначала с лисьей ласковостью, потом — с каленым железом в руках. Не всякий выдержит. «Это выдержать невозможно,— спокойно сказала Лиходиевская,— только вы не тревожьтесь. Если случится непоправимое, никто, кроме меня, в опасности не окажется».

Как-то привела она в условленное место венгерского унтер-офицера, и тот объявил представителям спецотряда, что при первой же возможности сдастся в плен советским солдатам. В необходимости такого шага его убедила вот эта (кивнул на Лиходиевскую) очень умная женщина. Он — из 151-й венгерской дивизии, входящей во 2-ю венгерскую армию. Но прошел слух, что эта армия уже фактически перестала существовать, так как многие солдаты 106-й и 108-й ее дивизий расстреляны гитлеровцами из пулеметов под Брянском за отказ воевать. А 151-я прибыла в Осиповичи и готовится следовать в Минск. Штаб расположился в здании ГФП — полевой тайной полиции...

Унтер-офицер все рассказывал, словно боялся, что его не дослушают до конца. А Елена Викентьевна улыбалась: вот видите, и мой агитаторский подход приносит результаты!

И они были значительными — результаты смертельно опасной работы Елены Лиходиевской и других патриотов — добровольцев разведки.

Гитлеровцы бесновались, расстреливали и вешали, стремясь запугать местное население, чтобы оно не помогало партизанскому движению, не вливало в него обновляющие силы. «В обращении с бандитами (так на официальном языке фашистов назывались партизаны) и их добровольными пособниками проявлять крайнюю жестокость»,— приказывал Гитлер.

Но и самые варварские меры не приносили гитлеровцам желанных результатов: сотни патриотов приходили к партизанам. Сотни людей, не боясь смерти, нападали на вражеские гарнизоны, взрывали мосты и дороги. Опять, как живые, предстают герои, без которых спецотряд ни за что бы не добился успеха, не выполнил, как нужно, боевое задание. Добыть важную информацию,— это было девизом всей жизни этих людей. Смыслом ее!

Один сообщает: в военном городке Марьиной Горки поселились 1888 курсантов зенитно-артиллерийской школы № 0/П-41. Там же находится сейчас и гренадерский полк № 2635, личного состава — 1571 человек. Другой подтверждает: да, совершенно точно, это 2635-й полк, полевая почта 11024. И добавляет: на станции Талька гитлеровцы разгрузили 32 вагона с авиабомбами. Бомбы из 12 вагонов отправлены на склады в Медведовку и Михайлово, из остальных 20 — на Пуховичский аэродром...

Эти сведения, едва успев зашифровать, без промедления передавал в Центр Николай Гришин. Он уверенно обеспечивал спецотряд «Москва» радиосвязью с мая 1943 года. Присланный Большой землей заменить погибшего радиста Василия Железняка Гришин и был одним из тех людей, кто ходил «в Бортны за семенами табака», пока не повстречал недалеко от Попова Гряда любопытного Сеню.

А 20 ноября 1943 года Гришин сообщил Центру: «Разведчица, наблюдавшая за гарнизоном и станцией Осиповичи, Е. В. Лиходиевская сегодня арестована гестапо. В тюрьме покончила с собой, чтобы под пытками не назвать имен товарищей...»

Трудно, очень трудно уснуть перед вылетом в глубокий вражеский тыл — в неведомое, подстерегающее тебя множеством неожиданных испытаний. Знает командир разведгруппы, что и его боевые друзья не спят, а только притихли и каждый думает о чем-то своем, решает какую-то важную для себя задачу. А какую задачу решает он, Фарид Фазлиахметов, бывший студент 3-го курса Московского авиационного института имени С. Орджоникидзе, попросившийся в разведчики, когда фашисты напали на его Родину? Ничего он сейчас не решает, просто случаи вспоминает: разные, да и то в сложно запутанной очередности...

Нет, не в запутанной, отмечает вдруг Фарид. Со строгим отбором подбрасывает память пережитое. Подбрасывает случаи для раздумий на вечную тему о жизни и смерти. Не праздная для солдата тема, не заумное философствование. Разве не ставят солдаты подписей под клятвой, обязывающей их защищать

Фарид Салихович Фазлиахметов.

Родину мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни? Не это ли подтолкнуло память выстроить в один ряд: Прищепчик, Самуйлик, Лиходиевская, Железняк...

В чем же смысл того, что он, Фарид Фазлиахметов, отправляется за линию фронта с именем Александра Матросова? Задал задачу товарищ генерал! Трудность хотел подчеркнуть, смертельный риск, даже безысходность? Напомнить о готовности к самопожертвованию? Не то, не то! Смысл тут в том, что в делах разведывательной группы «Матросов» должно как бы конкретизироваться, обрести реальность бессмертие солдата-героя, закрывшего своим телом амбразуру вражеского дзота у деревни Чернушки, что недалеко от города Локня.

Фарид попытался рассмотреть в темноте плакат, подсказавший генералу псевдоним со смыслом, и ему показалось, что видит его, видит портрет, такой знакомый, читает много раз прочитанный и, кажется, наизусть запомнившийся текст.

Локня — это Великолукская область. А Бютов — это уже Восточная Пруссия. Но у деревни Чернушки, близ Локни,

не оборвался боевой путь Александра Матросова, одним из первых советских воинов ступит он на территорию врага.

Тихо в землянке.

— Все ли спят? — вполголоса спросил Фазлиахметов.

Никто не ответил.

3. Во вражеском тылу

— Внимание, приготовиться! — Как ни ждешь этого момента, а он захватывает тебя врасплох. Ведь совсем недавно пересекли линию фронта, совсем недавно за черными, обледенелыми иллюминаторами вспыхивали бесформенные букеты зенитных разрывов.

Резко, простуженно хрипит сирена. И словно в добавление к ней над пилотской кабиной мигает желтоватый светлячок. Это значит — прилетели. Это значит — будь готов! Бесшумно открывается люк. В лицо резко бьет холодная струя. В шумящую тьму столкнули мешки. Один за другим покидают самолет разведчики. Командир замыкает цепочку. Ему в первую секунду показалось, что он повис в густом леденящем воздухе, не движется. Осмотрелся: огоньки внизу расширяются, увеличиваются, как бы летят навстречу. Огоньки! Но это не те, что вселяют веру, говорят — ты не один, тебя ждут. Здесь, в Восточной Пруссии, разведчиков не ждали, для них не зажигали огней, спасительных, манящих. Парашюты несли их к чужой, вражеской земле!

К счастью, огоньки, мерцавшие внизу, не отозвались выстрелами. Фазлиахметов приземлился тихо, плавно. Не услышав ничего подозрительного, поднялся. Вокруг — настороженная, пугающая тишина. Тусклый ночной простор. Справа, совсем близко, прорисовывается какая-то каменная громада. За спиной, когда обернулся, увидел, вернее, почувствовал перелесок, знакомый по карте. Голые, насквозь промороженные деревья поскрипывали — глухо, нехотя. Вскоре пошел снег. Это хорошо — заметет следы.

Неожиданно вскрикнула ворона: один раз, два, три. Фазлиахметов обрадовался: приближается Николай Гришин — это его сигнал. Через минуту, услышав ответ, Николай был уже рядом. Один за другим собрались и остальные. Правда, Михаил Козич сильно повредил ногу и еле двигался.

— Углубляемся в лес,— распорядился командир.

Закинули за плечи мешки, взяли парашюты и тихо, словно тени, направились в чащу. Разведчики были уже в безопасности, когда над деревней взошло солнце.

Фазлиахметов провел во вражеском тылу полвойны, но там, на родной земле, временно занятой оккупантами, кругом были свои люди. Здесь все иначе: враждебность и злоба.

В найденные неподалеку аккуратные стожки сена запрятали парашюты: более подходящего места в тот момент не было. Отсюда же, прикрывшись лесом, сообщили в штаб фронта: «Приземлились благополучно. Начинаем действовать. Матросов». Хозяин в ответ поблагодарил за быстрое сообщение, поздравил с благополучным приземлением и еще раз напомнил: район трудный, будьте предельно осторожны!

Через день в штаб пойдет новая радиограмма. Матросов передаст сведения общего порядка. Населенные пункты такие-то и такие: фашисты продлевают линию окопов. Граница между Восточной Пруссией и Польшей по обе стороны укреплена дзотами через 100—150 метров. Окопы в три ряда. Дорога обнесена проволокой. Города Бютов и Мышинец опоясаны несколькими линиями окопов и дзотов.

Поставьте себя на место командующего, которому разведка пошлет подобное донесение. Район, интересующий его, далек, очень далек — в него не съездишь на рекогносцировку, в него не всмотришься с помощью бинокля. А сведения разведчиков как бы оживили карту, приблизили ее настолько, что видишь все и представляешь все. Вот они, эти деревни-крепости. Слева тянутся болота, непроходимые ни для человека, ни для машины. Справа, параллельно автостраде, появились многокилометровые линии окопов вперемежку с дзотами. Дзоты идут и вдоль границы — вот они! — идут через каждые 100—150 метров. Около Бютова, с его тугим узлом железных и шоссейных дорог, тоже укрепления. А тебе, командующему, не любоваться картой, твоим войскам нужно наступать в этом направлении! Вот почему ты безмерно благодарен отчаянным ребятам, которые обосновались в самом логове противника и стали твоими всевидящими глазами, всеслышащими ушами. Они пришли туда первыми, пришли маленьким, но деятельным авангардом.

И не случайно он собственноручно напишет и прикажет без задержки отправить свое послание им, бойцам группы «Матросов»:

«Дорогие товарищи! Горячо поздравляем вас с Новым 1945 годом — годом окончательного разгрома врага. Желаем вам здоровья, сил и успехов в вашей трудной боевой работе на благо великой нашей Родины, во славу нашей доблестной армии. Всех обнимаем!»

Из перелеска, где находилась дальняя охрана базы, трижды прокричал филин. Не беззаботно, а требовательно, даже чуть-чуть нервозно, как показалось командиру. Филин мог

подать сигнал, если в населенном пункте, подступавшем к самой опушке, появились каратели.

— Вариант второй! — распорядился командир. Это значит просекой, идущей параллельно поселку и потому не просматриваемой из него, перебраться подальше — в заброшенную старую лесную сторожку, разбитую шальным снарядом. Там глубокий, с двумя выходами, подвал. Там Гришин сможет передать информацию, добытую за день. В ней кое-что есть любопытное: сократилось число воинских эшелонов, проходящих через узловой пункт к фронту, и, наоборот, все чаще, особенно по ночам, мчатся поезда назад: прямо на платформах груды чемоданов, шкафы, сейфы. Неужели очередное «выпрямление» линии фронта? Видимо, да. Это важно знать командованию. Противник, предпринимающий эвакуационные меры, готовится к отступлению. Таков закон войны.

Шли, рассредоточившись, быстрым, вгоняющим в пот шагом. Было тревожно. Командир не верил тем, кто бахвалился своей твердокаменностью. Просто жизнь разведчика научила их владеть собой, проявлять, как говорят, железную выдержку. Тогда и опасность не размагничивает. И мысль, обострившись, остается четкой и собранной. И еще — Фазлиахметов убедился на собственном опыте — в час испытания здорово помогает дисциплина. Мы можем разниться друг от друга наклонностями, привычками, складом ума — все это приемлемо в разведке. Разведчиками, как и солдатами, не рождаются — ими становятся. В разведке действуют люди, а не сверхчеловеки! Но дисциплина — прежде любых знаний, которыми тебя обогатили в штабе. Если нет дисциплины — и знания, и оружие не сработают, как и когда нужно.

Фазлиахметов был счастлив: его группа и в жизни, и в работе, и в мелочах поведения умела блюсти дисциплину свято. Вот и сейчас. Он еще не успел напомнить кое-что, непременное в подобных ситуациях, а разведчики уже осмотрели бункер, выставили дозоры, приготовились. Гришин пыхтит от усталости, ему в скоростных марафонах достается больше всего: рация и батареи питания к ней все же увесисты. К тому же озабоченность, как бы не потревожить какой-либо детали. Пока радист возился с аппаратурой, другие развернули антенну.

Николай Гришин, словно в стационарных условиях, включил приемник, освободился, насколько возможно, от помех, мастерски отыскал среди хаоса работающих точек свою — родную, единственную. Руки у него все равно что у пианиста — жаль, руки радистов не воспеты подобно рукам музыкантов. Красные от стужи, уставшие от непомерной тяжести, они всетаки не потеряли легкости, летучей подвижности. Сколько уже

раз с тех пор, как приземлились, итожил радист в мудреных вереницах цифр, в размеренных, напевных «та-та-та... ти-ти, та-та...» труд разведчиков, следопытов вражеского тыла.

Сейчас, охраняемый друзьями, Гришин информирует хозяина о бегстве вражеских тылов. Спешит, спешит: ведь разведывательная радиослужба гитлеровцев не дремлет, каждый сигнал неизвестной ей рации стремится засечь, запеленговать. На улицах Бютова и Мышинца, в их окрестностях Фазлиахметов не единожды видел машины с громоздкими антеннами на крышах.

Вернулся Козич. Он ушел на задание вчера вечером — проверить, для чего прибыли тодтовские строительные подразделения в приграничную деревню. Там до этого, кроме жандармов, никого из военных не было. Сегодня ночью, докладывал Козич Фазлиахметову, доставлена землеройная техника, солдаты сваривают автогеном какие-то металлические конструкции. На рассвете начались работы: строители роют многокилометровые траншеи, а на флангах, лицом к изгибу шоссе, устанавливают металлоконструкции и заливают их бетоном — получаются бронеколпаки. Не успев передохнуть, Гришин взял у командира узкий листок бумажки с текстом, быстро зашифровал его и со скоростью, посильной лишь для радистов его выучки, передал в штаб фронта. Он не боялся, что пробыл в эфире чуть больше обычного срока — с этой базы передачи еще не велись, и разведчики уйдут отсюда, как только филин прокричит сигнал.

Но филин не напоминал о себе почти до самого вечера. Увидев, что каратели освободили для своих несколько домов и расположились на ночлег, он пришел к Фазлиахметову. Продрогший. Голодный. Но не сел перекусить, попросил только свернуть ему цигарку — пальцы, занемев от холода, не слушались.

— Лучше бы уйти отсюда, товарищ командир! — сказал разведчик.— Они, думаю, напали на наш след. Привезли какой-то парашют, что-то спрашивали у жителей, указывая на лес...

Фазлиахметов и сам подумывал об этом. Тем более, совсем недалеко Польша. Там люди иные: приютят, помогут во всем. А сюда, в этот район,— «ездить на работу». Гришин снова вышел на связь, передал хозяину, что выгоднее перейти на базу по соседству, как обговаривали перед вылетом. На узле связи находился майор Медведовский, человек опытный, умный,— он тут же ответил согласием.

И опять в путь. Осторожно, мягко ступают на промерзшую землю. Обошли стороной мрачный, нахохлившийся хутор: пожалуй, ударят в спину. Не мешкая ни секунды, единым рыв-

ком перемахнули заброшенную контрольную пограничную полосу: граница вот куда передвинулась. Еще хутор, но уже польский: домишки низенькие, деревянные, давно не знавшие ремонта. И его миновали стороной, остановились в деревне Ольшин. Наблюдение показало: солдат, жандармов вроде бы нет. На разведку идет Михаил Козич. Отличное знание языка поможет ему. Тем более, он уже был в Ольшине неделю назад — предварительные знакомства завязывал.

Томительные минуты ожидания. Деревня будто вымерла. Ни прохожих на улице, ни огней в окнах. Лишь одна труба дымила — в центре, в доме, с виду богатом. Фазлиахметов выдвинулся к деревне ближе всех, с тревогой прислушивался к каждому шороху.

Тишину нарушили шаги — твердые, безбоязненные. Выходит, у Козича все в порядке.

— Знакомьтесь, это друг,— представил Михаил крепкоплечего, лет под пятьдесят, мужчину в обтрепанном кожухе.— Он все нам расскажет...

Сколько бы ни довелось жить, Фазлиахметов никогда не забудет поляков. Их доброты, дружбы, их постоянной готовности помочь. Вот он — один из тысяч. Тепло, по-братски здоровается. Извиняется, что не может принять в доме: у солтыса, по-нашему старосты, там, где дымится труба, остановились жандармы. Сегодня по всей деревне ходили, присматривали помещение попросторнее: строители, сказали, прибудут. Границу, видимо, укреплять. Достал из мешочка горячую картошку, краюху хлеба — больше, извините, ничего нет. Подробно рассказал обо всем, что происходит вокруг, чем «дышит» район. Потом проводил на ночевку в глубину леса, где вырыты землянки на случай немецких облав. «Здесь ничего не бойтесь!» — успокоил на прощание. И ушел, пригласив к себе Козича: сойдет за поляка.

Утром, едва рассвело, лес ожил, наполнился людскими голосами, машинным шумом. Уж не погоня ли? Приказав быть всем наготове, Фазлиахметов — от дерева к дереву — подобрался к дороге, идущей отростком от шоссе. Двигались машины — но то были не каратели, а саперы. Пешком, под присмотром конвоиров, шли понуро мужчины разных возрастов, согнанные, как догадался Фарид, на принудительные работы. Вернувшись в землянку, Фазлиахметов застал там и Козича со своим польским другом. Перед ними на кусочках тетрадных листов завтрак: по две картофелины, по луковице и ломтю хлеба на брата. В бутылках коричневато отсвечивал чай: первый со дня приземления.

Михаил, сославшись на то, что уже поел, присел с Фазлиах-

метовым в сторонке и рассказал ему обо всем, что узнал. Саперов привезли, чтобы наращивать старые укрепления. Жандармы сгоняют местных жителей на оборонительные работы, а тех, кто у них на особой заметке, вывозят километров за пятьдесят — шестьдесят: вас, объясняют, нельзя тут больше оставлять, вы будете предавать героев фюрера. Многих «за сочувствие Советам» отправляют в концлагерь: из деревни Бандыс — свыше пятидесяти человек, с хутора Завады — двадцать семь. В одной деревне арестованные выкрикивали: «Советы все равно придут!» Их жандармы, озверев, забили насмерть. Между такими-то и такими-то деревнями, продолжал Козич, саперы устанавливают в бронеколпаках пулеметы. Неподалеку от перекрестка шоссе, начинаясь от болота, появился противотанковый ров.

Фазлиахметов слушал внимательно: как опытный разведчик, он мысленно соединял все эти сведения в единое целое, чтобы там, за сотни километров, вырисовывалась наиболее полная картина. Фарид сознавал, что сражения выигрывают не разведчики, а народ, армия, но разведчик — поистине первый боец в цепи наступающих. Выдвинувшись далеко впереди атакующего, карающего вала, он, разведчик, помогает не автоматом, а быстрым и глубоким умом, острым наметанным глазом, способностью мгновенно осмыслить совершенно неожиданную информацию, проникнуть в замысел противника, предвосхитить его шаги. Сейчас Гришин закончит еду, настроит свой передатчик на волну, которая незримо свяжет его со штабом фронта. Разверните, товарищи командиры, карты, у нас, на нашем участке, враг чувствует себя так-то и так-то, делает то-то и то-то. И завтра слушайте нас, склонившись над картой, и послезавтра — мы не пропустим без точной оценки ни одного железнодорожного эшелона, ни одной автомобильной колонны, ни одного подразделения, передвигающихся открыто или маскируясь по лесным дорогам и тропинкам.

«Хозяину. Гарнизон Мышинец почти удвоился. Прибыли два танковых батальона, полк пехоты и до роты связистов. Матросов».

«Хозяину. Через Бютов за день прошло 26 эшелонов с людьми и техникой — на семи техника тщательно закрыта брезентом. Солдаты шумят о какой-то новинке, придуманной фюрером, которая спасет Германию. Матросов».

«Хозяину. Из Восточной Пруссии через Мышинец и Чарня на Ольшаны и далее на Бараново двигалась колонна мотопехоты, танков и автомашин. Матросов».

Шумит пограничный лес, наполненный ветром, людским гвалтом и рокотом моторов. Укрепляется линия вражеской

обороны. Все брошено, чтобы отдалить последний час. А неподалеку от сонмища гитлеровских частей и подразделений, прикрывшись лесной глухоманью, отстукивает советский радист: «Та-та-та... ти-ти-ти...»

Грядет возмездие...

4. «Данные нужны немедленно!»

«Матросову. От вас поступили ценные данные о строительстве и системе оборонительных сооружений противника в прифронтовой полосе. Не менее важны для нас сведения, присылаемые вами, о передвижениях мотопехоты и танковых частей из районов Восточной Пруссии к переднему краю. Молодцы! Хозяин».

— Дайте мне почитать... И мне... И мне...

Фазлиахметов не ожидал, что так взволнует его друзей полученная радиограмма. Он ее огласил при всех торжественно-медленно, громко. Оказывается — мало. Дайте, товарищ командир, прочитать самим, дайте минутку подержать в руках, словно дорогую награду! Кто был на войне в удалении от родной части, кто выполнял задания за линией фронта, тот не осудит восторженности разведчиков, поймет их внутреннее состояние. «Молодцы!» Одно дело — услышать это перед строем, когда все безотлучно рядом, и совсем иное, когда тебя и твоего старшего начальника разделяют сотни и тысячи километров...

Фазлиахметов подошел к каждому, обнял и произнес душевно: «Спасибо, братцы!» Потом взял радиограмму, поджег ее над самодельной пепельницей, растер пепел:

— Ну что ж, за работу...

Голос был снова будничным, словно работа находилась в родном городе, совсем неподалеку за фабричной проходной. Командир распределил задания, посоветовал, на что сейчас нужно больше всего обращать внимание, предупредил: максимум осторожности, боевой собранности! В Ольшине и Завадах расквартировались жандармы. Позавчера и вчера осмотрели в деревнях все надворные постройки, ощупывали шомполами каждую копешку сена. Один из друзей сообщил, что с особым пристрастием расспрашивали, кто из жителей ходит в лес, чьи это следы, ведущие от дровяного склада в чащобу. Значит, заключил командир, мы должны насторожиться, иначе до беды недалеко. Тяжело в землянках? Да, тяжело! Холодно. Сыро. Топить нельзя. Выйти днем нельзя. Но что поделаешь? И за то, что имеем, огромное спасибо польским друзьям! За эти землянки, так замаскированные, что, находясь рядом, поблизости, их

не найдешь. За хлеб и картошку, которыми делятся, будто с членами своих семей.

Разведчики понимали своего командира: он покидал базу на двое суток и, естественно, беспокоился. Не за себя — в первую очередь за них. Прифронтовая полоса действительно наводнена войсками и, следовательно, подразделениями абвера, гитлеровской контрразведки.

Фазлиахметов ушел первым, ему еще нужно пройти километров шесть-семь, чтобы встретиться с Борисом, как звали разведчики одного молодого поляка. Он ненавидел фашистов люто. Ничего не боюсь, говорил, на любой риск пойду, лишь бы победить их! Будучи механиком по специальности, Борис ездил в богатые семьи, чтобы отремонтировать какую-нибудь домашнюю технику. А по пути Борис, отличавшийся исключительной наблюдательностью, запоминал и номера машин, и малейшие изменения в расстановке часовых, и слово, брошенное случайно гестаповцем при проверке документов.

Однажды Борис рассказал Фазлиахметову, что немецкий солдат, осматривая у контрольно-пропускного пункта крестьянские сани, нет ли в них под соломой оружия или мин, вдруг побледнел, кинулся к напарнику:

«Майстертод!» И указал глазами, полными страха и подобострастия одновременно, на приближающуюся легковую машину. Врассыпную разбежались с проезжей части шоссе другие солдаты, замерли на обочине. Мигом был поднят шлагбаум, который словно бы тоже застыл в фашистском приветствии. В машине сидел майор, тот самый, что занимал вместительный особняк в центре Мышинца: около его дома постоянно сновали люди, беспрестанно подъезжали машины с офицерами в званиях выше, чем майор. Выходит, птица важная! По следам Бориса группа Фазлиахметова вышла на майора, взяла его под наблюдение. Он оказался абверовским начальником, прозванным «майстертод» — мастером смерти. Но тогда еще не знал Фазлиахметов — это потом выяснилось, когда вернулся в штаб фронта,— что специально для охоты за ним, за его группой прислали «майстера» в Мышинец.

На сегодняшнюю встречу Борис пришел под видом землекопа, только что закончившего задание жандармов и возвращающегося домой. Шапка, лишь в далеком прошлом имевшая право называться заячьей,— до того она вытерлась; куртка вроде наших российских ватников, с дырами, из которых торчала вата; на ногах бахилы. Двадцатидвухлетний парень превратился в истомленного непосильным трудом мужика, лишь глаза сверкали молодо, приветливо.

— День добры...

— Здравствуй...

— Поленница. Через час...

В поленнице, укрытой кустарником, остались лопата, ватник и шапка; вместо них на Борисе, вернув ему прежний возраст, оказалось полупальто, зимняя шапка с ушами, портфелеобразная сумка с инструментами. Он снова стал механиком. Тут же, на холоде, съели они с аппетитом по куску хлеба с салом. Борис знал, что советский друг на голодном пайке, и не забывал при встрече подкормить его. Только после этого он доложил с военной четкостью, что видел, слышал, разузнал. В деревне Чарня на место артиллеристов, убывших на передовую, прибыла танковая часть: танков — двадцать, разного рода технических летучек — тут Борис знал, что к чему,— десять, автомашин пустых, с одними лишь водителями,— тридцать. Причем машины новенькие. Вскоре из школы, где, по всей видимости, обосновался штаб, вышел интендант, взял солдат — целую команду, поджидавшую его, и направился к солтысу, вызванному в постарунок (полицейский участок). Даже не поздоровавшись, интендант потребовал, чтобы через час во двор столовой были доставлены два-три поросенка и телка или бычок: танкисты, мол, устали, и их нужно немедленно накормить вкусным, молодым мясом. Скажите жителям, что вермахт за все заплатит. И назвал часть с полевой почтой 04765-Д.

— Откуда они пришли? — спросил Фазлиахметов.

— Из Бютова, это точно!

— Какие опознавательные знаки на машинах?

— Там, где бывают знаки, все замазано...

Фазлиахметов знал, что гитлеровские части имели на технике различные знаки: дубовый лист, вепрь, черный крест в овале и щит, мчащийся кабан, трясогузка... Помнится, одному разведчику из отряда «Москва» удалось увидеть на машинах под глухо застегнутым брезентом римскую цифру «V», а справа от цифры — оскаленную волчью морду. Это, оказалось, были химики.

— Борис, это очень опасно, но надо узнать, что они там замазали, какие знаки.

Попрощавшись с Борисом, командир сам направился в Чарню. Благо в нее согнали сотни три окрестных жителей на земляные работы — среди них можно было без труда затеряться. Артиллеристов, которых и он видел здесь недавно, действительно уже не было. В городок продолжали прибывать танки. Они, как и легковые машины, тоже не успели растерять свежести заводской покраски. В мыслях мелькнуло: вот бы авиацию вызвать! А почему бы и нет?

Командир вернулся на базу. Ноги гудели. Тело промерзло,

казалось, насквозь. Мучительно хотелось есть: в Чарне удалось подкрепиться лишь миской пшенного кулеша.

— Как тут у вас?

— Мы с добычей,— ответил за всех Гришин. И они наперебой докладывали о батальонах и полках, стягиваемых в резерв; о новых линиях полевого телефона; о потоке раненых — их размещают даже в частных домах. «А это,— довольно проговорил разведчик,— Вера передала».

И он протянул командиру конверт, подобранный около железнодорожной станции Верой — русской девушкой, сбежавшей с фашистской каторги и нашедшей временный приют у поляков. На конверте торопливым, нервным почерком были обозначены цифры уже знакомой полевой почты: 04765-Д.

— Подбросим летчикам работу? — спросил Фазлиахметов. Гришин понял, что ему надо развертываться. И в первую очередь — он знал это по прежним сеансам — пойдет перечисление точных координат скрытых войсковых резервов. Точка — тире, точка — тире. Сейчас его радиограмма желанно вторгнется в планы, утвержденные ранее, подкорректирует их частично, чтобы авиация могла беспощадно накрыть цели — еще свеженькие, еще тепленькие, как любит выражаться командир группы.

Рассвет следующего дня запомнился густыми бомбовыми взрывами. В низком багровом небе вспыхивали зенитные залпы. Но уже поздно: краснозвездные самолеты превратили землю вокруг в подобие лунного ландшафта. Горели танки. Горели автомашины. С шипением и адским треском лопались бочки с горючим. Беспомощно и одичало метались по деревне вражеские солдаты и офицеры — полураздетые, обезумевшие.

В землянке, укрытой лесом, разведчики обнимали командира, а он — их. Пусть в предстоящем сражении они не побегут в цепях атакующих, не будут нажимать гашетки пулеметов — их солдатская доля уже вливается в завтрашнюю победу!

Потом снова воцарилась тишина, начиненная пороховой гарью. Не заботясь особенно о маскировке, спешно свертывались гитлеровские учреждения в Бютове, Мышинце, Пшасныше. Кстати, в Мышинце — Фазлиахметов видел это своими глазами — из абверовского особняка вытаскивали чемоданы, наверняка с награбленным добром. Секретную документацию в них едва ли будут перевозить. «Майстертод» лично руководил погрузкой, нетерпеливо постегивая стеком по начищенному сапогу. Ну, если абвер спешит с чемоданами, значит, конец...

Берлинская верхушка всячески маскировала бегство. В Ольшине перед жандармами выступил ответственный сотрудник министерства Геббельса. Он не приводил никаких фактов,

не говорил ни о чем конкретном — только стучал по трибуне: «Мы их повернем назад!» Жандармы без прежнего энтузиазма хрипло орали: «Зиг хайль!»

А тетива предстоящей битвы натягивалась все туже, туже. Хозяин просил Матросова напрячь все силы, чтобы информировать его каждодневно: о передвижениях войск, о концентрации резервов, о крупных целях для советской авиации. Все чаще задания кончались словами: «Данные нам нужны немедленно!» И донесения шли, шли...

«Хозяину. На участке Хожеле — Миловидь обнаружена крупная танковая часть: танков — 40, орудий ПТО — 50, мотоциклов — около 70, мотопехоты — до 250 человек. Матросов».

«Хозяину. Наблюдаю отход танковой части из р-на Дылево через д. Ольшин на Мышинец: танков — 30, много автомашин. Матросов».

«Хозяину. Из р-на Хожеле отходит крупная танковая часть. Следим за ее дальнейшим маршрутом. Матросов».

«Матросову. Благодарю за информацию, следите за передвижением войск непрерывно... Особое внимание группам танков и артиллерии. Хозяин».

«Хозяину. Через наш узел прошли эшелоны с дивизией «Великая Германия». Матросов».

Из штаба фронта поступило задание: с особым вниманием, не считаясь с риском, наблюдать за танковой дивизией «Великая Германия». Она, подчеркивалось в радиограмме, является наиболее мощной на этом участке и к тому же фанатически преданна Гитлеру. Важно знать буквально каждый поворот бронеколонн.

Разведчики поняли: надо собрать воедино свои силы, свою волю, мужество, смекалку, но «Великую Германию» не выпускать из поля зрения ни на миг. В действие пришли и те помощники Фазлиахметова, которые находились на других, отдаленных рубежах.

И вот новая радиограмма: на дорогах — далее следовали координаты — видим танки с теми же выявленными Борисом знаками, что и в эшелонах, о которых докладывал. «Великая Германия» сосредоточилась в районе... По всему видно, что готовится для контрудара.

...Наконец в многостраничном томе архива находим последнюю радиограмму, полученную Матросовым:

«Бойцами вашей группы своевременно обнаружена переброска танковой дивизии «Великая Германия» из Восточной Пруссии к фронту. Всему личному составу группы объявляю благодарность. Хозяин».

С востока нарастал тяжелый, беспрерывный гул. Кажется, земля дрожала. Лес дрожал. Насквозь забиты дороги техникой, солдатами. Они уже не кричали «Зиг хайль!».

Фазлиахметов смотрел на эти бегущие в панике толпы и вспоминал Подмосковье, первый свой выход в тыл врага: тогда гитлеровцы были спесивы, наглы...

А потом неподалеку от Ольшина из дыма, из грохота показались родные лица бойцов: на шапках-ушанках сверкали красные звездочки. В кирзовые сапоги въелась пыль сотен и сотен дорог. Командир 139-й дивизии принял рапорт Фарида Фазлиахметова, долго и как-то непривычно торжественно держал в руках удостоверение, в котором руководитель разведгруппы именовался Матросовым, и с волнением, не обращая внимание на собравшихся офицеров, принялся обнимать разведчиков, приговаривая:

— Герои... Настоящие герои...

Про тот день Фазлиахметов больше не помнит ничего. Он тогда уснул как убитый и проспал чуть ли не сутки...

Зато сейчас все эти дни — тяжкие, огневые — встают в памяти совершенно отчетливо. Фарид Салихович рассказывает о встречах с разведчиками, со своими фронтовыми друзьями. Все они успешно трудятся.

Фарид Салихович о себе молчит, больше говорит о других, особенно о Чеклуеве, своем любимце. Сам Фарид Салихович вырос в крупного и талантливого инженера. Секретарь парткома сказал нам: «Прекрасный работник. Прекрасный коммунист. За ним не нужен контроль — он сам себе самый строгий контроль. За одно я в обиде на него — ни словом за все время не обмолвился о своей фронтовой жизни, полной доблести и геройства. Оденет ордена на праздник, спросят товарищи, за что, Фарид, удостоился, улыбнется, пожмет стеснительно плечами, дескать, за войну. И опять молчит...»

Да, это правда — Фарид Салихович не из разговорчивых.

После войны Фарид Салихович ездил в Польшу, посетил те места, где когда-то приходилось действовать скрытно, тайно, как и положено бойцу-разведчику.

— Не узнать деревень и городов, приютивших нас в сорок четвертом,— раздумчиво и взволнованно говорит Фарид Салихович.— Польша отстроилась, помолодела благодаря золотым рукам своего народа. Я низко-низко поклонился всем, кто помогал нам в суровую пору. И они ответили мне, как и в ту пору, любовью...

Пусть эти строки дойдут и до наших польских братьев. Ничто не забывается. Все свято хранится в сердце...

В иачале января 1944 года
гитлеровский геиерал-губериатор
Волыии приехал в Ковель,
чтобы личио провести в жизиь
плаи уиичтожеиия
партизанских отрядов
и соедииеинй.
Разработаниую в глубокой тайие
карательную операцию
фашисты рассчнтывали завершить
за десять дней. Оии ие знали,
что нх план стал известеи
народным мстнтелям. Ночью
партизаиы покииули свои лагеря
н наиесли мощиый удар
по гитлеровцам с тыла.
Уцелевшие каратели
едва унесли ноги нз леса.
Так действовалн смельчакн
дяди Пети — Героя Советского Союза
А. П. Бринского, наводя страх
н паиику в стаие противиика.

В. Золотухин

Его линия фронта

Антон Бринский

...Возглавляемые им партизаиские отряды н диверсноиио-разведывательиые группы в годы Великой Отечественной войны взорвалн более 800 вражескнх эшелонов, совершнлн несколько тысяч успешных днверснй, уиичтожили тысячн солдат н офицеров врага. За время пребывания в тылу протнвника нм было передаио в Центр большое колнчество разведывательной ннформацин...

Из служебной характеристики

За его голову гитлеровцы предлагали баснословное вознаграждение. Но он был неуловим.

Кто же он — этот дядя Петя, как к нему любовно обращались партизаны; этот «лесной волк», как его с ненавистью называли враги; этот Брук, за чьей подписью шли в Центр радиограммы с разведывательной информацией о противнике?

Кто же он — этот советский разведчик, один из активных участников партизанской борьбы в тылу немецко-фашистских войск?

Имя его — Антон Петрович Бринский.

Воспитанник Ленинского комсомола, Герой Советского Союза, полковник в отставке, почетный гражданин города Луцка, коммунист Бринский и после войны не покинул строй. Он являлся членом Советского Комитета ветеранов войны, был депутатом Горьковского городского Совета депутатов трудящихся ряда созывов...

В своих книгах «По ту сторону фронта», «Партизанский курьер», «Боевые спутники мои» и других А. П. Бринский, участник описываемых им событий, без прикрас показал, как, воспитанный Коммунистической партией и подчинивший все свои помыслы единой цели — разгрому ненавистного фашизма, на священную борьбу с врагом поднялся весь многонациональный советский народ. Как на временно оккупированной противником территории возникали многочисленные партизанские отряды и группы, создавались подпольные организации. Как в интернациональных партизанских отрядах вместе с русскими, украинцами, белорусами, молдаванами, грузинами, армянами, казахами, узбеками и людьми других национальностей сражались антифашисты из Польши, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Югославии, из многих порабощенных Гитлером стран.

...И взлетали на воздух вражеские эшелоны, склады с боеприпасами, обрушивались в реки с перебитыми хребтами мосты, тормозя продвижение врага к Москве, Волге, Кавказу...

Это был конкретный вклад советских партизан, антифашистов-интернационалистов в борьбу с гитлеровскими оккупантами.

В Центр, на Большую землю из глубокого вражеского тыла летели радиограммы:

«15.11.43. Из Коростень в Шепетовку гитлеровцы перебрасывают один пехотный полк из состава 339-й пехотной дивизии... Брук».

«20.11.43. В Ковеле сосредоточено около 25 000 солдат и офицеров пехотных и артиллерийских частей немецко-фашистских войск... Брук».

«21.11.43. Противник поспешно эвакуирует из Пинска во Львов все немецкие учреждения... Брук».

«7.12.43. В течение 5—7 декабря с. г. 24-я дивизия немецко-фашистских войск перебрасывалась по железной дороге из Ровно в Ковель. За это время перевезено 189 танков, более 180 артиллерийских орудий, 426 грузовых и легковых автомашин, около 70 мотоциклов. Отмечено 182 вагона с личным составом... Брук».

«1.2.44. По шоссейной дороге из Колки во Владимир-Волынский гитлеровцы перебрасывают танковые и моторизованные части. В Луцке отмечено большое скопление войск противника, которые предполагается перебросить в район Владимир-Волынского. Движение фашистских войск по железной дороге Ровно — Ковель прекратилось... Брук».

«10.2.44. В направлении Люблин эвакуируются немецкие семьи и раненые из населенных пунктов... Брук».

«4.3.44. В Ковель прибыло из Дубно и Сокаль около 3000 солдат и офицеров немецко-фашистских войск. Брук».

1

Горстка советских воинов, возглавляемых батальонным комиссаром Бринским, продираясь сквозь лесные дебри, сквозь непролазные топи и болота, обходя стороной густонаселенные пункты, продвигалась в глубь Белоруссии — к важнейшим железнодорожным узлам и коммуникациям, находившимся уже под пятой врага.

Лавины гитлеровских полчищ, разрушая и уничтожая все живое на своем пути, ползли на Восток. А воины Бринского шли на Запад.

Да, на Запад! В глубокий тыл вермахта.

Батальонному комиссару Бринскому было невыносимо трудно сознавать, что вот сейчас, когда его товарищи там, на пере-

довой, обливаясь кровью, сдерживают бешеный натиск врага, он и семнадцать бойцов его группы не рядом с ними. Но что поделаешь, так надо. На оккупированной фашистами территории также должна идти война.

О глубине нависшей над страной опасности, о предстоящей тяжелой и трудной борьбе партия сказала советским людям в первом же обращении к народу, в директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня, об этом же говорил Председатель Государственного Комитета Обороны Сталин, выступивший по радио 3 июля 1941 года.

Советские люди в тылу врага с оружием в руках — это тоже воины. И каждый пущенный ими под откос вражеский эшелон, каждый уничтоженный ими фашист — это помощь фронту. Значит, надо повсеместно поднять, организовать непокорившийся захватчикам народ на борьбу. Это призваны делать в некоторых оккупированных фашистами районах и они — восемнадцать бойцов Красной Армии во главе с батальонным комиссаром.

Бринский и его товарищи шли мимо колхозных полей, перепаханных взрывами снарядов и гусеницами танков, мимо деревень, от которых остались одни пепелища, мимо противотанковых рвов, заполненных трупами женщин, стариков, детей...

О, как клокотала при виде всего этого в их сердцах ненависть к врагу! Как хотелось Антону Петровичу и его товарищам немедля обрушить на врага весь свой гнев, всю свою ярость! Встать на его пути! Остановить его продвижение. Но, стиснув зубы, обходя стороной вражеские гарнизоны, они уходили все дальше и дальше от линии фронта. Таков приказ.

О чем вы думали в то тревожное время, Антон Петрович? Вам только что исполнилось тридцать пять. И нет у вас почти никакого боевого опыта, не говоря уже об опыте партизанской войны. А ведь отныне оккупированная врагом территория станет вашим полем боя, вашей линией фронта.

Да, нелегкий вам выпал путь. Но разве вы не привыкли к трудностям с детства? Родились в семье украинского бедняка. Не исполнилось еще и восьми лет, как вы стали пастушонком. Чем запомнилось вам детство? Грохотом артиллерийской канонады? Топотом революционной конницы, теснящей врага? Обнаженными клинками?

Бурное, тревожное было время. Наверное, тогда у вас и зародилась мечта стать военным, и непременно кавалеристом. Но прежде чем попасть в кавполк, вы прошли через многие житейские бури, в которых мужал и закалялся ваш характер.

Вступив в Каменец-Подольске в комсомол, вы вернулись в свое село и, не страшась бандитских обрезов, угроз богатеев, начали разъяснять беднякам большевистскую правду, призывать их с оружием в руках защищать Советскую власть. В восемнадцать лет вы возглавили в своем селе комитет бедноты. А через некоторое время стали секретарем райкома комсомола. Когда вас призвали в Красную Армию, вы были уже коммунистом.

Нет, нелегкими были ваше детство, отрочество, ваша юность. Так что вам не привыкать к трудностям. Вы верите в свои силы, верите в бойцов, вместе с которыми предстоит теперь жить и бороться в тылу врага.

А где же семья ваша? Что с нею?

Когда в то раннее утро грохот артиллерийской канонады поднял вас с постели, вы не успели даже позаботиться как следует о своих. Крикнули жене, чтобы она с детьми бежала скорее в укрытие, и выскочили на улицу. Ведь вы — комиссар. И вы должны были находиться среди бойцов. Ваша часть, стоявшая у границы, принимала на себя первый удар.

Когда вы выбежали во двор и увидели зарево пожарищ над районным центром Граево, над деревней Рудой, то поняли — началась война. И к семье своей вы не смогли тогда уже вернуться. Позже вам сказали, что эшелон, в котором эвакуировалась ваша семья на восток, разбомбили фашисты...

А тогда, 22 июня 1941 года, командир части направил вас во главе взвода пехоты и десятка бронемашин в Граево. Там закипела схватка с гитлеровцами. Бойцы бесстрашно бросились в атаку. Вы сели на место командира орудия одной из бронемашин и стали бить из пушки по фашистам. Эта схватка с врагом была вашим боевым крещением.

Позже были сражения под Рудой, при обороне крепости Осовец...

Дорогой ценой доставался боевой опыт. Сколько раз из-за неосторожности, непредусмотрительности попадали в первое время в такие переделки, что лишь чудом выходили живыми.

В конце июля отряд ваш объединился с отрядом Василия Нелюбова. С того дня объединенный отряд стал называться Гурецким, по имени деревни, в которой расположился. После гибели командира вы возглавили этот отряд.

2

Конец сентября 1941 года...

Порывы холодного ветра раскачивали верхушки деревьев, стряхивая на землю пожелтевшие листья. Небо все чаще затя-

гивали тучи, обрушивая на землю нудный проливной дождь, которому, казалось, не будет конца. Почти каждый день группы бойцов уходили на задания: собирали сведения о противнике, устраивали диверсии на дорогах, рвали телефонную связь, распространяли в населенных пунктах составленные Бринским листовки с призывом к населению уходить в партизаны, не мириться с фашистской оккупацией.

Многие бойцы отряда Бринского были ранены в схватках с карателями, нуждались в медицинской помощи. Требовались боеприпасы, и самое главное — не было связи с Большой землей. А она так необходима! Нет, не за тем, чтобы просить командование о помощи. Со своими бедами они справятся и сами: найдутся добрые люди, которые вылечат раненых, укроют их на время. Боеприпасы, теплую одежду раздобудут у гитлеровцев. Главное — передать ценную разведывательную информацию о противнике, в которой так нуждаются там, в Центре.

В конце сентября А. П. Бринский встретился в селе Курейшево с уполномоченным ЦК КП Белоруссии по Витебской области, который сказал, что в ночь с 17 на 18 сентября севернее Орши выброшена десантная разведывательная группа под командованием Бати и что сейчас эта группа действует в Ковалевичском лесу.

Позже Антон Петрович узнает, что Батя — это инженер-полковник Григорий Матвеевич Линьков, родом из Оренбургской области, старый член партии, еще в годы гражданской войны участвовавший в боях против Колчака и атамана Дутова. Конечно же в группе Бати есть рация. Значит, можно будет связаться с командованием. В поисках Бати проходили день за днем. Но все безрезультатно. Десантники словно сквозь землю провалились.

Наконец в середине октября одна из групп партизан встретилась с разведчиками Бати.

Узнав об этом, Бринский несказанно обрадовался. Наконец-то они передадут в Центр накопившуюся у них информацию о противнике и, возможно, получат указания о дальнейшей работе.

20 октября Бринский со своими бойцами прибыл в Ковалевичский лес, в район селения Московская Гора, где размещался штаб Бати. Обменялись теплыми приветствиями. Присели.

— Ну, как дела, Антон Петрович? — спросил Батя.

— Неважно, Григорий Матвеевич,— ответил Бринский.— ...Вспомнил вот жену, детей. Говорили мне, что их эшелон гитлеровцы разбомбили...

Батя ссутулился. Его голубые глаза под густыми, кустистыми бровями были грустны.

— Война проклятая все перевернула. Я тоже почти ничего толком не знаю о своих...

— И потом, мы надеялись, что у вас есть рация. Думали с вашей помощью связаться с Большой землей. А выходит, и вы без связи...

— Да, со связью плохи дела. Начальник связи погиб.— Батя вздохнул, потер тыльной стороной ладони широкий лоб.— Московское радио мы, конечно, слушаем, но этого мало.

— Надо что-то предпринимать!

— Надо, Антон Петрович, надо... Что-нибудь придумаем.— Батя слегка улыбнулся и пристально посмотрел в глаза Бринского.

...Гурецкая группа влилась в состав отряда особого назначения, которым командовал Батя.

3

25 октября возглавляемый Линьковым отряд прибыл в район хуторка Нешково — одного из самых глухих мест Белорусского государственного заповедника.

Лагерь разбили в нескольких километрах от хутора.

С первых же дней партизаны начали активную боевую деятельность: громили вражеские колонны из засад, взрывали мосты, рвали телеграфно-телефонную связь, собирали сведения о вражеских войсках.

Отряд с каждым днем разрастался. В лесу тут и там слышалась русская, украинская, белорусская, грузинская, узбекская, туркменская речь. Многонациональная семья советских партизан вела борьбу с оккупантами.

«Прекрасный у нас народ! — не раз думал Бринский о своих боевых друзьях.— Как самоотверженно борется за свободу Родины! Такой народ никакому врагу не сломить. Такой народ обязательно победит! Придет время, убежден, что придет, когда мы сокрушим вражеские полчища. И народы порабощенных стран Европы скажут нам братское «спасибо» за интернациональную помощь, за помощь в борьбе против фашистских палачей».

Гитлеровцы, не на шутку встревоженные деятельностью отряда Бати, бросили против него целый полк. Вокруг отряда стало стягиваться кольцо окружения. Батя, чтобы распылить силы карателей, разбил отряд на три группы и приказал каждой самостоятельно выходить из окружения.

Одну из групп возглавил Антон Петрович Бринский. Его партизанам удалось ночью, искусно лавируя в непроходимых болотах, выскользнуть из окружения почти без потерь.

Антон Петрович Бринский.
В тылу врага под Ковелем.
1944 г.

В первых числах ноября группа Бринского развернула лагерь неподалеку от деревни Липовец. Вскоре сюда прибыл со своей группой и Батя. Они были предельно измотаны. Партизанам Бати пришлось нелегко. Группа выдержала жестокий бой с карателями у деревни Красавщина.

— Завтра надо направить людей через линию фронта,— устало проговорил Батя.— На связь с Центром пошлем трех опытных разведчиков. Вы, Антон Петрович, проводите их до Московской Горы, а сами отправитесь в Столбецкий лес, в прежние места.

— Слушаю вас, Григорий Матвеевич.

— Возглавите там отряд. Пополните его местными жителями. И будете действовать. Держите под контролем все деревни вокруг, дороги, мосты, создавайте на хуторах боевые группы, подполье. Следите за перебросками войск... Попытайтесь установить связь с Оршей... А я со своим отрядом займусь этим же здесь, в Липовце.

Антон Петрович понял замысел Бати: Григорий Матвеевич хочет всемерно расширить зону партизанской борьбы.

К тому времени отряды Бати действовали уже на границе Витебской и Минской областей, в Лепельском, Чашникском, Червенском, Бегомльском, Холопеничском и других районах. Весной 1942 года под командованием Бати было уже семь отрядов.

И Антону Петровичу еще не раз придется по заданию Бати переходить из одного лесного края в другой, чтобы собирать нужную информацию о противнике, чтобы в новых местах создавать партизанские базы.

А пока... Пока трое разведчиков с донесением о проделанной работе в тылу врага, с наградными листами на партизан, один из которых заполнен и на имя А. П. Бринского — он был представлен к ордену Ленина,— рано утром покинули липовецкий лагерь и двинулись по приказу Бати на восток, чтобы пробраться через линию фронта на Большую землю...

4

Зима подходила к концу. Все чаще в лесах раздавались птичьи голоса. Партизаны, вылезая из душных, сырых землянок, щурились от яркого солнца и блаженно потягивались. Лица их заметно светлели, а в глазах появлялись озорные искорки. То тут, то там слышались смех, шутки.

За зиму отряды Бати заметно разрослись. Агитационная работа партизан, посланных им по деревням и хуторам, была не напрасной. В партизанские отряды шли новые люди.

Но чтобы стать настоящим партизаном, одного желания мало. Надо хорошо знать оружие, как отечественного производства, так и вражеское, метко стрелять, умело обращаться со взрывчаткой и делать многое другое. Поэтому в Ковалевичском лесу, где размещалась теперь база Бринского, Батя устроил своего рода учебный пункт, который партизаны называли военкоматом.

Здесь вновь прибывших бойцов обучали военному делу, умению драться с врагом в лесных условиях. И только после прохождения этого ускоренного «курса молодого бойца» из новичков формировались группы, отряды, которые и направлялись затем на боевые операции.

Проходили дни. По сводкам Совинформбюро Бринский знал, что Красная Армия уже не только остановила гитлеровцев под Москвой, но и сама перешла в наступление, освободив от захватчиков многие города и села. Советские войска стояли у Великих Лук, у Ржева, Орла, Гжатска...

В конце марта в глухие места Нешковского заповедника была выброшена группа десантников, которая доставила отряду Бати взрывчатку, мины, автоматы. А главное — десантники помогли Бате установить радиомост с Центром.

Каково же было удивление Бринского, когда среди десантников он узнал Василия Щербину, с которым был знаком еще по Гурецкому отряду. Тогда старший лейтенант Щербина был заброшен в тыл врага со спецзаданием и в Гурце присоединился к группе Бринского. После одного из боев он с частью бойцов ушел продолжать борьбу с врагом в Деражевские леса. Оказывается, позднее Щербина со своими партизанами влился в регулярные части Красной Армии, и вот теперь он опять вместе с Антоном Петровичем.

В тот же день Григорий Матвеевич отправил в Центр радиограмму, в которой поблагодарил командование за «гостинцы», доложил о проделанной работе и сообщил о своих дальнейших планах. В ответной радиограмме Центр просил усилить удары по железным дорогам, по которым гитлеровцы снабжают войска, осаждающие Ленинград.

Через два дня отряд под командованием Василия Щербины выступил в район Вилейки, где как раз и проходила крупная железнодорожная магистраль, по которой беспрерывным потоком шли вражеские эшелоны в сторону Ленинграда.

— Ну, Антон Петрович,— подошел к Бринскому Батя,— а вам надо опять возвращаться в Ковалевичский лес и ковать там новые партизанские кадры... Как, говорите, называют вашу базу? Военкоматом?

— Да, партизанским военкоматом.

— Хорошее название. Так ведь оно и есть на самом деле. Сколько уже боевых групп и отрядов подготовили вы в своем военкомате для борьбы с врагом! А сколько еще подготовите! Теперь дела пойдут намного легче. Есть связь с Центром...

— Конечно, теперь будет полегче. Но знаете, Григорий Матвеевич, как-то надоело мне все время торчать в военкомате. Хочется самому пойти на задание. Собственными руками сковырнуть какой-нибудь мост, пустить под откос эшелон. Тем более, у нас теперь вдоволь взрывчатки, мин...

— Да вы что? Вы же и так находитесь на самом ответственном участке работы! И потом, разве вы не участвуете почти во всех операциях? Ведь диверсии устраивают люди, подготовленные вами. Значит, в каждом взорванном мосту, пущенном под откос эшелоне есть доля и вашего труда...

— Ну, это — косвенное участие.

— Ничего себе, косвенное! — Батя улыбнулся и сказал: — Ладно! Раз уж руки чешутся, отправлю вас с отрядом на железную дорогу Борисов — Орша и автостраду Москва — Минск, поработаете там.

— Вот это дело,— сразу приободрился Бринский.— Когда выступать?

— Где-нибудь в середине апреля. А пока подготовьте мне еще один отряд для железнодорожной магистрали Полоцк — Витебск.

Однако поработать под Борисовом и Оршей Бринскому не удалось. Не успела возглавляемая им группа как следует обосноваться в новом районе, как от Бати поступил приказ вернуться на базу.

Батин отряд был теперь хорошо вооружен и оснащен и мог уже наносить по врагу более ощутимые удары. Поэтому с согласия Центра Батя решил увести свой отряд в Западную Белоруссию к важнейшим железнодорожным узлам: Молодечненскому, Минскому, Барановичскому, Брестскому, Лунинецкому и Калинковичскому. Здесь же, в Березинских лесах, получили задание действовать местные отряды.

Переход предстоял нелегкий. Партизанам надо было совершить 600-километровый рейд через болота и глухую лесную чащобу, через районы, забитые гитлеровцами, и в целях безопасности отряд должен был двигаться только ночью. И не просто двигаться. По пути надо было еще вести и боевую работу. Полтора месяца длился этот героический переход. Закончился он лишь в начале июля. Во время рейда был взорван не один десяток вражеских эшелонов, уничтожено несколько мостов.

После перехода Батя со штабом расположился у Червоного озера, в урочище Булевого болота, а Бринский — возле Белого озера. И снова потекли боевые будни.

5

Лето было в разгаре. Целыми днями немилосердно пекло солнце, и партизаны изнывали от жары. Даже в тени никакой прохлады. Единственное утешение — это чистая, студеная вода Белого озера. А ночью партизан донимали комары. Их было здесь несметное количество. Казалось, слетелись они сюда со всего света.

Но как бы там ни было, в каких бы условиях партизаны ни находились, их боевая деятельность ни на минуту не ослабевала.

Прибыв на новое место, Антон Петрович уже на следующий день разбил отряд на небольшие группы и отправил их на задания. В ту же ночь на северо-западе Полесья загрохотали партизанские взрывы, превращая в груду обломков мосты, склады с боеприпасами, эшелоны с живой силой и техникой врага, спешившие на Восток.

В конце июля разведчики Бринского столкнулись с людьми из отряда С. П. Каплуна, кадрового военного, работника штаба одного из соединений Красной Армии.

Попав в окружение, Степан Павлович тяжело заболел, а выздоровев, ушел к партизанам. Стал командиром отряда. Партизанам Каплуна было нелегко. У них не хватало оружия, отсутствовала связь с другими партизанскими группами, с Большой землей. И конечно, встреча с отрядом Бринского была как нельзя кстати. Степан Павлович с радостью принял приглашение Бринского влиться в его отряд.

...Одно из эффективнейших средств, применявшихся партизанами в борьбе против гитлеровцев,— взрывчатка. Учитывая это, Центр делал все возможное, чтобы отряды Бати были обеспечены «мылом», как в шутку партизаны называли тол.

Когда в конце июля самолет, посланный Центром, сбросил в районе Булевого болота очередную порцию «гостинцев», Батя вызвал к себе Бринского.

— Антон Петрович, хочу направить вас к Выгоновскому озеру. Тола у нас теперь много. Вот и поработайте в тех местах.

— Поработать на линиях и узлах Брест, Барановичи — Лунинец не мешало бы. Но стоит ли всему отряду идти туда? Ведь отряд мой сейчас сильно разросся. Особенно за счет группы Каплуна...

— Нет, весь отряд посылать мы не будем. Отряд ваш разделим и по частям направим в разные места. Вы возьмете с собой самую большую группу. Заместителем у вас будет Каплун. Дадим вам около ста килограммов тола. Думаю, на первое время хватит. Израсходуете — дадим еще. Значит, договорились?

— Договорились, Григорий Матвеевич.

— Тогда идите, готовьтесь. Дней через пять выступите.

В первых числах августа отряд Бринского прибыл на Выгоновское озеро.

Разбив лагерь в урочище Заболотье, партизаны сразу же приступили к боевой работе. Уже на следующий день неподалеку от станции Буда под откос был пущен эшелон с танками, а вскоре загрохотали взрывы на железных дорогах Лида —

Барановичи, Брест — Барановичи, Белосток — Барановичи, Брест — Лунинец...

Ни днем, ни ночью партизаны не давали оккупантам покоя. Чиновники жандармерии, коменданты полиции в каждом рапорте жаловались, что в тылу стало страшнее, чем на фронте, что всюду их подстерегают партизанские пули.

Какие только меры не принимали гитлеровцы, чтобы покончить с народными мстителями! На прочесывание лесов и болот, где укрылись партизаны, бросались регулярные части. Самолеты бомбили лесные массивы, сбрасывали зажигательные бомбы, чтобы выкурить народных мстителей из лесных трущоб. Под видом бежавших военнопленных к партизанам засылались шпионы и провокаторы.

Один из агентов гестапо пробрался в те дни и в отряд Бринского с заданием уничтожить руководство отряда и организовать захват радиста и радиостанции.

По его сигналу дождливым октябрьским утром полуторатысячная колонна гитлеровцев подобралась к партизанской базе Бринского. Подошла и увидела... потухшие костры, поваленные шалаши...

За несколько дней до облавы шпион был разоблачен. На допросе он рассказал Антону Петровичу о готовящемся на отряд нападении, и партизаны успели вовремя покинуть свою базу.

6

Стоял ноябрь. Бринский получил приказ Бати срочно явиться к нему на Червоное озеро.

«Что это значит? — подумал Антон Петрович.— Что затевает Батя? Позавчера Ивана Черного вызвал, сегодня меня...»

Черный прибыл из Москвы совсем недавно. Он кадровый военный, коммунист, закончил военное училище. Затем поступил в Военную академию имени Фрунзе, но окончить ее не успел — началась война. Ушел на фронт. Несмотря на молодость — ему не было и двадцати шести лет,— Черный командовал на фронте батальоном. В августе Иван Николаевич со спецзаданием был направлен к Бате. А когда Батю в начале 1943 года отзовут в Москву, вместо него командование назначит Ивана Черного.

— Давненько не виделись с вами, Антон Петрович. Как дела? Как здоровье? — протягивая руку, проговорил Батя.

— Спасибо, Григорий Матвеевич, на здоровье пока не жалуюсь.

— Вот и хорошо... Пойдемте в землянку.

Батя снял намокшую от дождя кожанку и шапку, повесил их возле двери и сел за стол, приглашая Бринского жестом руки сесть рядом.

Когда Бринский сел, Батя склонился над картой, что была разостлана на столе, и, не поднимая головы, проговорил:

— Хочу вас, Антон Петрович, направить на Украину.

— На Украину? — удивился Бринский.

— Да, на Украину... Знаю, Антон Петрович, вы многое тут сделали. И народ еще не раз скажет «спасибо» за это. Но сейчас ваше место на Украине. Там ваш опыт очень пригодится... Смотрите объекты,— и Батя стал водить пальцем по карте.— Сарны, Ковель, Коростень...

— Все это, конечно, так, Григорий Матвеевич. Но жалко расставаться с Белоруссией. Ведь я провоевал здесь больше года, сдружился с бойцами, народ здешний хорошо узнал...

— Ничего, своих земляков, думаю, вы не хуже знаете... Возьмете из своего отряда человек сто. Они вам и будут на первых порах опорой... Пройдет какое-то время, и слава о боевых делах новых партизанских отрядов, которые вы там организуете, докатится и сюда, до Полесья. Я уверен в этом. Так ведь?

— Не знаю, Григорий Матвеевич, не знаю. Думаю, вы преувеличиваете мои возможности... Каплун со мной пойдет?

— Нет, Каплун с вами не пойдет. У него будет другое задание. Ему мы дадим отряд, с которым он отправится под Бобруйск...

Долго еще сидели в тот вечер Батя и Бринский. Им было о чем поговорить. Линьков напутствовал Антона Петровича, давал ему советы.

До сих пор Антон Петрович воевал под руководством Бати, у которого был богатый опыт бойца и организатора. А теперь Бринский будет вдали от него. Нелегкое это дело! Хватит ли сил? Справится ли он с поставленной задачей?..

7

Холодная осенняя ночь. Темень, ни огонька. Только слышно, как плещутся у берега, слегка припорошенного снегом, тяжелые волны Припяти.

Но вот треснула под чьей-то ногой ветка, затем другая, фыркнула где-то неподалеку лошадь, и, осторожно раздвигая кусты, на берег Припяти вышли два человека, держа наготове автоматы. Они осмотрелись, подошли к реке, один из них даже нагнулся и опустил в воду руку.

— Ну, як? — спросил его напарник.

— Вода очень холодная.
— Ладно, пышлы.

Это были партизаны-разведчики из отряда Бринского. Обследовав берег и найдя место для переправы, они так же осторожно, как и появились, исчезли среди кустов. А вскоре из лесу выехало несколько партизанских подвод, на которых кроме боеприпасов, тола, различного имущества были еще и лодки. Рядом с подводами шли партизаны.

Увидев слегка белеющую в ночи полоску реки, Бринский снял шапку и остановился. «Вот она, на том берегу, Украина, родная Украина! Что ждет нас там? Как сложится наша борьба с врагом?»

Заметив, что бойцы тоже остановились и молча вглядываются в темень противоположного берега, Антон Петрович поднял руку:

— Товарищи, сейчас мы расстанемся с родной землей Белоруссии и ступим на родную землю Украины. Давайте поклянемся, что и там, на Украине, будем до последнего вздоха драться с врагом и не сложим оружие, пока не разгромим фашистскую нечисть!

— Клянемся!

— Клянемся!

— Клянемся! — зазвучали в ночной тиши голоса партизан.

Закончена переправа. Весь отряд снова в сборе.

Бринский шел, опираясь на палку, с трудом делая каждый шаг. Он был болен, простудился, давала о себе знать застарелая болезнь... Партизаны хотели было соорудить носилки и по очереди нести его, но Антон Петрович категорически запретил им это.

— Ничего... Клин клином, говорят, вышибают,— пытаясь улыбнуться, шутил он.— Пересилю как-нибудь. Няньки не нужны, не маленький...

Партизаны с восхищением смотрели на своего командира, они хорошо знали его упорство и мужество.

К счастью, приступ болезни вскоре прошел. Но Антон Петрович знал, что болезнь может в любую минуту обостриться. Знал и ничего не мог поделать с этим...

Небольшой отряд дяди Пети — так теперь стали называть Бринского — прибыл на Украину, конечно, не на пустое место. В западных областях уже действовали три отряда и одна группа Бати, присланные им сюда раньше. Вели успешные боевые действия на Украине и местные партизанские отряды и группы.

В задачу Антона Петровича входило ведение разведки, диверсии, организация в городах и в деревнях подпольных

антифашистских групп, а там, где подпольные группы уже имелись, создание на их базе партизанских отрядов.

Первый такой отряд, выросший впоследствии в партизанскую бригаду, был создан в начале декабря с помощью хочинских подпольщиков. На базе маленького отряда, базировавшегося у деревни Озерск, был создан второй крупный отряд, в помощь которому Бринский также выделил часть своих людей...

Большое внимание Бринский уделял агитационной работе. Он и сам был искусным агитатором. Местные жители все время информировались о положении на фронтах, из многочисленных листовок узнавали об успехах партизан.

Хорошо зная украинский язык, Антон Петрович сам писал листовки, которые потом размножались на пишущих машинках. Так как в районах действия его партизан жило немало поляков, листовки писались и по-польски. Их составлял командир одного из партизанских отрядов, заместитель Бринского по работе среди поляков, польский коммунист Юзеф Собесяк, имевший псевдоним Макс.

8

Из Берлина в Ровно, где рейхскомиссар Украины разместил свою резиденцию, почти каждый день шли телеграммы с требованием покончить с партизанами. Генерал-губернатору Волыни и Подолья Гитлер объявил выговор за беспорядок. И тот поклялся, что не остановится ни перед какими мерами, но к концу января уничтожит всех партизан в своем губернаторстве.

В начале января фашистский генерал-губернатор приехал в Ковель и лично руководил разработкой плана уничтожения народных мстителей, базировавшихся между реками Стырь, Стоход и Турья.

Операцию по уничтожению партизан гитлеровцы рассчитывали завершить за десять дней, с 15 по 25 января. Но 18 января, через три дня после ее начала, план вражеской операции был уже у Макса, а вскоре он лежал на столе Бринского.

Антон Петрович срочно собрал командиров партизанских отрядов и групп.

— Товарищи,— сказал он,— гитлеровцы сжимают вокруг нас кольцо, хотят уничтожить нас. Но мы имеем план карательной операции со всеми подробностями. Наша задача состоит в том, чтобы максимально использовать это.

Антон Петрович раскинул на столе карту и пригласил к ней командиров.

— Вот район Сварыцевичи. Видите, он находится вне кольца карателей... Приказываю всем отрядам в ночь скрытно покинуть свои лагеря и перейти в этот район. Места здесь глухие, и укрыться есть где.— Бринский помолчал, а затем, улыбнувшись, продолжил: — Здесь же, на центральной базе, мы построим ложную оборонительную линию. Пусть фашисты воюют с чучелами... А чтобы они не разгадали быстро наш секрет, оставим на базе небольшую группу, которая, ведя заградительный огонь по врагу, отойдет в лес... Другая наша группа в это время ударит по гитлеровцам с тыла...

Далее,— сказал Бринский,— все запланированные операции по минированию железных дорог и мостов, по сбору разведывательной информации должны идти, как обычно. Это приведет гитлеровцев в замешательство. Они будут думать, что мы в кольце, что нам сейчас не до борьбы с ними, и вдруг то там, то здесь загремят наши взрывы. Каково?

Все получилось так, как и планировал Бринский.

Когда колонна карателей, наступавших от Камень-Каширского, вышла к ложной оборонительной позиции и была обстреляна небольшой группой партизан, оставленных на центральной базе, фашисты открыли ураганный огонь по чучелам, изготовленным из тряпок и ловко расположенным в окопах. Другая колонна гитлеровцев, подошедшая к ложной оборонительной позиции от Морочно и обстрелянная партизанами также открыла огонь по чучелам.

Каратели камень-каширской колонны, приняв подошедших с противоположной стороны гитлеровцев за партизан, перенесли огонь на них. То же самое сделали и каратели, продвигавшиеся из Морочно. В результате всей этой неразберихи около трех часов гитлеровцы с яростью поливали друг друга свинцом.

А потом с тыла по ним ударили партизаны. В это время уже стемнело. Среди гитлеровцев началась паника. Карателям ничего не оставалось делать, как поскорее уносить ноги из леса.

Так провалился план уничтожения партизан, разработанный самим генерал-губернатором Волыни и Подолья.

После неудавшейся облавы, которая стоила гитлеровцам очень дорого, они стали еще сильнее бояться народных мстителей. А среди населения разгром карателей в Езерецких лесах укреплял веру в близкую победу, поднимал их дух борьбы, и вскоре приток жителей в партизанские отряды еще более усилился.

25 января, как раз в тот день, когда по плану фашистских карателей партизанские отряды Волыни и Ровенщины должны были прекратить свое существование, радист принес Антону

Петровичу сводку Совинформбюро, в которой говорилось о прорыве блокады Ленинграда, об успехах советских войск на Дону, на Северном Кавказе, на других участках фронта.

А почти через неделю новое радостное сообщение — полный разгром гитлеровцев под Сталинградом.

Партизаны ликовали. Враг отступает! Почти каждый день стремительно наступающие советские войска освобождают от фашистской нечисти новые города и села. Значит, скоро, очень скоро придет тот час, когда фашисты будут изгнаны со всей нашей земли. А в том, что Красная Армия громит врага, есть заслуга и партизан, и партизанских разведчиков.

Отряды Бринского вернулись на свои старые места. Центральная база была разрушена огнем минометов врага — ни одного сохранившегося строения. Все это надо было срочно восстанавливать — ведь на дворе стояла зима...

9

Партизаны-подрывники действовали так активно, что вскоре им не стало хватать взрывчатки. Как выяснилось, пополнить запасы тола в ближайшее время Москва не имела возможности.

Антон Петрович задумался. Как быть? Ведь взрывчатка — важное оружие партизан. Что же делать? Ждать? Нет, так не годится!

Бринский решил организовать «добычу» взрывчатки из неразорвавшихся авиабомб и снарядов, которых немало попадалось на глаза партизанам. Вскоре это дело поставили на такую «широкую ногу», что выплавленного тротила вполне хватало подрывникам, а появившиеся излишки Антон Петрович передавал соседям.

В 1943 году из подчиненных Черному партизанских отрядов было сформировано две бригады. Одной, действовавшей под Сарнами, командовал Каплун, другой — под Ковелем — Бринский. Партизанские группы из бригады Антона Петровича вели активную боевую работу на Волыни, в Пинской и Брестской областях.

...Уже два года Антон Петрович находился в тылу врага. Два года напряженной, непрерывной работы в самых тяжелых условиях.

Все это не могло не сказаться на его здоровье. Участились сердечные приступы. Давала о себе знать и контузия — еще под Белостоком прямым попаданием снаряда был подожжен танк, в котором находился Бринский. Машина загорелась,

и Антон Петрович чудом уцелел: в последнюю минуту его полуживого вынесли из машины.

Учитывая состояние здоровья Бринского, Черный приказал Антону Петровичу готовиться к полету в Москву, где ему предстояло не только основательно подлечиться, но и отчитаться перед Центром.

Узнав о решении Черного, Антон Петрович огорчился. Разве можно покидать бригаду в такое время? Сколько задач впереди! Но Черный был неумолим.

Приказ есть приказ. И, захватив письма партизан к родным и знакомым, записав всевозможные просьбы и неясные вопросы, которые могла решить только Москва, в первых числах июля Бринский улетел на Большую землю.

В Москве он доложил о проделанной работе в тылу противника. А сделано было немало. Только с осени 1942 года до весны 1943 года отряды Антона Петровича пустили под откос свыше трехсот эшелонов и два бронепоезда гитлеровцев, взорвали двенадцать железнодорожных мостов, тридцать два шоссейных моста, сбили два военно-транспортных самолета, вывели из строя шестнадцать военно-промышленных предприятий врага, уничтожили несколько тысяч фашистских солдат и офицеров... Кроме того, в Центр было передано большое количество радиограмм с ценной разведывательной информацией о противнике.

Два месяца пробыл А. П. Бринский на Большой земле. За это время он выполнил просьбы и поручения партизан, передал командованию денежные средства для строительства партизанской эскадрильи, собранные его отрядами. Антон Петрович подлечился, получил свою награду, к которой его представлял еще Батя,— орден Ленина. Здесь, в Москве, он наконец-то узнал и о судьбе своей семьи. Оказывается, семья его жива-здорова и находится в сибирском городке Тулун.

10

Темной сентябрьской ночью самолет доставил Бринского снова в тыл, в район бригады, которой командовал С. П. Каплун.

Едва Антон Петрович погасил парашют, как в ночной тьме услышал крики партизан:

— Дядя Петя!

— Дядя Петя, где вы?

— Заждались мы вас! Боялись, вдруг что-нибудь случилось,— не скрывая радости и крепко сжимая руку Бринского, пробасил Каплун.— Поздравляем с возвращением.

— Спасибо, Степан Павлович, спасибо. Вы даже не представляете, как я рад, что снова нахожусь здесь... Угощайтесь, московские...— Антон Петрович достал из-за пазухи коробку «Казбека», специально приготовленную для такого случая, протянул ее Каплуну и стоявшим рядом партизанам.

— Московский «Казбек» — это, конечно, хорошо.— Степан Павлович распечатал коробку, понюхал ее, причмокнул удовлетворенно и передал бойцам, взяв себе одну папироску: — Курите, товарищи. Пора нам уже отвыкать от самосада, готовить себя, так сказать, к мирной жизни. Ведь она уже не за горами. Не так ли?

Бринский с Каплуном отошли в сторону и присели на поваленную старую березу.

— Давайте, рассказывайте, как у вас тут дела? Что нового? — спросил с нетерпением Бринский.

— Дела неплохие, дядя Петя. Ведем «рельсовую войну». Тола теперь выплавляем много, надо же его куда-то сбывать,— Степан Павлович слегка улыбнулся.

— Работаете все на тех же объектах?

— Да. Вообще-то, сейчас Ковельский, Брестский, Сарненский, Лунинецкий, Здолбуновский и Коростенский железнодорожные узлы полностью под нашим контролем. На этих узлах кроме нас работают еще и отряды Бегмы, Федорова, Сабурова, Медведева... Так что тесно стало. Иногда за одним составом гоняется по нескольку подрывных групп из разных отрядов. Получается что-то вроде соревнования...

— Что ж, это хорошо. Значит, говорите, что подрывников здесь так много, что у Гитлера и эшелонов на всех не хватает?! Ну и дела...— Антон Петрович хлопнул ладонями по коленям и громко рассмеялся.

— Мы решили, раз такое дело, не разбрасывать свои подрывные группы по разным дорогам, взять себе только одну, наиболее важную и парализовать на ней движение. Но парализовать уже полностью. И вот с пятнадцатого августа держим под контролем линию Сарны — Лунинец...

Он помолчал.

— Ну а как в Москве, как приняли вас там, как прошел отчет в Центре, что привезли для нас?

— Новостей много, Степан Павлович...— Бринский закурил, затем встал и начал медленно прохаживаться вдоль поваленной березы.— Отчет Центру представил детальный. А самая важная весть знаете какая?

— Какая?

— Центр приказал создать у нас здесь, на Украине, такое же соединение, как у Черного в Белоруссии.

— Что вы говорите! — обрадованно воскликнул Каплун.— А кто будет командиром? Наверное, вы?

— Да, Центр назначил меня. А моим заместителем назначили вас, Степан Павлович.

— Вот те на,— присвистнул Каплун.— А как же моя бригада? Разве я могу оставить своих ребят? А может, сделаем так: я буду вашим заместителем и одновременно командиром бригады. Можно же так, дядя Петя?

— Наверное, можно. Продумаем этот вопрос.

До самого рассвета просидели в ту ночь Бринский и Каплун. О многом переговорили. И о Москве, и о предстоящей работе по реорганизации бригад в соединение...

11

В трудных условиях приходилось работать Бринскому во второй половине 1943 года в связи с приближением фронта. В контролируемые его отрядами районы прибывали все новые и новые войска противника. Разведчики под руководством Антона Петровича тщательно следили за этими перебросками. В Центр непрерывно летели радиограммы Брука с информацией о противнике.

«2.11.43. В двух километрах юго-восточнее местечка С. гитлеровцы поспешно строят аэродром... Брук».

«5.11.43. Противник минирует шоссейную дорогу на участке Н. Волынский — Городница... Брук».

«17.11.43. За последнее время активизировались железнодорожные перевозки противника через Шепетовку в сторону фронта. В течение 15 и 16 ноября прошло 3 эшелона с живой силой, 3 эшелона с танками, 4 эшелона с грузовыми автомашинами, 2 эшелона с боеприпасами, 4 эшелона с ГСМ... Брук».

«18.11.43. В городе Ковеле ведутся работы по созданию оборонительных сооружений... Брук».

«23.11.43. В течение суток через Шепетовку на Полонное прошло 32 железнодорожных эшелона с живой силой и боевой техникой противника. По железной дороге Ковель — Сарны в сторону фронта прошло 5 эшелонов... Брук».

«24.11.43. Противник ведет активные окопные работы на западном берегу р. Уборть в районе населенного пункта Олевск. Все гражданские учреждения в Олевске закрыты... Брук».

«3.12.43. В течение суток из Шепетовки на Житомир противник перебросил 12 танков «тигр»... Брук».

«8.12.43. Гитлеровцы перебросили из Житомира в Коростень до полка пехоты... Брук».

В Западной Украине было немало деревень, в которых жили одни поляки. Они активно поддерживали партизанское движение, сами создали несколько отрядов, которые успешно вели борьбу с гитлеровцами.

А через некоторое время партизаны соединения Бринского, выполняя интернациональный долг, будут уничтожать немецко-фашистских оккупантов на территории Польши, а затем и Чехословакии. Советским партизанам в этой борьбе будут помогать польские и чешские патриоты.

До встречи Антона Петровича с командованием в Москве не все его отряды имели радиостанции. Поэтому разведданные передавались иной раз с опозданием, что снижало их ценность. Но в Москве Антону Петровичу кроме боеприпасов выделили и радиооборудование. Так что, прибыв снова в тыл врага, Бринский смог хорошо наладить свое радиохозяйство. Теперь его разведданные шли в Центр без опоздания и очень часто.

Только за один день 2 февраля 1944 года Антон Петрович передал три радиограммы в Центр.

«2.2.44. 291-я пехотная дивизия противника дислоцируется в районе... Брук».

«2.2.44. 363-й пехотный полк противника занял оборону по западному берегу р. Стырь в районе Рожище... Брук».

«2.2.44. Танковый корпус, переброшенный из Люблина, развернут на рубеже... Брук».

5 февраля из Центра была получена радиограмма, в которой сообщалось, что А. П. Бринскому, И. Н. Черному и Н. П. Федорову Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза. Были награждены орденами и медалями и многие партизанские разведчики из соединения Бринского.

В отрядах царило праздничное оживление. Партизаны поздравляли Антона Петровича с высокой наградой, поздравляли друг друга, клялись, что и впредь будут достойно сражаться с врагом и не пожалеют жизни для полного разгрома ненавистного фашизма.

12

Регулярные части Красной Армии, громя врага, с каждым днем продвигались все дальше и дальше на запад. Освобождены уже Ровно, Луцк... Уже рукой подать и до Буга, где ранним утром 22 июня 1941 года прозвучали первые выстрелы гитлеровцев, вероломно напавших на нашу мирную Родину.

Почти три года прошло с тех пор. Три года мужественной борьбы нашего народа против фашизма.

И вот оно — возмездие!

Неся большие потери, враг отступает. Красная Армия победоносно продвигается на запад. Продвигаются на запад, только впереди регулярных частей, и партизанские отряды.

Впереди Буг! За ним земли братских народов Польши, Чехословакии, которые также ждут избавления от фашистского ярма.

Еще в октябре 1943 года для перехода за Буг был подготовлен отряд во главе с Юзефом Собесяком. Однако Центр тогда не разрешил отряду переправляться за Буг. Но позже Юзеф Собесяк сформировал бригаду, с которой и действовал теперь на земле своей Родины.

В начале 1944 года для переправы за Буг были подготовлены еще два отряда. Один — Героя Советского Союза Николая Федорова и второй — Петра Василенко. К весне на польской земле, выполняя интернациональный долг, сражались уже многие советские партизаны и разведчики.

Подготовилось для перехода за Буг и соединение Бринского.

И надо же такому случиться — именно в это время у Антона Петровича обострилась старая болезнь. Приступы были настолько сильны, что он не мог даже передвигаться. Вскоре из Центра пришла радиограмма, в которой командование приказывало соединению выступать за Буг, а Бринского срочно переправить на Большую землю.

Вот и окончилась борьба с врагом за линией фронта для Антона Петровича Бринского. Сколько сил отдал он этой борьбе. Какую неоценимую помощь оказали бойцы его бригады своему народу, братским народам Польши, Чехословакии в разгроме ненавистного фашизма.

Родина высоко оценила заслуги А. П. Бринского, присвоив ему звание Героя Советского Союза, наградив тремя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Красной Звезды и многими медалями. Правительство Польской Народной Республики наградило Бринского крестом Грюнвальда.

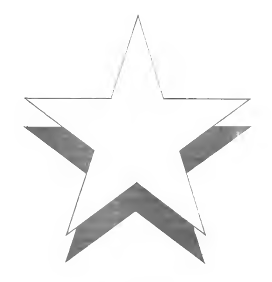
Вернувшись из тыла на Большую землю, Антон Петрович еще некоторое время продолжал служить в рядах Красной Армии, командовал стрелковой частью. Затем по состоянию здоровья ушел в отставку. Последние годы Антон Петрович жил в Горьком. 14 июня 1981 года он скончался.

**Разведгруппа «Юрий»,
которой комаидовал
Николай Алексаидрович Сухов,
действовала
иа территории Чехословакии,
в гориом районе Севериой Моравии.
В сложиых условиях
вела разведку противиика,
докладывала о перебросках его войск
и боевой техиики, «иаводила»
иа важиые цели советскую авиацию.
Не раз приходилось
уходить от погоии.
Большую помощь иашим разведчикам
оказывали чехословацкие
подпольщики-антифашисты
Людвиг Кубят, Фраитишек Лев,
Вит Вашат, Яи Счастиый и другие.
Своими героическими действиями
оии приближали освобождеиие
родиой Чехословакии.**

И. Василевич

Разве можно забыть...

Николай Сухов и его друзья

1

Шел четвертый год Великой Отечественной войны. Позади остались многие грандиозные сражения, на века прославившие советский народ. Красная Армия уже изгнала с родной земли немецко-фашистских оккупантов и выполняла свой интернациональный долг — освобождала от ига фашизма народы Восточной и Юго-Восточной Европы.

В штабе 4-го Украинского фронта, в предвидении новых сражений уточнялись задачи войскам, рассматривались планы обеспечения частей и соединений боеприпасами, горючим, продовольствием. Разведчики анализировали сведения о противостоящих войскам фронта силах противника. В те дни в штаб был срочно вызван Николай Сухов — командир разведывательной группы, недавно вернувшейся из тыла немецко-фашистских войск.

— Товарищ подполковник, младший лейтенант Сухов по вашему приказанию прибыл! — доложил вошедший в кабинет начальника отделения сутуловатый, среднего роста, с волевым лицом офицер.

Подполковник оторвал взгляд от лежавшей на громоздком канцелярском столе топографической карты, вышел из-за стола и крепко пожал сильную, мозолистую руку младшего лейтенанта. Начальник отделения высоко ценил Сухова, уже несколько раз возглавлявшего успешно действовавшие разведывательные группы. Он знал, что тот родился в деревне Ура Ярославской области, окончил семь классов средней школы и ФЗУ в городе Рыбинске, а перед Великой Отечественной войной работал токарем на заводе. В октябре сорок первого комсомолец Николай Сухов добровольно ушел в Красную Армию. Его зачислили в воздушно-десантные войска. А потом — первый бой с оккупантами, ранения, новые сражения на фронте. Война закалила комсомольца, над переносицей пробороздила две глубокие складки, наложила печать суровости на молодое лицо.

В мае сорок третьего смелого бойца Сухова зачислили в разведку...

— Взгляните, Николай Александрович! — предложил подполковник Сухову. — Линия фронта сегодня проходит вот здесь, — и начальник отделения провел незаостренным концом карандаша по карте. — Обратите внимание на этот участок, на западные скаты Словацких Рудных гор и реку Грон.

Сухов с нескрываемым любопытством смотрел на карту Чехословакии: по предыдущему заданию ему были хорошо знакомы некоторые районы.

Николай Александрович Сухов.

— Командование приняло решение об изменении плана использования лично вас, — подполковник разом рассеял все неясные вопросы. — Ваш вылет в Польшу отменяется.

От природы неразговорчивый лейтенант удивленно посмотрел на начальника отделения, но ничего не спросил.

— Вы назначаетесь командиром разведывательной группы, которой предстоит в срочном порядке десантироваться в глубь Чехословакии, в Северную Моравию. Вы должны будете организовать разведку войск противника в районе городов Всетин, Валашске-Мезиржичи, Френштат.

Подполковник обстоятельно рассказал об обстановке в планируемом районе действия группы, о предстоящих задачах разведчиков. Особое внимание он обратил на крайнюю заинтересованность командования в тщательном и круглосуточном контроле за перевозками противника по железной и шоссейной до-

рогам, проходящим через Валашске-Мезиржичи на север, в сторону Моравской Остравы.

— Предложения о составе разведгруппы доложите завтра. В ее состав можете включить пять-шесть человек. Рекомендую взять двух радистов и бойца, владеющего чешским и немецким языками.

— Товарищ подполковник, о составе группы я готов доложить сейчас.

— Слушаю вас.

— Прошу разрешения в группу включить всех бойцов, с которыми мы были на последнем задании. Прекрасные разведчики. Сработались...

— Следовательно, вашим заместителем остается Фильчагин. Правильно я вас понял?

— Так точно. На четырех предыдущих заданиях он был моим заместителем. Великолепный боец. Двадцать третьего года рождения, комсомолец. До войны жил в Горьковской области, работал в колхозе. Трудолюбивый человек. Смел, решителен, вынослив.

— Знаю, знаю, что вы высоко цените Фильчагина.

— Прошу старшим радистом назначить Малышева, а вторым радистом — Гоменко.

— Не возражаю. Кстати, как проявил себя Малышев?

— Превосходный радист. Самый молодой в нашей группе боец. Когда война началась, ему было только шестнадцать лет. Тогда он учился в московском ремесленном училище. А сегодня Николай Малышев стал отличным специалистом своего дела. Исполнительный, серьезный. Он у меня в группе за начальника штаба был.

— Второй радист, по-видимому, будет и переводчиком. Он, насколько я помню, до сорокового года был гражданином Румынии.

— Так точно! Могу доложить, что Гоменко из крестьянской семьи. Ему около тридцати лет. Рассудительный и находчивый разведчик. Владеет немецким языком, поэтому сможет принимать участие при допросах пленных. Еще одним переводчиком у нас будет Януш Шваб. Мы его зовем Иваном. Незаменимый человек.

— Видите, как изменилось ваше мнение о Швабе,— с улыбкой заметил подполковник.— Помню, с какой осторожностью вы относились к нему летом сорок четвертого, когда вам предложили этого словака включить в состав разведгруппы.

— Совершенно верно, колебался я тогда. Не доверял новому бойцу с такой фамилией. Да и как доверишь человеку, который совсем недавно воевал в рядах фашистской армии. Но вскоре

Иван доказал, что у нас он оказался не случайно. Бойцы быстрее меня поняли душу Ивана и поверили ему. Не ошиблись в нем... Хороший воин, патриот своей Родины, люто ненавидит фашистов.

— Мне запомнилась первая встреча с Янушем Швабом. Тогда он подробно рассказывал о своем нелегком жизненном пути. До тридцать девятого года был гражданином Чехословакии. А потом, вы знаете, что гитлеровцы в марте тридцать девятого года разорвали Чехословакию на куски. Чехию и Моравию они присоединили к Германии на «правах» протектората. Часть Словакии объявили так называемым самостоятельным государством, а южные районы Словакии передали Венгрии. Так Шваб и стал гражданином буржуазной Венгрии, вступившей в союз с Гитлером.

В октябре сорок второго Шваба мобилизовали в армию, обучили стрелять из пулемета и бросили на Восточный фронт сражаться на стороне гитлеровцев. День двадцать восьмого июля сорок четвертого года стал для него незабываемым. Тогда Януш попал в плен к Красной Армии. Плен перевернул у него все взгляды на войну, и он, став антифашистом, взял в руки советский автомат, считая теперь целью своей жизни борьбу с ненавистным гитлеризмом...

— Вот и весь состав нашей группы,— продолжал докладывать Сухов.— Все бойцы — рабочие и крестьяне нескольких национальностей. Я сам рабочий и горжусь своими товарищами. Ведь рабочий и крестьянин — главные должности на земле.

— Слышал я, что кто-то вашу группу назвал маленьким интернационалом.

— Так точно. Настоящий интернационал трудящихся получился!

2

Ветер, усилившийся с утра, разрывал неторопливо скользившие над Прагой дождевые облака и гнал их на северо-запад. После двухдневного моросящего дождя засияло голубое небо.

К полудню на залитых солнцем городских улицах обсохла гранитная брусчатка, оживилось движение. Около пяти часов вечера из охраняемого гестаповцами особняка на одной из тихих улиц вышел худощавый, среднего роста человек в непритязательном гражданском пальто и кепке. Это был Хельмут Брюль. Он неторопливо огляделся по сторонам и, заложив руки за спину, устало зашагал к стоявшей неподалеку автомашине, плюхнулся на переднее сиденье старенького «опель-капитана» и, закурив сигарету, взялся за ключ зажигания.

«Опель», миновав черту города, мчался по извилистой асфальтированной дороге на загородную виллу, принадлежавшую управлению гестапо протектората Чехии и Моравии. Брюль был в полном отчаянии: его неожиданно переводили на новое место работы в прифронтовой зоне.

«Этот одноглазый верзила из Чернинского дворца,— проклинал он статс-секретаря протектората группенфюрера СС Карла Германа Франка,— до смерти перепугался недавнего восстания словаков, вот и решил сейчас для устрашения чехов предпринять какие-то хитрые шаги. Торопится статс-секретарь получить новые награды... А мне опять надо сочинять правдоподобные небылицы о своей жизни, выдумывать новую биографию и втираться в доверие к своим врагам. Риск большой. С этими чешскими фанатиками ухо надо держать востро. Если они догадаются, кто я такой, возмездия не избежать...»

Группенфюрер СС действительно был крайне обеспокоен значительным оживлением деятельности антифашистских организаций. Он требовал от местных органов безопасности принятия самых срочных и решительных мер для наведения порядка, угрожая уничтожить непокорившихся, сжечь дотла населенные пункты, в которых будут обнаружены подпольные организации сопротивления «новому порядку» или будут укрываться партизаны.

В те же дни в штабе 1-й танковой армии вермахта представители служб безопасности разрабатывали планы расчистки тылов своих частей и соединений от партизан, антифашистских организаций и разведывательных групп. СС, СД, гестапо, полевая тайная полиция, жандармерия и местные полицейские органы поспешно разрабатывали планы карательных операций. Для контроля за эфиром выделялись специальные радиотехнические средства, привлекались пеленгаторные службы сухопутных войск и люфтваффе. Особые надежды Франк возлагал на лжепартизан и глубоко законспирированную агентуру гитлеровских служб безопасности.

...Вскоре Хельмут Брюль появился в городе Границе. Через три-четыре дня был уже в Валашске-Мезиржичи. А еще сутки, и Брюль, как ищейка, обнюхивает Всетин. Рожнов, Френштат, Пршибор — тоже под его неусыпным контролем. Снует по селам, деревням и хуторам восточных районов Моравии этот вежливый, седовласый господин, тайно получающий в гестапо инструкции и солидные суммы. Он выискивает жертвы, пользуясь доверием людей, не догадывающихся, с кем они имеют дело. Да и в гестапо лишь очень ограниченный круг лиц знал истинную биографию этого матерого агента по кличке Альпинист. С 1934 года жил он под чужими фамилиями. Сначала разъез-

жал по Европе с паспортом Курта Вернера, выдавая себя за журналиста. Года через три в отелях Нового Света представлялся туристом Джоном Фергюсоном. Позднее этот человек превратился в коммерсанта Хельмута Брюля... Преданно служа гестапо, Альпинист-Брюль зарабатывал немалые деньги и, не решив, как их разумно использовать, вкладывал в банки. Одолевавшая его всю жизнь скупость с годами превратилась в алчность, и Брюль ненасытно выискивал все новые и новые жертвы. Несколько лет назад он напал на след и содействовал раскрытию одной антифашистской организации на Балканах, позже принимал участие в создании отрядов лжепартизан на территории протектората Чехии и Моравии. Альпинист сумел раскрыть две искусно законспирированные шпионские организации англичан в рейхе... Нет, не зря он был удостоен фашистских наград. Сам Брюль считал, что ему чертовски везет, и он уверенно приближается к зениту карьеры агента гестапо, наращивая свои капиталы. Но вот дела на фронте развивались не в благоприятном для фашистов направлении, и Брюль все чаще задумывался, как быть? Не просчитаться бы в решающий момент!..

3

Победы советских войск на фронтах воодушевляли возглавляемые коммунистами патриотические силы разграбленной, оскорбленной и униженной гитлеровскими оккупантами Чехословакии. В стране активизировалось антифашистское движение. В планируемом районе действия разведгруппы под командованием Николая Сухова также возникали подпольные патриотические организации.

В Зашове и других селах начали действовать антифашисты. Никакой террор и репрессии гитлеровцев не могли сломить духа непокорившихся врагу чехословацких патриотов.

Село Видче расположено у самого подножия горы Танечнице, километрах в четырех юго-западнее Рожнова. Как и большинство других сел Моравии, оно летом утопает в зелени и только осенью после листопада обнажает белокаменные стены строений с черепичными крышами. Село небольшое, но неспокойно чувствует себя в нем гитлеровская администрация.

Хлопотливым для жандармского участка оказалось дежурство и в ночь с 20 на 21 февраля 1945 года. С тревогой дежурный по участку протянул руку к трубке зазвонившего телефона. Что еще случилось? Неужели опять будет схватка с бандитами?

— Слушаю! — прокричал дежурный.— У телефона обервахмистр жандармерии...

— Плохо несете службу, обер-вахмистр! — перебил дежурного чей-то начальственный голос из Валашске-Мезиржичи.— Спят ваши жандармы.

— Никак нет! Только что вернулись с обыска трех хуторов...

— А вы знаете о том, что в районе вашего села действуют партизаны?

— Пока никого поймать не удалось...

— Только что получено сообщение о том, что около Видче с русского самолета сброшено несколько грузовых мешков. Вероятно, предназначены для партизан. Немедленно организуйте поиск этих грузов. Постарайтесь точно выяснить, для кого они предназначались. О ходе выполнения задания докладывайте через каждый час.

— Приступаю к выполнению приказа.— Дежурный обер-вахмистр сделал запись в журнале регистрации происшествий и полученных распоряжений: «Произвести обыск в Видче и затем действовать в зависимости от результатов поиска груза...»

Тотчас же была сформирована поисковая группа во главе с гауптвахмистром.

Через несколько часов поиска на видческом хуторе жандармы обнаружили грузовой мешок с продовольствием, явно сброшенный с самолета на парашюте. И в журнале дежурного по жандармскому участку появилась соответствующая запись.

Обер-вахмистр торопливо снял телефонную трубку и доложил о найденном грузе. В ответ на новые указания он утвердительно качал головой, словно эти движения были видны начальству, и время от времени произносил: «так точно», «понял», «да-да, понял». Когда разговор был окончен, дежурный пробасил:

— Гауптвахмистр! Срочно отвезите мешок и парашют в Валашске-Мезиржичи, передайте их германской жандармерии!

После отъезда гауптвахмистра дежурный позвонил во Всетин, а потом сделал очередную отметку в журнале:

«...Парашют и груз переданы германской жандармерии в городе Валашске-Мезиржичи. Письменное донесение по этому поводу будет представлено в сельское управление охранной полиции во Всетине».

В жандармский участок деревни Стржитеж, что в трех километрах северо-западнее Видче, также поступили сведения об упавшем с неба на улицу этой деревни грузовом мешке. И сразу же служба СД, полиция и жандармерия начали поиск партизан. Поспешно были сформированы хорошо вооруженные ягдкоманды.

В ту беспокойную ночь с 20 на 21 февраля 1945 года в Северной Моравии, в пяти километрах юго-западнее села Рожнова, десантировалась группа советских разведчиков: токарь, комсомолец Николай Сухов; колхозник, комсомолец Алексей Фильчагин; совсем юный, голубоглазый комсомолец Николай Малышев; высокий весельчак, рабочий Януш Шваб; добродушный и рассудительный толстяк, крестьянин Антон Гоменко. Как бы ни были различны жизненный и военный опыт, характеры и знания этих людей, война туго сплела воедино их боевые пути, свела в одну разведывательную группу. Все они — люди простые и вместе с тем необыкновенные. Пережили немало схваток с врагом, испытали и горечь неудач, и радость успехов. И крепко спаяны интернациональной дружбой, родившейся в совместной борьбе с фашизмом.

Разведчики приземлились у деревни, раскинувшейся в долине, сжатой по бокам горами, заросшими хвойными лесами. Они спрятали у чешского крестьянина четыре парашюта, а два купола взяли с собой и, не теряя времени, покинули деревню, в которой, как сказал крестьянин, было расквартировано подразделение пехоты гитлеровцев. Сброшенные с самолета два грузовых мешка с запасами боеприпасов, продовольствия и резервными батареями для рации как сквозь землю провалились. Найти их не удалось. Надо же быть такой неудаче! Десантники шли балками и кустарниками молча, вытянувшись цепочкой, в северо-западном направлении. Впереди размашисто шагал командир.

Вскоре показалась черная лента бурной горной реки Бечва. Повеяло от нее ледяным холодом. Суровый, резкий ветер лохматил прибрежные кусты. Как назло, из-за туч выползала луна. После передышки разведчики быстрым шагом пошли вниз по течению реки. На противоположном берегу показались небольшие белостенные домики деревни, притаившейся у подножия горы.

— Вроде в деревне спокойно,— прошептал заместитель командира группы Фильчагин, обращаясь к Сухову.

— Это хорошо, что спокойно. А вот как туда перебраться?

— Сумеем. Не такая уж широкая река. Каких-нибудь пятнадцать — двадцать метров. Переплывем.

— Придется еще пройти по берегу. Надо выбрать поудобнее место переправы.

Сделав несколько шагов, командир распорядился:

— Короче шаг! Не торопиться!

— В чем дело, командир? — послышался негромкий голос Коли Малышева.— Чего опасаешься?

— Твоей простуды,— пошутил Сухов.— До переправы надо поостыть. Нельзя разгоряченными в ледяную воду залезать...

Минут через десять — пятнадцать командир приказал готовиться к форсированию реки. Все быстро разделись. Каждый уложил свои вещи в тюк, укутал плащ-накидкой, перетянул ремнем.

— Начинать переправу!

К бурной, словно кипевшей горной реке быстро спустились по мерзлой траве разведчики. Последним был Сухов. Он по щиколотки вошел в воду, встал босыми ногами на скользкое каменистое дно. Подошвы ног обожгло точно пламенем. Николай ладонью левой руки зачерпнул немного воды, плеснул на грудь. Его передернуло от холода.

Послышался всплеск. Это Фильчагин уже по пояс вошел в студеную воду. Он дышал широко раскрытым ртом, поджав живот. За ним двигались радисты Антон Гоменко и Коля Малышев. Командир переправлялся вслед за Янушем Швабом.

Николай Александрович окинул взглядом реку впереди себя, пересчитал торчавшие из воды головы разведчиков, приближавшихся к другому берегу. В руках они держали над водой автоматы и тюки с вещами. Больше всего беспокоились за оружие.

К счастью, река оказалась неглубокой. Все переправились благополучно и скрылись в густом прибрежном кустарнике.

— Спасение в движении,— сказал командир, быстро застегивая пуговицы пальто.— Надо во что бы то ни стало разогреться.

Когда все бойцы оделись, послышалась тихая команда:

— За мной бегом, ма-арш!

Побежали к лесу, черным ковром укрывшему склон горы. Под ногами хрустела промерзшая трава.

— Как думаешь, не сдаст старик наши парашюты в полицию? Не выдаст нас? — спросил командира Малышев, когда вбежали в лес.

— Что ему жить надоело?.. А впрочем, всякое может случиться,— ответил Сухов.— Но у меня к этому крестьянину появилось какое-то доверие.

— Не должен бы подвести, но...

— Зря, что ли, я просил у хозяина молока попить?

— По правде говоря, я не понял, зачем ты это делал. Только время потеряли.

— Эх ты, голова садовая. Фашисты издали приказ, в котором предупреждают, что расстреляют без суда всех, кто будет оказывать какую-нибудь помощь партизанам, в частности снабжать продуктами питания или кормить. Значит, может ли чех сейчас сообщать в полицию о том, что он охотно нас потчевал?

— Ах вот оно что! Ну и командир!

До рассвета группа двигалась тропами, стараясь дальше уйти от места приземления и укрыться в глухом лесу в горах.

К утру повалил рыхлый сырой снег. Сухов нашел подходящее для отдыха место. Под густой ветвистой елью соорудили из плащ-накидок палатку, замаскировали ее лапником. Не успели передохнуть после марш-броска, как Николай Александрович приказал готовить рацию к первому сеансу радиосвязи со

Алексей Андреевич Фильчагин (слева) и Николай Иванович Малышев. 1945 г.

штабом фронта. Фильчагин и Шваб залегли вдоль опушки леса для охраны временной базы, а Сухов помог радистам развернуть антенну и противовес.

Алексей Фильчагин внимательно осматривал в бинокль оставшуюся внизу долину. Неожиданно в поле зрения попала группа немецких солдат, направлявшихся в горы, в сторону временной базы разведчиков. Предупредил об опасности. Сухов приказал не спускать глаз с гитлеровцев. А через некоторое время младший лейтенант и Фильчагин, прячась в складках местности, за кустарниками и деревьями, перебрались на новое место, с которого было удобнее вести наблюдение. Они лежали, прильнув к стволу давно упавшей толстой ели.

— Смотри! — тихо произнес Сухов, обращаясь к товарищу, и движением головы указал в сторону вывороченных корней дерева.— Офицер.

— Идет к нам,— прошептал Фильчагин.— Но, судя по всему, нас не видит. Ну как, возьмем его?

— Пока лежи тихо...

Гитлеровец остановился около корневища, закурил сигарету. Сделав еще шаг, он посмотрел на вершину горы. Разведчики замерли. А офицер неторопливо вытащил из кобуры пистолет. Потом, крадучись, стал взбираться наверх. Фильчагин бросил взгляд на вершину горы, и щеки его дрогнули в едва заметной улыбке. Там стояла стройная серна. Она смотрела вдаль и, казалось, не чувствовала приближавшейся беды.

«Жалко, если погибнет такая красавица»,— подумал Фильчагин. Но животное заметило нависшую опасность, прыгнуло в сторону и исчезло. Непрошеный гость вложил пистолет в кобуру и быстро пошел по тропинке, убегавшей в долину.

— Спасибо тебе, серна,— с улыбкой и облегчением на сердце произнес Фильчагин.— Кто знает, чем бы закончилась эта встреча...

Рядом с фашистом, словно из-под земли, вырос человек среднего роста в гражданском пальто и кепке. Он что-то рассказывал и размашистым движением руки указывал на густые леса в горах...

Радисты же спокойно устанавливали радиомост с Большой землей. Когда рация была развернута, Малышев подключил батареи и взялся за ручки настройки. В наушниках появились шорохи, писк, потрескивания. Но волшебник-радист нашел нужные ему сигналы. Положив перед собой листок бумаги с текстом радиограммы, он начал свой разговор со штабом фронта. В эти минуты особенно красивым показался Антону Гоменко его друг Николай Малышев. Необыкновенны были его пылающие глаза, когда он поймал позывные сигналы радиоцентра. Торжество переполняло Николая, на пухлых юношеских губах появилась улыбка. Кисть правой руки, лежавшая на телеграфном ключе, совершала удивительно быстрые и точные движения, от которых в эфир стремительно улетали знаки азбуки Морзе. Пройдет немного времени, и командование прочтет радиограмму № 1, подписанную Юрием: это был псевдоним Сухова.

В радиограмме будет написано:

«Благополучно приземлились в семи километрах юго-восточнее города Валашске-Мезиржичи. Форсировав реку Бечва, движемся к намеченной цели в Моравско-Силезских Бескидах...»

Метель не утихала и днем, а к ночи ожесточилась. Преодолевая косогоры, ложбины и балки, разведчики глухой ночью оказались у хутора недалеко от деревни Зубржи. Сухов и Шваб

приблизились к небольшому каменному дому, постучали осторожно в окно. Через минуту, скрипнув, открылась дверь. На пороге показалась высокая, чуть сгорбившаяся женщина. Она пригласила ночных гостей пройти в дом. В жарко натопленной передней их встретил хозяин.

— Нам надо знать, есть ли в этом районе германские войска? — спросил по-чешски Шваб.

— За такой разговор германские власти расстреляют всю мою семью,— неторопливо и неохотно ответил хозяин и сложил на груди обнаженные до локтей мускулистые руки.

Януш повернул голову в сторону, словно ему было стыдно это слышать от соотечественника.

— Поймите, о вашем приходе я должен буду сообщить в полицию,— сказал крестьянин.— Иначе нас всех уничтожат, а дом сожгут.

— Если дорога семья, то никому не говорите о нашем приходе,— посоветовал Сухов. У хуторянина вспыхнула улыбка: он услышал русскую речь. Это было неожиданно!

— Нельзя, приказ, а приказы надо выполнять,— после короткого раздумья ответил коренастый чех, всматриваясь в незнакомцев. «Кто знает, кто вы такие? Наши друзья или только выдаете себя за партизан, чтобы потом расправиться с нами?» — подумал он и еще раз повторил: — Приказы надо выполнять...

Когда ночные гости уходили из дома, хозяин, как бы между прочим, сказал:

— Если вам очень надо встретиться с германскими офицерами, то можете пройти в Зашову, Рожнов или Валашске-Мезиржичи...

— Спасибо, папаша, за совет,— ответил Сухов.

4

Разведчики медленно взбирались на гору. Шаг настороженен, автоматы наготове. Они шли согнувшись, след в след, пряча лицо от ветра в поднятые воротники пальто. Уши шапок опущены, стянуты на подбородке. Вещевые мешки, казалось, налились свинцовой тяжестью. Под сапогами хрустел снег.

Успокаивается ненадолго пурга, усиливается мороз. Между густыми тучами над остроконечными макушками горных вершин выглянула луна. Она осветила холодными лучами заснеженный лес и горную дорогу, которая, извиваясь, уходила все выше и выше к хребту.

Бескиды, Бескиды! Большая горная страна. Хитроумно, по

воле природы сплелись в единую систему Низкие, Сондецкие, Средние, Словацкие, Силезские, Моравско-Силезские Бескиды... Сколько лесов вы взрастили, какие богатства храните в себе! Сколько рек начинает свой стремительный бег с ваших вершин! О многом могли бы поведать их говорливые студеные воды.

Сквозь свист и завывание ветра снизу, из-под горы, доносилось рычание автомобилей. Временами раздавался ритмичный стук колес, громыхание железнодорожных составов. «Что перевозят гитлеровцы? Куда везут? — думал Сухов.— Надо поскорее обосновываться и начинать работу. Штаб ждет от нас сведений!»

К утру разведчики оказались на горной равнине. Остановились передохнуть. Сухов и Малышев ушли искать подходящее место для базы. Они осмотрели не один склон лесистых гор, прежде чем натолкнулись на покатую, с редким лесом балку на горе Ништин.

— Кажется, нашли то, что надо,— переводя дух, сказал командир.

Едва Николай Сухов успел ногами разгрести под чахлым кустом маленькую площадку, как кто-то сказал:

— Лес дрянь: днем насквозь просвечиваться, небось, будет. Неужели приличных зарослей тут нету?

— Почему же нет? Есть. Но здесь безопаснее. Палатки натянем над самой землей, накроем куполом парашюта и припорошим снегом. Фашистам и в голову не взбредет, что мы сидим здесь.

— Тише! — насторожился Гоменко.— Кажется, какая-то тревога...

Издалека, разрывая тишину, донесся вой сирены. Потом послышались частые гудки паровоза. Заглушая их, прогрохотал моторами невидимый в небе самолет.

— Наш летит. Наверное, заблудился,— озабоченно произнес Гоменко.

— На восток пошел, значит, не заблудился,— ответил Шваб.

Наступило 23 февраля последнего военного года. Капризна зимой погода в моравских горах. Опять подул холодный ветер, пурга усиливалась с каждой минутой. Все потонуло в снежной круговерти. Только часам к девяти утра ветер разорвал снежные тучи, разогнал их и утих. Из голубой бездны выглянуло солнце. Над горами пронеслись самолеты. Где-то вдали стреляли зенитки.

Гоменко и Шваб смотрели в сторону железной дороги.

— Паровозы и здесь гудят,— ответил Гоменко.— Знать, война не научила фашистов затыкать им глотку.

— Вот и хорошо,— откликнулся Шваб.— Так легче эшелоны контролировать. Не пропустим: у поворота все подают гудок, да и на разъездах тоже сигналят.

С горы Ништин открывался вид на заснеженную долину. У самого подножия ее пролегает железная дорога. Рядом змейкой вьется забитое вражескими грузовиками и конными повозками шоссе. За поворотом, на северо-восток, в нескольких километрах — станция Моржков. Километрах в шести от нее Верховице. На юго-запад от вершины горы видна станция Кргова. До нее не более пяти километров. За перевалом скрылся городок Валашске-Мезиржичи. С другой стороны горы, на южном склоне, деревня Зубржи, а дальше — село Зашова. Позднее разведчики узнают, что почти во всех окрестных деревнях и селах противник разместил гарнизоны своих регулярных войск или полиции.

Разведгруппа приступила к выполнению боевого задания. Все работали четко, слаженно, понимая друг друга с полуслова. Парами и в одиночку уходили они со своей базы для сбора сведений о противнике. За железной дорогой Валашске-Мезиржичи — Френштат и шоссе, проходящим рядом с ней, установили круглосуточное наблюдение.

Возвращаясь на базу с очередного задания, Януш Шваб встретил в лесу человека. Это был пожилой чех из села Зашова, оказавшийся весьма общительным. Он рассказал, что неподалеку отсюда расчищает лес от валежника и что работы тут ему хватит на месяц, а то и того больше.

На следующий день Шваб опять отправился по знакомым тропам. Шел осторожно, всматриваясь в каждый куст, оценивая обстановку. Наконец он увидел чеха из Зашовы, с какой-то ловкостью и изяществом обрубавшего сучья валежника. Так работать топором может только профессионал. Ничего подозрительного вокруг Шваб не заметил и подошел к лесорубу. Тот встретил Шваба приветливо. Разговорились. Януш сказал, что он партизан и очень рассчитывает на помощь чеха в снабжении продуктами питания. Лесоруб насторожился, стал говорить о материальных трудностях, упомянул о строгости оккупационного режима и тут же задал Швабу несколько пустяшных вопросов. Шваб посмеялся про себя — прощупывание было нехитрым — и похвалил чеха за бдительность. Рабочий был осторожен. Кто знает, может быть, человек, назвавший себя партизаном, провокатор! Ставка очень велика: жизнь. К концу беседы рабочий все-таки поуспокоился и отдал Швабу все свои запасы еды. Пообещал на следующий день принести еще кое-что.

Потом, когда события сблизили Шваба и лесоруба, они со смехом вспоминали собственную нерешительность и перестраховку. Но что поделаешь, оба боялись провалов: за каждым из них стояли люди.

Однажды лесоруб пообещал познакомить Януша и его друзей с антифашистом из села Зашова сорокашестилетним Людвигом Кубятом.

...Вечером Сухов и Шваб покинули базу и ушли в село Зашова. На улице было уже темно, когда никем не замеченные подошли они к домику, уютно спрятавшемуся за деревьями сада, огороженного штакетником. Это был типичный для сел Моравии одноэтажный, с небольшими окнами деревянный, на каменном фундаменте дом с двускатной высокой черепичной крышей.

Перешагнув порог, Сухов с минуту стоял со смешанным чувством радости, любопытства и вдруг нахлынувшей тревоги. Он отвык от жилья. Сейчас ему казалось, что там, в лесу, простор, а тут, в здании, он зажат стенами. Спустя некоторое время у него закружилась голова от запахов горячей пищи. Нахлынули дорогие сердцу воспоминания...

Разведчиков встретила невысокая, уже немолодая, но подвижная с лучистыми морщинками у глаз хозяйка. Она улыбнулась на приветствие гостей. Сухов крепко пожал загрубевшую от работы руку. Тотчас же из соседней комнаты вышел хозяин. Вслед за ним появился его приятель, высокий, сухощавый, седеющий, в клетчатой рубахе, поверх которой был надет темносерый жилет. Это был Людвиг Кубят. На первую встречу с представителями советской разведгруппы он пришел не один. Вместе с ним были еще трое активных антифашистов.

Приземистое жилище с плотно зашторенными окнами и еле освещенное настольной электрической лампой быстро наполнилось табачным дымом. Раскрыли дверь в коридор, и поток ночного прохладного воздуха освежил возбужденные лица людей.

С первого взгляда на скуластое, исхудалое лицо Кубята Сухов догадался, что он прожил нелегкую жизнь. Репрессии и лишения сильно подорвали его здоровье. Однако взгляд его был быстр и решителен.

Окончательно поняв, кто перед ним, Кубят загорелся желанием активизировать борьбу с гитлеровцами, захватившими его родину, отомстить за гибель близких друзей.

О своих товарищах Людвиг Кубят говорил с нескрываемым чувством гордости.

— У нас в Зашова антифашистов пока не есть много,— рассказывал советским разведчикам Кубят. Его хриплый голос был

негромким, но слушать его было приятно. Кубят говорил по-русски, неторопливо, продумывая каждое слово.— Это есть очень корошо, что мы вас споткали, то есть встретили. Мы имеем корошний народ, готовый, как у вас говорят, на любой подвиг. Но нам надо иметь ваша помощь как добрый совет. Так что вы нам бардзо нужны, судруги.

— Товарищ Кубят, скажите, пожалуйста, есть ли у вас последователи? — спросил Сухов.— Что уже сделано?

— Корошо. Я скажет. Нас пока есть еще бардзо мало. Нет и двадцать человек, но у нас скоро будут много активный помощник. Фактически мы работает меньше одного року, около шесть месяцев, и сделал очень мало.

— Что же все-таки уже сделано?

— Мы помогал народу, который бежал из фашистский плен, из дулаг, из лагерь. Мы также помогал всем гражданам, который преследуется фашистами за коммунистицке настрой. Помогаем партизанам, кто скрывайся в лесу наш край.— Кубят подумал о чем-то и продолжил: — Как-то летом в року сорок четвертый в Зашова германцы пригнал два автобус солдат и четников, полицейских. Они искал партизан. Обыскал все дома в селе, а потом шукал партизан в окрестный лес. Тогда некоторый жители наш село начали ховать партизан. Ховали их в надежный место, кормили и давали одежда. С то время патриоты действуй до настоящий день...

Кубят рассказал, что на борьбу с фашизмом поднялись люди разных возрастов и социального положения. Это и умудренные опытом рабочий Фердинанд Корговяк, домохозяйка Амелия Корговяк, лесник Ян Счастный, крестьянин Франтишек Лев. Это и девятнадцати-двадцатилетние парни и девушки. Всех их объединило одно: жгучая ненависть к фашистам.

— На какую реальную помощь подпольщиков мы можем рассчитывать? — спросил Сухов.

— Для советских судругов труд, время, силы и средства мы не пожалеем. Надо воевать сообща. Тогда мы быстро добьемся победа.— И подумав немного, добавил: — Обстановка здесь очень сложный.— Его скуластое, худое лицо помрачнело.— Многие истинный патриот Чехословакии германец арестовал и уничтожил.

— Прошу вас, судруги, будьте внимателен,— вступил в разговор Вашат, один из товарищей Людвига.— Здесь нет доверяй 'каждый человек. Германец прислал сюда много, очень много свой шпион. Они добиваются наш доверие, ходят тут под видом партизан или пленный, который бежал из дулаг.

— Спасибо за предупреждение.

— В случай опасность уходите в горы. Они вас укроют от любой враг,— продолжал антифашист.

— Мы любим горы,— сказал Кубят.— Там летом много короший трава, лес. Без гор мы не проживешь. Наш партизан тоже любит горы. Для них это родной дом. Германец нет сил достать вас в горах. Советую полюбить горы.

Сухов внимательно слушал и мысленно восхищался этими бесстрашными борцами, нашедшими в себе мужество в условиях жесточайших репрессий вступить в борьбу с гитлеровскими фашистами, за свободу и независимость родной Чехословакии...

А потом разведчики рассказывали чехам о Советском Союзе. Казалось, вопросам не будет конца. Но Сухов предложил разговор продолжить в другой раз. Долго засиживаться нельзя...

Прощаясь, Кубят с каким-то сожалением сказал:

— Извините, судруги, что не угостили вас пильзенский пиво. Германцы пьют. И сливовица нет. Даже наших знаменитых шпигачки не можем предложить.

— Шпигачки как-нибудь сделаю,— пообещал Вашат.

С этого дня группе Сухова стали активно помогать антифашисты-интернационалисты села Зашова: Людвиг Кубят, Франтишек Лев, Фердинанд Корговяк, Вит Вашат, Ян Счастный, Богумир Кубят...

У десантников появились и другие надежные помощники. Крестьянин из села Моржков охотно согласился контролировать перевозки фашистов по шоссейной дороге, проходящей около его дома. Патриот из села Зубржи сообщал важные сведения о вражеских гарнизонах окрестных населенных пунктов. К тому же он нередко выручал разведчиков раздобытыми какими-то путями продуктами питания. Помогали крестьяне из деревень Кргова, Весела...

Честные патриоты Чехословакии с готовностью, рискуя жизнью, выполняли свой интернациональный долг.

К Сухову стекалась ценная информация.

Радисты Гоменко и Малышев ежедневно выходили на связь со штабом фронта. Юрий докладывал:

«По южному склону Моравско-Силезских Бескид вдоль шоссейной дороги Валашске-Мезиржичи — Рожнов противником вырыты траншеи в полный профиль, сооружены дзоты в следующих точках... Траншеи вырыты также вдоль шоссейной дороги Валашске-Мезиржичи — Френштат...»

«В течение суток по железной дороге из Валашске-Мезиржичи на Френштат прошло 11 эшелонов с личным составом и боевой техникой противника. При этом на открытых платформах

перевозились... В сторону Валашске-Мезиржичи в течение суток прошло 8 эшелонов (всего 132 вагона) с разбитой на фронте боевой техникой гитлеровцев...»

«Докладываю численность гарнизонов вражеских войск в населенных пунктах...»

«В западном направлении за сутки прошло 7 железнодорожных эшелонов общей численностью 105 вагонов, из них 63 вагона с ранеными солдатами и офицерами вермахта...»

«Гитлеровцы поспешно демонтируют и эвакуируют в Германию оборудование заводов из следующих чехословацких городов...»

После утомительного сеанса радиосвязи Малышев задремал. Его разбудило негромко сказанное кем-то слово:

— Фашисты!

Густые черные тучи плыли над горами. Тишина и зябкий, сырой воздух мгновенно наполнились затаенной угрозой. Послышались выстрелы. Сначала одиночные, а затем короткие и длинные автоматные очереди.

— Каратели хлынули на гору,— с каким-то особым хладнокровием сказал Сухов.— Приготовиться к бою!

— Пусть попробуют подойти! — ответил Малышев и крепче сжал в руках свой автомат.

— Чего им тут надо? — негромко сказал Гоменко, продолжая внимательно следить за карателями.

Гитлеровские солдаты, жандармы и полицейские прочесывали густой лес на горе Ништин...

Беда прошла совсем рядом с разведчиками, но не коснулась их. Довольные удачным исходом, они лежали в замаскированной палатке, натянутой вровень с землей, и с благодарностью смотрели на своего командира, который так удачно выбрал место для базы: в совсем редком, насквозь просматривавшемся ельнике, хотя густой лес был рядом. Его-то каратели и прочесали, обделив вниманием почти голые склоны горы, где притаились разведчики.

5

В оккупированной гитлеровцами Чехословакии широкие слои населения под руководством коммунистической партии вели освободительную борьбу. Участвовали в ней и антифашисты села Зашова. Теперь чешские патриоты смелее выводили из строя линии телефонной связи противника, совершали налеты на мелкие гарнизоны и объекты гитлеровцев. Они вели пропагандистскую работу среди местного населения, агитировали рабочих и крестьян окрестных станций и сел на срыв про-

водимых оккупантами мероприятий. Антифашисты обеспечивали разведчиков продуктами питания, медикаментами. Неоценимую услугу они оказывали в сборе информации о гитлеровских войсках. Это они предупредили Сухова о сосредоточении в районе Рожнова танков «тигр», сообщали о скрытных переброссках войск, о гарнизонах, оборонительных сооружениях, аэродромах, складах боеприпасов противника...

6

Когда был окончен очередной сеанс радиосвязи с Большой землей, рассудительный Гоменко сказал Малышеву:

— Ты, Николай, поговори с командиром, чтобы длинных радиограмм не писал. А то, не дай бог, гитлеровцы засекут нашу рацию. Сеансы радиопередач надо сократить по времени.

— Много ценных сведений накопилось, нельзя молчать,— ответил Малышев, прекрасно понимая опасность длительной работы рации.

— Лучше маленькими порциями передавать,— настаивал Антон Осипович.

— Наши сведения, и притом самые обстоятельные, в штабе фронта нужны сейчас. Сам понимаешь, служба у нас такая. Будем передавать все, что ребята добывают. Усилим охрану нашей базы. В случае угрозы уйдем отсюда.

— Опасно же... Запеленговать могут.

— Дорогой Антон! Мы с тобой уже в центре Чехословакии. Фашистская Германия обречена. Еще натиск наших войск и гитлеровцам капут. До нашей ли группы им?

— Ты верно говоришь о скорой победе. Но надо знать фашистов, Николай, они будут драться до последнего и окажут самое упорное сопротивление. Вот поэтому и надо быть осторожными...

Действительно, обстановка становилась все более тревожной.

С того часа, когда днем 21 февраля германские власти в Валашске-Мезиржичи и управление охранной полиции во Всетине получили донесения жандармерии о найденных в Видче и Стржитеже грузовых мешках с батареями и продуктами питания русского происхождения, подразделения радиочастей специального назначения люфтваффе и абвера усилили контроль за эфиром. Гитлеровцы мобилизовали все стационарные и подвижные подразделения службы пеленгации и подслушивания. Вскоре им удалось засечь работу каких-то неизвестных

радиостанций, но они были далеко за пределами предполагаемого района действия партизан.

Пеленгаторные станции противника продолжали работать круглосуточно. Данные пеленгации немедленно сообщались по радио и телефону в штабы частей СС и войск по борьбе с партизанами. В конце концов оказалась засеченной и рация группы Юрия. Полетели указания гитлеровцев: в районе горы Ништин обнаружена неизвестная радиостанция. По характеру передач можно утверждать, что она принадлежит русским партизанам.

Антон Осипович Гоменко.

Принять срочные меры для разгрома партизан... Особо обращаю внимание на необходимость пленения командира и радиста... Подготовку к операции по ликвидации партизанской группы закончить 17 марта, с тем чтобы ранним утром 18 марта начать практическое осуществление этого плана...

Ранним утром 18 марта в Зубржи, Зашова, Кргова и некоторых других окрестных населенных пунктах зазвучали команды: «Уничтожить русских бандитов, скрывающихся в лесу на горе Ништин!»

Поднятые по тревоге эсэсовцы и полевая жандармерия заводят двигатели грузовых автомашин и мотоциклов. Все готовы к облаве. Каратели двинулись с разных сторон к вершине горы. Артиллерия и минометы ударили по районам вероятного расположения партизан. Весь день 18-го и до середины дня 19 мар-

та метр за метром прочесывались хвойные леса на горе Ништин, на той горе, где была база советской разведывательной группы, возглавляемой Николаем Суховым...

В головной группе карателей, действовавших на северных скатах горы, шли Альпинист и гестаповский офицер Горт.

Когда до вершины оставалось менее километра, гауптштурмфюрер Горт спросил Альпиниста:

— Почему не стреляют партизаны?

— О, майн герр! Партизаны — это хитрый народ,— ответил агент гестапо.— Они хотят подпустить нас ближе. Я их тактику знаю.

— Шнеллер, шнеллер!

Последние сотни метров крутого подъема Альпинист преодолевал с отчаянным рвением. Разгоряченный, предвкушая радость скорой победы, он потерял перчатки и, взбираясь вверх, хватался обнаженными руками за стволы деревьев, камни, кустарники. Его руки были в крови, в глубоких царапинах и ссадинах, но он торопился и не чувствовал боли. Ему хотелось первым обнаружить укрывшихся на горе партизан.

Но вот на самой вершине горы показались три солдата ягдкоманды, действовавшей слева. Вскоре там же оказался другой отряд, штурмовавший гору с южной стороны. Добралась до цели и группа Горта.

— Где партизаны? — заорал гауптштурмфюрер, обращаясь к Альпинисту.— Ты же уверял, что они здесь?!

— Я был убежден, что они...— начал Брюль и, не закончив фразу, упал на колени перед гестаповцем: — Простите... Я оправдаю доверие...

— Встать!

Альпинист вскочил, вытянулся перед шефом.

— Разоружить! — приказал Горт. Его искаженное злобой лицо в этот момент было страшным. Гауптштурмфюрер неторопливо достал из кобуры пистолет. Впервые в жизни агент увидел черный зрачок направленного на него пистолета, из которого вот-вот могла вырваться свинцовая пуля.

— Свяжите ему руки,— распорядился Горт, вкладывая «вальтер» в кобуру.— Он не достоин расстрела. Пусть трибунал решит, что ему положено — петля или гильотина. В гестапо его! — распорядился гауптштурмфюрер.— Мы разберемся, как он служил рейху.

...Штаб 4-го Украинского фронта, ежедневно получавший радиограммы от Юрия, был обеспокоен тем, что связь с разведгруппой неожиданно оборвалась. Около двух суток операторы

штаба фронта беспрерывно прощупывали эфир, искали позывные рации группы Сухова и не могли найти...

А Николай Александрович в это время вел разведчиков в район города Френштат, к вершине горы Радгошть. Чешские патриоты своевременно предупредили Сухова о предполагаемой облаве. Глухой ночью 16 марта разведчики покинули Ништин...

Когда до горы Радгошть, казалось, было совсем близко, Сухов замедлил шаг, пропустил мимо себя Гоменко со Швабом и пошел рядом с Малышевым.

— Погодка-то какая, просто прелесть,— сказал Коля Малышев, обращаясь к командиру.

— Да, погодка словно по заказу,— ответил Сухов.— Не такая, как на прошлом задании, когда мы пытались по Вигорлату перейти линию фронта... Крепко тогда мы влипли, особенно ты. Я уж решил — все, готов парень. Дым рассеялся, увидел: ты валяешься. Лицо в крови, волосы слиплись. Кстати, все забываю спросить: проходит контузия?

— Голова стала болеть реже, а вот шум постоянный.

— Значит, ты больным полетел в тыл? Как же врачи пустили?

— Я врачам о контузии не говорил... А вот голова трещит. Как-то бы надо снять боль,— сказал Малышев.

— А я до сего времени не слышу на левое ухо, да и правое иногда закладывает. Только ты, Николай, никому об этом не говори, а то прощай моя разведка...

— Ладно, с чего это у тебя так?

— Под Сталинградом... Наш батальон ночью обошел подразделение фашистов с правого фланга и на рассвете бросился в атаку. Противник встретил нас ураганным артиллерийским огнем. Около меня блеснуло пламя. Совсем рядом, почти под ногами, разорвался снаряд. При падении я сильно ударился грудью о землю... Подняться помог друг из соседнего взвода. Я взял свой «дегтярь», и мы опять пошли вперед на вражеские позиции. Бежать уж не мог, ноги подкашивались. Вот тогда-то я и понял, что не слышу никакой стрельбы. Оглох!.. Помню, тогда еще пуля обожгла щеку, перебила ремешок у каски...

И Сухов замолчал.

Разведчики шли по заросшим лесами горным скатам, преодолевая каменные гряды, пока их путь не уперся в небольшую площадку, укрытую ветвистыми елями. Шумя и посвистывая, резвился ветер. Когда ступала здесь нога человека, трудно было сказать. Время, дожди и ветры стерли все следы. Площадка, еще совсем недавно ничем не выделявшаяся среди других небольших горных участков, укрытых лесом, вскоре превратилась

в замаскированную самой природой базу разведчиков. После окончания работ по сооружению жилья Януш Шваб прислушался к горной тишине, взглянул на затухающие в предрассветном небе звезды. Их было много, очень много...

Новую базу разбили в шести километрах юго-восточнее города Френштат. Рация Юрия заработала вновь...

Позднее от антифашистов разведчики узнали, что каратели прочесали все леса на горе Ништин и, не обнаружив там партизан, ушли.

Через несколько дней Сухов решил вернуться опять на более удобное для работы старое место. Он был убежден, что гитлеровцы успокоились и вряд ли в ближайшее время будут вновь искать там партизан. 23 марта разведгруппа возвратилась на Ништин. Сухов радовался тому, что так ловко удалось обвести карателей.

Несколько дней назад здесь рвались вражеские снаряды и мины, свистели пули. А сейчас тишина. Напряженная, настораживающая...

Разведчики возобновили наблюдение за коммуникациями противника, успели повидаться с Франтишеком Львом, Фердинандом Корговяком, Витом Вашатом. Гоменко, Шваб и Малышев побывали у «почтовых ящиков», через которые чешские патриоты Людвиг Кубят и Ян Счастный передавали свои сообщения. То и дело доносились звуки пролетавших самолетов. Советская авиация бомбила вражеские объекты.

В один из напряженных дней бойцы группы Сухова возвращались с разведки железнодорожной станции Моржков. В лесу, недалеко от семафора, они встретили невысокую, стройную голубоглазую девушку, немного знавшую русский язык. Это была Аша Голишова — восемнадцатилетняя чешка из села Стара Зубржи. Уже несколько лет работала она стрелочницей на станции. Почувствовали разведчики, что юная чешка готова на все, лишь бы нанести урон проклятым фашистам.

Аша стала помогать советским разведчикам. Она подсчитывала вражеские эшелоны, проходящие через Моржков. Считала их тщательно, с точностью до вагона. Запоминала, какие грузы перебрасывают оккупанты, шла на станцию и в беседах с железнодорожниками уточняла свои сведения, а потом через «почтовые ящики» в лесу передавала их советским друзьям.

Разведчики искренне благодарили девушку, но их огорчало то обстоятельство, что, когда Аша была свободна от дежурства, она не могла собирать столь необходимые сведения. Как быть? И Аша нашла выход:

— Я поговорю со своей сменщицей Бертой Питровой.

— Не подведет? — спросил Шваб землячку.

— О, нет. Не беспокойтесь. Это очень хороший человек. Я ей верю, как себе.

— Подумай, Аша, как следует,— советовал Януш.— Ты отдаешь свою жизнь в чужие руки. Ошибка может очень дорого обойтись.

— Не беспокойся, Януш. Я хорошо знаю Берту.

— Хватит у нее мужества? Ей же еще только семнадцать лет, моложе тебя...

— Берта очень смелая, умная. Думаю, что она уже связана с подпольщиками своей деревни Вержовице.

Вскоре Берта так же, как и Аша, стала помогать разведгруппе.

Когда Малышев закончил очередную передачу в штаб сведений, полученных от девушек, перед глазами почему-то встала Берта. Он задумался о ней. Его воображение рисовало, как тоненькая, смуглая, она моментально появлялась у «почтовых ящиков» и также неожиданно исчезала в лесу, как легко, бесшумно, чуть-чуть касаясь земли, шла она на встречу... Так и хотелось Николаю подхватить ее на руки и закружиться.

Знают ли родители этих девушек, что сумели воспитать верных патриоток Родины? Знают ли они о смертельно опасном труде своих дочерей, связавших судьбы с антифашистской борьбой, с борьбой за освобождение Чехословакии от гитлеровских оккупантов?

Как-то Николай Малышев рассказал Янушу Швабу, как заботилась о детях его мать, как волновалась за него, а вот сейчас не знает ничего о своем сыне.

Этот разговор растрогал, казалось, беззаботного весельчака Шваба.

— Мама у меня тоже прекрасный человек,— с нахлынувшей грустью сказал Януш.— Когда германцы погнали меня на фронт, говорила, чтобы осторожным был... Жалко маму. Очень жалко. Ждет не дождется конца войны. Меня ждет...

7

Поток информации, стекавшейся к разведчикам, возрастал. Рация работала с полной нагрузкой. Быстро разряжались батареи. Нависала угроза потери радиосвязи с Большой землей. Сухов доложил об этом в штаб фронта. Через несколько дней пришел обрадовавший Юрия ответ:

«Наш связник с двумя комплектами батарей для рации выброшен с парашютом в лесной массив на восточном склоне Гостинских гор...»

Из этой же радиограммы Юрий узнал, что связник — девушка восемнадцати лет, Оксана Сидоренко.

Командир разведгруппы несколько раз перечитал полученный из штаба ответ. Его большие серые глаза повеселели. Скоро он сможет передать командованию всю имеющуюся у него информацию. Однако проходил день за днем, а связная штаба 4-го Украинского фронта на условленное место встречи не приходила...

После очередного безуспешного ожидания Оксаны на высоте 749 Фильчагин вернулся на базу, переговорил с командиром и лег отдохнуть. Сразу же перед глазами встал 1943 год.

...В том году более четырех месяцев Алексей в составе группы, возглавляемой Суховым, был в тылу противника под Никополем. С августа 1943 года. В ноябре каратели начали операцию по ликвидации партизан, укрывавшихся в никопольских плавнях. Разведгруппа оказалась в блокадном кольце.

Однажды утром в небе появился самолет-разведчик с черными крестами в желтом обводе на крыльях. И очень скоро по окруженным партизанам ударила вражеская бомбардировочная авиация и артиллерия. Бомбы и снаряды уходили глубоко в топь и, взрываясь, вздымали черные фонтаны болотной грязи. Казалось, топь кипела. Потом каратели начали прочесывать плавни. Фашисты лезли со всех сторон. Они проваливались по шею, но продолжали стягивать кольцо. Разведчики вместе с партизанами шесть дней вели неравный бой. Вылезли из плавней, когда гитлеровцы ушли, наверное уже доложив об уничтожении всего живого.

И еще припомнился Фильчагину холодный декабрь сорок третьего. Яростный бой. В том бою 12 декабря был ранен в плечо и грудь разведчик Виктор Лапин. Алексей представил, как у его друга кружилась голова от потери крови, как он, преодолевая нестерпимую боль, разлившуюся по всему телу, с трудом выбрался из болотной жижи на кочку. Стиснув зубы, Виктор Лапин поднялся на ноги, сделал несколько шагов. Из рук выпал автомат. Виктор наклонился, чтобы взять оружие, но выпрямиться не смог. Ослабевшие ноги подкосились, он уткнулся лицом в заросшую осокой землю. Вокруг трещали выстрелы, раздавались крикливые команды на немецком языке, но Лапин их уже не слышал. Истекая кровью, напрягая последние силы, он уполз в кусты и, потеряв сознание, распластался на земле.

Через день каратели обнаружили окровавленного, полуживого Виктора Лапина. Они привезли его в село Большая Каменка. Брошенный на пол, Виктор Лапин лежал неподвижно, крепко сжав зубы.

— Где партизаны? Говори! — кричал фашист, стоявший у ног полуживого Виктора. Разведчик с трудом открыл веки и увидел злобные лица врагов. Он понял, что находится в руках гестаповцев.

— Где прячутся партизаны? Отвечай! — надрывались враги.

Виктор молчал. Это молчание и взгляд, полный презрения к фашистам, говорили больше, чем громкие слова. Его били. Приводили в чувство, обливая водой, и опять били, требуя сведений о партизанах.

Виктор Лапин не выдал своих товарищей. Гитлеровцы расстреляли этого мужественного бойца Красной Армии...

Гудок паровоза в Моржкове оборвал воспоминания Фильчагина о прошлом.

8

— Товарищ подполковник! Юрий доложил, что наш связник Броня с запасными комплектами радиопитания в разведгруппу пока не прибыла,— с нескрываемой горечью докладывал капитан начальнику отделения штаба 4-го Украинского фронта.— Неужели...

— Что значит «неужели»?

— Обстановка в районе приземления очень сложная. Всякое может случиться.

— И все-таки хочется надеяться на благополучный исход. Верю в находчивость Оксаны Сидоренко. В тылу противника она не в первый раз. Опытная разведчица. Если не ошибаюсь, это ее восьмое задание.

— Совершенно верно, товарищ подполковник. Пять раз она переправлялась за линию фронта по суше, три раза прыгала с парашютом.

Да, трудная судьба сложилась у Оксаны Сидоренко. Еще не было ей и семнадцати лет, а она уже приняла участие в боях за город Краснодар при отходе наших частей. Дралась в составе роты автоматчиков. В сорок втором трижды была в оккупированном Краснодаре с разведывательными заданиями, выполнила их успешно. Каждый раз приносила ценные сведения.

— Очень смелая,— сказал капитан,— исключительно честная, выносливая. Проявила находчивость при выполнении всех заданий.

— Ну вот, видите — отличная разведчица, а вы не верите в ее успех! Кстати, чем она отмечена за выполнение предыдущих заданий?

— Награждена орденами Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды.

Подполковник поднял телефонную трубку, позвонил начальнику политотдела.

— Товарищ полковник, хотел бы с вами посоветоваться.

— Чем могу быть полезным?

— На днях мы направили одну девушку в глубокий тыл противника. На восьмое задание. Дважды награждена. Как вы думаете, не следует ли послать в ту часть, где она служила ранее, письмо с благодарностью за воспитание хорошей комсомолки. Там ее принимали в члены ВЛКСМ.

— О ком вы говорите?

— О младшем сержанте Сидоренко.

— Знаю, знаю Оксану Сидоренко. Прекрасный человек вырос. Ваше предложение одобряю. Напишите в политотдел. Не забудьте направить письмо и ее родителям, вырастившим прекрасную дочь.

— К сожалению, их нет в живых.

— Давно?

— Отец умер, когда Оксане не было и семи лет. Мать погибла в начале войны в Краснодаре при бомбежке.

— Братья, сестры, наверное, есть. Пошлите им.

— Связь с сестрами у нее оборвалась. Точнее, война эти связи оборвала. Братья на фронте...

Оксана Сидоренко, обвешанная со всех сторон сумками — по бокам висели батареи, спереди вещевой мешок, сзади парашют,— благополучно приземлилась в Северной Моравии, в лесу около села Гостелково. В мелком густом ельнике она спрятала свой драгоценный груз и пошла к месту встречи с разведчиками.

Несколько дней пробиралась Оксана в район действия группы Николая Сухова. Шла по местности, занятой немецко-фашистскими войсками. Нередко ей приходилось делать большие крюки для того, чтобы обойти участки, на которых велись работы по созданию оборонительных сооружений. На лесных тропах она не раз видела патрули вермахта. В дневное время отсиживалась в кустах, горных расщелинах, лесах. Шла только в темное время суток, стороной обходя населенные пункты, вражеские гарнизоны.

Уже два дня не было во рту ни крошки хлеба. Устало ворочались мысли: что же делать?.. Хотела поточнее сориентироваться и с этой целью решилась побеседовать с встретившейся в лесу женщиной, ее дочерью и сыном. Но они не знали русского языка, а Оксана не владела чешским.

На третий день вечером Сидоренко внезапно заметила нескольких гитлеровских солдат, спрятавшихся за деревьями и наблюдавших за ней. Они были метрах в ста пятидесяти. Девушка почувствовала неприятный холодок, а потом метнулась в заросли. На бегу достала пистолет, взвела курок. Гитлеровцы бросились за ней, открыли огонь. Когда Оксана очутилась в густом ельнике, пробежав по нему метров пятьсот, то с облегчением поняла, что удалось оторваться от преследователей. «Плохие, значит, попались вояки, если не смогли подстрелить,— подумала она.— Видно, еще не пришел тот миг, когда мое сердце должно остановиться». И девушка быстро зашагала дальше. Ее путь пролегал на северо-восток по лесам, таившим много неожиданностей.

6 апреля разведчица стороной обошла Зашову и к утру 8 апреля была у горы Ништин. Пошатываясь, еле волоча ставшие непомерно тяжелыми сапоги, Оксана начала взбираться на гору. Она поднялась на вершину и около тригонометрической вышки, у закопанного в землю бетонного столбика с отметкой № 749, с его северной стороны, под камнем спрятала согнутый вчетверо листок бумаги из ученической тетради с единственным написанным на нем словом «Ель». Оксана осмотрела местность с вершины горы и, не заметив ничего подозрительного, ушла.

Вечером, когда за горами скрылось солнце и в небе уже зажглись первые тусклые звездочки, Фильчагин с одним из своих друзей пришли к тригонометрической вышке и нашли записку с обусловленным паролем.

— Прекрасно! — воскликнул Фильчагин.— Наконец-то пришла наша связная!

Алексей достал карандаш и рядом написал: «Бук». Листок бумаги он положил под тот же камень, где он и лежал.

Разведчики ушли.

На следующий день, это было 9 апреля, с восходом солнца связная штаба фронта вновь была на месте встречи. С большим волнением взяла она в руки оставленную накануне записку. Как она обрадовалась, когда увидела на нем заветное слово «Бук»!

«Знайшлыся! — обрадовалась Оксана.— Тэпэр трэба ждаты разведчиков тут. Добрэ, як бы прийшов кто-то знакомый!»

Не чувствуя более ни страха, ни усталости, голодная и продрогшая девушка спряталась в кустах.

Медленно рассеивалась утренняя дымка. Видимость постепенно улучшилась. В это утро Моравско-Силезские Бескиды показались Оксане Сидоренко необычно красивыми. Сколько красок, какие чудесные тона обнаружила она у наступающего нового дня. От утренней прохлады чуть-чуть знобило. Но вот

вдали она заметила двоих мужчин, осторожно пробиравшихся к вершине горы. И, странное дело, озноб сразу же исчез.

Через некоторое время они поднялись на гору и, осмотревшись, пошли к бетонному столбику. Оксана сумела разглядеть пришедших. Чутьем поняла: это русские, свои.

Сидоренко вышла из укрытия, пошла навстречу. Разведчики с надеждой смотрели на стройную, невысокую, показавшуюся хрупкой девушку с решительным взглядом серых глаз. Но опыт всех троих сдерживал эмоции.

— Кто ты такая, красавица? — приветливо спросил девушку Фильчагин.

— А вы звыдкиля таки молодци? Я — «Ель». А вы?

— Я — «Бук»,— ответил обрадовавшийся встрече Фильчагин.

— Хлопцы, милые! Як довго я вас шукаю...— Обессилевшая девушка опустила руки, словно плети, и не смогла сделать ни одного шага. Фильчагин, заметив слезы на радостном лице девушки, оробел. Он стоял рядом с нею, не зная, как поступить.

— Ну, здравствуй! — в нерешительности произнес Фильчагин и протянул ей свою крепкую руку.

— Ой, добрый дэнь, хлопци! Яка я рада! — Девушка обхватила руками шею Фильчагина и повисла у него на груди, счастливая.

— Идти можешь еще? — спросил второй разведчик.— Надо поскорее уходить отсюда.

И друзья только им известными тропами ушли на базу. «Тоже мне, связная,— рассуждал про себя напарник Фильчагина.— Расплакалась. Хлюпик, а не связная... Видать, впервой в тылу. Таких сразу видно. Сырость только разводят!» Ему и невдомек было, что боевым заслугам этой девушки мог позавидовать и он сам.

Оксана бойко шагала рядом с друзьями. В походке девушки, в ее глазах не чувствовалось ни тяжести многокилометрового перехода по лесным дорогам в тылу противника, ни усталости от бессонных ночей.

До базы оставалось не более пяти километров, как вдруг послышался лай собаки. Один из разведчиков насторожился.

— Ну, чого ты испугался собачьего лая? — с укоризной спросила Оксана.— Не слыхав, як они бряхають?

— Ничто так не тревожит меня, как лай собак. Там, где надо пройти тихо, они обязательно затявкают. А облавы?.. Ты не боишься облавы с собаками?

— Если это облава, то хорошего ждать не приходится. А если...

— Что, если?

— Если это такий случай, который со мною произошел не то на пятом, не то шестом задании, то дрожать не надо,— ответила девушка.
— Что же это за случай? — поинтересовался Фильчагин.
— Это было забавно. Тильки меня встретили разведчики после приземления,— рассказывала Оксана,— послышался лай собак. Мы спрятались за кустами, выясняем, что происходит. Гляжу я, а на меня полным махом летят восемь собак. Здоровенных, страшных. Я выхватила пистолет, только хотела нажать спусковой крючок, один разведчик мне крикнул: «Не стреляй! Нельзя!» Я опустила пистолет. Разведчик что-то крикнул показавшимся впереди трем хлопцам. Те весело засмеялись и приблизились к нам. А собаки уже крутились у наших ног, вертели хвостами.
— Так кто же были эти люди? — спросил любознательный разведчик.
— Пастухи. Самые настоящие пастухи. Им показалось, что за кустами волки. Ну и спустили своих псов... Вот яки дела случаются.
— И не испугалась собак?
— Почему же не испугалась. Испугалась, конечно. Я даже дворняжек боюсь, а тут страшенные псы...
Разведчики и не заметили, как пролетело время.
— Вот мы и дома,— негромко сказал Фильчагин Оксане, когда приблизились к базе.
— А деж наша хата? — пытаясь шутить, спросила девушка, окинув взглядом гору.
— Ты и не видишь?
— Пока ничего не бачу: ни палацу, ни хаты.
— Вот что значит хорошая маскировочка. Скажу тебе откровенно: сам Ян Счастный, местный лесник, и тот не находит нашего жилища. Он так и не догадывается, что мы живем в охраняемом им участке леса.
На базе разведчики накормили девушку, она ушла в палатку и моментально заснула. Спала, подложив под щеку маленький кулачок. Дыхание ее было легким, едва заметным. Боясь потревожить сон девушки, разведчики разговаривали шепотом.

9

Начался новый день. Стрелочница железнодорожной станции Моржков Берта закончила ночную смену дежурства, отличавшуюся от предыдущей только тем, что на этот раз в течение ночи в сторону Френштата прошло не двенадцать, а пятнадцать

воинских эшелонов и во встречном направлении проследовало на семь составов больше.

Свободная от служебных забот, Берта привычно семенила по шпалам железнодорожного полотна, направляясь к остановившемуся на станции эшелону с зачехленными на платформах грузами. Она попыталась подойти поближе к составу, но часовой грубо обругал ее и отогнал. Берта попыталась было сунуться в комнату дежурного по станции и там, если удастся, выяснить, какой все-таки груз перебрасывают гитлеровцы из Валашске-Мезиржичи, но у дежурного сидел гитлеровский офицер. Она попыталась подойти к паровозу и поговорить с кем-нибудь из членов бригады, но и тут ее не подпустили. Расстроенная, девушка уже отошла от состава метров на пятьдесят, как вдруг ее окрикнул властный голос. Берта остановилась. Подошедший к ней офицер СС потребовал предъявить документы. К счастью, на этот раз все обошлось без осложнений, и Берта ушла домой. Двумя днями раньше, когда стрелочница беседовала с часовым, сопровождавшим эшелон с артиллерийскими орудиями, могло быть хуже. Подошедший к ней какой-то тип в гражданском грубо толкнул в плечо и потребовал, чтобы она шла вместе с ним в отделение гестапо. Спас от возможных неприятностей встретившийся на перроне начальник станции.

Поздним вечером, когда лес погрузился в темноту, Гоменко принес из «почтового ящика» записку со сведениями о перебросках за истекшие сутки войск и боевой техники противника по железной дороге через станцию Моржков.

Спустя несколько дней Берта вновь появилась на станции Моржков, когда там стояли два воинских эшелона. Она увидела на платформах разбитые артиллерийские орудия, танки, автомашины и много, очень много токарных, фрезерных, сверлильных станков. Позднее ей станет известно, что это были станки с демонтируемых фашистами чехословацких заводов. На этот раз девушка шла домой и не замечала, что за ней следил гестаповец. За домом, в котором жила патриотка, за всеми лицами, с которыми она встречалась в нерабочее время, гитлеровцы установили наблюдение...

В Зашове гестапо, СС и полиция организовали засады в нескольких домах, жители которых подозревались в связях с партизанами. Отделение эсэсовцев круглосуточно сидело в доме чеха, недалеко от обувного магазина фирмы «Батя». Они ждали прихода туда партизан. Но надежды не оправдались. Засаду через неделю сняли, а спустя два дня в этот дом к подпольщику пришли Шваб и Малышев за приготовленными для разведчиков продуктами.

10

Сухов разбудил отдыхавшего Фильчагина и посоветовал ему, не теряя времени, двигаться за спрятанными Оксаной батареями. Почти одновременно поднялся Шваб.

— Пора вставать и ей,— строго сказал Сухов.— Будите!

С большим трудом проснулась Оксана. Открыв глаза, быстро проверила, на месте ли пистолет, поднялась и, взглянув в привезенное с Большой земли маленькое трофейное зеркальце, аккуратно причесала пышные русые волосы.

В ночь на 10 апреля Фильчагин, Шваб и Оксана в сопровождении чеха Фердинанда Корговяка отправились в путь. Им пришлось вброд переправиться через две реки, пересечь тщательно охраняемые фашистами две железные и две шоссейные дороги, по которым днем и ночью противник перебрасывал войска. Утром 12 апреля груз был найден.

Оксана Сидоренко и ее товарищи лесными тропами возвращались на базу. Впивались глазами в темноту, вслушивались в лесные шорохи, таившие много неожиданностей. К полуночи лес поредел, заросшая тропа сделала крутой поворот, обогнула высокую ель и змейкой пошла вниз. Разведчики оказались на опушке. В полукилометре виднелась освещенная луной река. Слева — плотина. До нее не более километра... Совсем рядом раскинулось вдоль реки село Быстрица.

— Кажется, у плотины спокойно,— тихо сказал Фильчагин и приказал двигаться к ней по опушке, укрываясь за деревьями и кустарником. Указательный палец правой руки Алексея лег на спусковой крючок автомата.

— Судруги! — негромко сказал Фердинанд, обращаясь к советским друзьям,— вы не волнуйтесь. Все будет хорошо...

Разведчики крепче сжали в руках оружие. Они готовы к бою. «Неужели пронесло? — подумала Оксана, когда сделали последний шаг по плотине.— Теперь скорее бы до леса добраться».

Река осталась уже позади. Оксана и ее спутники скрылись в лесу. Девушка, обогнув большой куст, решила выйти к проселочной дороге, спускавшейся с холма к реке. Она ступала по земле осторожнее лесного зверя, прислушиваясь и улавливая каждый шорох и звук. Только вынырнула из-за кустов, как увидела парный патруль гитлеровцев, подкрадывавшихся к большому камню, за которым укрылись Фильчагин и Корговяк. Отскочила назад за кусты и, когда фашисты миновали ее, не теряя времени, нажала спусковой крючок. Тотчас же раздалась короткая автоматная очередь: еще кто-то бил по фашистам. Один из разведчиков и Оксана подбежали к сраженным фашистам, взяли их оружие.

— Ого, ничего себе гусь! — пробурчал боец.— Ты скосила офицера вермахта. Что у него за документы?.. Так... А этот, второй вояка, был рядовым... Я вижу, ты смелая дивчина. Молодец.

Послышался размеренный стук немецких автоматов. Стреляли около Быстрицы.

Разведчики, маневрируя, под покровом ночного леса ушли в безопасный район.

Лесная мгла тревожила гитлеровцев, вызывала в них страх. Они, до зубов вооруженные, боялись чужого леса. Их страх усилился, когда наткнулись на два трупа своих соотечественников.

...В тот же день Юрий передал радиограмму:

«Связная штаба фронта благополучно прибыла к месту назначения. Два комплекта радиопитания доставлены в исправности и своевременно...»

Оксана Сидоренко выполнила поставленную ей задачу, проявив мужество и настойчивость. В трудных условиях, на чужой земле, не зная местного языка, отважная комсомолка разыскала Сухова. Доставленные ею батареи оживили рацию. На Большую землю вновь полетели донесения о вражеских войсках. Через две недели после окончания войны Оксане разрешат демобилизоваться, и она уедет в свои родные края. Дочь Родины, представительница своего пламенного поколения, с честью исполнила долг.

А пока связная штаба фронта остается в разведгруппе.

11

Все длиннее становились дни, сильнее припекало апрельское солнце. Теплый весенний ветер гулял в горах Моравии, а Николая Сухова знобило, он метался в бреду. Дальнейшее пребывание его на базе стало невозможным. Требовалось лечение. Чехословацкие патриоты предложили укрыть командира в доме рабочего-антифашиста Фердинанда Корговяка.

Поздней ночью Николай Александрович, сопровождаемый двумя разведчиками, покинул базу. Все трое спрятались около села Зашова, в лесу. Минут через сорок туда же должен прийти Людвиг Кубят, выразивший готовность проводить Сухова до дома Фердинанда. Вдруг послышались чьи-то шаги. Хрустнула сухая ветка. Совсем близко зашевелились кусты.

— Неужели облава? — прошептал Фильчагин.

Сухов схватил автомат:

— Приготовиться к бою!

— Не стрелять! — тотчас же послышалось из-за кустов.— Это я, не узнал, что ли?

— Так это же Людвиг! — обрадовался Фильчагин.

— Вот черт, чуть не натворили ерунды. Зачем же приходить раньше времени?

— Корошо, корошо,— успокаивал Кубят.— Все обошлось корошо... Я освободился раньше, чем думал... А теперь, судруг Николай, пойдем. Фердинанд уже ждет. Там будет корошо. Поправишься.

До соединения группы с наступавшими частями Красной Армии Сухов находился там. Хозяйка дома Амелия, худень-

Людвиг Кубят.

Вит Вашат.

кая, добродушная женщина, ухитрялась как-то достать медикаменты, лечила советского воина.

С того времени разведгруппой командовал Алексей Фильчагин. Рано ушедшие из жизни отец и мать — они умерли, когда Алексею не было и десяти лет — научили его любить родную землю. Перед войной женился. В ноябре сорок первого, на девятнадцатом году, ушел в армию. Высокого смуглолицего солдата зачислили в воздушно-десантные войска. Вместе с Суховым пришел в разведку и никогда более не расставался с другом.

Уважали бойцы своего нового командира. Шутка ли сказать, пятый раз находится в тылу врага. Сколько же раз он испытывал судьбу!

Фильчагин хорошо знал своих друзей. Трудная и опасная работа еще на предыдущем задании в Словакии сплотила их.

В ночь на 26 августа 1944 года десантировались они в Восточную Словакию. Группа действовала в пятидесяти километрах северо-восточнее Кошице, в районе города Гуменне.

Тогда в штаб фронта ежедневно докладывали о перебросках войск и боевой техники противника. Алексей на всю жизнь запомнил донесение, направленное 4 сентября, в котором сообщалось: «В Стропкове расквартированы пехотные и танковые подразделения гитлеровцев, предназначенные для разоружения словацких частей...»

Довоевался Гитлер! Стал силой разоружать тех, на чью помощь рассчитывал.

Как-то разведчики сообщили своему командованию о вражеском эшелоне с боеприпасами, обнаруженном на полустанке. Через несколько часов советская авиация отыскала состав в Медзилаборце. Два советских штурмовика обрушили по вагонам ураганный огонь из пушек и пулеметов, обстреляли реактивными снарядами, сбросили бомбы. После того как наши «Илы» исчезли, часа два еще полыхало пламя на железнодорожной станции, рвались боеприпасы в охваченном пламенем эшелоне.

12

— Товарищ Алексей! С Бертой неладно,— с тревогой сказала Аша при встрече с Фильчагиным.

— Что с ней?

— За нею следят германцы.

— Почему ты так думаешь?

— К нам в будку зачастили полицейские, солдаты и какие-то люди в гражданской одежде. Раньше этого никогда не было. Спрашивают о Берте... Она мне говорила, что несколько дней назад, когда была на станции Моржков, чтобы проверить, какой груз везли фашисты в эшелоне, к ней подошел какой-то тип и спросил: «Что ты тут ищешь?» Берта ответила, что ничего не ищет, тогда тот погрозил ей пальцем и сказал, что она излишне часто появляется на станции. И добавил: «Это может плохо кончиться!»

— Ты предупреждала ее об осторожности?

— Конечно, но она говорит, что осторожничать некогда. Надо помогать русским, а то скоро эта помощь им не понадобится. Красная Армия наступает, и сведения о германцах нужны сейчас, а не тогда, когда русские солдаты будут здесь... Она, конечно, правильно говорит. Я с ней согласна.

Беспокойство Фильчагина усилилось, когда Малышев, вернувшись от «почтового ящика», доложил:

— От Берты нет сведений. «Почтовый ящик» пуст.

— Неужели стряслось что-нибудь с девушкой? Только этого нам не хватало.

— Берта знает, где находится наша база? — спросил Малышев.

— Нет, конечно. Но на всякий случай надо приготовиться к смене базы. А я, пожалуй, пойду на место встречи с Бертой. Может быть, придет.

Извилистая лесная тропинка привела Фильчагина к упавшему дереву, на котором сидела Берта. Мрачная, со слезами на глазах, она, увидев Алексея, закрыла лицо ладонями и зарыдала.

— Что с тобой? — спросил Фильчагин, присевший рядом. Его тревога усилилась. Берта не могла произнести ни одного слова. Она горько плакала. Фильчагин попытался сказать ей что-нибудь утешительное, но у него это не получилось.

— Успокойся! Что случилось?

— Кажется, я попалась,— чуть слышно ответила Берта. В это время она, согнувшаяся, сжавшаяся в клубочек, была неузнаваема. Куда делась ее удаль, смелость!

Берта рассказала, что она видела, как за нею следили незнакомцы, когда она появлялась на станции. Она заметила слежку и за домом, в котором живет...

— Возьмите меня к себе! — попросила Берта.

— Тобой рисковать не имеем права. На нашу базу в любое время могут напасть каратели...

— Что же делать? Что делать? — спрашивала Фильчагина отчаявшаяся девушка.— Домой идти нельзя, в будке сидеть тоже нельзя. Ну укройте же меня у вас! Я буду воевать вместе с вами. Не подведу. У меня много сил, я смелая. Вы в этом убедитесь. Поверьте мне! Прошу вас...

— Успокойся. Что-нибудь придумаем. Скажи, у тебя родственники вдали от Моржкова есть?

— Никого нет.— Голос у девушки окреп, и она оживилась: — Надежда только на вас, советские товарищи.

— Ну, давай договоримся так. До ночи ты пока укройся в лесу, подальше от будки. А в десять часов приходи сюда. Подготовим для тебя надежное место.

13

В давно неремонтированной комнате за канцелярским столом, на котором лежала кипа служебных бумаг, сидел, развалясь в кресле, пожилой тучный эсэсовец. Он бросал гневный

взгляд то на стол, то на неловко стоявшего перед ним невысокого мужчину в гражданском костюме, только что приехавшего из Зашовы. Напряженную тишину нарушали гул пролетавших самолетов и отдаленные выстрелы зенитных орудий.

Штурмбанфюрер хотел что-то сказать своему подчиненному, но зазвонил телефон. Доложили, что партизаны уничтожили подвижную радиостанцию.

— Что? Радиостанцию? — закричал разъяренный гестаповец. Его голос сорвался.

— Да, около Рожнова.

— Ту самую, которая обслуживает ягдкоманду?.. Черт побери! Вместо того, чтобы нам истреблять партизан, они, эти бандиты, нас уничтожают.

— Где Альпинист? Арестовать его!

— Он убит на радиостанции...

14

В штаб 4-го Украинского фронта ежедневно поступали сведения о противнике, добытые разведгруппой Юрия. В апреле и начале мая 1945 года группа доносила:

«В западном направлении за сутки прошло 9 железнодорожных эшелонов (222 вагона). При этом проследовало: 79 вагонов с эвакуированным гражданским населением, 42 вагона с рабочими для рытья окопов, 35 платформ с каменным углем...»

«За сутки противник перебросил в восточном направлении 134 вагона с личным составом и 11 платформ с автотранспортом...»

«По шоссейной дороге в западном направлении за день прошло более четырехсот конных повозок с боеприпасами и продовольствием...»

«Все дороги забиты поспешно отступающими немецко-фашистскими войсками...»

«За истекшие сутки по шоссейной дороге из Френштата на запад прошло 2200 грузовых автомашин с солдатами и офицерами вермахта, 3200 конных повозок с боеприпасами и продовольствием, около 700 орудий разного калибра...»

Огненный вал войны неудержимо перемещался на запад. Улицы населенных пунктов наполнялись пылью, взвихренной грузовыми автомашинами, конными повозками, колоннами отступающих солдат вермахта. А 6 мая разведчики увидели передовые части наступающих войск 4-го Украинского фронта. Грозно шли вперед танки, пехота, артиллерия, войска специального назначения. Почти беспрерывно слышался гул моторов

в воздухе: это пролетали бомбардировщики, штурмовики, истребители, транспортные самолеты с красными звездами на крыльях.

В тот день Малышев передал в штаб фронта запомнившуюся на всю жизнь радиограмму:

«Сегодня утром в район наших действий вошли наступающие войска Красной Армии... Группа готова к выполнению очередного задания Родины...»

Николай Малышев свернул рацию и, возбужденный, быстро забрался на вершину Ништина, туда, где родятся облака. Он сдвинул шляпу на затылок, ладонью коснулся лба, чтобы вытереть выступившие капельки пота, и... как бы заново увидел всю эту красоту: горные хребты, долины, ущелья, леса. Как хороша земля, обретшая свободу!

Далеко внизу течет беспокойная Бечва. Серебристой змейкой проползает она в долине. Там Зашова. Недалеко Моржков, Зубржи... Там живут антифашисты, оказывавшие разведчикам неоценимую помощь.

...Фильчагин и его боевые друзья оказались на очищенной от фашистских оккупантов территории братской Чехословакии. Огненный вал войны неудержимо перемещался на запад. Через несколько дней рухнет гитлеровский режим...

По-особенному крепка и дорога фронтовая дружба. Забыть ее невозможно. Разве можно забыть чехословацких патриотов, помогавших советским разведчикам? Сколько добра сделали антифашисты! Мужчины и женщины. Пожилые и юные. Они внесли свой посильный вклад в советско-чехословацкое боевое содружество, скрепленное в жестоких битвах с фашизмом.

* * *

«Здравствуйте!

Получил Ваше письмо и спешу на него ответить. Как Вы уже знаете, наша разведывательная группа, действовавшая в Чехословакии, состояла из рабочих и крестьян нескольких национальностей. Моим заместителем был Фильчагин Алексей Андреевич. Прекрасный боец. Он кавалер орденов Славы. После Великой Отечественной войны демобилизовался и вернулся в свой родной колхоз в Горьковской области.

Старшим радистом группы был Малышев Николай Иванович. Самый молодой в группе боец. Награжден орденом Красной Звезды и медалями. Очень вдумчивый и серьезный. После войны окончил факультет журналистики Московского государственного университета.

Вторым радистом и по совместительству переводчиком был великолепный боец Гоменко Антон Осипович. Кавалер ордена

Славы. Исполнительный, спокойный, рассудительный человек. Большой мечтатель, любитель природы. После войны он уехал на родину, в Черновицкую область.

Бойцом группы был Януш Шваб. Бывший солдат венгерской армии Шваб сдался Красной Армии в плен и пожелал драться против гитлеровцев. Проявил себя очень честным, смелым и выносливым бойцом. Мы гордимся тем, что в нашей группе был такой прекрасный сын братского народа. Сейчас Януш живет в ЧССР. Работает в лесном хозяйстве.

Долгое время ничего не слышал о нашей бесстрашной, мужественной разведчице-комсомолке Оксане Сидоренко. И вот совсем недавно узнал, что она живет и работает в своем родном городе Краснодаре. Замужем. Теперь ее фамилия — Маленко.

В годы Великой Отечественной войны Оксана за выполнение заданий командования в тылу немецко-фашистских войск была награждена орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, орденом Красной Звезды. А в послевоенное время за заслуги на мирном поприще Оксана Дмитриевна Маленко удостоена медали «За трудовую доблесть».

Давно отгремели залпы Великой Отечественной войны. Уже выросло новое поколение людей, знающее об исторической победе только по учебникам, кинофильмам, телепередачам, из печати и рассказов старших товарищей. И чем больше я думаю о военном времени, тем величественнее представляются мне подвиги руководимого Коммунистической партией советского народа. Посильный вклад в это общее дело внесла и наша небольшая, очень дружная разведгруппа. Кстати, на последних двух заданиях (в Словакии и Моравии) состав ее почти не менялся. Разница была только в том, что в Словакию к нам штабом фронта была направлена с запасными комплектами питания для рации комсомолка Екатерина Новоселова, а в Моравию с аналогичными задачами десантировалась ее подруга — Оксана.

Товарищи сообщили мне, что Екатерина Васильевна также живет в Краснодаре.

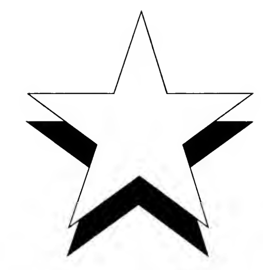
С большой благодарностью вспоминаю я своих друзей-разведчиков и помогавших нам антифашистов-интернационалистов. Восхищаюсь их мужеством и смелостью, верой в победу, умением преодолевать трудности и лишения. Безгранично благодарен Центру, по-отечески заботившемуся о нас — разведчиках.

Что сказать о себе? После войны демобилизовался и вернулся в город Рыбинск. Работаю токарем на том же заводе, на котором трудился и до войны...

Н. Сухов
1975 г.».

Николай Александрович со свойственной ему скромностью не сказал, что за выполнение заданий командования в тылу немецко-фашистских войск он был награжден двумя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды и рядом медалей.

Бывшие бойцы разведгруппы «Юрий» и сегодня в строю, своим трудом они приумножают славу Родины. Только уже нет среди них самого командира: он скончался несколько лет назад.

Год 1943-й... Уже за первый месяц
работы в тылу у врага
Клара Давндюк, раднстка
отряда майора Гнедаша,
90 раз выходнла в эфнр.
Вот скупые строкн радиограмм:
«Колнчество днвизий гнтлеровцев
в районе Пннска... нх вооруженне
н днслокацня... В течеиие суток
ждите заброскн группы
фашнстских шпноиов. Координаты...
Штаб гарннзона Луиннца размещен
в здаинн райнсполкома на Садовой...»
Группа К. С. Гнедаша
во миогом обеспечнла быстрое
форсированне Днепра наступающнмн
советскнмн войскамн, содействовала
успеху Белорусской операции.
Оказавшнсь во вражеском кольце,
Клара Давидюк
н тяжело ранениый командир
подорвали себя граиатамн.

Б. Гусев

Двое в землянке

Кузьма Гнедаш и Клара Давидюк

1

Лес. Ночь.

У землянки сидят люди — семеро мужчин и одна девушка. Они не зажигают костра. Курят, прикрывая огонек папиросы рукой. Один из мужчин ранен и лежит на носилках, сделанных из ветвей ивы. Он первым нарушает молчание:

— Что ж, будем говорить как товарищи. Давайте другой вариант.

Все молчат.

— Я жду...

И снова молчание.

— Значит, второго варианта не существует. Его действительно нет. Принимается первый. Есть возражения?

Молчание.

— Если так, буду опрашивать поименно. Мудрый!

Один из сидящих мгновенно встает:

— Мудрый слушает.

— Жду ответа.

— Не знаю... Пусть говорят другие.

— Это товарищеский разговор?! Следующий! Кто там, не вижу. Лихой, кажется...

— Я...

— Приказ слышал?

Пауза.

— Товарищ командир, так вы и сами сказали, по-товарищески...

— Теперь ты, Смелый!

Так, постепенно он обращается ко всем окружающим. Остается девушка.

— Смирная, я очень тебя прошу...

— Смирную не надо просить. Ей дается приказ.

— Ну, слушай... Клара, ты же все понимаешь!..

— Не пойду,— чуть даже вызывающе отвечает она и, помолчав, как бы смягчается: — Я только усложню положение группы. Им предстоит бой.

— Ну, бой!.. Ты бывала и не в таких переделках.

— Спасибо за комплимент!.. Вы забыли, что я женщина.

— Клара!

— Если Клара, позвольте мне выбирать! Я остаюсь здесь, капитан. Нашу землянку замаскируют, нас не найдут.

— А если найдут?

— А я точно уверена — не найдут. Верно, Мудрый?

Тот отвечает не сразу.

— Я понимаю так,— взвешивая слова, говорит он.— Фриц не найдет. Это я гарантирую. Если только христопродавец появится или — с собаками.

— Товарищи, я приказываю: взять ее с собой,— говорит раненый.

Опять нет ответа. Время идет. Два пополуночи. Осталось три часа до рассвета. Всего три. И звенящая тишина. Что в ней таится?

— Да отвечайте же, черт побери!

— Если Смирная хочет остаться, пусть остается,— сказал Лихой.

— Да, уж пусть выбирает,— поддержал его Мудрый.

— Левый?

— Не знаю. Пусть решает сама.

— Я решаю. Высшей властью, врученной мне Родиной...

— Вот и застрели меня высшей властью... Никуда не пойду,— вдруг зло перебивает она.

Чей-то тихий голос из темноты произносит со вздохом:

— Умрешь, девонька.

— Ну и умру. И что? Бросить его одного, раненого?

Доводов нет. Все исчерпаны. И Клара, чутьем сознавая, что победила, встает, начинает что-то искать в темноте.

— Вот мы здесь спорим и все без толку. Лучше подсчитаем, что у нас осталось.

И тотчас все включаются в дело. Доносятся голоса:

— Тол, три пакета.

— Вот еще часовые мины — две штуки. Ну и гранаты...

— Сколько?

— Считай, по паре на каждого, штук пятнадцать.

— Тол и мины оставьте нам с капитаном. Все равно они вам ни к чему. Ну и обязательно пару гранат...

Да, она уже все решила. Теперь он чувствует: провались земля, явись сюда вся армия Третьего рейха — ничто не изменит ее решения. Она останется с ним, с командиром, а они, подчиняясь его приказу, будут прорываться сквозь немецкие цепи, которыми плотно блокирован лес. Утром с рассветом автоматчики станут его прочесывать.

Три часа. Уже не ночь, но еще и не утро. Он и она в землянке. Снаружи слышится мягкий шорох,— те, кто сейчас уйдет, маскируют землянку ветвями и папоротником. Потом — тихий голос:

— Схоронили — не подкопаешься.

— Спасибо. До свидания, товарищи,— доносится из землянки.— Доберетесь до первой же нашей точки, свяжитесь с Центром, дайте общую картину — и на запад, на Брест. Линия фронта уже приближается.

— В вашей станции «Север» питание совсем кончилось? — спрашивет Мудрый сверху.

— Почти,— озабоченно отвечает Клара.— Ну, может быть, хватит на несколько фраз. И то не уверена. Как выйдете на связь, моим в Москву, на Басманную, привет передайте... Жива-здорова. Писать некогда...

Шаги удаляются. Наступает тишина. Ветра нет. Лес молчит в ожидании рассвета. Спустя полчаса доносится автоматная очередь, разрывы гранат...

— Наверное, прорвались,— тихо произносит она.

— Прорвались, они дело знают. Если только шальная пуля кого положит...

И снова все тихо. Время как будто остановилось, страшась рассвета и того, что придет вместе с ним. «С рассветом уходит любовь. С рассветом приходит надежда»,— говорит поэт. И тот рассвет нес надежду...

Это происходило в глубине белорусских лесов, в районе города Слонима 19 июня 1944 года. Я знаю начало этой истории. И знаю, чем она кончилась, ибо в начале марта 1969 года несколько дней провел в тихой комнате, где только папки на стеллажах. И в каждой — жизнь, да еще какая! В небольшом вестибюле висят портреты. Я подхожу к ним. Гнедаш Кузьма Савельевич.

— Это он,— говорит мой собеседник.— Вы когда-нибудь слышали это имя?

— Нет, никогда...

— Видите ли, это все постепенно открывается... Через годы...

— Он совсем молод...— невольно вырывается у меня.

— Ему и тридцати не было. Звание майора и Героя Советского Союза он получил уже после смерти.

— В войну о нем, как о разведчике, наверное, писали?

— Кто о нем мог писать? Как разведчик он был дважды зашифрован. Я вам так скажу — он и для своих жил под другим именем. Трагично, но даже на могиле его было другое имя.

— А там-то зачем?

— Это уж просто недоразумение, впрочем, логичное в тех условиях. Потом, конечно, исправили. Прочитаете до конца — поймете. В деле все есть, вплоть до последних радиограмм из леса в районе Слонима.

Кузьма Савельевич Гнедаш.
1941 г.

А вот и оно, личное дело разведчика Кузьмы Гнедаша. Сначала мне бросилась в глаза короткая справка:

«Потопил десять пароходов и четырнадцать барж. Пустил под откос 21 эшелон с живой силой и боевой техникой противника. Лично уничтожил более...»

С такими подвигами я сталкивался уже, когда писал о партизанах. Спрашиваю:

— Данные эти проверены?

— Здесь все проверено. К тому же тот, кто вел учет, вряд ли думал о чем-нибудь другом, кроме того, чтобы точно все записать. Время было такое...

Верно, время было иное. И сейчас, четверть века спустя, на многое смотришь другими глазами. Но все-таки «лично уничтожил...»,— размышлял я. Лишь позднее я понял, что подвиг разведчика Гнедаша — не только в этом. Медленно перелистываю пожелтевшие страницы дела, и передо мной проходит вся жизнь человека.

...Май 1942 года. До Сталинградской битвы еще далеко. Пока что победа еще только грезится, есть только вера в нее.

В те дни в штабе Центрального фронта встречаются двое — майор Бондарев и капитан Гнедаш. Капитан очень молод, ему двадцать семь. Впрочем, за спиной его уже шесть лет службы в армии.

Они сидят вдвоем в небольшой комнатке с плотно завешенными окнами. Сидят уже не первый час. Беседуют. Майор видит этого человека впервые. Правда, биография его кое-что проясняет. Но, как известно, многие автобиографии похожи друг на друга. Родился, учился, воевал. Вот как описывает свою жизнь до того, как вступил в разведку, сам Кузьма Гнедаш:

«Родился в 1914 году в Сумской области, в деревне Талалаевка. До 1931 года учился в школе и жил на иждивении родителей. Окончил семь классов. Поступил в автотракторную школу города Прилуки и окончил ее в 1933 году. Начиная с 1933 года работал в Талалаевской МТС трактористом, потом — бригадиром тракторной бригады и автомехаником. В 1936 году меня призвал в РККА по спецнабору Роменский военный комиссариат. Участвовал в освобождении Западной Украины, в борьбе с белофиннами. Окончил Киевское военное училище в 1940 году. С самого начала Отечественной войны — на фронте. Был командиром танкового батальона. Дважды ранен. Последний раз пролежал полгода».

По всему видно: намеченный кандидат прошел хорошую военную школу. А дальше — сейчас это и выясняется. Впрочем, майор имеет уже некоторое представление о сидящем перед ним капитане. Он умен — это главное. Решение принимает мгновенно: это как раз то, что нужно. В манере держаться, во внешности есть обаяние, сразу располагает к себе. И это важно. В бою храбр, не лишен даже молодечества, лихости. Вот над этим придется поработать.

— Ну так. С довоенным временем мы покончили. Перейдем к войне... Вы под Медынью пошли в атаку в танке, с открытым люком. Я бы не сказал, что это разумно,— замечает собеседник Гнедаша.

— Местность такая была: перелески, кустарники... В глазок ничего не видно,— оправдывается капитан.

— Видишь ли, у нас ты все время рисковать будешь,— майор незаметно переходит на «ты».— Но риск риску рознь. Надо взвешивать. Открытый бой — это одно, а...

— Я понимаю.

И вдруг — неожиданно:

— Как боль переносишь?

— Мне в медсанбате осколок из бедра доставали — не усыпляли: хлороформа не нашли.

— Кричал?

— Вроде нет, сознание терял.

— Вот это тоже у нас не рекомендуется — терять сознание. Нельзя, что поделаешь. Много чего нельзя. Ты там, внизу, при входе читал плакат «Увидел фашиста — убей его!»?

— Читал.

— Для нас он не совсем подходит... Разведчик воюет с армией, с фронтом и ради этого...

Потом вспоминают довоенное время, Черниговщину. Майор тоже из тех мест, есть о чем поговорить.

— Женился, а детей, значит, не успел завести?.. Может, это и к лучшему,— рассуждает майор.— Вот походишь на задания, потом осядешь у нас в штабе. Будет время еще. Кончится война...

Отвлеклись немножко, и снова вопрос:

— Славу любишь?

— Не знаю.

— Честный ответ. Но, кстати, я смотрел армейскую газету. Там о тебе дважды писали и даже фото поместили. У нас такой чести ты не дождешься. Что бы ты ни совершил. Все! Тебя нет. И фамилия твоя нигде упоминаться не будет. У тебя вообще не будет фамилии. То есть она будет, но только для тебя. Ну, и еще для твоего командира.

— А кто мой командир?

— Все скажу. Ну как, будешь думать еще или?..— выжидательно спрашивает майор.

— Что думать? Все равно советоваться ни с кем не могу. Нельзя ведь?

С этого дня капитан Кузьма Савельевич Гнедаш как бы перестал существовать. И появился другой человек. У этого человека уже не было той биографии, старых знакомых и даже настоящего имени. Он, капитан Гнедаш, был тот же и в то же время не тот. Он стал разведчиком.

2

Справки, донесения, наградные листы. Дело разведчика Гнедаша.

Я читаю его, а мысль все рвется туда, в лес, в замаскированную землянку, где с тревогой ждут рассвета двое.

— Клара...

— Что, капитан?

— Попали мы с тобой... в мышеловку. Но у меня-то иного выхода... не было.

— Замолчи!

— Почему ты решила идти в разведку?

— Не знаю... Очевидно, наследственность. Мой папа в гражданскую был разведчиком. Вернее, и разведчиком, и комроты, и комиссаром бронепоезда...

— Он жив?

— Да... Он сейчас в Наркомате путей сообщения работает.

— Как он тебя отпустил?

— А я сама все решала.

Молчание. Мысли ее уносятся вдаль, в прошлое. А какая «даль» у нее, девятнадцатилетней? А даль уже есть — детство. «Два капитана», «Военная тайна»... Комиссарская фуражка отца и он — сосредоточенный, строгий, в полувоенном кителе, с орденом.

...Мама: «Кларочка, ты пила молоко?» — «Мама, некогда, у нас комсомольское».— «Боже, это одна минута!»

Клара стоит у зеркала, поправляет косынку.

— Ты уже совсем взрослая... Ты будешь красивой.

— Ма-ама!..

И вот она бежит по Басманной. Красивая? Секунда размышлений, и мысли ее уже в школе. Хороший был класс. Клавдия Александровна, классный руководитель, все просила, чтобы Клара привела отца и он рассказал бы, как воевал в гражданскую.

День рождения. Она ждет его с нетерпением. Утром подарки на столике. Новый портфель, книги. А вечером приходят одноклассники. Мама варит какао. Из-за окна достается корзиночка с пирожными. В доме они лишь по праздникам.

— Тебе уже пятнадцать. В будущем году получишь паспорт...

Мелькают дни, и вот то 22 июня. Утром она бежит в магазин за свежими булками. И вдруг — в очереди встревоженные лица. «Бомбили... Война». Клара идет домой в тревожном недоумении.

— Папа, у нас не включено радио? Я слышала, что война началась.

Потом курсы радистов. Прием... Передача... Инструктор с листком принятого ею текста:

— Чисто взяла, товарищ Давидюк. Молодец!

Она молчит, смущена.

— Как положено отвечать?

— Служу Советскому Союзу!

Потом вызов к начальнику курсов и разговор с каким-то

военным с тремя шпалами в петлицах. Клара тихонько спрашивает:

— А папе тоже нельзя говорить?

Затем поездка в зашторенной «эмке». И снова беседа, снова курсы, но учат уже другому.

Первый выстрел в мишень.

Первый бросок гранаты.

Первый прыжок с самолета.

Первый убитый враг.

Пистолет чуть дрожит в ее тонкой руке. Она ничего не слышит. И внутри все дрожит. Кто-то обнимает ее: «Молодец, девчонка».

Неужели все позади? Все? И жизнь? Без всякого сомнения, горячо, убежденно Клара отстояла свое право остаться около раненого командира. Но эта гнетущая тишина... И мысль, что, может быть, через два часа все кончится.

Капитан молчит. Он думает о своем: как уберечь эту девушку. Наконец он нарушает молчание:

— Если тебе все-таки уйти в лес... Пусть лучше они обнаружат тебя одну. Скажешь, заблудилась в лесу, заснула.

— Не выдумывай. К ним в лапы сама? Никогда! Лучше смерть. Ничего не случится. Цепи пройдут над нами.

— Если бы я не был ранен. Мы бы с тобой победили целую армию, а?

— Конечно. Мы и сейчас победим.

— Иди к рации, может, она заработает?

— Села. Ну... Что передать? Только коротко, несколько слов.

— Что? Сейчас, сейчас, погоди. Надо самое главное. Подай огарок, я еще раз посмотрю донесения...

Первые шаги... О них-то как раз очень мало известно. Поступают сообщения: взорван мост, спущено под откос столько-то эшелонов. Там создан отряд, здесь группа. Пожалуй, и все. Сведений, так сказать, чисто разведывательного характера от него поступает немного. Создается такое впечатление — вот он вышел на простор и еще не знает, куда и что. А крушит. Вроде бы хорошо, но вот начальство, разведотдел по радио в мягкой форме дают ему совет:

«В дальнейшем прибегайте к подобного рода актам лишь для получения нужных сведений».

Это тех сведений, которые в свой час лягут на стол командования.

Капитан пробует перестроиться. Но все-таки его еще влечет «эффектная» сторона дела. Он появляется в Киеве в форме офицера СС. В трофейном автомобиле вместе с двумя своими

помощниками въезжает в расположение немецких войск. Он действует рискованно, почти авантюрно. Правда, Гнедаш добывает нужные сведения, но это едва не стоит ему жизни. Гестапо тоже не дремлет. Вот тут-то капитан вспоминает совет Бондарева: «Предполагай в противнике умного человека. Окажется дурак — это не страшно. Хуже, если наоборот».

И Гнедаш решает, что так дальше действовать нельзя. Наступают часы раздумий. У него возникает широкий план организации разведывательной работы на Левобережной Украине, оккупированной фашистами. План этот одобряется.

Мундир эсэсовца — все это захватывающе смело, но для задуманного дела он не подходит. Нужно скромное гражданское платье и какая-нибудь простенькая легенда. С Красной Армией не ушел, остался, теперь добывает себе пропитание. Он идет по селам, расположенным близ шоссейных и железных дорог. «Много вас шляется»,— встречает его староста в селе Малино, подозрительно рассматривая поданные Гнедашем документы.

— Это почему я шляюсь?— возмущается он.

Прибедняться нельзя. Молодой парень, заподозрят — чего это... Лучше быть поершистей. Словом, не очень отступать от своего образа. Какой есть — такой есть. Кто — это другое дело.

Теперь важно в селе отыскать людей, связанных с партизанами. Тут нужен опытный глаз разведчика.

Гнедаш и Андрей, связной партизан, сидят у керосиновой лампы в одной из маленьких изб. Вечер. Жена Андрея, Света, ставит на стол угощение — капустные листья, хлеб и несколько тонко нарезанных ломтиков шпика в честь дорогого гостя. Муж кивает значительно, и Света достает запыленную, старую бутылку «Московской» водки. Какая же это редкость... Да, пожалуй, это неплохо со всех точек зрения. Выпили за победу. Поговорили. Теперь Кузьма Гнедаш был в роли майора Бондарева.

— Но в партизанах я могу оставаться? — спрашивает Андрей.— Хоть иногда выйти на дело...

— Твое дело теперь другое,— немного уклончиво говорит Гнедаш.— Считать вагоны, смотреть, что в них и сколько. Орудий, танков, людей... Смотри и запоминай. Память хорошая?

— Не жаловался.

— Видишь, какое дело: занизишь данные — плохо, фронт прорвать могут. Завысишь — тоже плохо. Значит, наши с другого участка войска перебрасывать будут. Знаешь, что прежде всего интересует командующего накануне сражения?

— Разведданные?

— Ну конечно. Их командованию каждое утро докладывают. Передавать-то кто будет? Ты?

— Света. С делом знакома.

Малинская рация — это первая точка, созданная Кузьмой Гнедашем. По-видимому, он нашел верного и знающего человека. Андрей вскоре стал давать довольно точные сведения о проходивших немецких частях. Следуя своему плану, Гнедаш ставит разведчиков по кольцу: Киев — Чернигов — Коростень — Житомир, где в скором времени развернутся бои. И к началу наступления на Киев наши штабисты уже знали систему обороны противника, количество войск, орудий, боеприпасов, снаряжения.

Потом Гнедаша отозвали в тыл и дали короткий отпуск. Вручая капитану орден Красного Знамени, генерал, начальник разведотдела, сказал:

— Начало у вас неплохое... Были шероховатости — выровнялись. Готовьтесь ко второму этапу. Будет труднее. А пока отдыхайте.

Ехать ему было некуда. Несколько дней он бродил по городу, отдыхал. В клубе на танцах познакомился с девушкой. Он даже думал сперва, что она школьница. Но оказалось, что она уже окончила школу и работает в полевой почте телеграфисткой. Зовут Таня. Он несколько раз провожал ее по вечерам.

Скоро его вызвали к командиру и приказали срочно написать отчет о работе в тылу врага. В отчете среди сухих цифр, советов есть и просто наблюдения:

«Были случаи, когда удавалось завербовать офицеров... В общем, фашистов можно купить, но на это требуются большие деньги.

Низшие чины, как, например, фельдфебелей, можно покупать за спирт и жиры».

Есть в записке и такие строчки:

«Суд над предателями народа нужен. И нужен он, чтоб страдающие под фашистским гнетом наши советские люди видели, знали — есть карающая рука. Но важно не впасть в ошибку. Я сам убедился, что среди назначенных немцами старост есть люди просто слабовольные. Оккупанты заставили их работать на себя. Они согласились, работают, но особого вреда стараются не приносить своим односельчанам. С этими можно разобраться потом. Сейчас нужно карать явных злодеев-предателей».

Война. Много городов и сел лежит в развалинах. Гнедаш видел все это. Не так-то все просто...

И в то же время все просто. Война. И разведчик остается

разведчиком. Однажды в коридоре капитан Гнедаш встретил майора — своего первого шефа.

— Ну, поздравляю, все же я не ошибся,— улыбаясь, сказал он.— А поначалу я уже было опасался, смотрю, как под Медынью работаешь. Теперь дошло?

— Кое-что,— вздохнув, отвечал Гнедаш.

— Понял, когда надо голову фашисту ломать, а когда жать ему руку?

— Все же я этого избегал...

— Напрасно. Чтобы угробить дивизию, можно одному и руку подать и даже... дружбу завести.

— Ну, в общем я это понимаю.

— Слава богу. А так «почерк» ничего. Еще выработается.

— С вашей легкой руки...

— Желаю успеха!

Короткий отпуск окончен. Теперь — Белоруссия, Слуцк, Осиповичи, Барановичи, Минск, Новоельня, Слоним, Лунинец, Пинск, Волковыск, Белосток — это все в его «орбите». Численность войск, расположение обороны врага — словом, все. И программа:

«С приходом частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии в районы действия группы по указанию Центра отходить все глубже и глубже в тыл противника (ось отхода Пинск — Брест — Варшава) и там продолжать выполнять свои задачи».

Все это и есть тот «новый этап».

Когда ему стали называть людей, которых предполагалось включить в состав группы, Гнедаш кивал головой в знак одобрения. Многих он уже знал по совместной работе, о других слышал. Но вот его новый начальник полковник Белов назвал имя «Клара Давидюк», и капитан сделал настороженное движение.

— Есть возражение?— спросил Белов.

— Это будет единственная девушка в группе? — в свою очередь спросил капитан.

— Да. А что смущает?

— Не в том смысле, но...

— Тогда я ставлю вопрос так: если вы хотите иметь в своей группе отличную радистку, так берите девушку. Работает очень точно.

Гнедаш задумался. Белов продолжал:

— У мужчин, конечно, будет больше тревоги за нее, я это все понимаю. Но все же вы не раскаетесь.

— Надеюсь, не со школьной скамьи?

— Вот именно, со школьной... Двадцать четвертого года рождения, стало быть, сейчас ей девятнадцать.

— Гм... Это не самый лучший вариант...

— Спешите. Она уже ходила в тыл с группой «Север», награждена орденом Красной Звезды. И вот — снова просится в тыл...

В группу вошли двенадцать человек. Московские, рязанские парни, украинцы. Молодые — двадцать первого — двадцать второго года рождения. Но уже все побывали в тылу врага.

— О заместителе своем думали? — спросил Белов.

— А если Франкля? — немного помедлив, проговорил Гнедаш.

— А, Иван Бертольдович, чех. Его я хорошо знаю,— ответил полковник.— Школу прошел... С тридцать четвертого года член Компартии Чехословакии. Работал в подполье. После захвата родины Гитлером эмигрировал в Польшу, затем к нам.

— Да, и языки знает — немецкий, польский, русский, украинский и французский. Отличный конспиратор. Камень... Утверждаете?

— Согласен,— кивнул полковник.

Затем Гнедаш беседовал по отдельности с каждым из членов группы...

И вдруг к нему в комнату вошла Таня. Несмотря на выдержку, которой капитан немного даже гордился, он чуть-чуть смутился. Но тотчас взял себя в руки. Понял, кто она.

— Клара Давидюк, назначена к вам радисткой,— доложила девушка.

— Эх, Таня, вот видите, как плохо обманывать,— рассмеялся он.

— Но ведь и вы обманули меня, Остап Федорович.

— Да, да, ну конечно, теперь вы, надеюсь, все понимаете? Мне говорили о вас... Но я все же никак не могу представить себе: вы — и радиостанция! Так, значит, теперь вы — Смирная?

— Так точно, товарищ капитан.

Он заметил, что она немного встревожилась — а вдруг снимет ее кандидатуру... Все-таки девчонка...

Перед отправкой в тыл командир группы был вновь зашифрован в подполковника Шевченко Остапа Федоровича. А затем еще раз кодом Новый. Иван Франкль стал сержантом Тисовским и вторично закодирован как Окунь. Остальные члены группы также получили псевдонимы — Левый, Мудрый, Лихой и т. д.

Последняя беседа Гнедаша с полковником Беловым состоялась утром 18 декабря 1943 года. Капитан доложил о готовности и повторил все полученные инструкции.

— Составом группы довольны? — спросил Белов.
— Вполне.
— Впечатление о вашей радистке?
— Впечатление-то хорошее...
— Понравилась? Она всем нравится. Мы бы рады ее не пускать, но таких не удержишь в штабе. Вы уж ее берегите.
— Вот это как раз тревожит меня.
— Хорошо, что тревожит. Будете осторожнее. Радистка радисткой, но в тех условиях, в которых вы окажетесь там, всем вам нужна мадонна... А? Похожа?
— Не знаю. Я не видел мадонн... Просто милая девушка...
Пауза.
— Контакт с заместителем?
— Абсолютный. Спрашивал меня, как насчет гражданства. Он ведь еще не получил его.
— Получит. Документы его в Президиуме Верховного Совета СССР вместе с нашим ходатайством. Надежный будет помощник. Просьб, пожеланий нет?
Гнедаш пожал плечами.
— Если только письма будут — велите хранить. А так... Нет, ничего...
Белов молча кивнул в знак согласия и обнял Нового. Уже на следующий день, 19 декабря, на стол к полковнику легло первое донесение, правда, еще с нашей стороны:
«Белову. Обстановка ясна. Сегодня в ночь на девятнадцатое ухожу. Результаты сообщу завтра в час тридцать. Новый. Смирная».

Заброска группы Гнедаша в тыл предполагалась на самолете. Однако после десятидневного ожидания летной погоды решили отказаться от этого варианта. Ночью разведгруппа двинулась на запад. Линию фронта перешли удачно в 12 *км* южнее Паричи. Через несколько дней достигли района Лунинца.

Здесь разведчики сориентировались, спрятали снаряжение в лесу и разошлись небольшими группами по два-три человека. Было уже намечено, кто куда. Клара с рацией обосновалась в поселке Хоростово. Здесь не было немецкого гарнизона, и потому поселок решили сделать базой. Место подготовили через разведку партизан.

Гнедаш предъявил документы на подполковника Шевченко. Отсюда, из Хоростова, потянулись нити в Пинск, Лунинец, Барановичи, Кобрин, Брест, Белосток, Варшаву.

3

Устроив Клару, Гнедаш взял двух помощников и покинул базу.

Встречи. Пароли. Явки. Все уже было знакомо. Чтобы иметь возможность перепроверять добываемые сведения, он на каждой станции ставил двух человек, не связанных, однако, между собой.

Держал он себя независимо. В Пинске потребовал от бургомистра, чтобы ему отвели квартиру. Но это уже была не прежняя дерзкая выходка, а трезвый расчет: раз человек ведет себя так смело, стало быть, у него есть рука в Третьем рейхе. К тому же кончался год 1943-й. Сталинградская и Орловско-Курская битвы были уже позади. Настроение оккупантов менялось. Он видел нервозность, тревогу даже среди офицеров.

Клара Давидюк.

Уже 29 декабря штаб фронта получил первую радиограмму о концентрации войск в районе Пинска. В следующей было уточнение — сколько дивизий, какое вооружение. В третьей — количество вагонов и состав грузов, направлявшихся на восток и обратно, на запад.

За первый месяц работы Клара девяносто раз выходила в эфир. Девяносто раз... И каждый выход мог стоить жизни.

В деле я видел пометки, сделанные, вероятно, Беловым: «Группа Нового работает весьма интенсивно. Как правило, сведения очень ценные».

Об оперативности работы Гнедаша можно судить по датам. 21 января штаб по радио запрашивает его о наличии вражеских соединений. Уже на другой день к вечеру Новый передает точные данные: аэродромов — столько-то, самолетов — столько-то и каких, как охраняются и т. п.

Из Бреста Гнедаш сообщил:

«Знаком с польским помещиком, имеющим связи в Варшаве, Бресте, Белостоке. Принят в немецких кругах, одновременно имеет связи с подпольной антифашистской организацией в Варшаве».

На этого помещика Гнедаш потратил немало сил. Он познакомился с ним как виноторговец, к тому же делец, втихомолку скупающий драгоценности. Но первый «заброс», так сказать, сделал, обывательски ругнув немецкий порядок и высказав несколько пессимистический взгляд на окончание войны. Разговор шел один на один.

— Ну, а у вас-то какие планы, а? — спросил помещик. Разведчик неопределенно пожал плечами:

— При всем том, я слишком связан с новым порядком.

— Я понимаю, корабль тонет... Какой же берег вы избираете?

Кажется, слишком. Но в то же время на провокатора не похоже. Гнедаш делает испуганное выражение лица, как бы опасаясь свидетелей, и меняет тему беседы...

Гнедаш подробно доносит Белову о поведении помещика. Белов радирует: «Продолжайте следить, опасайтесь провокации».

Однажды помещик, выйдя из кабачка, где они довольно-таки изрядно выпили, вдруг ошарашил Гнедаша репликой, брошенной как бы вскользь, между прочим:

— Милый мой, вы мастер, а я дилетант.

По тону Гнедаш понял, о чем идет речь, но ответил уклончиво:

— Ну, по-моему, вы тоже пользуетесь успехом у женщин.

— Я не об этом. Вы, конечно, можете убить меня, но... фашистов я ненавижу! Запомните — майор... Эта фигура вас заинтересует.

Гнедаш приставил к помещику одного из своих людей, а сам стал искать выход на майора. На это потребовалось около трех недель. И вот он радирует Белову:

«Противником сформирована команда «Вега» — занимается переброской в нашу страну небольших шпионских групп. Создана также команда «Абертруно» — занимается контрразведкой в прифронтовой полосе с задачей выслеживания наших разведчиков. Координирует действия обеих команд майор... Веду за ним наблюдение. Новый».

В беседах с гитлеровским майором Гнедаш работает по той же легенде, что и с помещиком. Да и психологически он ведет ту же линию, но, конечно, более сдержанно. Среди бандитов нельзя выглядеть безгрешным. Это опасно, ибо раздражает, вызывает подозрение. Гнедаш даже признается фашисту, что немного напуган,— черт его знает, как теперь повернутся события. Дает понять майору, что сколотил порядочный капитал и не знает, куда его поместить. Точный расчет. Оказывается, сам майор встревожен тем же...

В итоге этой игры на стол Белову ложится следующее донесение: «В течение суток ждите группу фашистских шпионов... Заброска самолетом, координаты X-1201, V-84342».

В конце каждого месяца Новый посылает сводный отчет о военной и политической обстановке в районе действий разведчиков. Может быть, на стол командующего будут положены всего несколько цифр и вывод. Например: «Гарнизон Лунинца на 20 февраля — 6 тысяч человек, 200 танков. Штаб в здании бывшего райисполкома на Садовой улице...»

Но это только одно сообщение. А сотни их — это уже конкретная картина переброски войск, их численности, системы обороны противника. Такие сведения поистине бесценны при подготовке наступательной операции.

В то время как разведчики сражались в тылу врага в глубине России, матери и жены с тревогой ждали вестей от своих близких, смутно догадываясь, что есть какие-то особые причины для их молчания. Дважды Клара передавала приветы своим родителям. Иван Бертольдович Франкль просил сообщить жене, что жив, и интересовался, предоставлено ли ему гражданство СССР. Незадолго до начала войны он женился на Маше Тисовской. Этой фамилией он и был зашифрован. Гнедаш отлично сработался с Франклем. Все схватывает на лету, молчалив и выдержка железная. На нем лежала вся конспирация: Иван Бертольдович был в этом деле великий специалист. А пал в открытом бою.

Гибель «Веги», подозрительно точная бомбардировка военных объектов врага нашей авиацией и другие акции очень насторожили фашистов. Те чувствовали, что кто-то очень точно,

оперативно работает против них совсем рядом. Но запеленговать радиостанцию Нового не удавалось... Рация все время меняла адрес и — продолжала выходить в эфир. По-видимому, гитлеровцы все-таки нащупали примерный район действий основного звена группы. В район Слонима были направлены части карателей. Они блокировали дороги, выставили засады, прочесывали леса. 25 мая Клара Давидюк передала Белову печальную весть:

«Для подготовки площадки к приему самолета Новый выделил группу партизан во главе с Тисовским. Группа вышла в указанный район и в ночь на 23 мая наскочила на немецкую засаду. Пришлось принять бой...»

Иван Бертольдович Франкль — Тисовский геройски погиб, так и не зная, что за день до этого Указом Президиума Верховного Совета СССР он был принят в советское гражданство и награжден орденом Отечественной войны.

В деле подшито письмо жены Франкля командиру части. Оно датировано третьим мая.

«Уважаемый товарищ Смирнов!

Получила Ваше письмо и денежный перевод. Сердечно благодарю Вас за внимание.

Я пока нахожусь в городе Прилуки. Местожительство у меня не постоянное, поэтому прошу писать до востребования. Убедительно прошу Вас, сообщите мне, что известно о судьбе Ивана Б. (Вот жена разведчика! Она даже в письме командиру не называет фамилии мужа.— *Б. Г.*). Очень волнуюсь. Долго, долго не получаю от него писем. А сколько я ему их послала! Видимо, он их не получил. Приезжал один военный и рассказывал, что муж мой дважды представлен к правительственной награде. Я горжусь боевыми подвигами моего мужа в борьбе с фашистами. Пишите, мне достаточно двух слов: жив-здоров.

Мария Тисовская».

4

Брезжит рассвет. Тихий ветерок шевелит листву, разгоняя звенящую тишину ночи.

— О концентрации войск передала? — спрашивает Гнедаш.

— Стой, что же еще? Вот что, передай: если до полудня не поступит сообщение, считать это за сигнал...

— Никто нас не обнаружит,— спокойно говорит Клара.— У меня интуиция.

— И что же тебе говорит интуиция?

— Они пройдут мимо, а мы останемся... Пробудем здесь несколько дней, пока ты сможешь встать... Картошка у нас есть, хлеб — две буханки, шпик... Будем вести хозяйство... Я за тобой буду ухаживать...

— Потом что?

— А потом... потом тебя увезут на нашу сторону долечиваться. Ты поедешь к жене.

— Фантазерка ты... Куда я поеду?

...Юность его прошла в армии. Недолгая семейная жизнь — потом война. И вот судьба свела его с этой девушкой. Но он командир. Они на посту, на опасной работе. О чем можно думать?.. А теперь, эти часы перед рассветом, не последние ли они?

В начале июня Гнедаш вместе с небольшой группой разведчиков и рацией попадает в кольцо. Но группа очень подвижна, знает местность. А ведет ее боевой офицер. Нащупав слабое место противника, капитан направляет туда свой отряд. 12 июня он докладывает Белову:

«Из кольца окружения группу вывел. Нахожусь в пятнадцати километрах севернее Слонима. При прорыве тяжело ранен Кедр. Чувствует себя очень плохо. Требуется хирургическое вмешательство. Меня ранило в ногу. Перебита кость. Чувствую себя хорошо. Но передвигаться не могу. Ввиду ранения меня и Кедра группа лишилась возможности маневрировать, что грозит в скором времени вторичным окружением. Бросить меня и Кедра одних, а группе идти в другой район ни Смирная, ни другие не соглашаются. В настоящее время имеется возможность принять самолет У-2 с посадкой. Убедительно прошу эвакуировать одного Кедра. Обстановка с каждым днем осложняется. Новый».

Белов очень обеспокоен. Он дает радиомолнию: «Высылаю самолет, район приземления площадка тринадцать. Четыре костра двадцать на двадцать. Подтвердите прием».

Но события развертываются еще стремительнее. Площадка тринадцать уже отрезана, к ней разведчики не могут пройти. Группа делает попытку пробиться, но с ней находятся двое раненых. Приходится отходить в лес. Гнедаш предупреждает, чтобы Белов задержал самолет.

В это же время в штаб Белову поступают тревожные сигналы с другой радиостанции людей Гнедаша: «Новый окружен.

Уйти некуда. Спасение жизни Нового и группы зависит от вас».

Между штабом и группой происходит такой радиодиалог:

Белов: Срочно сообщите возможное место посадки.

Гнедаш: Продвигаемся к северу, квадрат семь.

Белов: Высылаю помощь площадку семь. Позывные прежние. Немедленно подтвердите прием.

Гнедаш: Принять самолет возможности нет.

Группу преследуют по пятам, и все-таки она не перестает передавать разведывательные данные.

За время второй заброски в тыл (семь месяцев) у разведчиков не было ни одного провала и очень мало потерь: убит Тисовский и Кедр скончался от ран.

В течение пяти дней небольшой отряд из семи человек несет раненого капитана на руках, уходя от преследователей. Но силы слишком неравные.

Половина седьмого. Клара прикладывает ухо к земле и тихо произносит:

— Идут.

— Подай гранаты.

Вскоре слышится лай. Гнедаш и Клара молчат. Они понимают, что это значит. Автоматчики, возможно, не заметили бы замаскированной землянки. Но собаки... Мудрый был прав.

Лай все ближе и ближе, он уже у самой землянки. Слышится немецкая речь. Шорох ветвей, которыми замаскирован вход. И вот каратели начинают раскидывать ветки...

5

Уже после Отечественной войны пришло такое письмо:

«Дорогие товарищи! Мы, жители Слонимского района Барановичской области, помним о героях, погибших в наших местах в Отечественную войну. Нас очень волнует участь двух павших товарищей — подполковника Шевченко и его связной Клары Давидюк. Нам известно лишь то, что они погибли 19 июня 1944 года во время карательной экспедиции... Не желая сдаваться, они взорвались на собственных гранатах в землянке после того, как были обнаружены. Когда каратели ушли, на это место пришли партизаны. Они похоронили товарищей Шевченко и Давидюк в одной могиле. Но ходят слухи, что это не настоящие их имена. Мы просим, пришлите, пожалуйста, фактические данные о них. Наверное, теперь можно уже.

И мы выполним долг и, как можем, увековечим память о них.

С коммунистическим приветом — секретарь Слонимского РК КПБ Попова.

г. Слоним».

Вскоре райком получил ответ.

«Уважаемая товарищ Попова! Мы очень тронуты Вашей просьбой. Вы правы, теперь уже все можно сообщить Вам. Тот, у кого были документы на имя подполковника Шевченко, на самом деле — Герой Советского Союза майор Гнедаш Кузьма Савельевич. А девушку, старшего сержанта, так и звали — Давидюк Клара Трофимовна. Это ее настоящая фамилия.

Майор Гнедаш был командиром отряда разведчиков. Его заслуги перед Родиной велики. В его наградном листе сказано, что благодаря своевременному вскрытию оборонительных сооружений и систем обороны противника товарищ Гнедаш К. С. обеспечил быстрое форсирование Десны и Днепра наступающими частями Красной Армии, а также во многом облегчил проведение Белорусской операции.

От боевых друзей, лично знавших Кузьму Савельевича и Клару, приношу Вам свою большую благодарность за Вашу заботу об увековечении памяти погибших товарищей. Вечная память погибшим за великое дело Ленина!»

...Март. Шумные московские улицы. Много людей, много улыбок. Но все это как-то не может рассеять мои мысли о Кларе и ее командире. «На рассвете уходит любовь. На рассвете приходит надежда...»

Возможно, есть лучше, умнее, но таких, как они, нет. Каждый человек неповторим. Каждый человек смертен. Но герои — бессмертны.

Этьен. Коирад Кертнер.
Узник № 2722. Чннкваито Чиикве.
Арестаит № 576. Яковлев, который
прожил несколько предутреииих часов
в арестантском вагоие,
пока в гестаповском спнске
не появился Яков Старостии.
Заключениый R-133042.
Его иастоящее имя стало известио
в 1965 году, в день, когда
был опубликован Указ Президиума
Верховиого Совета СССР:
«За доблесть и мужество,
проявлеииые при выполиеиии
специальиых задаиий
Советского правительства
перед второй мировой войиой
и в борьбе с фашизмом,
присвоить полковиику
МАНЕВИЧУ ЛЬВУ ЕФИМОВИЧУ
зваиие Героя Советского Союза
(посмертио)».

Е. Воробьев

Тень Этьена

Лев Маневич

В миланском театре «Ла Скала» с главным фойе соседствует театральный музей. В первом антракте в музее всегда многолюдно, во втором — пустовато, а в третьем — и вовсе нет никого. Иностранные туристы, провинциалы уже в первом антракте поглазели на старые афиши, фотографии, эскизы костюмов и декораций, искусно подсвеченные макеты постановок.

Фрейлейн Ингрид из Вены и Этьен всегда встречались в последнем антракте. И сегодня Ингрид заинтересованно разглядывала экспонаты музея, положив папку «Ноты» в черном лакированном переплете на столик. Этьен вытащил бумаги из кармана пиджака, положил их в папку, а к себе переложил бумаги из нее...

Ингрид брала частные уроки и собиралась в будущем году держать экзамен в консерваторию. Там училось немало молодых людей из разных стран, в том числе из Австрии, всех прельщала итальянская школа пения «бельканто».

Судя по тому, что в течение восьми месяцев Ингрид четыре раза меняла комнату, она была неуживчивой, капризной квартиранткой. И каждый раз переселялась в другой район Милана. Впрочем, Ингрид вполне устраивали окраины, было бы только удобное трамвайное сообщение с центром города, консерваторией и с «Ла Скала». Комната в центре Милана в два-три раза дороже, и потому все студенты, как правило, живут на окраинах, даже в пригородах.

Несмотря на молодость, Ингрид была опытной радисткой. Она работала под аккомпанемент играющих пластинок.

Потайной радиопередатчик, известный Центру под кодовым названием «Травиата», был вмонтирован в патефон устаревшей марки, несколько громоздкий, но весьма добротный. Это был патефон английской фирмы «Виктор». Фабричная марка «Голос его хозяина» изображает слушающего пса, сидящего перед рупором граммофона.

Этьена предупредили, что в Германии появились специальные приборы для радиопеленгации. Немцы в этой области радиотехники шли впереди. Они снабдили пеленгаторами и итальянскую контрразведку.

Этьен требовал от Ингрид предельной осторожности. Это

по его настоянию молодая певица — такая непоседливая жиличка.

Появились косвенные признаки того, что радиосыщики установили круглосуточную слежку на волне, которой пользовалась Ингрид. Тогда она применила систему опытнейшего радиста Макса Клаузена: менять длину волны через каждые двести пятьдесят слов передачи. Второй совет Клаузена, помощника Рихарда Зорге (Рамзая), также оказался весьма полезным: после каждой радиопередачи, какой бы короткой она ни была, менять код. При таком условии итальянские дешифровщики будут сбиты с толку, даже если обнаружат «Травиату» в эфире.

...Этьен и Ингрид подошли к трамвайной остановке. Ждать пришлось долго. Уже проследовали почти все номера, иные дважды, а трамвая, нужного Ингрид, не было. По-видимому, тот же запропастившийся номер поджидал и мужчина с усиками, в канотье, в светло-серых брюках.

Наконец-то долгожданный трамвай пришел и отправился, переполненный театралами.

— Счастливой ночи! — крикнул Этьен вдогонку; то были первые слова, сказанные им сегодня вечером не по-немецки, а по-итальянски.

Ингрид помахала зонтиком, стоя на задней площадке вагона.

Русские желают «спокойной ночи», немцы — «хорошей ночи», итальянцы — «доброй ночи», а иногда «счастливой ночи». Этьен глядел вслед трамваю, исчезнувшему за поворотом. Потом повернулся и заметил на другом конце асфальтового островка остановки мужчину в соломенной шляпе, в светло-серых брюках. Почему-то он не уехал...

А что касается Ингрид, то Этьен весьма кстати и ко времени пожелал ей сегодня именно счастливой ночи. Разве можно что-нибудь лучшее пожелать радистке, перед тем как она тайно выйдет в эфир?

...Его тревожила мысль — нет ли отставания нашей авиации? Что значит — отстать, летать на слабосильных моторах, с устаревшим оборудованием, на старых моделях? Значит, проиграть тысячи будущих воздушных поединков. Значит, наши парни в будущих воздушных боях окажутся в заведомо неблагоприятных условиях. И кто знает, сколько молодых жизней придется заплатить за это техническое отставание.

Этьен участвовал в воздушных боях лишь с условным противником. Но он отлично знает, что такое недостаточная скорость. Это значит, что нельзя «дожать» противника, к которому уже удалось пристроиться в хвост; противник оставит тебя в

дураках и уйдет невредимым; что нельзя самому, если ты расстрелял боеприпасы, получил повреждение или «выпил» почти все горючее, уйти из боя, когда бой тебе невыгоден.

Еще два года назад Этьен получил задание из Центра. Его просили тогда сосредоточиться на изучении вопросов, связанных со «слепыми» полетами, инструментальным самолетовождением, а также с полетом авиационного соединения в строю и в тумане.

«Вопросы чрезвычайно важные, и мы просим обратить на них самое серьезное внимание. Старик».

Каждое слово той шифрованной телеграммы отпечаталось в памяти как боевой приказ.

Можно назвать молоденького, коротко остриженного парнишку гордым соколом, но если при том снабдить его маломощным мотором и тихоходной машиной, сокола заклюют, даже если он в отваге и мастерстве не уступит Чкалову, Громову, Коккинаки, Чухновскому или еще кому-нибудь из наших асов, о которых Этьен всегда думал с восхищением.

Еще несколько лет назад в Германии, когда Этьену удалось познакомиться с секретными чертежами заводов «Фокке-Вульф» и «Мессершмитт», когда он видел, что мы в чем-то отстаем, он попросту страдал. И — действовал. Положа руку на сердце, он сможет сказать:

— Сделал все, что было в силах. Моему наставнику, дорогому Старику, не пришлось краснеть за нас, своих учеников...

Вот почему Этьен так прилежно изучал чертежи новых авиамоделей, так охотно встречался с летчиками, авиаконструкторами на международных ярмарках, выставках, соревнованиях планеристов и аэролюбителей...

Нередко у кого-то возникала необходимость оформить авторский патент на то или другое изобретение. В таких случаях не сыщешь более знающего и добросовестного человека, чем предприимчивый Конрад Кертнер. Возглавляемое им Международное бюро изобретений и патентов «Эврика» пользовалось в деловых кругах хорошей репутацией.

Кертнер мог гордиться своей коммерческой изворотливостью. Он жил и работал в среде, где все подчинялось его величеству чистогану, где некогда исповедоваться и где прибыли усыпляют совесть и стыд. И Кертнер не мог быть исключением из общего правила.

Кертнер поместил в миланской торгово-промышленной газете «Иль Соле» объявление: «Конторе «Эврика» нужна секретарша».

Предложений поступило множество, несколько весьма подходящих. Кертнер предпочел кандидатуру синьорины Джаннины Эспозито. Он узнал, что отец синьорины безгранично ненавидел фашистов, был одним из руководителей забастовки на заводе «Капрони» и умер в городской больнице Турина от побоев после драки у заводских ворот с фашистами-чернорубашечниками.

Кертнер познакомился с отчимом синьорины — Паскуале Эспозито. Эспозито называл себя врагом Муссолини, считал того виновным в гибели обоих его сыновей в Абиссинии. Он часто произносил революционные фразы, но при этом не отличался ни твердым характером, ни твердостью убеждений.

Наутро после спектакля «Бал-маскарад» секретарша «Эврики» Джаннина рассказала Кертнеру: когда она покупала для него билеты в театр, кассирша расспрашивала, с кем ее шеф ходит в театр. А вчера Джаннина отнесла деловую телеграмму. И случайно увидела: телеграфист списывает текст телеграммы к себе в книжечку. Насторожили и письма, приходившие на его имя. Письмо из Цюриха вместо двух дней шло две недели. Еще в прошлом месяце Кертнер убедился, что его телефонные разговоры подслушивают.

И синьор в соломенной шляпе, светло-серых брюках становился все назойливее, вечно торчал на трамвайной остановке. Слишком много следов сыщиков ОВРА [1] угадывалось вокруг Кертнера.

Все труднее становилось дышать в предгрозовой атмосфере последних недель, иногда Этьен просто физически ощущал нехватку воздуха. Такое же ощущение пережил он однажды, когда летел на большой высоте: сидел в неотапливаемом бомбовом отсеке на парашюте, в кислородной маске, а кислород не поступал, шланг был поврежден...

За ним охотятся, кто-то идет по пятам, дышит ему в затылок. Надо сбить ищеек со следа...

Поэтому он так охотно принял приглашение берлинской фирмы «Нептун», с которой поддерживал деловые контакты. Это был предлог скрыться из Милана хотя бы на две недели.

Высокое чувство ответственности уже не раз помогало в опасном одиночестве, делало Кертнера изворотливым и терпеливым. Важно перехитрить противника, вызнать то, что нужно знать, подсмотреть то, что нужно увидеть, запомнить то, что нельзя позабыть.

Конечно, Конрад Кертнер ходит по самому краю пропасти, и Этьен обязан следить за каждым его шагом. Нужно все время

---

[1] ОВРА — тайная полицейско-шпионская и террористическая организация.

проверять, достаточно ли благоразумно рискует Кертнер, в меру ли он осторожен и в то же время достаточно ли дерзок и хитроумен в своих коммерческих и технических делах, в какой степени неуязвим и находчив при встречах с контрразведчиками и тайными агентами — немецкими, итальянскими...

Страшно подумать, что в Центре не узнают новостей, какими уже располагает Кертнер, если его схватят чернорубашечники или немецкие нацисты.

И это было пострашнее мысли о том, что схваченным, не вернувшимся товарищем может быть он сам, Этьен.

...Письмо подшито к делу с грифом: «Совершенно секретно», «Хранить вечно». Адресовано Оскару Стигге, ответственному работнику Разведупра.

«Милан, 25 марта.

Уважаемый Оскар! Пользуюсь удобной минутой и повторно пишу насчет моей замены. Прошу рассматривать мои соображения о необходимости замены не как изъявление желания поскорее уехать отсюда и очутиться дома, где меня ждут жена и дочь. Подобное желание не покидает сердца, я не оригинален и не претендую на то, чтобы меня считали бóльшим патриотом и лучшим семьянином, чем другие. Все товарищи, работающие за рубежом, болеют этой болезнью, она называется ностальгией. Однако не о симптомах болезни идет сейчас речь. Считаю опасным для организации мое излишне долгое пребывание здесь. Слишком много глаз следит за мной с враждебным вниманием. Уже не один раз я сталкивался на работе с довольно серьезными неприятностями... Зачем ждать, чтобы опасность, всегда возможная, обернулась бедой? Мне приходится без устали разъезжать, этого требует здешняя обстановка. На днях буду в Берлине. Прямой поезд уже не для меня, еду кружным путем. А есть поездки, которые при неотступной слежке за мной связаны с риском и для тех, к кому езжу в гости... Я не чувствую себя спокойным за всех, кто мне доверяет. Жаль потерять плоды усилий двух с половиной лет, плоды, которые могут принести большую пользу. Имейте также в виду, что по приезде нового товарища мне придется пробыть с ним два-три месяца, чтобы устроить его здесь хорошо (что совсем не так легко) и ввести своего преемника в обстановку весьма сложную из-за разбросанности и пестрого состава помощников. Вот мои соображения. Знаю, нелегко подыскать нового товарища, но именно поэтому настоятельно прошу вас обратить на мое письмо надлежащее внимание и правильно понять все его мотивы. Живу и работаю в предчувствии близкой военной грозы. С компривётом Этьен».

В Берлине отмечали полувековой юбилей фирмы «Нептун», продающей аккумуляторы для подводных лодок. Банкет, или, как значилось в пригласительном билете, «скромный товарищеский ужин», состоялся в ресторане «Валькирия», в переулке, выходящем на Тирпицуфер.

Хорошему настроению и пищеварению устроителей юбилея способствовали большие прибыли, которые за последний год получили держатели акций.

Кертнер чувствовал себя на банкете уверенно, держался непринужденно. Речь идет не только об изысканных манерах и соблюдении этикета. Само собой разумеется, он безупречно умеет повязывать салфетку, ест рыбные блюда без ножа, знает, как макают спаржу в растопленное масло и как управляются с мидиями.

И все же австрийский делец не внушил бы доверия, если бы внешний вид его и все поведение за банкетным столом не соответствовали его общественному положению. Этьен давно влез в шкуру богатого коммерсанта Кертнера, надел маску, и маска как бы срослась с лицом. Солидный текущий счет в банке влияет даже на манеру разговаривать. Мало вообще знать правила хорошего тона, нужно знать повадки богача. Уже давным-давно Этьен наблюдает за Конрадом Кертнером как бы со стороны. Вернее сказать, с изнанки, изнутри.

Поначалу Кертнер был излишне робок, и его непосредственный начальник, Ян Берзин, он же Старик, советовал ему набраться дерзости, бесцеремонности, стать менее брезгливым, да, именно менее брезгливым. Бывает, нужно не моргнув глазом чокнуться с какой-нибудь сволочью, пожать ему сволочную руку, выпить за его сволочное здоровье и пожелать этой сволочи благополучия и успехов. Надо избавить Кертнера от всех навыков, привычек, с какими сжился, сросся Этьен. Не только нормы внешнего поведения, но статьи совсем другого морального кодекса типичны для Кертнера, оборотистого пройдохи, дельца, не слишком разборчивого в способах обогащения. Поэтому Этьен бывал недоволен Конрадом Кертнером, когда тот вел себя чересчур тактично, излишне порядочно, благородно.

Но подделываясь под другого, ты в какие-то моменты перестаешь быть самим собой. Ты так часто сознательно обедняешь мыслями и чувствами того человека, чье имя и фамилию носишь, на языке которого разговариваешь и даже думаешь, что при подобной трансформации можешь растерять и свои душевные богатства, обеднить самого себя.

Сложность перевоплощения... Он не смеет произнести что-нибудь по-русски даже во сне, в полузабытьи, в горячечном бреду... И ночью не имеет возможности и права снять маску,

не смеет почувствовать себя свободным от жесткой власти конспирации. Так изнурительно постоянно прислушиваться, приглядываться к себе. Этьен устал от постоянной слежки за самим собой...

Выйдя из ресторана, Кертнер отказался от автомобиля дирекции. Он решил пройтись перед сном по опустевшему, притихшему Берлину.

Прошел по Тирпицуфер, в самый ее конец, миновал громоздкий, мрачный четырехэтажный дом № 74/76: здесь помещалась германская военная разведка — абвер.

В стороне остался Ландверский канал. Этьен поравнялся с большим темным зданием. У парадного подъезда, у ворот прохаживались шуцманы. Хотя Этьен был на противоположном тротуаре, он прочел вывеску у освещенного подъезда: «Союз Советских Социалистических Республик. Полпредство». Кто-то подъехал на «газике» и вошел в здание.

Этьен с завистью поглядел ему вслед и зашагал к Тиргартену.

«Вот бы побывать в посольстве,— мелькнула шальная мысль,— услышать родную речь».

Только раз в жизни он был в здании посольства; помнит просторный зал для приемов, столовое серебро, знаменитый сервиз из саксонского фарфора...

Но вдруг его увидит кто-нибудь из знакомых? В числе сотрудников военного атташе может оказаться бывший слушатель академии. Недоставало еще, чтобы тот с радостным воплем: «Каким ветром?! Маневич, дружище, сколько лет, сколько зим!»— бросился ему на шею.

Он шел по набережной вдоль парапета, глядя на темную воду канала, покрытую рябью. Остановился и вгляделся в свое отражение на воде, высвеченное одиноким фонарем...

И ему вспомнилась такая же ночная, взъерошенная весенним ветром вода в Москве-реке. Плывут одинокие льдины. Дворник в тулупе и треухе скалывает лед на набережной. Звонкая капель.

Он идет вместе с начальником Разведуправления РККА Яном Карловичем Берзиным. Сослуживцы называли его Павлом Ивановичем, кодовое имя Старик — хотя было Старику в ту пору лишь сорок лет.

Оба в форме двадцатых годов — остроконечные шлемы, шинели с «разговорами». У Старика в петлицах три ромба.

Старик отстает на несколько шагов от Этьена, критически приглядывается к его походке.

— А тебе пора отвыкать от строевой выправки,— говорит Старик строго.

Лев Ефимович Маневич.

— Стараюсь, Павел Иванович. Не получается.

— Отвыкнешь. И фрак научишься носить. И цилиндр.— Старик приостановился.— А вот притворяться в чувствах потруднее.

— Ну и дела,— ухмыльнулся Этьен.— Позавчера — комиссар бронепоезда. Вчера — слушатель академии. Сегодня — летчик. А завтра — коммерсант? — Этьен попытался сменить походку на более свободную.— Ну как?

— Чуть-чуть лучше,— подбодрил Старик, продолжая прогулку, и сказал серьезно: — Ты и завтра останешься летчиком. Летчиком свободного полета! Ты должен будешь видеть дальше всех и немножко раньше, чем увидят другие. И коммерсантом ты станешь не простым.— Старик рассмеялся и хлопнул Этьена по спине.— Бальзаковский банкир Нюсинжен — щенок по сравнению с твоим коммерсантом!..— Старик помолчал и спросил потеплевшим голосом: — Сколько дочке?

— Два года.

— А Наде сказал? Командировка длительная.

— Она знает.

— Длительная и опасная...
— Я все обдумал еще семь лет назад. В восемнадцатом. Когда вступил в партию...

«24 мая.
Товарищ Оскар! Даже когда я сильно нервничал, никто этого, по-моему, не замечал. Ко мне вернулось равновесие духа, работаю не покладая рук. Но, объективно рассуждая, нельзя так долго держать парня над жаровней. Насколько мне известно, подобная игра человека с собственной тенью никогда хорошо не кончается. Все доводы я уже приводил. Мне обещали прислать замену месяца через два. С тех пор прошло четыре месяца. От работы же я бежать не намерен, остаюсь на своей бессменной вахте. Этьен».

До последней минуты Этьен сидел в зале ожидания первого класса, на перрон вышел перед самым отходом поезда в Геную. Этьен уезжал из Милана не скорым поездом, как ему надлежало ездить ради престижа, а пассажирским. Меньше опасений, что за ним увяжется провожатый. Поезд тронулся, и он на ходу вскочил на ступеньку.

Неторопливый поезд прибыл в Геную рано утром. Он вышел на знакомую площадь, где в привокзальном сквере его встретил бронзовый Христофор Колумб.

Нужно прожить сегодняшний день в полной уверенности, что он уйдет от слежки.

По всем правилам нельзя было Этьену приезжать в Геную. Но риск оправдывался необычайной важностью поездки.

Зашел в портовую тратторию позавтракать. Там сидели докеры, матросы, лодочники, носильщики, крановщики, ломовые извозчики и припортовый люд, сновавший в поисках работы.

Уселся за столик у окна, поглядывал на улицу. Прошла мимо компания грузчиков. Все одеты в робы из мешковины, но не одежда делала их похожими друг на друга — было что-то неуловимо схожее в походке. Они шли сутулясь и в то же время наклонившись вперед. Походка людей, чьи спины так часто сгибаются под тяжелой кладью. Кто подсчитает, сколько ящиков, мешков, тюков, кулей, бочек, корзин перетаскал каждый из шагающих мимо портовых грузчиков на своем горбу? Ни один океанский пароход не увезет такой груз. Он помнит портовых грузчиков в самые первые дни Советской власти в Баку. Девятнадцатилетний Маневич стал тогда бойцом Первого интернационального полка и воевал в отряде Мешади Азизбекова, одного из 26 бакинских комиссаров. К ним в полк

пришел молодой грузчик-амбал в рубище. Он работал на нефтяной пристани, и отрепья его были насквозь пропитаны керосином, мазутом, маслом. Рубаха из мешковины, грязная до потери естественного цвета, настолько пропотела, что на спине мельчайшими крупинками выступала соль. Когда молодому амбалу выдали красноармейское обмундирование, его отрепья торжественно сожгли, и они горели, как факел.

После порции спагетти Этьен заглянул в дверь соседнего зала, и перед ним мелькнули короткие и широкие, почти квадратные усики. Он глянул в зеркало напротив и увидел отраженный зеркалом взгляд, устремленный на него. Такой взгляд Этьен называл про себя «легавым» — взгляд ищейки, преследующей дичь. Он не спеша допил кофе. Но выйдя на улицу, ловко вскочил в проходящий мимо автобус...

За крышами домов виднелись мачты, снасти, трубы пароходов; доносился шум работающего порта. Не доходя до причала Сомали, он зашел во фруктовую лавку; перед тем как переступить порог, зорко огляделся. Здесь его ждали...

Вышел он из лавки, памятуя, что сейчас должен быть вдвойне осторожен. Право же, у него были для того основания.

Он сидел на берегу Лигурийского моря и, может быть, снова вспоминал Каспий, где о грязные камни бьется мутная, в нефтяных пятнах, почти черная вода. Столько лет прошло, столько километров отделяет Баку от Генуи, но так же пахнет подгнивающими сваями, так же несет смолой от баркасов, сохнущих на сухопутье, обративших к солнцу свои черные днища. Точно так же, как некогда в Баку, в здешнем порту полно портового люда, который предлагает свои мозолистые руки, не умея ничего, кроме как переносить тяжести.

Но стоило отвернуться от пристани, от портовой набережной и обратить взгляд на город, как сходство между Баку и Генуей сразу улетучивалось. В Баку казарма их полка находилась в Черном городе, там при малейшем ветре срываются пыльные бури, пропахшие нефтью, а сама пыль смешана с копотью, и потому листва редких худосочных деревьев черная. А Генуя лежит на ярко-зеленых холмах, дома весело раскрашены, и издали может показаться, что город сплошь населен беззаботными курортниками.

Этьен разгуливал по портовым причалам, дожидаясь того часа, когда кончится смена у докеров и легче будет затеряться среди портовиков и в пригородном поезде, уходящем из Генуи.

Доехал автобусом до конечной остановки, пересел на рабочий поезд, через несколько остановок — на скорый и благополучно вернулся в Милан, в свою контору.

«25 августа.

Наконец мы в состоянии выполнить вашу просьбу о замене. Кандидат уже подготовлен и в конце сентября может выехать и принять от вас дела. Естественно, некоторое время вам придется поработать вместе с ним, пока он не освоится с обстановкой. Ваш преемник хорошо знает французский, болгарский и турецкий языки. По диплому и по образованию — инженер-электрик. Просит сообщить — какая «крыша» будет для него наиболее надежной. Надеемся на скорое свидание. Надя и Таня шлют приветы. Оскар».

Прошло одиннадцать дней как он вернулся в Милан — никаких признаков слежки: неужели отвязался от своей тени? И письма приходили теперь в контору без опозданий.

Со всеми предосторожностями поехал к радистке Ингрид пригородным трамваем. Иногда высший закон конспирации заключается как раз в том, чтобы его умело нарушить. Но риск должен быть обеспеченный и умный.

Радиограмму для передачи в Центр необходимо отправить сегодня, во вторник, иначе ее придется заново шифровать. Вечером «Травиата» выйдет на связь в последний раз. Передатчик нужно разобрать и ночью утопить в озере. Уплатить вперед за комнату, оставив ее за собой. Завтра Ингрид должна уехать в Швейцарию.

А в среду Кертнер отважился на свидание со старым знакомым, Паскуале Эспозито, с которым давно уже не встречался.

Когда Кертнеру нужен был Паскуале, он вызывал его на свидание. Если Паскуале сам решился назначить встречу, значит, для этого есть серьезные основания...

Траттория, где они обычно встречались, находилась на окраине Милана, вблизи фабрики кондитерских изделий «Мотта».

Паскуале опоздал на двадцать минут. Странно, он всегда являлся минута в минуту. Нерешительно, медленно подошел к столику и плюхнулся на стул. Он принес с собой небольшой пакет в серой оберточной бумаге, положил на стул в углу. Этьен заметил, что руки его дрожали.

Паскуале заказал чашку кофе с печеньем. Пил обжигаясь и не подымая глаз. На лице нездоровая бледность, и чувствовалось по всему, что встреча потребовала от него много душевных сил. Паскуале вышел неверной, заплетающейся походкой.

Что с ним? А если... Свинцовой тяжестью сдавило сердце. Но надо было действовать. Кертнер не торопясь расплатился, взял бумажный пакет, лежавший на стуле, и направился к выходу.

Едва за ним закрылась стеклянная дверь и он вышел на улицу, к нему вплотную приблизились двое рослых мужчин. Оба, словно сговорившись, держали правые руки в оттопыренных карманах пальто. Один из них показал полицейский значок на изнанке лацкана, но они могли бы и не представляться Кертнеру. Он уже понял: отсутствие слежки, безопасность последних одиннадцати дней были мнимыми, он в капкане.

— Вы арестованы,— донеслось до него как бы издалека, хотя прозвучало рядом.— В ваших интересах не поднимать шума.

Кертнер сделал шаг назад и уже взялся за ручку стеклянной двери, но его оттолкнули, дверь в тратторию, дребезжа, захлопнулась.

— Это провокация! Мне подбросили чужой пакет!

Кертнер бросил пакет на тротуар, но агент со значком поднял его.

— Зачем же сорить на улице? Вы специально за этим пакетом приехали.

Кертнер собрался что-то ответить, но не успел. Подкатил полицейский автомобиль, распахнулась дверца. Он почувствовал грубый толчок в спину, и одновременно чьи-то цепкие железные руки схватили его и втащили внутрь автомобиля...

Лишь много дней спустя, уже в тюрьме, Кертнер узнал, что Паскуале Эспозито арестовали раньше, чем его.

Следователь обманул Паскуале. Он сказал, что Джаннина тоже арестована и, так как она ни в чем не признавала себя виновной, ее наказали за упрямство. В подтверждение своих слов следователь развернул сверток с шелковым бельем в пятнах крови. Именно это белье Паскуале недавно подарил падчерице ко дню ангела!

По словам следователя, единственная возможность спасти Джаннину — помочь правосудию, признаться во всем самому, и синьорина будет отпущена на свободу. Паскуале лишь следует назначить свидание Кертнеру и передать чертежи, которые якобы достал для него. Суд обязательно учтет его искреннее раскаяние в содеянном.

Паскуале заставили сыграть роль «подсадной утки», после чего следователь разрешил Джаннине свидание с отчимом.

Впервые в жизни Джаннина переступила порог тюрьмы, она оказалась в комнате свиданий. Их разделяли две решетки, Паскуале пристально вглядывался в лицо падчерицы.

— Хорошо, что палачи не били тебя по лицу. Ты такая же красивая. Поверь, я это сделал только ради тебя. Когда я узнал, что тебя схватили черные рубашки, что тебя жестоко пытают...

— Кто тебе сказал? — вскричала Джаннина.
— А твое окровавленное белье?
— Какое белье?
— Шелковое. Которое я тебе подарил в день ангела.
— Его украли.

Потрясенный, он судорожно ухватился за прутья решетки, уткнулся лицом в вытянутые руки, но ему некуда было спрятаться.

— Значит, это ты?

Она сильно побледнела, отвернулась и пошла к двери, низко опустив голову.

— Джаннина, девочка моя! — закричал он вслед, но она не обернулась.

Джаннина получила от него из тюрьмы письмо и не ответила, получила второе. Паскуале писал, что его гнусно обманули. Джаннина снова не ответила, и тогда он понял, что она от него отреклась...

Он попросил у тюремщика молитвенник. Тайком от надзирателя начал распускать носки домашней вязки. Нитки были из грубой шерсти, крепкие.

В один из ближайших вечеров надзиратель вошел в камеру, принес кувшин с водой. Заключенный стоял под оконной решеткой, стоял на цыпочках, прислонившись к стене, с бурым, набрякшим лицом, голова неестественно склонилась на плечо. В сумерках надзиратель не сразу увидел серый крученый шнурок, который тянулся от решетки к шее...

Паскуале сам осудил себя и сам привел приговор в исполнение.

...Допрос проходил в римской тюрьме «Реджина чели».

Следователь заговорил по-французски. Кертнер отрицательно покачал головой. Следователь перешел на английский — безуспешно. Неожиданно прозвучал какой-то вопрос на ломаном русском языке. Кертнер пожал плечами: не понимает.

Пришлось следователю поневоле вернуться к немецкому, который он, по-видимому, знал слабо и старался его избегать. А Кертнер нарочно заговорил по-немецки сложными витиеватыми фразами и очень быстро. Следователь вспотел, он мучительно подбирал немецкие слова, а Кертнер подавлял в себе желание подсказывать ему.

И лишь позже Кертнер с безупречного немецкого перешел на сознательно испорченный итальянский...

Кертнеру вручили обвинительное заключение № 88, которое ему предъявила «Следственная комиссия при Особом трибунале по защите фашизма, состоящая из лиц, облеченных доверием короля и дуче»...

Следственная комиссия установила, что Кертнер приобретал чертежи разных моделей самолетов. Но по утверждению обвиняемого, он был занят усовершенствованием авиационных приборов, имеет в этой области несколько изобретений и его авторство удостоверяется международными патентами... «Секретные документы»?! Но обыск незаконно произвели в отсутствие Кертнера, и он не несет ответственности за материалы, которые ему подбросили провокаторы.

Кертнер называл себя авиатором-изобретателем, оспаривал показания Паскуале. Однако слишком силен оказался удар Паскуале. Судьи понимали: не стал бы самоубийца лгать на своем смертном пороге.

Обычно, когда судьи удалялись на совещание, чтобы вынести приговор, подсудимые писали письма, разрешены были свидания. Кертнер коротал время в одиночестве.

Тем большей неожиданностью явилось известие, что к нему на свидание пришла синьорина Эспозито. Это был мужественный поступок. Джаннина сообщила, что деньги Кертнера конфискованы. Можно будет продать лишь личные вещи, которые не попали в опись, сделанную после обыска.

В приговоре, вынесенном именем его величества Виктора-Эммануила III, милостью божьей и волею нации короля Италии, отмечалось, что подсудимый, возможно, не тот человек, за которого он себя выдает.

«Точное установление личности Конрада Кертнера не интересует трибунал. То, что Конрад Кертнер иностранец, несомненно, а кто он по национальности — не имеет значения при оценке содеянного преступления...»

Трибунал под председательством корпусного генерала Алессандро Сапориги приговорил Конрада Кертнера к длительному тюремному заключению. По отбытии наказания Кертнер подлежит высылке за пределы государства.

Он выслушал приговор, стоя в железной клетке. В Особом трибунале такая клетка заменяла обычную скамью подсудимых.

Его раздели донага, наголо остригли, он еще долго по привычке проводил рукой по волосам. Одежду отобрали и выдали тюремную робу, серую в коричневую полоску.

Отныне он узник 2722 тюрьмы Кастельфранко дель Эмилия, о которой пока знает только, что она находится к юго-востоку от Милана, между Болоньей и Моденой.

Весь мир сузился для Этьена до четырех стен, ограждающих тесную камеру.

Этьену предоставлено право тратить в тюремной лавке пять лир в день. Посылки он сможет получать только два раза в год — на пасху и на рождество. Но — от кого?

Камера, в которую поместили Этьена, была рассчитана на восемь человек, но в нее втиснули тринадцать коек. Все заключенные — антифашисты, молодые коммунисты.

Этьен бегло оглядел тех, кто его окружил, и сказал:

— Дорогие друзья! Особый трибунал и фашистская полиция знают меня как австрийца Конрада Кертнера. Таким я должен остаться и для вас. Не задавайте вопросов, не смогу на них правдиво ответить...

Кертнер занял койку в центре камеры. Отныне над головой его будет гореть лампочка в шесть свечей.

Соседству Кертнера очень обрадовался приветливый парень невысокого роста Бруно, родом из Новары, двадцати шести лет. Мать Бруно малограмотная, брат воюет в Африке, а отец, старый шахтер, ослеп после завала в шахте.

Выражая всеобщее желание, Бруно попросил вновь прибывшего вести в камере политические занятия.

После утреннего подъема, после того как все умылись, убрали камеру, в девять утра начинались занятия. Память Этьена не подводила. Изучали диалектический материализм, некоторые работы Ленина. Двое парней под влиянием занятий расстались с анархистскими взглядами.

В Центре были обеспокоены положением Этьена. Скоро он останется совсем без денег. Политический узник, если к тому же он слаб здоровьем, обречен тюремным режимом на медленную голодную смерть.

Кто может помочь Кертнеру? Судя по его австрийским документам, он холост, семьи у него нет.

Сразу после ареста Кертнера Георгий Павлович Григорьев, находившийся в Италии, получил письмо:

«Чаще помогайте Этьену материально, но так, чтобы это не вызвало подозрений насчет того, кто именно ему помогает».

Помощь могла исходить только от секретаря «Эврики». У нее доверенность, у нее хранятся личные вещи Кертнера. С ней поддерживает связь Тамара, жена Григорьева,— Джаннина вызывает у нее полное доверие.

Директор тюрьмы разрешил отправлять Кертнеру посылки и пересылать деньги.

27 марта 1937 года Джаннина получила из тюрьмы письмо:

«...Вес посылки не регламентирован строго и устанавливается дирекцией в зависимости от того, как ведет себя заклю-

ченный: 4 и более кг. Для меня установили вес праздничной посылки в 4 кг. К. К.»...

«21 апреля 1937 года.

Джентиллиссима синьора, мне, как Вы знаете, сильно повезло.

Благодаря новой амнистии, объявленной в связи с рождением сына у наследника царствующего дома, срок моего заключения уменьшился...

Вы не находите, что я сделал крупный шаг вперед?

Если Вас не затруднит, пришлите, пожалуйста, книгу Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях». Почтительно приветствую вас. К. К.»...

«8 мая 1937 года.

Уже несколько месяцев болит грудь. Доктор прописал в обязательном порядке рыбий жир, две столовые ложки в день...

Очень стыдно Вас затруднять, но, как выяснилось, болезней вокруг нас тысяча, а здоровье только одно».

Джаннина отправила посылку, раздобыв две бутылки рыбьего жира.

В соседней камере сидела группа молодых коммунистов, рабочих сборочного цеха завода «Капрони». Они собирали истребители новейшей модели «Капрони-113», их отправляли в Испанию франкистам. Самолеты оказались с пороками явно диверсионного происхождения. Двадцатитрехлетний мастер Ренато и еще несколько рабочих угодили за саботаж в тюрьму. Невеста Ренато — красивая, по утверждению Бруно, как сама мадонна,— выхлопотала у директора тюрьмы разрешение на свидание с женихом в присутствии надзирателя. В тюремной канцелярии она познакомилась с Джанниной. И вот стройная, синеглазая Орнелла стала тюремной связной.

Передавать записку из рук в руки опасно — за руками надзиратели следят внимательнее всего. Но даже при режиме Муссолини не осмелились упразднить старое тюремное правило: при свидании разрешено целоваться дважды — при встрече и прощании. Долгий прощальный поцелуй не должен вызвать подозрения.

И Орнелла успевала, отвернувшись от надзирателя, втолкнуть в рот Ренато комочек бумаги, завернутый в вощеную кальку.

Каждый раз кто-то из двоих уносил со свидания драгоценный комочек за щекой. Но все минуты свидания Орнелла помнила о предупреждении: в случае осложнений записку проглотить.

Последняя записка, которую отправили Кертнеру, была такова:

«Приказываю подписать прошение о помиловании... Тюремную администрацию без надобности не дразнить и тем бесцельно не ухудшать своего положения, вызывая к себе репрессии»...

Это был приказ Старика.

Рабочий-антифашист, занимавший койку рядом с Ренато, устанавливал на «Капрони-113» новые прицелы для бомбометания, которые незадолго до того прибыли в Италию. На коробках яркие картинки с изображением горящего примуса — наклейки шведской фирмы, известной во всем мире.

Нет, хозяйки с подобными «примусами» не знакомы, на них много не настряпаешь; «примусы» изготовлены в Германии на засекреченном заводе фирмы «Цейс».

Новые прицелы намного точнее прицелов «галилео». Известно, что «примус» — заимствованное изобретение американца Сперри, которым очень интересовался, судя по секретной переписке, лорд Бивербрук, министр авиации Англии. А оказывается, секрет прицельного устройства уже у немцев!

Кертнер передал комочек бумаги с чертежиком, аккуратно начерченными схемой и пояснением. Миниатюрная схема показывала, как укреплен бомбовый прицел возле сидения штурмана, как штурман учитывает при бомбометании поправки на скорость полета и на высоту.

В подтверждение того, что послание дошло по назначению, Кертнер получил открытку из Австрии. Неизвестная корреспондентка, назвавшаяся его тетушкой, мобилизовала весь запас немецких любезностей и между прочим сообщила: недавно она купила немецкие очки с цейсовскими стеклами и теперь ей легче писать.

Вслед за запиской о «примусах» Этьену удалось передать в Центр еще два важных сообщения: одно — итальянские фашисты, воюя в Абиссинии, использовали при ночном бомбометании ракеты на парашютах; а второе — с заводов Круппа секретно переслали рецепт новой броневой стали.

Но, может быть, самой важной новостью, переданной Этьеном в Центр, было сообщение о том, что итальянские авиазаводы «Фиат» и «Капрони» получили из Японии большой и срочный заказ на самолеты. Заказчик особенно интересовался тем, как самолеты будут вести себя при сильных морозах: особое внимание проявлялось к смазке и управлению, типу горючего, режиму работы мотора, утеплению кабины, кислородной маске для пилота при низких температурах. В Центре сами

сделают выводы, чем вызван заказ японцев на морозоустойчивые самолеты.

Сообщения, поступившие от Этьена, перекликались с донесениями Рамзая, и в совпадении оперативных разведданных была дополнительная убедительность. Сообщения Зорге и Маневича содержали сведения государственной важности, и Берзин учитывал это...

Тюремщики внимательно следили за теми политическими, кто пал духом, надломился. Их изолировали, переводили в одиночки и, если они подавали прошение о помиловании, довольно быстро освобождали. Но коммунисты после этого не считали их товарищами по партии. Имелось строгое партийное указание: прошений на имя дуче и короля не подавать, это равносильно дезертирству, предательству, признанию фашистского режима. Руководитель итальянских коммунистов, заключенный 7047 Антонио Грамши, несмотря на то что провел за фашистской решеткой почти десять лет и стоял буквально одной ногой в могиле, отказался от помилования!

И если бы Кертнер подписал такое прошение, он лишился бы права считать себя соратником этого кристально чистого человека.

Кертнер не выдавал себя за коммуниста. Но связь, которую он поддерживал с внешним миром через Ренато и его невесту, была обеспечена усилиями коммунистов! И сам приказ Старика попал к Этьену благодаря их помощи.

Вскоре Кертнер отказался от прогулки, чтобы остаться в камере одному. Уверенный в своих связных, он писал по-русски:

«По поводу прошения о помиловании:

1. Здесь находятся в заключении более 120 товарищей, с которыми я живу и работаю и которые видят во мне товарища по партии. Моя подпись под прошением на многих подействует разлагающе, будет всячески использована дирекцией тюрьмы в своих целях и получит отклик во всей итальянской компартии, так как тут сидят товарищи из всех провинций. Никакие мои объяснения не помогут.

2. Я уверен, что в прошении будет отказано. Директор тюрьмы даст мне отрицательную характеристику, так как знает о моей роли в сплочении политических заключенных, в их борьбе за свои права. ОВРА будет против помилования, об этом мне открыто сказал офицер, который присутствовал при моем свидании с адвокатом. Адвокат, который меня защищал на про-

цессе, доверия не вызывает. Прошение о помиловании будет стоить много денег, а результата не даст.

3. Мое мнение: не подобает члену нашей партии и командиру Красной Армии писать прошение о помиловании.

4. Если Старик, ознакомившись с моими доводами, подтвердит приказание насчет подписи, я постараюсь перевестись в другую тюрьму и там подпишу бумагу. Но боюсь, что единственный результат будет такой — я буду принужден провести все остальные годы в одиночном заключении, так как после прошения о помиловании не смогу более ни жить, ни работать с другими товарищами в заключении. Передайте все это Старику. Буду ждать ответа. Э.».

Берзин вернулся в Москву и после перерыва в несколько лет открыл дверь своего кабинета в Разведуправлении. Около года он пробыл в Испании нашим Главным военным советником. А до отъезда в Испанию был первым заместителем Блюхера, командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армией.

Начальника Разведупра ждало великое множество дел. И почти все они не терпели отлагательства.

Берзину захотелось вновь просмотреть личное дело Маневича, захотелось остаться с ним наедине.

Среди последних аккуратно подшитых донесений на глаза попался клочок папиросной бумаги:

«Дорогой и уважаемый Старик! Горячо поздравляю тебя с годовщиной РККА. Передаю привет всем старым товарищам. Твой Э.».

Еще записка, неровные буковки, будто Этьен писал трясущейся рукой:

«Вдребезги болен и сегодня плохо соображаю. Прошу Старика написать мне несколько слов для ободрения духа. Передаю ему свой тоскующий привет. Этьен».

Даже тоскующий привет другу занумерован и хранится в папке с грифами на обложке: «Совершенно секретно», «Хранить вечно».

На Берзина нахлынуло теплое чувство к Этьену. Еще три года назад Берзин написал записку верному человеку и уже после того, как вызвал шифровальщика, приписал:

«Делайте все для облегчения участи Этьена. Ищите пути для материальной поддержки, не жалейте средств. Держите меня в курсе дела, обещаю свою помощь. Дружески Старик».

Судя по переписке, кто-то в управлении грубо ошибся: не

имея никаких доказательств, исходя из примитивной логики, он предупреждал об «опасной» секретарше.

Из Италии ответили: «Наше счастье, что секретарша Джаннина — человек верный, она доказала это делом. Ваши подозрения напрасны».

Из записки Этьена, адресованной Григорьеву:

«Последняя твоя записка не дошла. Связную обыскали перед свиданием с женихом, и она вынуждена была проглотить писульку. Привет Старику. Прощай. Э.».

Берзин все глубже заглядывал в прошлое, возвращаясь к тем дням, когда красных командиров еще не называли полковниками, майорами, капитанами, а к нему еще не пристало прозвище «Старик».

Личное дело хранило в копиях все справки и бумажки, какие в далекие двадцатые годы были выданы Маневичу: о летном пайке, о путевке для дочери Тани в пионерский лагерь, об отпуске дров со склада, о выдаче нового обмундирования. Берзин задержал взгляд на письме, отправленном в Белоруссию, в Чаусы, в исполком, с просьбой помочь родственникам военнослужащего Л. Маневича и отпустить им по государственной цене восемь листов кровельного железа для ремонта прохудившейся крыши. Сюда же подшита справка от местных властей об их социальном и материальном положении: «Из имущества означенные граждане имеют ветхий дом и ветхий сарай. Торговлей не занимаются».

Листая подшитые бумаги от конца к началу, Берзин уткнулся в анкету молодого Маневича, ту самую, которая лежала на столе во время первой беседы с будущим разведчиком.

Старший брат Жак Маневич с юных лет участвовал в революционном движении, состоял в партии большевиков, был осужден по делу о восстании штрафного батальона в Бобруйской крепости 22 ноября 1905 года. Прятал в казарме гектограф, прокламации, динамит, браунинг и патроны к нему. С помощью боевой группы, в которую входила сестра Маневича, бежал из каторжного централа в эмиграцию. Там получил медицинское образование. Позже товарищи Жака привезли в Швейцарию после смерти их матери младшего брата Леву: семья бедная и учить мальчика в Чаусах было не на что.

Товарищи устроили Леву в политехнический колледж. Подросток довольно быстро научился немецкому, на котором разговаривают в Цюрихе. Когда юноша кончил колледж, он свободно владел французским, как житель Женевы, и итальянским, на котором говорят в южном кантоне Тичино.

Берзин понимал, какое огромное влияние на юного Маневича оказал Ленин. Юноша слушал доклады и выступления

Ленина в Народном доме в Цюрихе на немецком языке. Ленинские статьи, опубликованные поздней осенью 1916 года и в январе 1917 года в газете «Социал-демократ», вошли в сознание Левы Маневича, определили направление всей его жизни. Вместе со старшим братом он провожал 9 апреля 1917 года в Цюрихе поезд, которым выехало в Россию около сорока эмигрантов во главе с Лениным. Провожающие пели «Интернационал».

После Февральской революции братья вернулись в Россию. Девятнадцатилетний Лев Маневич добровольно вступил в Красную Армию, сражался за Советскую власть в Баку, а затем против Колчака. После гражданской войны стал слушателем Военной академии РККА. Окончил ее с отличием и поступил на курсы при Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского.

Берзин перевернул еще несколько страниц — характеристики, выданные Маневичу.

«Отличных умственных способностей. С большим успехом и легко овладевает всей учебной работой, подходя к изучению каждого вопроса с разумением, здоровой критикой и систематично. Аккуратен. Весьма активен. Обладает большой способностью передавать знания другим. Дисциплинирован. Характера твердого, решительного; очень энергичен, иногда излишне горяч. Здоров, годен к летной работе. Имеет опыт ночных полетов. Пользуется авторитетом среди слушателей и импонирует им своими знаниями. Активно ведет общественно-политическую работу.

Вывод: Маневич вполне успешно может нести строевую летную службу. После стажировки обещает быть хорошим командиром отдельной авиачасти и не менее хорошим руководителем штаба...»

Аттестация Военно-воздушной академии подкрепляет отзыв командира эскадрильи старшего летчика Вернигорода: в его эскадрилье Маневич стажировался с 15 мая по 1 октября 1929 года.

«К работе относится в высшей степени добросовестно и заинтересованно. Летает с большой охотой. Энергичен, дисциплинирован, обладает хорошей инициативой и сообразительностью. Вынослив. Зачастую работает с перегрузкой. Свои знания и опыт умеет хорошо передавать другим».

Настойчивый, сосредоточенный интерес к новинкам военной техники — вот чем Этьен жил все последние годы.

Пришло время представлять аттестацию на присвоение Маневичу очередного звания, срок выслуги давно истек. Разве тюремная роба может изменить прежнее представление о

Маневиче? Сидит он за решеткой или не сидит — все равно он воюет в тылу врага. Воюет на самом переднем крае, находится к противнику ближе, чем любой пограничник с заставы Гродеково или Негорелое...

После приезда из Испании Берзин сам написал аттестацию: «Способный, широко образованный и культурный командир. Волевые качества хорошо развиты, характер твердый. На работе проявил большую инициативу, знания и понимание дела.

Попав в тяжелые условия, вел себя геройски, показал исключительную выдержку и мужество. Так же мужественно продолжает вести себя и по сие время, одолевая всякие трудности и лишения.

Примерный командир-большевик, достоин представления к награде после возвращения.

Армейский комиссар 2-го ранга Берзин».

Кертнер истратил в тюремной лавке последние чентезимо [1], купил молока. Все, что можно было продать из одежды, Джаннина продала. Осталась пишущая машинка «Ундервуд».

«Джентиллиссима синьора, благодарю за письмо от 17 декабря, а также за то, что Вы так срочно продали мою пишущую машинку. Прошу принять 200 лир за хлопоты, удержав их из вырученной суммы. Мне очень жаль, что я вынужден ограничиться такой маленькой компенсацией в возмещение столь больших беспокойств. Лишь крайние обстоятельства, а не чувство справедливости руководят мною, когда я называю столь мизерную сумму.

Очень заманчиво получить к пасхе посылку, хотя бы отдаленно похожую на ту, которую Вы присылали к рождеству... Остальные деньги прошу держать у себя до моих дальнейших запросов...

В ожидании Вашего любезного ответа приветствую Вас и заблаговременно поздравляю с пасхой. С благодарностью К. К.».

Джаннина попросила у директора тюрьмы разрешить ей отправку посылки к пасхе, а к своему заявлению приложила вырезку из газеты с объявлением о продаже пишущей машинки. Разрешение последовало, но вес был указан минимальный. Синим карандашом было приписано, что заключенный 2722 ведет себя плохо, не заслуживает посылки, а разрешение выдано только в связи со скверным состоянием его здоровья.

Письмо от 8 апреля 1938 года пришло из тюрьмы с купюрами — целые фразы были замазаны черной тушью.

[1] Чентезимо — мелкая разменная монета в Италии.— *Прим. авт.*

«...Долго тянется время в тюрьме, бесконечно долго, его скрашивают только Ваши деловые письма, которые я невольно заучиваю наизусть,— так часто их перечитываю. К пасхе Вы явились ко мне снова, как ангел-спаситель, у которого в руках была посылка весом в четыре килограмма. Но зато какая питательная! Меня наказали уменьшенным весом посылки, а Вы восполнили это высокой калорийностью. Благодарю Вас за каждую калорию — большую и маленькую. По совету тюремного врача я теперь совсем не курю, так что сигарет больше не посылайте. Нет меры благодарности за Ваши милосердные заботы. Да благословит Вас небо! К. К.».

Кертнер больше, чем его товарищи по камере, страдал от холода. Как бы согреться? Иногда Бруно удавалось доставать для Кертнера горячую воду из котельной: она не годилась для питья, но можно было сделать ванну для ног.

И в самые холодные дни Кертнер занятий не прерывал. Чтобы согреться, ученики ходили гуськом, завернувшись, по примеру учителя, в полосатые серо-коричневые одеяла.

Газетные новости тоже становились темой занятия. На следующий день после того как Гитлер оккупировал Австрию 12 марта 1938 года, Бруно показал Кертнеру записку, тайно полученную из камеры № 3: «Эпидемия в городе Штрауса».

Во всей тюрьме не было человека, для которого это сообщение прозвучало бы столь трагически. После того как кончится тюремное заключение, его, Кертнера, должны выслать в Австрию!

А в октябре 1938 года еженедельники поместили фотографии — немцы ломают на чешской границе шлагбаумы, рушат пограничные столбы.

«...Последнюю неделю,— писал Кертнер 11 октября 1938 года Джаннине,— здесь наступили дни, довольно холодные для начала октября, так что я простудился...»

15 ноября заключенный 2722 отправил письмо, которое начиналось словами: «Холодно, замерзаю». Руки его покрылись волдырями, просил прислать глицериновое мыло,— оно помогает против обморожения. Просил шерстяные перчатки.

В Италии тюрьмы вообще не отапливаются. Гнилая сырость трехсот итальянских зим впиталась в камень тюремных стен Кастельфранко, чтобы обдавать узников стылым дыханием. Чего можно было ждать от основателя крепости папы Урбана VIII, если этот папа отверг систему Галилея и проклял его самого?!

Зима пагубно отразилась на здоровье Кертнера. 6 марта 1939 года он написал: «Врач снова прописал мне рыбий жир,

но не чувствую никакого улучшения. С месяц уже как у меня болит грудь и боль не унимается...»

Когда-то счет шел на годы, затем — на месяцы, а теперь единицей измерения стали недели, дни. Скоро, скоро он навсегда выйдет из ворот тюрьмы.

Последний день в общей камере, последний вызов на прогулку. Он попрощался с товарищами из других камер.

— Значит, последняя прогулка?

— Да, последняя,— радостно подтвердил Кертнер.

Все сняли серо-коричневые береты — никогда больше не увидятся. Этьеном овладела нежность к товарищам, которых он оставляет, и больше всего — к Бруно.

Бруно подсчитал, сколько ему придется просидеть после того, как Кертнера освободят,— еще девять месяцев. Этого времени женщине хватает, чтобы зачать, выносить и родить младенца.

После утренней раздачи хлеба к решетчатой двери подошел надзиратель, и прозвучало долгожданное:

— Номер две тысячи семьсот двадцать два! На выход со всем имуществом!

— Только сейчас рассеялись мои сомнения,— счастливо улыбнулся Бруно.— Ты на пороге свободы.

Уходя из камеры, Кертнер впервые не сказал соседям: «Аривидерчи», а радостно воскликнул: «Аддио!»

Бруно по тюремному правилу перевели в одиночку за пять дней до освобождения. Он стоял и смотрел сквозь решетку на узников, которые скорбной вереницей возвращались с прогулки.

А в правом отсеке двора...

Бруно отшатнулся от окна, будто его ударили по глазам. Не поверил себе, прильнул вновь к решетке, вгляделся в узника, бредущего по тесному дворику: Кертнер!

«Верный брат, мудрый учитель, дорогой сердцу товарищ, что с тобой?! А мне в разлуке так помогала радость за тебя, свободного! Надеялся, ты давно среди своих».

Подогнулись колени, он едва не упал, ухватился руками за решетку и повис на ней.

«Милый и несчастный друг! Значит, и последние девять месяцев мы жили с тобой под одной крышей».

Как сильно изменился Кертнер за эти девять месяцев! Ссутулился. А как поседел! Походка и та изменилась.

Бруно удалось в тот же день установить контакт с подметальщиком из уголовников. Говорят, что табак — тюремное

золото. Бруно отдал ему полпачки сигарет. Сказочное богатство!

Бруно послал Кертнеру с подметальщиком клочок газеты. Булавкой наколол несколько вопросов. В тот же вечер пришел ответ. Кертнер лишен права переписки, его держат без передач. В знак протеста дважды объявлял голодовку.

Утром Бруно послал Кертнеру через подметальщика немного молока и записку: как здоровье? есть ли надежда на освобождение? Ответ был нацарапан иголкой на коробке из-под сигарет:

«Исчерпал все легальные возможности для освобождения. Написал двенадцать жалоб. Потерял всякую надежду. Остается рассчитывать только на помощь извне. К. К.».

Бруно не мог покинуть тюрьму, не сделав для Кертнера то немногое, что было в его силах. Решил оставить Кертнеру свой скудный «капитал»: оформил на него лицевой счет в тюремной лавке.

«Что можно для тебя еще сделать?— отправил Бруно записочку и огрызок карандаша.— Через несколько дней буду на свободе».

Спустя день подметальщик передал записку, Кертнер просил уничтожить ее тотчас же по прочтении. Он просил Бруно связаться с посольством, сообщить о его положении.

Прошло два месяца после освобождения Бруно, и посольство получило письмо на итальянском языке:

«Я был осужден специальным трибуналом за принадлежность к коммунистической партии, пропаганду и пять лет просидел в тюрьме Кастельфранко (Модена). Там я имел случай узнать Конрада Кертнера, осужденного Особым трибуналом.

Поведение Кертнера на судебном процессе было превосходным. Это видно из текста приговора, который находится в «делах» тюрьмы.

Все его поведение в тюрьме, его знания и опыт обогатили наших молодых товарищей... Товарищи, имевшие счастье знать Конрада Кертнера и находиться вместе с ним в камере, извлекли большую пользу для общего дела.

Кертнер после амнистии полностью отбыл срок наказания, но его из тюрьмы не освободили. Угрожают, что не выпустят, если он не сообщит о себе новых данных, касающихся национальности и гражданства.

Очень долго Кертнера держали в строгой изоляции и плохо с ним обращались. Идет месяц за месяцем, а наш любимый товарищ еще не освобожден... почти год он незаконно сидит в одиночке. Я получил возможность объясниться с ним, и он дал

мне поручение довести все это до Вашего сведения. Лично это поручение выполнить не могу, так как нахожусь под специальным надзором и не хочу никого ставить под удар, принести с собой тревогу и несчастье. Поручил доставить это письмо надежным антифашистам.

Кертнер сообщил мне обо всех легальных попытках воспрепятствовать беззаконию — результаты отрицательные. Легальным путем он помощи дождаться не может и просит тех, кому его судьба небезразлична, посоветовать ему какое-нибудь новое средство. Если нового средства не найдут, он будет, как дисциплинированный солдат, выполнять прежний приказ, как выполнял его до сих пор...

Вот суть деликатного поручения, которое мне дано. Горячее желание мое и всех товарищей в тюрьме — добиться освобождения Кертнера, не оставлять его в том положении, в каком он сейчас находится. Лицо, передавшее это послание, знает мой адрес. Я всегда в вашем распоряжении для пояснения и поисков возможности связаться с надежными людьми, знающими Кертнера. Прошу извинить за это краткое и печальное изложение дела. С коммунистическим приветом Альбино (Бруно)».

...Схваченное решеткой оконце в арестантской карете. В арестантском автомобиле. В арестантском вагоне. Узник лишь меняет тюремный адрес, и не свобода ждет его, а новое заключение. Везут на юг. Может, переселение пойдет ему на пользу? Дышать мягким морским воздухом полезно для больных легких.

Этьен счастлив снова увидеть живой мир, который предстал перед ним в богатстве красок, звуков и запахов. Увидеть и услышать полнозвучное, яркое богатство и снова быть замурованным в четырех стенах с мизерным клочком неба в зарешеченном окне?

Неужели он видит мир снова лишь для того, чтобы навсегда его позабыть?

Чем ближе к Неаполю, тем чаще поговаривали о том, что их везут на остров Вентотене или — что еще хуже — Санто-Стефано, который называют «Остров дьявола».

Кертнер сошел на берег. Очень трудно подыматься в гору, когда страдаешь от сильной одышки да еще шагаешь в наручниках. Трехэтажное здание каторжной тюрьмы Санто-Стефано уже так близко, что видны решетки на окнах. Тропа подвела

к железной калитке под каменной аркой, на ней надпись: «Оставь надежду всяк сюда входящий».

На Санто-Стефано его вновь разлучат с именем и фамилией. Человек, обреченный на пожизненную каторгу, занумерован навечно. Имя канет в Лету, а номер будет высечен на могильной плите.

Кертнер получил номер 1055. Конвоир уже называл его Чинкванто Чинкве, то есть «55».

Первая дверь, ведущая в камеру № 36, обита железом, с окошечком, в которое можно просунуть миску с супом. Стена толщиной без малого метр, второй дверью служит железная решетка.

Не успели съесть обед — в воскресенье полагался кусочек мяса и две картофелины — прибежали уголовники:

— Немцы напали на русских! Италия объявила войну России!

Новость потрясла Чинкванто Чинкве. Горько сознавать, что ты отторгнут от Родины и ничем не можешь ей помочь. А сколько он мог бы сделать, если бы очутился под небом Родины, в боевом строю, в форме командира Красной Армии...

На полях России развернулась жестокая битва. Если верить фашистской газетенке, враг уже захватил всю Белоруссию. Прошли ожесточенные бои стороной или война обрушила бомбы, снаряды и на родной городок Чаусы?

Второе лето мировой войны принесло советскому народу новые тяжелейшие испытания. Гитлеровцы рвались к Волге. Наступила зима. Из военных событий чаще всего каторжане обсуждали разгром вермахта под Сталинградом. Через два года войны фашистская газета напечатала кислую сводку германского командования о сражении под Орлом и Курском. Стало ясно, что Гитлер вновь потерпел крупное поражение.

Союзники высадили десант в Сицилии. А в ночь с 6 на 7 сентября остров Санто-Стефано оказался на линии фронта. Всех политических освободили из каторжной тюрьмы.

Одним из первых отчалил на материк парусник «Мария делла Сальвационе», на его борту находился и бывший Чинкванто Чинкве. Шкипер держал курс на порт Гаэту, еще вчера там царило безвластие.

Но пассажиров парусника уже ждала беда. Накануне вечером гитлеровцы захватили военную крепость и начали хозяйничать в городке. Патрули оцепили набережную, устроили облаву. В нее попали и прибывшие. Кертнер оказался в лапах гестапо, попал в крепость, и, когда на допросе назвал себя австрийцем, его пообещали вернуть на родину. Всем арестантам

намалевали масляной краской номера на куртках, затолкали их в переполненный вагон.

Не думал Кертнер, что вагон принесет ему неожиданную встречу: везли группу русских военнопленных. Все они бежали в разное время из концлагерей, добрались до Югославии, Италии, воевали в партизанских отрядах, и там, в горах, лесах, их настигли каратели.

До него долетали обрывки разговоров. Жадно вслушивался в русскую речь, заговаривал с попутчиками. Они прислушивались с недоверием, его явно принимали за иностранца, прилично знающего русский язык.

Ему повезло — среди страдальцев-попутчиков оказался белорус. Этьен торопливо перешел на белорусский язык, родной с детства. Белорус убедился, что пожилой узник — из своих, поверил ему, хотя и не знал, что «иностранец» еще 1 мая 1922 года был приведен к присяге на Красной площади, когда его приняли в военную академию, а спустя двадцать лет дослужился до полковника. В Москве хранится его партийный билет № 123915, выданный в 1918 году...

Ехать в Австрию — значит ехать на пытки, на казнь, там рухнет его «легенда». Если бы удалось расстаться в дороге с Кертнером, забыть навсегда о своем австрийском подданстве, отделаться от номера 576 на куртке и заполучить другой номер! Кертнер рискнул довериться белорусу. Тот узнал, что арестант — старый коммунист, не первый год мыкается по тюрьмам, лагерям и что появляться в фашистской Австрии под своим нынешним арестантским номером и под своей фамилией — смерти подобно. Сердобольный земляк пообещал достать другую лагерную куртку...

Два последних купе в вагоне для сыпнотифозных. Оттуда на стоянках выносили покойников. Белорусу с товарищем удалось сменить занумерованную куртку 576 на одежду умершего арестанта Яковлева. В утреннем свете Этьен различил лоскут с цифрой 410, вшитый выше левого нагрудного кармана. Итак, если рискованная затея удастся, один двойник Этьена сменит другого.

Но затея со сменой «легенды» осложнялась тем, что на аппелях (поверках) выкликают не только номера арестантов, но устраивают и поименные переклички. Когда эсэсовец на очередном аппеле пролаял фамилию «Иакофлефф», арестант № 410 извинился и вежливо поправил немца: это имя его Яков, а фамилия Старостин. Объяснялся бывший Кертнер на прекрасном немецком языке — эсэсовец внес поправку.

С Яковом Никитичем Старостиным, пожилым московским рабочим, Лев Маневич дружил еще, когда был комиссаром

бронепоезда. Затем оба работали в политотделе Самаро-Златоустовской железной дороги. После гражданской войны, когда Маневича приняли в военную академию, Старостины приютили его с женой Надей: уступили одну из двух комнат в неказистом двухэтажном доме № 41 по Покровской улице.

Было время, Старостин предоставил кров слушателю первого курса. А сейчас снабдил Маневича своей биографией.

С той самой минуты, когда в вагоне, набитом заключенными, закончил свое существование австрийский коммерсант Кертнер, мастер по медницкому делу Яков Никитич Старостин числился в плену.

Этьена ждут дотошные допросы, а времени для того, чтобы сочинить достоверную «легенду», не будет, и здесь Старостин его выручит.

...Эшелон разгрузили на задворках Южного вокзала в Вене. Там сбылись самые худшие предположения. Их погрузили на арестантскую баржу, и буксир потащился вверх по Дунаю, в лагерь смерти Маутхаузен...

Аппель затянулся. Озябли все, за исключением мертвецов, которые тоже принимали участие в вечерней поверке: по канцелярским спискам мертвецы до следующего утра числились живыми, а умерший в субботу продолжал «жить» до понедельника. Трупы выносили для точного счета.

Часовой с караульной вышки следил за полуголыми узниками, кутаясь в шубу. Будки застеклены, там стоят печки.

Дымки над вышками почти незаметны в соседстве с клубами дыма, густо валящими из трубы крематория. Тошнотворное сальное зловоние уносится к Дунаю. Когда темнеет, видны отблески пламени над трубой.

Сколько сотен часов простоял Старостин с непокрытой головой, держа руки по швам?

Седые, отросшие волосы зачесаны назад. Скулы туго обтянуты кожей. У носа глубокие складки. Серо-голубые глаза смотрят настороженно и устало. Ото лба до затылка голова простримена машинкой («гитлерштрассе»), но все же облик у него одухотворенный.

Он долго лежал в ревире (лазарете). Его поместили туда с помощью верных товарищей. Лишняя пайка хлеба, лишняя кружка эрзац-кофе и полуторная порция баланды — тоже не пустяк. В истории болезни появились фальшивые записи о ходе лечения; друзья позаботились, чтобы не был записан подлинный диагноз — чахотка.

Лекарств Старостин не получал. Только радостные сообщения, которые товарищам по подполью удавалось послушать по радио. Узнал, что освобождена его родная Белоруссия, советские солдаты уже в Восточной Пруссии.

Рядом со Старостиным на аппеле стоял кавказец, который назвал себя Сергеем Мамедовым. После очередной перерегистрации Мамедов и Старостин оказались на одних нарах в блоке № 17.

В их блок пробирались к Старостину русские, но сосед Мамедова был нужен не только русским. К нему тайком ходили и итальянцы, французы, белобрысый англичанин.

Старостин время от времени куда-то исчезал, возвращался поздно ночью. Иногда делился последними сообщениями с фронта, оставалось только гадать, откуда такая осведомленность. Мамедов не знал, сколько конспиративных нитей тянется к Старостину.

После того как эсэсовцы зверски подавили восстание в блоке № 20, зловонный дым, поднимающийся над трубой крематория, стал еще гуще. Ежедневно эсэсовцы сталкивали со скалы в пропасть несколько самых обессилевших арестантов — палачи называли их «парашютистами».

Работать в каменоломне зимой труднее, чем летом. К вечеру Старостин пересчитывал ступеньки, ведущие в лагерь. Сто восемьдесят шесть ступенек. И горе, если он не сможет с ними совладать!

В один из стылых февральских вечеров, когда каждая ступенька давалась с трудом, он вдруг почувствовал, как его с обеих сторон крепко взяли под руки. То были бывшие попутчики по арестантскому вагону. Дружеские руки вознесли его на верх лестницы. При дневном свете такая помощь была бы немыслима: можно насмерть подвести ослабевшего.

И с того дня попутчики не раз по окончании работы «случайно» встречались у подножия лестницы.

Он чувствовал облегчение, когда оказывался перед воротами в лагерь. Можно надеяться, что дойдешь до барака. Ну, а если трудно будет забраться на третий ярус,— Мамедов поможет.

На арке ворот распластался над свастикой уродливый бронзовый орел. Сколько жизней унес он в своем хищном клюве?

Поскрипывает жестяной флаг, на котором намалеваны скрещенные кости и череп. Черный флаг несет обязанности флюгера, он всегда поворачивается по ветру, он всегда в зло-

вещем согласии с дымом, который вырывается из трубы крематория.

В ночь с 17 на 18 февраля их колонну долго держали перед воротами в лагерь. Двенадцать градусов мороза, и каждый градус мучительно ощущали ноги в деревянных колодках, обернутые в тряпье.

Поблизости слышались исступленные крики и стоны. Их заглушал неясный шум. Громкое журчание? Гул водопада, невесть откуда взявшегося среди зимы? Правее лагерных ворот метались по ледяному катку люди нагишом между выходом из бани, каменной стеной и шеренгой эсэсовцев с брандспойтами в руках. Вода под большим напором сбивала с ног тех, кто не упал под ударами резиновых дубинок.

18 февраля 1945 года здесь был зверски замучен генерал Д. М. Карбышев, в начале Великой Отечественной войны тяжело контуженный и попавший к врагу в плен, но категорически отказавшийся перейти на службу к фашистам.

Концлагерь Мельк. Тот же самый жидкий суп из брюквы, та же баланда, та же кружка эрзац-кофе и такой же кусочек хлеба, похожего на торф: в нем столько отрубей, опилок, что, если поджечь, сгорит без остатка.

И крематорий в Мельке мало чем отличается от крематория в Маутхаузене.

Каменистая пыль, газы динамита после взрывов, копоть и чад из выхлопных труб моторов в штольне — все это смертельно для больных легких. И Старостин с помощью писаря Германа оказался в группе заключенных, которые расчищали дорогу к воинским складам, размещенным в монастыре.

Весна 1945 года выдалась ранняя, а высокие стены монастыря защищали от холодного ветра.

И все же Старостин попросил подпольщиков, чтобы его перевели, хотя бы временно, в штольню.

Он расспрашивал, какое там оборудование. Интересовался электропроводкой, освещением, вентиляцией и запасными выходами из подземелья.

Спустя неделю среди ночи возник пожар, потушить который не удалось. В акте указали, что пожар произошел от короткого замыкания. Но несколько узников имели особое мнение. К ним относился и заключенный R-133042. Никто в лагере не знал, кто под этим номером живет и борется.

Всех заключенных из Мелька перегнали в лагерь Эбензее.

Когда ветер дул со стороны лагеря, жители в городке Эбен-

зее закрывали окна, чтобы уберечься от зловонного дыма, вырывавшегося из трубы крематория.

Старостина в Эбензее определили в команду, которая разгружала и сортировала картошку на станции.

Старостина мучил надрывный кашель, он сплевывал кровь. Этого не должны заметить. Мамедов достал чистую тряпку. Старостин часто прикладывал ее к губам.

Темнота сгущалась быстро. Из разных концов лагеря, крадучись, пробирались люди к блоку № 15.

Старостин вскарабкался на нары, на третий ярус, чтобы его лучше было слышно. Он кратко сообщил последние радионовости. 28 апреля итальянские партизаны казнили Муссолини. 29 апреля союзники вступили в Мюнхен. Сегодня появилось первое, правда еще не проверенное, сообщение о смерти Гитлера — не то он застрелился, не то отравился у себя в имперской канцелярии. Советские войска на окраинах Берлина...

Наутро 1 мая не прозвонил лагерный колокол, в блоке не раздалась команда «Ауфштеен!», никто не вышел на работу. Но часовые на вышках по-прежнему дежурили у своих пулеметов...

Старостин стоял близко от помоста. Впервые лагерфюрер Антон Ганц старался говорить вежливо, даже заискивающе: он отвечает за жизнь заключенных, а единственное средство спастись от бомбардировок — укрыться в штольне № 5.

Сколько пришло на аппельплац лагерников, сколько их стояло сейчас на полдороге между жизнью и смертью? Девять, десять, одиннадцать тысяч? Решалась судьба и всех тех, кто не вставал с нар, кто лежит в лазарете...

Колеблются чаши невидимых весов, счет идет на мгновения, и каждое мгновение может обернуться спасением людей или их гибелью.

Лагерфюрер уже собрался сойти с помоста. Аппельплац замер в настороженной, пугливой тишине. Старостин решительно шагнул вперед и прокричал по-немецки:

— Никто в штольню не пойдет! Вы хотите всех там похоронить! Мы останемся здесь! Ни шагу из лагеря!

Несколько подпольщиков подались вперед и заслонили собой Старостина. Эсэсовцы подняли автоматы, ожидая команды.

Свои короткие призывы Старостин выкрикивал без пауз по-русски, по-французски, по-итальянски, по-польски, по-испански, по-английски. Сотни людей ответили разноязычными выкриками.

Ганц стоял на помосте бледный, с окаменевшим лицом — боялся самосуда.

— Не пойдем! — грозно и негодующе гремело на разных языках.

Строй в колоннах сломался, все угрожающе подступали к помосту.

Ганц позволил разойтись по баракам и сошел с помоста. Эсэсовцы пятились, держа автоматы наготове.

Старостин надсадно кашлял, товарищи подхватили его под руки.

Еще накануне поздно вечером ему дали знать, что при входе в штольню № 5 стоит паровоз, а к нему тянется шнур, тщательно засыпанный щебенкой. И холодная топка его, и тендер набиты взрывчаткой. Хватило бы обрушить половину горы. Каменная братская могила!..

Перед полуднем в долине Эбензее показался бронетранспортер, следом загромыхали американские танки.

Легкий ветерок колыхал флаги, которыми расцветились дома городка. Красно-бело-красные австрийские флаги развевались сегодня впервые: больше семи лет жила Австрия под игом Гитлера.

В тот же день началась эвакуация лагеря. В распоряжение советских офицеров предоставили трехэтажный спортотель в поселке Штайнкогль; завтра лагерники переберутся туда.

На рассвете Старостин и Мамедов решили напоследок пройтись по лагерю. Страшное зрелище открылось в северо-западном углу лагеря. Рабочие крематория разбежались, печи погасли, и возле них — сотни трупов...

Старостин чувствовал себя так, будто попал в преисподнюю. Он разволновался:

— Идем отсюда скорей. Нечем дышать. Не могу здесь больше...

Они вышли за лагерные ворота. День теплый, однако он чувствовал озноб и не снимал макинтоша, который ему подарили французы. Брел, опираясь на палку, и прислушивался — не доносится ли канонада с востока? Мучительно кашлял.

Вечером принял горячую ванну, лег на кровать с пружинным матрацем, положил голову на мягкую подушку и укрылся одеялом... И как сумел он притерпеться к голоду, так привык к непроходящей боли в груди и привязчивой, неотступной слабости. Вспомнил всю свою тюремную географию: Милан — Турин — римская «Реджина чели» — Кастельфранко дель Эмилия — пересыльная тюрьма в Неаполе — Санто-Стефано — крепость в Гаэте — Вена — Маутхаузен — Мельк — Эбензее...

Сколько его память, побывавшая за решетками, засовами, запорами, замками и колючей проволокой, хранит примеров

человеческой мерзости и благородства, алчности и бескорыстия, предательства и дружбы, трусости и самопожертвования!

Маневич вспоминал своих друзей в серо-коричневой одежде, преданных товарищей по тюрьмам, каторге, концлагерям. А многие ли из них вспомнят его, если даже имени не знали, называли по арестантскому номеру?

Вот уж кому не грозит известность, а тем более слава, так это военному разведчику. Знаменитыми разведчиками становились те, кто как можно дольше или навсегда оставались неизвестными.

Никогда товарищи по лагерю так много не думали и не говорили о будущей жизни, как в последние дни, вступив на порог свободы. Их прошлое пристально и страстно вглядывалось в будущее, а настоящего как бы вовсе не было.

Ему думалось, что не напрасно он мучился все эти годы, что он тоже причастен к Победе, что он окупил страдания, какие причинил близким и перенес сам.

И сколько бы дней ни осталось ему прожить, он счастлив, что дожил до Победы и пережил Гитлера, мерзкого человекообразного зверя.

Этьен слабел, но память не тускнела, сохраняла натренированную остроту и точность. Память оставалась его силой. В Маутхаузене, Мельке и Эбензе он, в дополнение к шести языкам, которыми владел раньше, начал говорить по-чешски, по-польски, по-сербски.

Кем он был в последние годы?

Этьен. Конрад Кертнер. Узник № 2722, Чинкванто Чинкве. Арестант № 576. Яковлев, который прожил несколько предутренних часов. Старостин. Заключенный R-133042. А последние три дня — снова Яков Никитич Старостин.

Но сам-то он знает, что не освобожденный из неволи R-133042 израсходовал свою жизнь без остатка, а Лев Маневич.

Скоро к нему привезут из соседнего городка самого лучшего врача. Кто-то делился последними новостями. А он все беспокоился — не появился ли представитель советских войск: по всем расчетам, наши где-то совсем близко. Мамедов спросил у Старостина: не нужно ли чего-нибудь?

— Все хорошо. А чувствую себя плохо.

Мамедов дотронулся до лба — жар, да еще какой. Старостин заходился в кашле, был бледен, но острые скулы розовели так, будто в комнату проник свет преждевременного заката. Мамедов набросил свое одеяло, но Старостин и под двумя одеялами стучал зубами.

— Пить!

Мамедов подал воды, Старостин сделал несколько глотков и притих.

Быстро наступили сумерки. За домом не умолкали возгласы, веселый гам.

В комнату ворвалась толпа орущих, ополоумевших от счастья людей — только что по радио передали о полной и безоговорочной капитуляции Германии. В раскрытые окна донесся колокольный звон: Победа!

Мамедов не хотел тревожить Старостина и накрылся шинелью.

— Держись, Яков Никитич, завтра праздник Победы,— сказал он и, едва положив голову на подушку, заснул. Во сне померещилось, что лежит на нарах в блоке № 15 и его кто-то душит. А это Старостин приподнялся на своей кровати, перегнулся и тянул Мамедова за воротник рубахи.

— Сергей...

— Что случилось, Яков Никитич?

— Не увижу... Не вернусь... Будешь в Москве, зайди...— Он задыхался, тянулся к Мамедову, каждое слово давалось с трудом, и наконец решился: — Передай, что я — Этьен... Чтобы семью не оставили... Сделал, что мог... Запомни — Этьен... Наде и Тане...

Старостин с трудом поднял веки, попытался сказать еще что-то, но не смог — кровь хлынула горлом. В предрассветную минуту кровь казалась не алой, а серой, она растекалась по белой рубахе. Этьен поник головой, в глазах угасали боль и тревога...

Через двадцать три года после того, как в долине Эбензе появилась могила Старостина, подлинный Яков Никитич Старостин медленно прогуливался по саду больницы старых большевиков в Сокольниках, в Москве.

Днем 9 мая 1968 года его проведали Надежда Дмитриевна и Татьяна Львовна. В семьях Маневича и Старостина День Победы — и праздник и траурная дата.

Шел тогда Якову Никитичу, как он говорил, «восемьдесят шесть, седьмой». И производственный стаж был у него «преклонный» — 66 лет и 10 месяцев. Он был горд, когда узнал, что Лев Маневич без малого два года прожил под его именем, а значит, все время помня о нем.

В 1965 году Старостин прочитал Указ Президиума Верховного Совета СССР:

«За доблесть и мужество, проявленные при выполнении специальных заданий Советского правительства перед второй

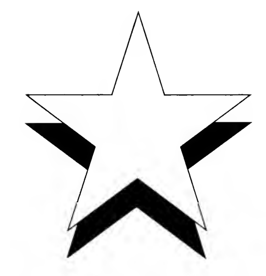
мировой войной и в борьбе с фашизмом, присвоить полковнику МАНЕВИЧУ ЛЬВУ ЕФИМОВИЧУ звание Героя Советского Союза (посмертно)».

И только в тот день, когда Указ был обнародован, умерла старая «легенда» разведчика.

Вскоре останки героя перенесли из долины реки Зее в город Линц, на кладбище Санкт-Мартин, где покоятся павшие советские воины.

С тех пор на могильном памятнике значится:

«Герой Советского Союза полковник Л. Е. Маневич».

**Родился и вырос Иван Винаров
в Плевене — городе-символе
русско-болгарского братства.
С ранних лет захватила его мечта
о свободе — для своей родины,
для всех народов земли.
Из окопов первой мировой войны
Ванко вернулся закаленным борцом
против реакции и агрессии.
И оставался им всю жизнь.
Когда служил в Красной Армии,
когда выполнял труднейшие
задания Центра в дальних странах,
когда участвовал
в строительстве социализма
в Народной Болгарии.
Винаров с честью выдержал
многотрудное испытание подвигом.**

А. Кикнадзе

Испытание

Иван Винаров

Древние греки называли Черное море Понтом Эвксинским — морем Гостеприимным.

В полной мере оправдало оно имя свое и в декабрьские дни 1922 года.

Несколько тысяч обманутых, а потом прозревших, потерявших веру в своих офицеров и вновь обретших веру в свою Родину солдат возвращались из Болгарии в Россию.

Одну из первых групп составили четыреста солдат бывшей армии Врангеля. Путь лежал из Варны домой по Черному морю.

На палубе советского парохода их встретили тепло и гостеприимно. Немолодой капитан произнес:

— Приветствуем ваше возвращение. Желаем радостной встречи с семьями, доброй работы на благо советской Отчизны.

Бывшие врангелевцы были готовы ко всему. Только не к этому.

Буржуазные газеты писали: «Эти несчастные не знают, что их ждет. Их заманили, их подцепили на крючок... Мстительные комиссары никогда не простят им, что они защищали истинную веру и истинное отечество, от которого, увы, остались одни только воспоминания. Им не простят. Они еще пожалеют. Да будет поздно! Пусть одумаются, пока еще есть время, пока не потерян последний жизненный шанс, пока не ступили они на пароход под красным знаменем, настороженно ждущий их в Варне».

...В толпе возвращенцев, заполнивших пристань в ожидании парохода, можно было увидеть и трех болгар. Только они многое бы дали, чтобы их не увидели и не узнали. И самое главное, чтобы с ними не заговорили. Все трое знали русский только по учебникам, первые же фразы выдали бы каждого из них.

Они не торопились к трапу. Приглядывались к болгарским офицерам и представителям контрольной комиссии по мирному договору, проверявшим документы. Выделили придирчивых и решили — надо постараться как-нибудь обойти их.

День был морозный, колючий ветер гулял по причалу... Посинели от холода контролеры и уже не так внимательно проверяли документы.

Пропуска на трех болгар были изготовлены в подпольной варненской типографии со всей тщательностью. И все же осторожность была нелишней.

Каждый из бывших врангелевцев держал в руках или чемодан, или узел, или просто мешок. Были потертые чемоданы и у каждого из болгар. Но если бы вдруг заглянули в них члены контрольной комиссии, немало удивились бы. К примеру, там были книги. Да, да, самые настоящие книги из библиотеки болгарского революционера Васила Коларова, незадолго до того нелегально уехавшего вместе с семьей в Москву.

Почти полвека спустя один из этих троих болгар напишет книгу «Бойци на тихия фронт (Спомени на разузнавача)». Как догадывается читатель, «разузнавач» — это по-болгарски разведчик. Так вот, будут в той книге страницы, уносящие читателя в промозглый декабрьский день двадцать второго года, когда от варненского причала отошел и взял курс на Новороссийск советский пароход с бывшими солдатами белой гвардии.

Я не раз буду приводить отрывки из этой книги, поскольку она представляет собой не что иное, как личные воспоминания Ивана Винарова.

Вот одно из них:

«Экипаж корабля принял возвращенцев, как родных братьев. Эти несчастные, распродавшие даже одежду и сапоги, чтобы как-то прожить, голодавшие и мерзшие, проливавшие кровь под позорными белыми знаменами продажных царских генералов, только сейчас обрели теплоту настоящего братства, только сейчас в полной мере осознали всю свою вину перед матерью-родиной и, как дети, не скрывали своих страданий... Люди, обливаясь слезами, целовали родную землю, словно давали ей клятву в верности. Прослезились и мы с Жечо и Бояном — подобное зрелище не могло оставить никого равнодушным. Я запомнил его на всю жизнь. В нем скрывался большой смысл. И большой урок».

* * *

Я много раз проходил мимо памятника у Ильинских ворот в Москве с выбитыми над входом в часовенку простыми словами: «Гренадеры своим товарищам, павшим в славном бою под Плевной».

Однажды я встретил у памятника группу болгар, пытливо вглядывавшихся в другую, боковую надпись. Молодой экскурсовод читал ее и переводил с трудом: на выпуклых буквах лежал снег. Вот эта надпись:

«Больше сея любви никтоже имат, дакто душу свою положит за други своя».

«Этой любви никто не достоин более, чем тот, кто жизнь свою отдаст за друга своего».

И невольно вспоминаются эти слова, когда мысленно обращаешься к детским и юношеским годам Ивана Винарова.

Родился и вырос Иван в Плевене. Плевен живет в сердце болгарина как символ славянского братства и русской боевой славы. Около этого города в 1878 году русская армия под командованием генерала М. Д. Скобелева одержала трудную победу над многотысячной армией Осман-паши и освободила Болгарию от векового оттоманского ига.

На всю жизнь маленький Ванко запомнил, каким праздником русско-болгарского братства стало открытие в 1903 году мавзолея-музея в честь воинов-освободителей.

«Для настоящего болгарина, выросшего среди священных реликвий Плевена, дышавшего в молодости его воздухом, ступавшего по его земле, напоенной кровью стольких русских солдат, воспитанного на легендах о русских храбрецах,— для истинного болгарина именно там легче было разобраться в жизни, увидеть, откуда восходит солнце».

Как без доброй няни, рассказывавшей бесхитростные детские сказки, возможно, не стал бы великим поэтом маленький черноволосый мальчик с пытливыми глазами, так не стал бы революционером-интернационалистом без легенд и рассказов о русских храбрецах мальчик из Плевена. А рассказывал их добрый друг семьи Винаровых народный учитель Стоян Заимов. С именем этого общественного деятеля были связаны все памятные постройки в Скобелевском парке Плевена. Когда их соорудили, Заимов был назначен пожизненным директором мемориала.

Революционный демократ, сподвижник Васила Левского, казненного турецкими властями в 1873 году, он, как свидетельствует хроника, сам «дважды выслушивал смертный приговор оттоманского суда, но на колени перед врагом не опустился».

Удивительно ли, что борьбе за светлое будущее родины посвятил себя и сын Стояна Заимова Владимир — болгарский генерал, расстрелянный в гитлеровском застенке и удостоенный за героическую антифашистскую деятельность звания Героя Советского Союза.

Дружили отцы, дружили и их дети.

«Владимир был на несколько лет старше меня, но я не замечал с его стороны ни тени высокомерия, так часто присущего детям его возраста. Этот крепкий, стройный и красивый, как и мать, юноша обладал сдержанным характером. Он был спокойным, начитанным и отлично воспитанным. Свою любовь к России Владимир, хотя еще и совсем молодой, умел внушить и другим».

«Другим» — это, в частности, и Ивану Винарову.

Ну а что еще было за плечами молодого болгарина, ступившего в помятой белогвардейской форме на борт советского парохода, который отчалил декабрьским днем двадцать второго года от варненской пристани и взял курс на Новороссийск?

Два окопных года на фронте при Гевгелии. Ушел в армию девятнадцатилетним юнцом, вернулся зрелым, много повидавшим и испытавшим человеком. Он терял друзей, но приобретал опыт политического борца против сил реакции и милитаризма. «Ты знаешь, кто погнал тебя на войну и кому нужна эта война? Кто заставляет тебя кормить вшей? Замучили вши? А ты не задумывался над тем, что есть на свете кровососы пострашней?.. С длинным жалом и долгим носом?» — «Уж не имеешь ли ты в виду нашего Долгоносого [1]?» — «Это ты сам соображай. Прочитай внимательно этот листок и товарищам передай, только чтобы унтеру на глаза не попал... тут все написано, кому и за сколько продал Болгарию Долгоносый... А знаешь ли ты, что происходит в твоем родном селе, пока ты проливаешь кровь за немцев? Женщины и дети — без хлеба, вспыхнул голодный бунт, прибыла из города рота солдат, стреляла. Откуда знаю? Из «Рабочей газеты». Сегодня ее читают другие, но завтра я могу дать ее тебе».

Грянул Октябрь семнадцатого в России... Из Софии прибывают тайные партийные курьеры. «Партия тесных социалистов восторженно приветствует первое в мире рабоче-крестьянское государство!», «Последуем примеру русских, повернем штыки против врагов отечества в Софии!»

«Ты догадываешься, брат, для чего созданы «штурмовые группы» при офицерах и генералах и почему тебя пригласили в эту группу? Не знаешь, говоришь, предложили деньги? Так я тебе объясню: начальство боится солдатского гнева. Подумай, с кем ты — с солдатами или продажным начальством? Пока не поздно, подумай».

«Все началось с прорыва. Мощный артиллерийский огонь войск Антанты у Добри Поля отрезал фронтовые позиции от тыла, и бойцы, оставленные без боеприпасов, после трехдневной обороны отступили... Они уже поняли — винтовки лучше всего использовать против ненавистных правителей и царедворцев в Софии. ...Часть бойцов нашей дивизии направилась к Костурно-Струмице. Шоссе на Струмицу было забито обозами, кавалерией, артиллерией. И тут началась еще одна трагедия. Авиация Антанты — эскадрильи по десять — двадцать само-

---

[1] Прозвище болгарского царя Фердинанда.

летов летали, как осы, над запруженной дорогой и с небольшой высоты немилосердно косили из пулеметов.

Но гибли фронтовики не только от самолетов противника, но и от своих. Отступающих встретили кавалерийские части, стоящие в резерве... Было страшно смотреть, как болгары убивали своих братьев — больных, раненых... К кавалеристам присоединились и малочисленные немецкие части — те тыловые части, которых никто не видел на фронтах, сейчас косили наших из пулеметов.

Мы отступали, а гнев, страшный гнев исстрадавшихся сердец взывал к мщению. К мщению и расплате с теми из Софии, кто был во всем виноват».

Какое счастье, что есть на свете люди, глубоко убежденные в том, что всякая несправедливость требует активного противодействия... Они не жалеют сил, а часто и жизни в борьбе с нею. Их называют революционерами. Пламя их сердец освещает человечеству путь в будущее.

...На столбах и театральных тумбах болгарских городов — аршинные приказы командования, запрещающие под страхом самых суровых кар сходки и демонстрации. Переполнены тюрьмы. Многие партийные организации, уцелевшие от разгрома, начинают вооружаться. В Плевене одну из боевых квартальных пятерок, ответственных за вооружение, возглавляет вернувшийся из армии Иван Винаров. А весной девятнадцатого года молодой боец получает почетное поручение стать членом вооруженной охраны Первого, учредительного съезда Болгарской коммунистической партии (тесных социалистов). Навсегда запомнилось ему выступление Димитра Благоева и гром аплодисментов, когда тот произнес: «Наша партия будет называться коммунистической, поскольку ее целью является создание бесклассового коммунистического общества. Используя опыт большевиков, наша партия обязательно реализует эту высшую цель!»

Наблюдательный, бесстрашный и решительный молодой революционер привлекает к себе все большее внимание руководителей Плевенской партийной организации. Ему поручают создание тайников для оружия и организацию подпольной типографии; вместе с группой товарищей по борьбе он изымает из железнодорожных составов оружие, предназначавшееся для Деникина и Врангеля.

Но молодой революционер привлекает к себе и внимание шпиков. Его выслеживают, арестовывают, судят и приговаривают к восьми годам тюрьмы. (Позже ему вынесут и смертный приговор. Заочно.)

Друзья устроили ему вызов «в качестве свидетеля по делу

в плевенский суд». Вызов был сделан с одной целью — помочь Винарову бежать.

По дороге он бежал. Через несколько дней Ванко покинул родной город... ровно на четверть века. Хорошо, что на пристани в Варне никто не заговорил по-русски с этим «врангелевцем».

* * *

Из Новороссийска путь Винарова и двух его друзей лежал в Москву — через опустошенные, словно вымершие селения. В разбитые окна поезда пурга наметала снег, согревались дыханием, стакан чая, который сумел каким-то чудом разогреть проводник, показался даром небес... Но и бессонные ночи, и выстрелы петлюровцев, пробовавших атаковать поезд, да, к счастью, не догнавших его,— все это, вместе взятое, заглушалось одним, воодушевляющим и трепетным: впереди Москва. О которой он так часто думал. Которую так часто видел во сне.

Как-то начнется его московское житье-бытье?

Он знал одно: с благодарностью примет любую работу, любое поручение, потому что это будет революционное поручение. Потому что он будет среди своих единомышленников, знакомых и незнакомых друзей, о которых знал по рассказам.

Один из руководителей партии болгарских коммунистов — Васил Коларов сказал Винарову по приезде:

— Должен тебе сообщить, что о работе Плевенской организации по изъятию оружия, о твоем аресте и тюремном заключении знают и здесь.

— Не понимаю, кто знает?

— Наши друзья...

Винаров удивился.

— Пусть это тебя не удивляет,— Коларов широко улыбнулся.— Любую операцию, направленную против действий белогвардейцев, против империалистической интервенции, независимо от того, где она предпринята, советские люди воспринимают как боевую поддержку Советской России. И высоко ценят любую помощь. Ценят и своих друзей. Тех честных людей во всех уголках земного шара, которые внесли свой вклад в дело защиты Советской России. Знают и тебя...

Да, нам никогда не забыть о той моральной и не только моральной поддержке, которую оказывали молодой Советской стране трудящиеся всего мира в тяжелейшие годы ее становления, когда двинулись на нее вооруженные до зубов армии четырнадцати империалистических держав.

Движение «Руки прочь от Советской России»... Забастовки французских докеров, отказывавшихся грузить на пароходы оружие для интервентов. Добровольные пожертвования амери-

канских трудящихся в помощь голодающим Поволжья. И корабли с продовольствием из болгарского города Варны. Сколько их, этих примеров братской солидарности...

1923 год, в самом начале которого приехал в Москву болгарский патриот, вошел в историю как год ожесточенных схваток молодой Страны Советов с внутренними и внешними врагами. Решался вопрос: кто кого? Решался вопрос: быть или не быть? Еще стояли многие заводы и фабрики, был на грани развала транспорт. Голод и эпидемии косили людей. Против нас было многое. Но с нами было будущее. Какого не было еще ни у одного народа на земле со дня сотворения мира. Оно как бы посылало свои импульсы в те труднейшие дни двадцать третьего, вселяя надежду в сердца...

С Россией были те интернационалисты, которые, как и советские люди, верили в будущее. И приближали его.

Приехав в СССР, Винаров поступил работать на один из московских заводов. Он стремился ощутить себя членом советской рабочей семьи, постичь секреты неведомых ему производственных отношений, усовершенствоваться в русском языке. Одновременно Винаров стал слушателем Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова. Неожиданно оказалось, что в сутках гораздо меньше часов, чем он считал раньше. Винаров учился ценить время. Вернее, жизнь заставила его учиться этому.

...В начале 1924 года Винаров был зачислен в ряды Красной Армии. Через некоторое время произошла встреча, которая сыграла решающую роль в его дальнейшей судьбе. Встреча в небольшом доме в тихом московском переулке.

Встреча с Яном Карловичем Берзиным, руководителем советской военной разведки.

У секретаря начальника управления — это была молодая стройная женщина с коротко подстриженными светло-каштановыми волосами — Винаров задержался всего несколько минут. Не предполагал Ванко, что больше двадцати лет будет находиться с ней, Натальей Владимировной Звонаревой, в одном боевом строю.

— Товарищ Берзин ждет вас,— приветливо улыбнулась Звонарева.

«Он встал, как только я открыл дверь, и направился ко мне, протягивая обе руки, чтобы поздороваться. Стройный высокий мужчина в гимнастерке и бриджах, в мягких черных сапогах, которые утопали в ковре.

— Добро пожаловать в Москву, дорогой Иван Цолович, мы рады встретить вас на нашей земле.

Он крепко сжал мне руку. Теплая улыбка сопровождала

его приветствие. «Смотри-ка, да он знает полное мое имя»,— думал я, смущенный яркой синевой его глаз, смотревших на меня так сердечно, что нельзя было не ответить ему тем же.

— Вы можете многое рассказать,— продолжал Берзин, после того как усадил меня в мягкое кресло напротив себя.— Мы знаем очень мало о вашем успешном побеге...

Берзин говорил медленно, очевидно, чтобы избавить меня от неудобства в связи с моим плохим знанием русского языка. Но я почти все понимал. Уверен, что понимал любое его слово, потому что он умел говорить и выражением глаз, и мимикой, и интонацией, и жестами...

Пока он говорил, я смотрел на его лицо, на облегающую его широкие плечи военную форму с петлицами и двумя красными маленькими металлическими ромбами. Это был тот тип мужчины, который поражает красотой и силой. Большой лоб, русые брови над синими спокойными глазами, правильный нос, массивный подбородок — лицо его говорило о внутренней гармонии, уравновешенности и решительности...»

Берзин поразил Винарова хорошим знанием обстановки в Болгарии, руководителей подпольной борьбы... «Мы считаем болгарских патриотов своими верными боевыми товарищами»,— сказал Берзин, давая своему молодому знакомому понять, что не случайным, совсем не случайным будет их сегодняшний разговор, что он, Берзин, доверяет ему как боевому товарищу.

Предложив Винарову работу в военной разведке, Берзин дружески положил ему руку на плечо:

— Не говорите сейчас «да» или «нет». Речь идет не об отдельном задании, даже не об известном периоде времени, речь идет о судьбе... Вы уже выдержали в наших глазах первый практический экзамен. Второй — умение работать — придет с опытом. Для нас важно, что у вас руки рабочего, сердце революционера, что вы верите в Советскую Россию.

Люди молчаливого подвига — так называют разведчиков. Разведчику приходится реализовать себя в экстремальных, подчас невыносимо тяжелых условиях, мобилизовать все свои умственные и физические силы, поставить их на службу социалистической Родине. Рядом со словом «разведчик» должны стоять слова: «готовность к жертве». Об этом говорит пример многих замечательных людей, знавших, во имя чего они рискуют жизнью, за какое будущее сражаются и, если надо, отдают жизнь.

Но и еще два слова можно поставить рядом: «искусство противостояния». Это способность выстоять в самом трудном поединке с сильным врагом, когда, кажется, уже все потеряно, спо-

Иван Винаров. 30-е годы.

собность не просто выстоять, но и внести перелом в схватку, взять верх. Для этого надо быть и вооруженным духовно, превосходить своей убежденностью противника. Именно сила духа, верность великим идеалам позволяют человеку в минуту самого тяжелого испытания находить в себе такие резервы, о которых он сам раньше и не подозревал.

Болгарский патриот Иван Винаров, ставший советским разведчиком, принадлежал к числу тех героических людей, которые вдали от своей отчизны боролись за ее лучшее будущее.

А на родине, в Болгарии, бесчинствовала реакция.

После поражения Сентябрьского восстания и кровавых расправ в сентябре 1923 и апреле 1925 года многие болгарские революционеры, вынужденные покинуть родину, нашли убежище в Вене. Тогдашние австрийские власти относились к ним до поры довольно терпимо. Но так продолжалось недолго. После разгрома героического восстания венских трудящихся в июле 1927 года обострившаяся обстановка потребовала от болгарских политэмигрантов особых мер безопасности, особенно четкой организации их приема и переброски. Группа патриотов,

действовавших в Вене, работала под руководством Ивана Винарова. Эмигрантов предстояло обеспечить не только питанием, одеждой, билетами, но и соответствующими документами, которые дали бы им возможность выехать в Советский Союз.

Винаров показал себя способным, хладнокровным организатором. Его самоотверженности и находчивости обязаны жизнью многие болгарские товарищи, обретшие свою вторую родину в Советском Союзе. С его помощью во второй половине 1925 года через кордон были переправлены в Москву несколько сот болгарских революционеров.

После выполнения задания Винаров возвратился в Москву.

Уже по одному тому, как сердечно встретила Винарова Наталья Звонарева, он мог о многом догадаться. И прежде всего о том, как оценена его работа.

«Прими мои горячие поздравления, Ванко! — воскликнул Берзин и, как всегда, до боли сжал мою руку, а потом обнял.— Мои горячие поздравления! И добро пожаловать домой!»

Слово «домой» не случайно сорвалось с уст Яна Карловича. Москва уже давно стала родным домом болгарского патриота, революционера-интернационалиста. Только не мог он предположить, что в конце беседы услышит слово, которое заставит его мысленно перенестись в страну, находящуюся далеко-далеко от его родного дома, в страну первой в Азии национально-освободительной революции: Китай...

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в Китае нарастало антиимпериалистическое и антифеодальное движение. Его руководитель Сунь Ятсен говорил, обращаясь к народу: «Наш взгляд устремлен к России. В дальнейшем, если мы не последуем примеру России, революция не сможет закончиться успешно».

Он призывал своих соотечественников-революционеров учиться у первого в мире социалистического государства тому, как сплачивать народ, поднимать его на свершение многотрудных дел, как крепить союз рабочих и крестьян и как бороться с империализмом. В 1924 году, за год до кончины, Сунь Ятсен провозгласил три основных политических принципа. И первый из них был: «союз с СССР». Он звучал как заповедь для многих и многих китайских революционеров. Он придавал силы и убежденность, что Советский Союз протянет китайскому народу руку братской помощи.

Об этой помощи просил Владимира Ильича Сунь Ятсен.

Небогата была в те годы Советская страна, с трудом поднималась после разрухи, с трудом, но и с невиданным энтузиазмом, с победоносным лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Наш народ делал все, что мог, для того, чтобы прет-

ворить его в жизнь. И даже больше, чем мог. Несмотря на острый валютный голод, Советское правительство предоставило Сунь Ятсену заем, отправило несколько кораблей с продовольствием, одеждой и оружием. Оружие было необходимо частям революционной армии в борьбе с многочисленными и многоликими внутренними и внешними врагами.

Первый конгресс гоминьдана, руководимого Сунь Ятсеном, принял решение: создать революционную армию по образцу Красной Армии. Этой армии было необходимо не только оружие. Ей требовались также инструкторы и советники.

Советское правительство послало в Китай военную миссию, руководимую прославленным полководцем гражданской войны В. К. Блюхером.

Вместе с Василием Константиновичем в Китай были посланы и другие красные командиры и специалисты; все они имели за плечами опыт гражданской войны. Этой миссии в короткий срок удалось сделать многое: реорганизовать армейские соединения суньятсеновской армии, укрепить дисциплину, создать близ Гуанчжоу военную школу, где будущие революционные командиры получали не только военную, но и политическую подготовку. Нужна была китайской революционной армии и настоящая, действенная разведка.

* * *

В конце января 1926 года в международном вагоне дальневосточного экспресса ехала в Китай супружеская пара. Он — одетый с иголочки богатый торговец-предприниматель из Европы. Она — дочь бывшего царского генерала.

Респектабельным европейским коммерсантом был советский военный разведчик Иван Винаров, совершавший свою вторую поездку в Китай по заданию Берзина.

Ванко вновь и вновь вспоминал напутствие Старика. Смысл его был таков.

Китаю, этому колоссу, едва вставшему на ноги, грозит смертельная опасность. Почти полмиллиарда людей, на которых напали империалистические гиены, ждут помощи. В Китае он должен работать так, как работал до сих пор. Даже еще лучше, еще более хладнокровно, терпеливо и зрело. Западные центры разведки действуют на китайской земле и тайно, и неприкрыто, на всех уровнях, используя все наличные средства. Американская разведка, английская, французская... Осложняют обстановку агрессивные действия японских империалистов, которые считают Китай своей заповедной территорией. Японцы и их собратья по разбою в Китае действуют жестоко и беспощадно: они не допускают и мысли, что Китай может выйти на истори-

ческую арену как экономически и политически суверенное государство. Китайские революционеры нуждаются в советском революционном опыте, в нашей материальной помощи, в нашем оружии...

Задумчиво глядя в окно, коммерсант размышлял: как и с кем работать? Вот вопрос вопросов.

Спутница и жена коммерсанта Галина Лебедева действительно была дочерью царского генерала.

Они познакомились тремя годами ранее в Серебряном Бору, в гостях у одной старой большевички.

«Когда я начал рассказывать о Болгарии, Галина молча слушала, пристально глядя на меня большими карими глазами. Ни о чем не спросила, не задала ни одного вопроса, вообще ничем не подчеркнула своего присутствия. Голова ее была слегка наклонена, словно под тяжестью длинных волос.

Когда в следующую субботу наша компания снова собралась у пылающего камина, я понял, что никто другой из присутствующих меня не интересует: к Галине Лебедевой относились и мои слова, и взгляды, и все мои чувства. То ли она умела хорошо слушать, то ли влюбленное сердце делало меня красноречивым, не знаю, но те вечера у камина в Подмосковье остались одним из самых прекрасных периодов в моей жизни».

Галина была из тех русских интеллигентов, которые глубоко осознали, с кем будущее России, огромной страны и талантливого народа, чьи силы и способности были скованы столетиями царского гнета. Еще в институте стала симпатизировать большевикам. Знакомилась с дозволенной экономической и недозволенной политической литературой. А вступив в партию большевиков, все свои способности, все свое сердце отдала ее делу.

Теперь она ехала в Китай в качестве жены и помощницы Винарова.

Ни в дальневосточном экспрессе, ни на раутах и вечерах в Пекине, Кантоне, Шанхае никто из ее новых знакомых — дипломатов, коммерсантов, журналистов — не мог догадаться, кто эта милая, начитанная и симпатичная женщина.

...События в Китае разворачивались стремительно.

Хорошо организованные, направляемые и вооруженные Англией, Францией, Америкой и Японией контрреволюционные силы, воспользовавшись изменой Чан Кайши и резким поворотом гоминьдана вправо, развязали террор. Советским специалистам в Китае приходилось работать в исключительно трудных условиях, над ними нависла опасность физического уничтожения. Москва приняла решение отозвать их. Но группа, в которую входил Винаров, осталась. Надо было знать истинные планы империалистических хищников.

Работа в Китае требовала напряжения всех сил, постоянной бдительности и осмотрительности. Винаровы повидали многое, и днем и ночью их подстерегала опасность. Временами казалось, что смерть уже дышит в затылок.

Все три года Галина держалась стойко. Иван ни разу не услышал: «Я устала», или «Я плохо себя чувствую», или «Я хотела бы сегодня немного отдохнуть». Просто она не имела права уставать, чувствовать себя плохо, права отдыхать.

Непривычным было все: чужой язык, чужие нравы, климат и пища. Опаснейшие условия работы. Но задание надо было выполнить, и они выполняли его.

«...Мы выполнили свои задачи по разведке. Центр получал от нашей группы регулярную информацию... Советскому правительству приходилось предпринимать и оно предпринимало все необходимое для защиты своих дальневосточных границ, по ту сторону которых с остервенением точил зубы японский империализм...

«Благодарю за все, возвращайтесь домой!» — передал Берзин. Мы, коммунисты, посланные оказывать помощь этой стране, ее измученному народу, сделали все, что велел нам интернациональный долг... А остальное было делом самого китайского народа».

* * *

Свидетельство высокой оценки работы Винарова — ромб в петлице и орден Красного Знамени, который вручил ему в Кремле М. И. Калинин.

Теперь они могли пожить какое-то время в Москве, среди друзей, забыв о явках, радиосеансах, получив право снова стать самими собой.

Ка́к быстро летели дни!

Винарова ждали страны, лежащие к западу от советских границ.

А Китай оставался в его сердце. Он верил в революционные силы великой страны, верил, что придет час, когда многомиллионный народ возьмет власть в свои руки, прогонит иностранных поработителей.

* * *

Был у Винарова учитель, друг и командир Христофор Интович Салнынь, которого близкие друзья звали Гришей.

Они работали вместе. В одно время выполняли ответственные задания в Китае. Он привык чувствовать его плечо. Жизнь разлучала их и вновь сводила вместе.

Перед его глазами был пример — Христофор Салнынь, чело-

век высокой культуры, широких знаний, понимавший, что главное оружие разведчика — его знания. Он умел учиться и учить этому искусству подчиненных. Любил вспоминать восточное изречение: «Самая длинная дорога начинается с первого шага».

Этот первый шаг бывает иногда очень трудным.

Надо узнать страну, в которой предстоит работать (сколь многозначно это слово «работать», когда оно связано со словом «разведчик»), так, будто ты вырос в этой стране. Знать, как вести себя на деловом заседании, как вести коммерческие дела, как наносить визиты вежливости и деловые, как перевести разговор, если вдруг зайдет речь о вещах, которые коренной житель помнит сызмальства, а ты этого просто-напросто не знаешь. И еще множество других вещей.

Германия, Англия, Франция имели целые поколения разведчиков, которые передавали друг другу свой опыт. Винаров был представителем первого поколения советских разведчиков. Это означало, что он должен был учиться и перенимать опыт с особым усердием.

Иван Винаров вспоминал:

«Работа началась очень скоро после моего приезда в Вену. Разведывательная группа приступила к осуществлению первых заданий. Мы не имели права больше ни на день откладывать их выполнение: империалистические круги... день и ночь плели сеть коварного заговора против Страны Советов».

Этот заговор готовился и усилиями западных разведок, свивших себе в Вене надежные, хорошо замаскированные гнезда.

Их оружием были деньги.

Оружием Винарова являлась сила коммунистической убежденности.

Перед ним стояла цель, которую можно было сформулировать в нескольких словах: какие планы замышляют империалисты против СССР, что́ можно и нужно этим замыслам противопоставить...

...У знаменитого колеса обозрений в венском парке Пратер Винарова ждала встреча с посланцем Центра.

Это одно из самых оживленных мест Вены. Не случайно огромное колесо на высоченной бетонной башне (вторая после собора святого Стефана) — эмблема города; его можно видеть на открытках, зажигалках, портсигарах. Сюда приходят семьями, здесь всегда полно иностранных туристов. Винаров не мог понять, почему именно здесь назначили ему встречу. Он попросил описать внешность связного, ему лаконично ответили: «Он найдет вас сам».

Вот колесо сделало оборот, из гондолы вышел пожилой господин в легком, ладно скроенном костюме и матовых очках,

помог выйти юной спутнице, та вежливо поблагодарила. Винаров отметил про себя: англичане, он годится ей в отцы, она не спешит уходить, похоже, что предлагает покататься еще. На самого же Винарова внимания никто не обращал. Все кругом двигались, стояла на месте только эта пара. Когда он, прохаживаясь, поравнялся с ней, господин обратился к нему по-немецки:

— Не можете ли вы одолжить спички? Моя коробка вылетела из рук, когда мы были вон там,— незнакомец поднял голову, а потом задержал взгляд на Винарове, и у того забилось сердце. Это был Салнынь... Еле слышно он произнес: «Через час на этом же месте».

Винаров не ожидал встретить Салныня. Это был счастливый перст судьбы. Раз приехал Салнынь, значит, работа предстоит серьезная; но с кем же лучше делать такую работу, как не с человеком, к которому относишься не просто с профессиональным — с сыновним уважением.

Иван Винаров, вернее, тот, за кого он себя выдавал, был связан с одной частной фирмой.

Это была фирма, занимавшаяся ввозом сельскохозяйственных продуктов из Балканских стран и зарегистрированная по всем правилам у австрийских властей. Венский коммерсант занимался своим делом. Только все обостренней становилось чувство опасности — кто этот незнакомый горбоносый смуглый и молчаливый мужчина, доставивший новую партию кур? Почему, оформив передачу товара, не торопится уезжать? О чем пробует завести разговор с симпатичной секретаршей и почему время от времени косит взор в сторону хозяина фирмы? Не пожаловал ли к нему под видом сопроводителя груза агент австрийской (а может быть, и не австрийской) службы безопасности? Вот вынул из сумки флягу и неторопливо попивает вино, приятно улыбается, а что у него на уме? Или этот юноша с лихо закрученными усами и внимательным острым взглядом? Или тот господин в котелке, который частенько прогуливается мимо конторы?

Неясная тревога сковывала, лишала уверенности. И приезд Салныня пришелся как нельзя кстати.

Условия работы были очень непростыми. Начавшийся в конце 1929 года мировой экономический кризис охватил почти все капиталистические страны. Под влиянием кризиса международная обстановка крайне усложнилась. Между капиталистическими странами обострилась борьба за рынки сбыта, за сферы влияния, за передел мира. Выход из кризиса империалисты, прежде всего германские и японские, пытались найти на путях подготовки войны против СССР.

Салнынь говорил:

— Обстановка в мире опасная. Очень опасная. Это заставляет нас удвоить, утроить свои усилия.

Задача, выдвинутая Центром, была сформулирована лаконично: внимательно следить за военным проникновением Германии и Италии в соседние с Советским Союзом страны.

Но как нащупать нити антисоветских заговоров, проникнуть в их суть? Винаров узнал, что иностранные посольства для передачи своих телеграмм используют специальный радиотелеграфный отдел почтово-телеграфных учреждений. Их сотрудники в большинстве своем платные полицейские агенты. И все же шифрованные телеграммы проходят через несколько рук, это уже дает какой-то шанс. Нельзя ли установить, где, на каком этапе снижается бдительность «недремлющего ока»? Оказывается, можно: на этапе уничтожения переданных радиограмм. Уничтожение депеш поручено второстепенному техническому персоналу.

Мало кто догадывался, что среди этого персонала появились опытные конспираторы, прошедшие под руководством Винарова специальный инструктаж.

Торговая фирма, получившая лицензию от венских властей, давала возможность ее сотрудникам беспрепятственно пересекать границы Австрии. В вагонах и автофургонах, доставлявших в Вену мясо, овощи, яйца и брынзу из Балканских стран, перевозились и копии закодированных радиограмм. Дешифровкой их занимались многоопытные сотрудники Центра.

В одном из сообщений «коммерсанта» говорилось о том, что в Карпатах открыта секретная шпионско-диверсионная школа, в которую собраны белогвардейские офицеры, сподвижники генерала Кутепова. Их обучают диверсионным действиям на советской территории, убийству партийных и государственных деятелей, сбору шпионских сведений. Обучают лазутчиков на вилле, принадлежащей одному из посольств, и оттуда переправляют их через Днестр на выполнение заданий.

С помощью Винарова удалось обезвредить не одну вражескую группу.

«До моего отъезда из Вены группа полностью выполнила задание. Наши люди, которые работали в секретных радиотелеграфных службах в балканских центральных почтамтах, или же технические исполнители, имевшие непосредственный контакт с ними, могли регулярно снимать копии с шифрованных радиотелеграмм перед их уничтожением. Другие лица получа-

ли эти копии и оставляли их в различных явочных местах... Третьи лица заботились о том, чтобы переправить их через границу...»

* * *

Снова и снова спрашиваю себя: где, в чем истоки феномена неуязвимости таких людей, как Винаров?

Чтобы попытаться ответить на это, надо учитывать многое. И прежде всего то, что людей, которые вошли в историю, всегда отличала одна черта — беспредельная преданность идее. Она возвышала и окрыляла революционеров, открывателей и первопроходцев, помогала преодолевать самые тяжкие жизненные невзгоды, ибо удесятеряла силы, давала новое ви́дение мира, позволяла познать свои истинные возможности. И учила искусству совместной работы.

Коммунистическое представление о товариществе, нашедшее свое выражение в девизе «Один за всех и все за одного», вмещает многое: доверие, чистоту взаимоотношений, готовность пожертвовать не просто чем-то личным, но, если нужно, и жизнью во имя друга. И твердая убежденность, что на твоем месте этот друг поступит точно так же, он просто не сможет поступить иначе. На том фронте, где был Винаров, иные отношения вообще не мыслились, ибо означали не что иное, как шаг к провалу.

Вспоминают, что даже в самые трудные минуты Винаров умел скрывать подавленность, тревогу, плохое настроение, понимал, что чувства могут передаваться от человека к человеку, лишать веры в себя, сковывать волю. В минуты, которые давались ему для принятия решения, действовал, как командир, который безгранично верит в себя, в своих товарищей и не меньше в верность избранного хода — единственного из многих, вызываемых неожиданными обстоятельствами. Никогда не преуменьшал, но и не преувеличивал опасности. Понимал, от воображаемого поражения до поражаемого воображения — считанные сантиметры.

Судьба определила Винарову большую часть жизни исполнять роль коммерсанта. Эдмон Ростан утверждал в «Сирано де Бержераке»:

Нет, на земле не совместимы
Коммерция и добрая душа.

Но как совмещались они в облике Винарова! Насколько закрыта была его душа для врагов, настолько открыта для друзей. Он умел ободрить, дать новый импульс и словом и делом, которые так счастливо гармонировали в нем.

Если сказать двумя словами: его любили. И те, кто командовал им, и те, кем командовал он.

Была строгая, такая важная для страны и ее безопасности работа, построенная на абсолютном доверии друг к другу.

И разве только молодой, быстро набиравшей силы социалистической стране была важна его работа? Разве не означала она вместе с тем борьбу за будущее его родной Болгарии? Борьбу с фашизмом, угрожавшим Европе и всему миру?

В Испании ему выпала честь стать организатором партизанского движения во франкистском тылу. В Чехословакии — проникнуть в тайну нового оружия, которое должно было поступить на вооружение вермахта.

Одним из первых советских людей вступил в борьбу с фашизмом Иван Винаров. Пока еще это была незримая война. Но приближалась война зримая...

Я хорошо знал писателя Василия Ивановича Ардаматского, автора ряда книг о разведчиках-интернационалистах, интересного человека, который не раз встречался с Винаровым.

Во время одной из наших бесед он спросил:

— Доводилось бывать в Болгарии?

— Доводилось,— ответил я.

— И давно?

— В шестьдесят первом.

— Поездили по стране?

— Немного.

— Тогда должны помнить прекрасные дороги, которые пролегли в разные стороны от Софии.

— Конечно, помню. Широкие современные автострады. Один итальянец, путешествовавший со мной, все время удивлялся: потратили столько денег, а за проезд по самому благоустроенному шоссе не берут и стотинки...

— Между прочим, те дороги строило управление, которое возглавил в мирные годы генерал Винаров.

— Знаю... Но до этой возможности созидать ему пришлось пройти долгий путь. Сколько славных дел он совершил в годы войны!

— Я как раз и хотел сказать об этом. С одной стороны, когда требовала суровая обстановка войны, он был разрушителем. Не думаю, что легко сосчитать, сколько мостов взорвали, сколько фашистских эшелонов отправили под откос группы, которыми руководил Винаров. А с другой стороны... в иные дни он показал себя умелым организатором мирного строительства. Потом... Как вы помните, старая, царская Болгария приговорила его заочно к смертной казни, а новая, социалистическая Болгария удостоила высшего звания Героя Социалистического Труда.

Он, если не побояться громких слов, в разные годы по-разному служил избранному им идеалу... только с одинаковой преданностью и страстью.

— Говорят, для того чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть. Вряд ли этот, так сказать, привычный измеритель мог служить закордонному разведчику, ведь времени для узнаваний он имел не слишком много. Ведь не все же его помощники были присланы к нему, кого-то он был обязан подбирать сам. Как же так случилось, что он ни разу не ошибся в выборе?

Василий Иванович улыбнулся. Вспомнил:

— Однажды у нас зашел разговор на эту тему. Винаров ответил односложно и бесхитростно: «Мой черт-хранитель помогал мне быстро узнавать сволочей. Так было и в военной жизни, и в мирной тоже. Человек улыбается, хочет выглядеть приятным, приветливым, расположенным, а я его чую, он мне ясен. Какой-то внутренний голос, который я привык слушать, подсказывает мне — не спеши с ответной приветливостью, посмотри, какие у него холодные и бегающие глаза, не спеши. Я и не спешил. А потом проходил год или три, и тот тип оказывался настоящей сволочью. Случалось, товарищи недоумевали, как, мол, проглядели, как не догадались? А я никому, а только себе говорил: молодец, Ванко, не ошибся. Ты что прячешь усмешку, Василий, хочешь сказать, что эта моя система слишком субъективна и ненадежна? Думай как хочешь. Согласен, согласен, человек проверяется делом. Но узнается предчувствием. И если оно тебя обмануло, если ты, клюнув на внешность и обходительные манеры, доверился недостойному человеку или просто замаскировавшемуся врагу, много может быть бед, очень много».

Мы помолчали, задумавшись. Потом Ардаматский продолжил:

— Действительно, душевное равновесие, способность трезво оценивать события, когда они принимали непредсказуемый оборот, не вешать носа при неудаче были в высшей степени свойственны ему. Но хотелось бы еще подчеркнуть редкую гармонию души и тела — это был воин, прекрасно развитый физически. Он был настоящим спортсменом и, если мне память не изменяет, в юные годы брал призы в крупных соревнованиях. Его любимым видом спорта была легкая атлетика. Хорошо прыгал с шестом.

Летом 1921 года, незадолго до ареста Ванко, плевенское спортивное общество «Спартак» при партийной организации провело отборочные соревнования для определения болгарской команды, которая бы приняла участие в Общеевропейской спартакиаде, намечавшейся на следующий год в Вене. В эту

команду включили и Винарова. Но события приняли иной оборот...

Я не раз возвращался мысленно к беседе с В. И. Ардаматским.

«Нового включения в спортивную команду» Ивану Винарову пришлось ждать ровно двадцать лет. Осенью сорок первого года, когда фашистские армии приблизились к Москве, болгарский патриот Винаров вступил в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения, которая комплектовалась на стадионе «Динамо» и костяк которой составили лучшие советские спортсмены. Однополчанами Винарова стали замечательные мастера — бегуны братья Георгий и Серафим Знаменские, боксеры Николай Королев и Сергей Щербаков.

Не написаны еще книги о подвигах этих и многих других героев, грудью ставших на защиту Родины. Сколько предстоит еще узнать, как важно по крупицам собрать все, что помнят о них соратники!

Иван Винаров был комиссаром интернационального полка ОМСБОНа.

Интернациональный полк бригады особого назначения первоначально насчитывал около тысячи бойцов. Все они были политэмигрантами. Почти треть его составляли испанские коммунисты, покинувшие свою родину после поражения республики. Руководители коммунистических партий делали все возможное для того, чтобы сплотить своих соотечественников-политэмигрантов на борьбу против фашизма.

С большим уважением и симпатией пишет Винаров в своей книге о советских спортсменах, с которыми воевал плечом к плечу в бригаде:

«Сколько раз боевые группы, одетые в белые маскхалаты, отправлялись по ночам, бесшумно скользя на лыжах, в смелые многокилометровые походы по тылам врага, ведя разведку, уничтожая его боевую технику, сея панику в его рядах, взрывая мосты, минируя железные и шоссейные дороги. Они уходили молча, под гром артиллерийского огня и воздушных бомбардировок. И возвращались через день или два. Возвращались далеко не все. Опасные задания неизбежно стоили жизни многим из них. А на следующую ночь уцелевшие, вместе с новым пополнением, снова уходили в тыл оккупантов... неся автоматы, взрывчатку, исполненные мужества. Того несравнимого мужества советского народа, которое принесло победу».

* * *

Иван Винаров скончался 25 июля 1969 года.

У болгарского поэта Павла Матева в стихотворении «Память» есть строфа:

Жар сердец, огонь сражений старых
Греет их и в нынешние дни.
Командиры, политкомиссары
Зажигают мирные огни.

Вспоминает Петко Петков, член БКП с 1924 года, многолетний друг и соратник Ивана Винарова:

«Интересна, необычайно многогранна была жизнь и деятельность Винарова. Созидательный талант его проявился широко и ярко после победы в Болгарии народной власти и перехода страны на рельсы мирного строительства. После Девятого сентября 1944 года Иван Цолович занимал ряд ответственных постов: заместителя начальника Главного управления строительных войск, заместителя министра, министра. Он проявлял себя умелым, знающим и отзывчивым человеком — война не ожесточила, не охладила его сердца. Имя Винарова пользовалось широкой популярностью в народе. Особенно заметно это бывало в Иванов день — день именин Ванко. С утра до позднего вечера шли в его квартиру и знакомые и совсем незнакомые люди. Иван Цолович и Галина Петровна радушно встречали гостей. Каждому находилось место за столом — рядом с генералом сидели мастер, крестьянин из соседнего села или летчик, привезший ему из Советского Союза письма и подарки от друзей.

Много славных дел совершено в Народной Республике Болгарии при участии Винарова. Особенно признательны ему земляки-плевенцы и жители мест, где проходили бои во время русско-турецкой войны. Мемориальные парки и комплексы, скульптурные композиции в честь советско-болгарской дружбы украшают дороги, города и поселки Болгарии.

...В траурные дни июля 1949 года, когда Болгария потеряла великого своего сына Георгия Димитрова, Ванко пять суток провел без сна: он руководил строительством мавзолея. Но и в бессонные ночи он был, как и раньше, энергичен, инициативен и бодр, лишь глубокие вздохи да темные круги под глазами выдавали его скорбь об умершем. Мавзолей, где покоится прах любимого вождя болгарского народа Георгия Димитрова, был готов утром, за несколько часов до того, как началась траурная церемония.

Народ хранит благодарную память об Иване Винарове. Имя его носят заводы, школы, кооперативные сельские хозяйства. И жить этому имени в веках!»

Рассказ старого болгарского коммуниста дополняет один примечательный документ.

«Генерал-лейтенанту Винарову И. Г., начальнику Главного управления строительства шоссейных дорог в Народной Республике Болгарии.

Дорогой Иван Гаврилович!

Президиум Советского комитета ветеранов войны с чувством глубокой признательности отмечает Вашу большую благородную деятельность, направленную на поддержание памятников воинам Советских Вооруженных Сил, павшим в боях с немецко-фашистскими захватчиками при освобождении Болгарии в 1944 г. и воинам Русской армии при освобождении Болгарии в 1877—1878 гг. от турецкого ига.

Президиум Советского комитета ветеранов войны сердечно Вас благодарит и направляет Вам нагрудный знак Советского комитета ветеранов войны, как бывшему полковнику Советской Армии, активному участнику боев за Москву и партизанского движения.

С искренним уважением.

По поручению Президиума Советского

комитета ветеранов войны

Ответственный секретарь Комитета А. Маресьев.

26 мая 1962 года».

Вспоминает полковник в отставке Василий Тимофеевич Сухоруков:

«По совместной службе в рядах Красной Армии я знал генерал-лейтенанта Ивана Винарова около пятнадцати лет. Счастлив, что жизнь помогла встретить такого товарища по работе. В нем слились воедино лучшие черты революционного болгарского народа. Его беззаветное служение делу — воодушевляющий пример для многих поколений. Не померкнет вклад Винарова в укрепление советско-болгарской дружбы, его многогранная работа на благо народной Болгарии, отмеченная званием Героя Социалистического Труда».

Рассказывает Наталья Владимировна Звонарева:

«Жизненные невзгоды не раз подстерегали Винарова, и не только в годы войны. Он прошел сквозь них с высоко поднятой головой. Как и подобает истинному бойцу. У него, как у всякого честного человека, было много искренних друзей. Этот человек, прошедший сквозь суровые годы, был большим оптимистом. И мне приятно сказать, что этот оптимизм его не обманывал».

В семье Я. Я. Петровича, племянника Винарова, хранится альбом фотографий, присланный Винаровым на память.

1920 год. Первая партийная школа в Софии. Среди ее семидесяти слушателей молодой коммунист со спокойным выражением лица, еще не знающий, какие дороги позовут его после этой школы.

1923 год. Москва. Одна из первых фотографий, на которых рядом Галина и Ванко.

Снимки, сделанные в Харбине и Вене, Мадриде и Париже, на фронте под Москвой и в родном Плевене.

1945 год. София. Георгий Димитров сердечно, как брата, приветствует И. Винарова.

25 мая 1961 года Плевен сердечно встречал первого космонавта земли. На переднем плане Галина Винарова, Юрий Гагарин и Иван Винаров. На лицах счастливые улыбки.

Разведчик космический, которого сразу же узнал мир.

И разведчик земной, которого так долго не знали.

Но разве будет преувеличением утверждать, что без таких людей, как Иван Винаров, отдавших жизнь служению социализму, не был бы возможен и тот замечательный полет!

«Наше поколение,— писал Иван Винаров,— свершило все, на что было способно. На долю нового поколения выпал счастливый жребий сделать свою Родину еще более сильной, счастливой и чистой».

Точные, прекрасные слова!

Содержание

К читателям
5

А. М. Василевский
Замечательный пример для молодежи
7

О. Горчаков
Страницы большой жизни
Ян Берзин
13

М. Колесников, М. Колесникова
Вечный огонь интернационализма
Рихард Зорге, Ходзуми Одзаки, Ётоку Мияги, Бранко Вукелич, Макс и Анна Клаузены
39

А. Сгибнев, М. Кореневский
Подвиг генерала
Владимир Заимов
117

О. Горчаков
Дора вызывает Директора
Шандор Радо
139

В. Курас
Под псевдонимом Альта
Ильзе Штёбе
157

А. Бринский
Макс
Юзеф Собесяк
179

И. Падерин

Севастопольские были
Иван Дмитришин

193

А. Сгибиев, М. Кореневский

«Выхожу на связь...»
Фарид Фазлиахметов

223

В. Золотухин

Его линия фронта
Антон Бринский

247

И. Василевич

Разве можно забыть...
Николай Сухов и его друзья

271

Б. Гусев

Двое в землянке
Кузьма Гнедаш и Клара Давидюк

313

Е. Воробьев

Тень Этьена
Лев Маневич

335

А. Кикиадзе

Испытание
Иван Винаров

373

Б53 **Бессмертие.** Очерки о разведчиках. Люди молчаливого подвига. Кн. 1 /Сост. И. Василевич.— М.: Политиздат, 1987.— 398 с., ил.

Это первая из документально-художественных книг о советских разведчиках, партизанах, подпольщиках, патриотах-интернационалистах — борцах против фашизма и войны.

О Яне Берзине, Рихарде Зорге, Владимире Заимове, Льве Маневиче и других героях рассказывают их соратники и друзья, известные писатели и журналисты.

Книга адресована массовому читателю.

Б $\frac{0505030202-193}{079(02)-87}$ 146—87 ББК 63.3(2)7+63.3(0)6

Бессмертие

Очерки о разведчиках

Люди молчаливого подвига

Книга I

Издание третье, дополненное

Зааедующий редакцней *А. В. Никольский*
Редакторы *О. В. Вадеев, А. И. Горшкова*
Младшнй редактор *В. А. Зотова*
Художннк *В. Е. Валериус*
Художестаенный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *Г. М. Короткова*

ИБ № 5981

Сдано а набор 02.02.87. Подпнсано а печать 20.08.87. А 00128.
Формат $60 \times 84^1/_{16}$. Бумага кннжно-журнальная офсетная.
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,25.
Усл. кр.-отт. а бумажном переплете 35,57, а тканеаом переплете 35,34.
Уч.-изд. л. 23,07. Тнраж 400 000 (250 001—400 000) экз. Заказ № 4492.
Цена а бумажном переплете 1 р. 20 к., а тканеаом переплете 1 р. 30 к.

Полнтиздат. 125811, ГСП, Москаа, А-47, Мнусская пл., 7.

Тнпография нздательстаа «Горькоаская праада»
603006, г. Горькнй, ГСП-123, ул. Фнгнер, 32.

